



Герман Фальк

Третий Шанс

12+

Герман Фальк

Третий Шанс

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=63974286

SelfPub; 2021

Аннотация

Автомеханик Коля Афанасьев из 2007 года попадает почти на сто лет в будущее. Изменились города и деревни, уклад жизни, даже язык. А человеческая история раскручивается по спирали. Волею судеб Коля оказывается втянутым и в политические конфликты, и в религиозное противостояние, и даже в настоящие боевые операции. Ему приходится отвечать на вопросы, которые нам, в нашем времени, кажутся теоретическими и философскими. Главное же – к герою приходит осознание того, что действительно важно в жизни, и как стоило жить 2007-ом, как нужно жить в любом времени. Эту книгу я писал в 2017-м, когда вирус ещё не разогнал нас по домам из офисов, а в русском языке не было слово "норм". Некоторые из подобных моих предположений о будущем уже сбылись. Посмотрим, что будет дальше)

Герман Фальк

Третий Шанс

Эта книга не о том, как делать в жизни сложный выбор. Она о том, как жить, чтобы выбор состоялся, чтобы было из чего выбирать.

Поначалу я задумывал «Третий шанс» как роман психологический, для медленного чтения. А в итоге получился «экшн», и чем дальше, тем динамичнее. Всё как в реальной жизни, по себе знаю. Когда человек развивается, мир вокруг неизбежно приходит в движение. Именно так: работаешь над собой, а меняется мир вокруг. И препятствия, которые кажутся незыблемыми («да куда мне», «вот если бы мне дали возможность»), вдруг сначала ставятся под сомнение, а потом просто превращаются в дым. Невозможное становится простым.

Моему герою в некотором смысле повезло: в его судьбе произошел фантастический перелом. Теперь он вынужден «вытаскивать из пассива» и развивать те качества, которых, как ему показалось бы, задумайся он о том, у него нет. Прежняя обыденная жизнь героя требовала от него немного, а он и не хотел от себя большего. Не нужны были ему тогда ни интеллект, ни благородство, ни смелость, ни способность глубоко чувствовать. Но ситуации, одна другой серьезнее, заставили бывшего простого автослесаря читать книги, зани-

маться спортом, а потом и совершить подвиг, потому что по-другому было никак нельзя.

Героя моей книги ожидает много испытаний и потерь, но главное его приобретение – острый интерес к жизни.

В рутинной повседневности, без внешнего толчка, выбрать не диван и сериал, а ежедневное развитие собственной личности – такое под силу не каждому. Но, поверьте, оно того стоит. Нужно просто становиться лучше каждый день. И не упускать шансы.

Часть первая

Он даже не заметил, что это была за тачка. Просто окатила из лужи и исчезла за автобусом. Окатила конкретно – моментально промокли и штаны, и кофта, а под ней даже футболка немного. А ещё обиднее, что промокла сигарета, которую только что достал. Коля, не стесняясь, громко ругнулся вслед машине и швырнул дряблую сигарету на тротуар. Достал другую. Зажигалке от лужи не досталось, она была в правом кармане, поэтому раскурилось легко. Короче, в автосервис, где работал, Коля явился злой.

А ещё вот чего. Когда он уже подходил к воротам, прямо перед ним лихо притормозила ярко-красная «четвёрка» «Ауди». Ну, допустим, «пяtilетка», определил Коля на глаз, но всё равно тачила конкретная. А главное – такая девица из неё вышла! Не сказать, что высокая, но фигурка точёная, мини-юбочка, ботфорты... М-м-м... А буфера! Точно не от-

казался бы. Вон и мужики, кто уже пришёл, все вывалили посмотреть. Мастер Андрюха, само собой, первый подкатил. Разговаривает сразу так типа конкретно, по делу, а сам на жопу всё равно поглядывает. Кобель тоже ещё тот...

Тут мужики заметили и Колю. И заржали, уроды. Коля, мол, говорили тебе, не становись против ветра. Гы-гы, как смешно!

Коля докурил сигарету, попялился на цацу, которая уже что-то вместе с Андрюхой разглядывала под передним крылом (а зачётно нагнулась), и пошёл в раздевалку. В мокрой одежде становилось уже зябко.

Пока переодевался, в раздевалку ввалился Петька в обнимку с термосом.

– Держи, Колька, – Петька, улыбаясь, протянул Коле кружку. – Галка готовит, супер-вещь! Зелёный чай с имбирём, лимоном и мёдом. А то простудишься ещё. И там, это... У «Ауди» этой красной подвеска постукивает, Андрюха её уже на подъёмник загоняет, так что давай, минут через пять подходи, твоя же тема.

И вот так Коля проваландался с «аудюхой» полдня, потом ещё, пока за запчастями ездили, «Фокус» был, тоже подвеска, ещё какой-то ерундой занимался, даже телек в раздевалке посмотреть почти не получилось. Зато у Андрюхи как раз днюха была, и он на обед всех угостил пиццей и тортом. Пиво, правда, зажал, но сказал, что в конце дня можно будет, и убрал в холодильник.

Ну, в общем, вот так день и прошёл.

Зато, правда, закончился день шикарно! Во-первых, за «Фокусом» приехал один очкарик... Ладно, про очкарика отдельно. Главное, Андрюхе надо было уходить в шесть, а деваха за «аудиухой» очень просила сегодня ей машину отдать, но приехать могла только после семи, и Андрюха подпряг Колю, чтобы тот отдал машину клиенту. А по факту получилось, что обоим.

Деваха приехала без десяти семь. И как-то так Коля ей мастерски машину на подъёмнике сначала показал, потом так хорошо вместе проехали, что Лариса (так её звали) предложила подвезти Колю до дома, поскольку он и так уже из-за нее задержался. Ну, вообще-то, он, бывает, и до десяти работает, но сегодня как раз график был до шести. Попёрло, короче.

Лариска оказалась классной! Работает каким-то там где-то маркетологом, на «аудиуху» сама заработала, в кредит, правда. Весёлая такая. До Кузьминок ехали час, и она всю дорогу чего-то щебетала, Коля не успевал слово вставить. А чего? Он на себя в зеркало перед выездом посмотрел – очень даже. Рост метр восемьдесят, волосы зачёсаны назад, плечи широкие... Живот, правда, уже приходится втягивать, но в кофте навывпуск почти незаметно. И вообще, девушки Коле часто улыбаются, с некоторыми даже можно замутить, если место найти. Не совсем за так, конечно, получается, им же всё равно цветочки-шампусик надо, а то как-то нехорошо.

Телефон Лариса, правда, не оставила, но зато Колин записала.

А пока он её ждал, как раз приехал очкарик за «Фокусом». Коля сидел на скамейке у сервиса и пил пиво. Достал пачку, но сигареты, как оказалось, закончились. Тут и материализовался этот ботан. Неожиданно как-то возник. Сел рядом, протянул пачку. Коля взял сигарету, потом очкарик вытащил себе. Закурили.

– Пива хочешь? – спросил Коля.

– За рулём, – очкарик вздохнул. – А так-то коньячку бы с удовольствием. У нашего профессора на кафедре целый шкаф коньяка. Пациенты тащат.

– Может, чаю?

– Угу, – кивнул очкарик, – это можно, спасибо.

Коля быстро сбегал в подсобку, слава богу, чайник только вскипел, получилось быстро.

Закурили ещё по одной.

– Тяжёлый день был? – спросил Коля.

Очкарик кивнул.

– Чем занимаешься-то?

– Да, – очкарик махнул рукой, – в НИИ одном. Проблемами мозга занимаемся. Сложная это, Николай, штука.

Коля вздрогнул: он же вроде имени своего ботану не говорил. Очкарик усмехнулся и жестом указал на бейджик на Колиной робе.

– Кеша, – весело представился он и протянул Коле руку.

Ну, вот так и познакомились. Вообще-то к интеллигентам Колю не тянуло, нудные они. Но Кеша вроде как ничего был. Молодой ещё, лет двадцать с небольшим, не испорченный. И ездит вон на старом «Фокусе», не избалованный. Не то, что эти, бывают, которые типа из «золотой молодёжи». Конечно, дети олигархов в их сервис не заезжают, зато у тех, кому папы купили подержанные «Мерсы», понтов на сотню олигархов хватит.

– Ну да... Замудрёная штука мозг, – согласился Коля. – И что, ваш профессор сильно вас гоняет?

– Да нет, – Кеша пожал плечами, – сами себя гоняем. Трое суток не спал, а пролетели как час, – он чуть наклонился к Коле и тихо произнёс: – Готовим эксперимент по полному сканированию мозга.

Коля хотел спросить: «Это как?». Но произнес другое:

– Зачем?

– Представь: содержание мозга можно записать в компьютер, а потом полностью восстановить, например, в другом теле! Допустим, человек смертельно болен, а его сознание переносится в тело здоровое...

– Типа как в компьютерной игре «сохраниться»?

Кеша внимательно посмотрел на собеседника.

– А вот такая аналогия мне в голову не приходила... Хотя, да! Например, солдат при выполнении смертельно опасной миссии... или разведчик, раздобывший ценную информацию...

О-о-о... Да его сейчас понесёт! Фанатик, что тут скажешь.
Ботаник-фанатик.

– И чё, кому-то так мозг пересадили уже?

Кеша, который уже было воодушевился своими фантазиями, как-то ошалело посмотрел на Колю и отрицательно покачал головой.

– Нет пока. Сегодня только ещё аппарат для сканирования настроили. Потом ещё сканировать, исследовать результаты... Да и до технологий переноса ещё как до Луны. В компьютере бы для начала мыслеобразы распознать. – И вдруг он посмотрел на Колю, будто бы первый раз увидел: – Не хочешь поучаствовать в эксперименте?

– Чё? – Коля сначала немного опешил, но сразу же сообразил: – А-а, типа в моих мозгах покопаться?

– Как хочешь, – Кеша пожал плечами и усмехнулся. – В принципе, найдём мозги для эксперимента. Даже бесплатно.

– В смысле, а вы...

– Ну да, – Кеша наклонился к Коле почти вплотную и тихо, со значением, проговорил: – Бюджет на исследования выделили просто шикарный! Ты за сканирование тысяч десять мог бы получить.

Вот тут Коля офонарел. Половину месячной зарплаты за...

– Так, Кеша, давай ещё раз. Вы там электроды в мозги совать будете?

Кеша рассмеялся.

– Да ну, что ты, нет, конечно! Просто такой шлем с проводами на голову наденут, и минуту сидеть неподвижно надо будет. И всё.

И Коля согласился. Договорились на утро завтрашнего дня, чтоб не передумали, хотя Коля всё равно боялся, что за такие бабосы своих подгонят, а ему откажут. Кеша оставил адрес, где сканировать будут, написал свой телефон и ука-тил.

Потом приехала Лариса за тачкой своей, ну так, в общем, и день к концу подошёл. А с Лариской было классно! Весёлая, лёгкая! И ножки, конечно, супер, и всё остальное. Жаль даже, что доехали всего за час, так бы и катался с ней. Пошутил ещё в конце: «Ну что, ещё кружок?». Но она там с какой-то подругой встречалась, короче, оставил ей свой телефон и пригласил в кафе. Вот, кстати, Кешина десяточка и пригодится. Гульнуть можно так, что потом приятное продолжение вечера практически в кармане!

Когда пришёл домой, «Поле чудес» уже закончилось, да и хрен с ним. На кухне по телеку уже шла программа «Время», или как там она теперь называется. Аня, жена, была домашнем халате, ну, такой не длинный, но и не сильно короткий, так, колени чуть прикрывает. Она чмокнула Колю в губы, а он ущипнул жену за попу. «А ничего у меня Анька-то! Ещё даже очень! Но, как говорят, жена – это хлеб, но иногда можно и булочками побаловаться».

Машка сидела в большой комнате и смотрела мультик по видику. Жили они в «двушке», поэтому большая комната была и их с Анькой спальней, и гостей в ней принимали, ну и так, когда все вместе, в ней тусили.

– Эй! – весело прикрикнул он. – А ну марш отца встречать!

– Папа! – закричала Машка, не отрываясь от телевизора. – А мне три годика!

О как! «Р» научилась выговаривать. Аня улыбнулась, заглядевшись на дочку, а Коля пошёл переодеваться.

– Есть будешь? Фу-у... Опять пиво пил?

– Да я чуть-чуть, Аньк! – Коля выпалил это машинально, но, если по-чесноку, то без зазрения совести. – У Андрюхи днюха сегодня, ну мы, короче, после смены... Но только пива!

– Да ладно, – Анька махнула рукой, – всё ясно с тобой.

Но видно было, что не сердится. Ну, а чего, не пьяный же пришёл. Анька отправилась на кухню собирать на стол, бросив на ходу: «Хоть с дочкой посиди». А чего с ней сидеть-то? Вон она, в телек уставилась, хоть хлопושки над ухом хлопай, даже не заметит. А всякие там поиграть или «позаниматься с ребёнком» Коля даже не знал, как. Да и вообще, в садике они и играют, и занимаются, а тут пусть хоть дома мультики свои посмотрит. И вообще спать ей пора.

Коля вошёл на кухню и уселся на табуретку. На сковородке шкворчала жареная картошка, Анька помешивала в ка-

стрюле суп, который сварила на завтра и послезавтра. По телевизору начинались новости. Коля взял было пульт, чтобы сделать погромче, но Анька вдруг сказала:

– Сегодня на Машку отличные резиновые сапоги видела, – она вздохнула. – Три тыщи.

– И чё, не купила?

– Ну... – Аня замялась. – Если ничего больше не найду, то эти... Дорого, конечно, но они правда суперские.

– Я принесу завтра пять тыщ, – вдруг неожиданно для себя самого выпалил Коля. – Так что иди и покупай.

– Халтуру, что ли, нашёл? – спросила Аня, не поворачиваясь. – Совсем поздно завтра придёшь?

Вот кто его за язык тянул? Мог бы... Да, хотя, чего, с Лариской и на пять штук в рестик затусить можно, ну, и потом, она же пока ещё не позвонила, может, вообще не позвонит, а тут семья, сапоги для ребёнка, всё такое... И тут Коля опять сам себя удивил.

– Вообще-то они там десятку обещали, если всё хорошо пройдёт, – бросил он небрежно.

Аня обернулась, лицо её стало испуганным.

– Ко-оль... – протянула она. – Это кто такие «они»?

– Ну, там, один очкарик сегодня приезжал, они, в общем, мозги исследуют. Ну, короче, и предложили мой мозг сфотографировать за десятку. Говорит, бабла им немеряно на эксперимент дали, ну вот...

– Десять тысяч?!

Коля небрежно кивнул.

– Коля! – воскликнула Аня. – Ты понимаешь, что такие деньги за просто так не предлагают?! Что ж очкарик сам себе мозги за такие деньги не сфотографирует?! Коль, это разводка какая-то. Мы сапожки-то так как-нибудь справим...

Ну, и там больше пошёл прогон, что, мол, если бы всем такие деньги раздавали за тупо «сфотографироваться», то они бы давно своих родственников натащили, что это точно либо разводка, либо там что-то опасное, про рак мозга и всё такое. И никакие там уверения, что, мол, я сначала всё проверю, – ну никак. Ни в какую.

* * *

А утром Коля отправился в НИИ.

Было страшно. Всю ночь он не спал, ворочался. Анькины слова про рак мозга не шли из головы, ну, и нафантазировал разного. Но как представлял, что они на десятку покупают сапоги Машке, а потом Аньке... Не, на эти деньги приличные сапоги можно взять, ещё на погулять останется. А что потом ещё от рестика останется, Коля Аньке отдаст. Типа в семейный бюджет. Ну, и вот с этими фантазиями страшилки про рак мозга как-то на второй план задвигались. В общем, до полшестого Коля промаялся без сна, потом встал, побрился и поехал. Даже есть не хотелось.

Аня только просыпалась, когда он уходил. А Машка дрых-

ла, высунув из-под одеяла ногу... И так смешно волосы по подушке раскидались, Коля аж умилился. Подошёл, поцеловал дочку в щёку, тихо сказал Ане: «Пока». И быстро ушёл.

Нет, волновался всё-таки. Попытался про Ларису подумывать, но не думалось. И про рак мозга не думалось, и вообще ни про что. Только страшно стало, аж накрыло.

Ну, а дальше приехал в этот НИИ, набрал внутренний номер Кеша. Тот через пять минут спустился. Покурил, пока Кешу ждал, два раза. Потом ещё вместе покурили.

А потом потащил его Кеша к одному врачу, к другому врачу, то-сё, ухо-горло-нос, присядьте-прилягте, достаньте нос кончиком пальца, короче, как в военкомате. Так закрутили, Коля даже отпотел немного. А потом обрили. Реально, наголо. Типа, чтобы электроды плотно прилегали.

Как врачи закончились, Кеша привёл его в комнату, там были ещё двое таких же очкариков и лысенький мужичок в белом халате. Профессор, наверное, тот самый. В общем, у Коли опять сердце в пятки, уже ничего не соображал, лишь бы быстрее. Видеокамеру ещё поставили! Да ну, жалко, что ли, наоборот, свидетельства останутся, если что, надо только под каким-нибудь предлогом копию потом попросить плёночки-то.

А они, как назло, чего-то ещё тянули. И между собой что-то там перетирали, с Колей не разговаривали совсем. Даже как-то момента не было, чтобы спросить про рак мозга. Ну, там, ручки крутили, на приборах что-то настраивали,

на компьютерах таблицы гоняли. Пока то да сё, один очкарик попросил Колин паспорт, переписал данные в какой-то бланк, потом велел расписаться и (вот оно круто!) сказал, что сразу потом проводит его в кассу, где Коле дадут десять тысяч. Ну как же, всё официально, не шарашкина контора! В бланке, правда, Коля увидел сумму чуть больше, но очкарик что-то там пробухтел про подходящий, а потом Кеша потащил Колю к приборам, и Коля напрочь забыл про ведомость и про налог. Быстрее бы всё закончилось, чтобы получить свою десятку и валить отсюда. Завтра у Коли выходной, поведёт семью покупать сапоги.

За мыслями о сапогах он даже не заметил, как его усадили в кресло, бритую башку намазали каким-то гелем, налепили присосок, потом сверху стала опускаться... Ну вот откуда в голове это слово вдруг всплыло! – полусфера.

И... как бы сказать, не засыпал... Хотя, нет... В последний момент Коля поймал на себе взгляд Кешы. Пронзительный и... добрый что ли... А потом как будто этот взгляд замутился на секунду. Хотя до этого, вроде, тряхануло, как от удара током, но больно не было. Наоборот, лёгкость какая-то в теле появилась, захотелось вскочить и попрыгать, размяться. Коля поворочался в кресле. Волосы на голове? Обрили же, вроде... Или в мозгах всё же покопались? И вот тут как бы должно стать страшно, но мысли просто путались. Ну, не в коме же он... Хотя чёрт знает, что у этих медиков-экспериментаторов... А страшно так и не делалось.

Коля сфокусировал зрение.

Перед ним стоял... дедушка Кеши? Те же черты лица, тот же взгляд, что и секунду назад. Только стал старенький, как будто ему сто лет, не меньше. Очки в оправе такой толстой, сейчас, вроде, уже не носят такие. Из-за его спины выглядывала девушка. Очень красивая! Высокая, черты лица такие хорошие, русские... А, вот правильное слово: утончённые. Тёмные волосы и стрижка каре такая аккуратненькая. Чуть поодаль внутри висящих в воздухе графиков топтался высокий парень типа очкарик, только без очков. И все в белых халатах. Стоп, Коля. Какие ещё «висящие графики»?

Но графики просто высвечивались прямо в воздухе. А в комнате изменилось... всё! Другая мебель, другое... всё! И были-то они в НИИ на восьмом, кажется, этаже, а здесь прямо за стеклянными стенами начиналась лужайка, а за ней блестела широченная река.

– Это что за перестановочки? – пробормотал Коля.

– Ну, здравствуй, – сказал дедок, чётко выговаривая каждое слово. – Сто лет не виделись.

– Профессор, – подала голос девушка, – ему, может, поспать? Или, может, наоборот, взбодрить?

«Ох, шас встану и всех тут взбодрю!» – подумал Коля, но сказать ничего не успел, потому что стоящее у стола кресло бесшумно подъехало точно под задницу деду, и тот, даже не оглянувшись, присел.

– Добро пожаловать в будущее, Коля, – проговорил дед-профессор.

– Куда?! – Коля ошалело блуждал взглядом по комнате. – А где Кеша? – спросил он уже дрожащим голосом.

Дед усмехнулся.

– Эх... давно меня так не называли. Нынче-то всё больше Иннокентием Аристарховичем. Сейчас две тысячи девяносто восьмой год, Коля, и мне уже сто пятнадцать.

Кресло с дедушкой подъехало вплотную. Профессор посмотрел на Колю, как тогда в НИИ, пронзительно и по-доброму, только теперь в его глазах была ещё и... как же правильно сказать... Столетняя усталость.

– Предвосхищаю твой вопрос: мы не перенесли тебя в будущее. Мы отсканировали твой мозг, взяли образцы тканей и сохранили данные. А сейчас, под конец века, когда появились технологии, мы восстановили тебя здесь. Тот Коля, из две тысячи шестого, получил свои десять тысяч и отправился домой. И на следующий день купил дочке и жене сапоги.

«Ой, откуда они про сапоги знают...»

– Нет, – дедушка Кеша засмеялся, – не копались мы в твоих мозгах. Просто созванивались и много раз виделись после сканирования. Я у тебя ещё лет десять потом свои машины ремонтировал. Хотя, чтобы нагляднее было...

Вдруг окна плавно затемнились (вот просто так стёкла почернели), и посреди комнаты появилось кино. Так же, как графики, – из ниоткуда, трёхмерное. Вот Коля с бритой баш-

кой садится в кресло... молодой Кеша прикрепляет на голову присоски... на голову опускается полусфера... и дальше минуты две никто не шевелится... А потом полусфера поднимается, все пожимают Коле руку, и он вместе с Кешей выходит из поля зрения камеры.

Следующий кадр, уже со звуком. Та же комната в НИИ. Тот же Коля, только на голове уже «ёжик». Тот же молодой Кеша.

– Здравствуй, Коля! – Кеша радостно улыбается. – Как дела?

Коля равнодушно пожимает плечами:

– Да нормально всё.

– Когда мы делали сканирование мозга, помнишь?

– Ну да, – кивает Коля, – на той неделе в пятницу.

– Как себя чувствуешь?

– Да, Кеш, нормально я себя чувствую! – видно было, что Коле эти разговоры очень скучны. Ну, а чего там спрашивать – сфотографировали мозги, честно заработанное выдали, всё нормально, разошлись.

Кино исчезло, а стёкла опять стали прозрачными.

– Ну вот так, Коля. Этой записи девяносто два года. Мы её обработали, конечно... Ой, прости, не представил моих ассистентов. Милена и Ли Сы.

Коля, засмотревшийся было на девушку, сделавшую лёгкий реверанс, повернул голову к парню, затерявшемуся среди графиков.

– Ли кто?! Типа китаец?

Парень улыбнулся и спокойно пояснил:

– Так звали папиного боевого товарища. И когда я родился, ещё не сошла на нет мода китайские имена давать.

– Мода давать китайские имена? – ошарашенно переспросил Коля.

Ли Сы открыл было рот, чтобы, наверное, пояснить что-то про моду, но дедушка Кеша быстро его перебил:

– Вот что, Коля, давай-ка ты тут немного обживёшься, привыкнешь к новому для тебя миру, а дальше посмотрим, что да как. Миленочка, можно вас попросить: покажите молодому человеку, во что мир превратился за время его вынужденного отсутствия. А я, с вашего позволения, вернусь через пару дней, ну и дальше, как говаривали в наше время «будем посмотреть».

Дедок бодро вскочил с кресла, пожал ошалевшему Коле руку и вышел из комнаты, а кресло откатилось обратно к столу.

Коля тоже поднялся на ноги.

Миленка стояла, прислонившись к стене и скрестив руки на груди, смотрела на Колю и улыбалась. А халатик-то не сильно длинный, наконец, заметил Коля, и ножки... Да что там, идеальные! Ну, и всё остальное тоже супер. А Ли Сы продолжал бродить среди графиков. Ну чего ему тут упёрлось? Дедушка же сказал чёрным по белому – Миленка покажет, а ты гуляй, очкарик без очков. Или это типа уже рев-

ность?

– Николай, – подала голос Милена, не меняя позы, – прогуляемся?

– Давай, – откликнулся Коля, – веди.

Милена кивнула и, не говоря ни слова, направилась к выходу. Коля попёрся за ней, не отрывая взгляда от её попы. Реально зачётная девочка! Спасибо, бабушка!

Они прошли по коридору, по лестнице поднялись на второй этаж, Коля даже немного запыхался.

– Иннокентий Аристархович здесь всё обустроил, как он говорит, по-старому. Поэтому лестница обычная.

– А бывает необычная?

– Вообще-то везде... как это в ваше время называлось... что-то похожее на... а, вот! *Эскалаторы*. И перестаньте заглядывать мне под халат!

– Да я это... – Коля смутился. – А у вас в будущем что, глаза на затылке?

Милена вздохнула.

– Не смотрела я. А что, угадала? Вы просто в точности такой, как описал Иннокентий Аристархович, – и она засмеялась.

Они подошли к двери, Милена легко ее толкнула, и та открылась... Кстати, тут совсем не было дверных ручек.

– Проходите, Николай, это на ближайшее время ваша комната.

Коля вошёл, огляделся. Ну... комната как комната...

Круглый стол, несколько кресел на колёсиках, дверь поуже, наверное, в ванную. Деревянное всё... Ну, ничего так...

– А где телек и кровать?

– Простите?

– Ну... телевизор. Кино смотреть там, новости... А кровать...

– А-а, – Милена опять засмеялась, – простите. Телевизор есть, просто никогда не слышала слова «телек». Смешно. Можно, тоже буду использовать? А кровать трансформируется из кресел, когда понадобится.

– И это, – спросил Коля, осмелев, – как сделать, чтобы стул под жопу подъезжал, как у дедушки Кеши?

И осёкся. Всё-таки с ним приличная девушка, а он – «жопа». Фильтровать базар надо. Но не извинился.

– Провода в мозги придется вставить, – спокойно, но с явной иронией ответила Милена, и, видя Колино замешательство, добавила: – Позже объясню.

Она сделала паузу, а потом задумчиво проговорила:

– Значит, кино хотите посмотреть? Может, так и лучше будет... Клин клином, а стресс стрессом... – И, повернувшись в угол комнаты, скомандовала: – Последний фильм о Джеймсе Бонде, пси-уровень два.

– Может, нашатыря принести? Или просто по щекам нашлёпать?

Фильм уже закончился минут пять как, а Коля всё ещё

сидел в кресле, вцепившись в подлокотники побелевшими от напряжения пальцами. Это было... охрененно. Он затруднялся подобрать правильное определение того, что он только что видел... И дело было не только в незнакомых ему типах транспорта или оружия. Гляделось-то как банальная фантастика от больного умом сценариста. И не в скорости, с которой герои думали, принимали решения, говорили и просто двигались. Он не смотрел на экран, он был внутри действия! События происходили перед ним, за ним, над и под, граната взорвалась у самых его ног, он падал с огромной высоты, его выбрасывало в открытый космос, и тогда у него перехватывало дыхание... Ему было страшно и смешно, интересно и скучно, он чувствовал то возбуждение, то усталость так, как будто это были его собственные переживания!

– Впечатлило? – с улыбкой поинтересовалась Милена. – Ну, давайте, уже приходите в себя. А то правда нашатыря понюхать дам, – произнесла она с шутливой угрозой. – Просто это технологии, которых в ваше время не было. Это не только объемное изображение, главное – воздействие на мозг. Правильно модулированные электромагнитные и акустические волны заставляют вас испытывать эмоции, ярче воспринимать звуки и даже чувствовать запахи, а еще они воздействуют на вестибулярный аппарат. Отсюда реалистичность переживаний. Поэтому современные фильмы обычно длятся от сорока минут до часа, иначе будет слишком большая нагрузка на психику и вообще на организм, – Милена сдела-

ла паузу и вздохнула. – Иннокентий Аристархович говорит, что в наше время всё происходит на высокой скорости, а в ваше время всё спокойнее было.

Коля пожал плечами.

– Да у кого как насчёт спокойствия. У кого карманы от денег не закрываются, им, наверное, спокойно... Хотя, к нам на сервис, бывает, такие приезжают, вот вроде думаешь – ну, мужик, ну, у тебя ж всё вообще зашибись, тачка крутая, девка рядом нормальная, без закидонов, работа, все дела... А он всё чё-то дёргается. Да и Кеша сам, я его всего пару раз видел, но он впечатление спокойного не производил.

Милена ничего не ответила, просто покачала головой.

Опаньки! Коля вдруг сообразил: он про сервис рассказывает так, будто все еще там работает. Будто у него вроде как экскурсия в будущее. «Я чё, старый сейчас?» – вдруг пронеслось у него в голове. Но артрита и подагры вроде не ощущается, руки-ноги – все нормально. «Коля не тормоз, просто Коля в шоке», – сказал он сам себе, может быть, и вслух.

Милена теперь была одета в нежно-желтое платье с рукавами по локоть и свободной юбкой чуть ниже колена, и в лёгкие сандалии. Охренеть сексуально! Коля прямо-таки почувствовал, насколько.

– Может быть, прогуляемся? – прервала его размышления Милена, наверняка, правильно расценив его блуждающий взгляд. – И поужинаем.

Коля хотел было посмотреть на часы, но часов на запястье

не оказалось.

– Ваш хронометр мы не стали восстанавливать, – пояснила Милена. – По правде сказать, и с одеждой-то не так просто получилось. Но Иннокентий Аристархович попытался подобрать что-то близкое к тому, в чём вы были во время сканирования. Задолго готовился – когда я пришла сюда работать пять лет назад, весь гардероб для вас уже была пошит.

Лишь сейчас Коля обратил внимание на то, во что был одет. Кофта, джинсы, куртка – всё выглядело как тогда, когда он пришёл в НИИ к Кеше. Но только теперь он вдруг заметил, что всё какое-то... удобное, что ли. Даже кроссовки были как по мерке сшиты.

И ещё он понял, что, наконец, начинает верить в то, что всё по-настоящему.

Они спустились по лестнице и вышли наружу. Здание при взгляде извне оказалось трёхэтажным кирпичным особняком, стоявшим неподалёку от широкой реки. Первый этаж был полностью застеклён, а на втором была огромная веранда, тоже с окнами от пола до потолка. Каких-либо серьёзных строений вокруг не наблюдалось, только лужайка, лес и река. И людей почти не было, лишь Ли Сы и ещё один мужик лет пятидесяти беседовали за столиком, накрытым прямо у реки, да возился лодочник у небольшого причала, к которому были пришвартованы две небольшие яхты и три вёсельные лодки.

Река была очень широкой. Очень. По ней, немного пока-

чиваясь, шла красивая белая яхта с поднятыми парусами.

Откуда-то из леса поднялся необычный серебристо-голубой вертолёт. Коля уже догадался, что будет дальше. Это же пинг! В жизни он был похож на каплевидный микроавтобус с короткими крылышками на крыше, на каждом крылышке вращался небольшой винт. Пинг поднялся практически бесшумно, слышался лишь тихий шелест лопастей. Потом крылышки стали шире и вытянулись, винты поменяли угол наклона так, что вертолёт превратился в самолёт, а потом он поднялся ещё выше, винты совсем спрятались, крылья вытянулись ещё, и аппарат заскользил по небу, как планер. Коля провожал его взглядом, пока тот не скрылся за деревьями.

Конечно, в фильме он увидел много таких штукювин, а привычных ему машин и автобусов там не было совсем. Но теперь он наблюдал пинг вживую и испытывал уже не шок, а... как бы сказать... Коле было красиво.

– На лодке грести умеете? – вдруг спросила Милена.

Коля неуверенно кивнул.

– Мил, давай на «ты», а? Ладно? А на лодке... ну-у... можно попробовать. А она что, вообще без мотора? Ой! – вдруг спохватился Коля. – А мы вообще где? Это ж не Москва!

– Уже заметили? То есть, – Милена рассмеялась, – заметил. Вообще-то у нас так быстро на «ты» переходить не принято... Но Иннокентий Аристархович предупреждал...

– Что он ещё предупреждал? – буркнул Коля, немного даже обидевшись, рассердившись.

– Предупреждал, что культурный...

– Стой. Я чё, бескультурный, что ли, по-вашему?

– Николай... Коля... – Милена взяла его за локоть. – Позволь договорить. Культура вашего времени и нашего разная. Сейчас, в конце двадцать первого века, обращения на «ты» не так распространены, как девяносто лет назад. Но – давай попробуем, – и она мягко улыбнулась.

Вообще, заметил Коля, она часто улыбалась, и каждый раз это было без рисовок, в тему. Тут Коля немного напрягся. Как-то не вписывались слова «типа», «чё», «охренеть» и что там он ещё нёс, в идиллическую картинку счастливого будущего с продвинутой культурой. Ладно, разберёмся.

Тем временем они достигли причала. Милена прошла чуть вперёд, приветливо кивнула лодочнику.

– Ну что, молодой человек, – она остановилась у одной лодки и обернулась к Коле, – прокатите девушку?

– А что, они сами не ездят? – усмехнулся Коля. Хотел, чтобы получилось ненапряжно, но вышло немного нервно. – Обязательно гребсти надо?

– Да! – Милена уверенно кивнула, потрянув своим каре. – Надо *гребсти*. Здесь всё по-старому, как в твоё время и тысячу лет до того.

И Милена, не дожидаясь, когда Коля поможет, легко, почти невесомо вскочила в лодку и пристроилась на банке¹ на корме. Коля уже даже не помнил, когда садился на вёс-

¹ Скамья в лодке

ла, и потому, пока забирался, пока устраивался, пока укреплял вёсла в уключинах, несколько раз чуть было не перевернул лодку. Милена только улыбалась, лишь один раз весело взвизгнула, прикрыв ладошкой рот.

Кое-как Коля догрёб, ну, конечно, не до середины реки, но уже на какое-то более или менее прилично расстояние от берега. Пока он разобрался, что и как делать с вёслами («ща, момент, я просто давно на лодке не катался, надо вспомнить, чё тут к чему»), пока приноровился не бить бессмысленно по воде и не шаряхать брызгами, пока понял, как разворачивать и направлять лодку, прошло, наверное, полчаса.

– Красиво здесь, – вдруг сказала Милена, которая всё время до этого молчала, и Коля истолковал это как сигнал, что можно немного отдохнуть. Он уложил вёсла на скобы и откинулся на банке, ухватившись руками за борта и потягиваясь всем телом. Милена смотрела то по сторонам, то на Колю, впрочем, не задерживая на нём взгляд. – Красиво, – повторила она. – Уже пять лет здесь работаю, всё никак не могу привыкнуть.

– А нихреновая у тебя работа, – Коля заулыбался. – С мужиками кино смотреть да на лодочке кататься.

Уже сказав это, Коля вдруг сообразил, какую пошлость он сейчас выдал, но Милена как будто не заметила.

– Я и без мужиков могу, – спокойно проговорила она. – И с мужиками.

Коля чуть было не ляпнул очередную глупость, которая

уже почти сорвалась с языка (девушка Коле определённо нравилась, поэтому любое упоминание о мужчине рядом с ней он уже воспринимал лично), но метрах в ста от них прямо из-под воды появилось нечто серебристое и каплевидное. А потом, как Коля уже видел в кино, каплевидное превратилось сначала в вертолёт, потом в самолёт, потом в планер и скрылось за деревьями.

Милена проследила за Колиным взглядом.

– Нравится? Если будешь хорошо себя вести, покатаемся как-нибудь. Можем в Москву съездить.

Коля, как смог, нахмурился.

– Ага. Воспитательница нашлась!

Милена ничего не сказала, пожала плечами и отвернулась.

– Ми-ил, – протянул Коля, – не обижайся. Расскажи о себе лучше.

Она вздохнула.

– Ну ладно. Сегодня не обижаюсь, но завтра в подобной ситуации уже буду. Давай уж к берегу, а то смеркается. За ужином ещё поговорим, если хочешь.

Кое-как Коля догрёб до пристани, руки уже просто отваливались и попа от долгого ёрзанья по деревянной лавке гудела. Милена отправила его принять в душ и одеться к ужину, а сама упорхнула. И ещё сказала, что Иннокентий Аристархович здесь всё сохранил «по-старому», поэтому Коле всё придётся делать вручную. Коля ухмыльнулся, мол, что поделаешь, он и так всю жизнь всё вручную. Зато в холо-

дильнике его дождалось немного холодного пива, а после ужина и на ночь можно даже по сигарете.

Сигареты! Ох, как его унесло-то, он и не заметил, как хочется курить!

Коля вошёл в свою комнату и плюхнулся в кресло. Было удобно, да кресло ещё как-то само подстроилось под него...

Ну что тут скажешь... Шок! Но, надо сказать, всё круто! Как ни странно, в то, что он в будущем, поверилось легко. И молодой, а не дряхлый старикашка. И Милка такая девка зачётная! Ну и нос от него не воротит. Конечно! У неё ж тут вокруг одни аспиранты, а он такой нормальный, типа мужик настоящий, тем более, из прошлого, экзотика. Может, и выгорит чего.

В холодильнике и вправду, помимо воды и соков, оказался небольшой бокал пива, совсем бокальчик. Коля радостно, жадно глотая, осушил его и направился в ванную.

Он с необъяснимым для себя удовольствием поплескался в душе, а ведь не любил никогда, бывало, по несколько дней старался туда не заглядывать, ну, если не сильно потел. А в шкафу обнаружился целый гардероб, и вся одежда была точно по Колиным меркам! Он выбрал светлые брюки, синий пиджак, голубую сорочку и коричневые туфли. Так примерно один мужик одевался, который к ним сервис на двадцатилетнем «Бентли» приезжал.

Столик был накрыт прямо на берегу. Честно говоря, Ко-

ля за временем не следил, и когда пришёл, начинался закат. Милена была уже здесь, она прохаживалась вдоль кромки воды, и она была... она была прекрасна! Все эротические фантазии отошли на второй план, и Коля ощутил давно забытое чувство чистой романтики. Темно-синее платье Милены не было обтягивающим, не было коротким, но прекрасно подчёркивало идеальную фигуру, и жесты её... Коля вдруг отметил, что все её жесты были быстрыми и точными, и они были такими и сейчас, но он вдруг увидел, какие они... Какая она вся мягкая и женственная.

У ног девушки крутился щенок непонятно какой породы, но такой, немаленький. Когда вырастет, будет здоровенный пёс. Щенок подбегал к воде и тут же отпрыгивал от набегающей волны, смешно тряся мордахой.

«А ведь я, наверное, минут сорок в кресле балдел да в ванной плескался. А то и больше», – подумал Коля. Он ожидал, что Милена как-то фыркнет про опоздание, но она лишь обернулась к нему и мило улыбнулась.

– Сегодня я угощаю, – она указала жестом на стол. – Борщ сама варила, оливье тоже сама делала... Горячее только не успела, наш повар Фёдор Пекинович готовил.

– Пекинович?

– Ну да, Пекинович. Родителям его папы китайские имена никак не нравились, никакие, вот в честь столицы Китая назвали.

– Чёрт те чё! – Коля по-доброму рассмеялся и плюхнулся

на стул. Милена удивлённо вскинула бровь, но потом вздохнула и опустилась на стул напротив. Блин! Сначала же дама садится! Но подумал об этом Коля запоздало.

– Ну что, молодой человек, позвольте предложить вам оливье? Всё из натуральных продуктов! – и Милена положила на тарелку перед Колей немного салата. Она взяла было бутылку вина, которое уже «дышало» (откуда ж вспомнилось-то?) на столике, но Коля мягко и многозначительно перехватил её запястье и степенно разлил немного вина по бокалам.

– Ну-у... – протянул Коля.

– За встречу! – Милена быстро закончила его мысль и легко, почти беззвучно, коснулась его бокала своим.

Оливье оказался бесподобным! Лишь теперь Коля понял, как проголодался.

– Мил, – Коля старался не говорить с полным ртом, но не получалось, – а что значит «натуральные продукты»? У вас, что ли, ещё искусственные есть?

– Да, в основном только они и есть, – кивнула девушка. – Натуральные продукты дорогие, а из синтезаторов выходит вкусно, питательно и недорого. Иннокентий Аристархович говорит: «Как в «Макдональдсе» раньше». С удовольствием тот «Макдональдс» вспоминает. Завтрак у нас с тобой... – Она чуть запнулась. – Если захочешь вместе завтракать, конечно... Завтрак будет тоже натуральный, омлет из настоящих яиц.

– Ми-ил... – неожиданно для себя протянул Коля, – а хочешь, я сам яичницу завтра пожарю? С колбасой!

Милена рассмеялась.

– Подожди, Коля, освойся здесь для начала.

Ну что значит «освойся»? Коля решил больше пока не задумываться.

– Мил, а как в домах, где всё не «по-старому»?

– Сам дом делает то, что ты ему скажешь. Можешь сказать пива подать или даже сигарету прикурить, можешь командовать кресла в кровать трансформировать, можешь завтрак себе заказать, и будет накрыто к тому времени, когда скажешь... Такси вызвать... Пальто на пол бросить и велеть убрать в шкаф... Кстати, и говорить необязательно, дома и многие другие вещи мыслеобразами управляются, – последние слова Милена произнесла почти с гордостью. – Как раз наш НИИ эту технологию развивал.

– Мыслеобразов?

– Да, мыслеобразов. Например, заходишь ты в душ, говоришь ему: теплее-холоднее, выше-ниже, со всех сторон, сильнее-слабее и так далее, а душ считывает активность префронтальной коры... Если не углубляться в детали, душ ловит импульсы мозга, когда ты командуешь, например, «теплее» или «немного теплее», а потом уже адаптируется к тебе и реагирует на мыслеобраз «немного теплее». То есть, достаточно подумать – и вода становится такой, как тебе нужно.

Коля кивнул.

– Понятно. А кресло к дедушке Кеше подъехало, потому что он подумал, а кресло заранее адаптировалось?

Милена в этот момент жевала, поэтому заулыбалась с набитым ртом и лишь кивнула, а говорить стала, лишь проглотив и промокнув рот салфеткой (учись, Коля!).

– Когда-то давно, почти сто лет назад, учёные уже разобрались, какие области мозга за что отвечают, где какие электрические импульсы возникают. Но дистанционно меслеобразы считывались недостоверно. Тогда сенсоры подключались напрямую к мозгу...

Коля чуть не поперхнулся.

– Типа как бы трепанацию черепа делали?!

– Именно. Иннокентий Аристархович первый эксперимент провёл на себе. Потом ещё три раза усовершенствовал методику, и каждый раз черепную коробку... Ой, прости, что за едой!

– Да ничего! – Коля нетерпеливо махнул рукой. – Продолжай!

– А что тут продолжать? Единственное в то время стопроцентное считывание мозга – твоё, Коля. Как такое получилось сделать в начале века, до сих пор никто не понимает. Точнее, считали тогда как могли, но по тем временам точность оказалась фантастической. Потом ещё лет тридцать не удавалось повторить этот результат. А то, что сделал Иннокентий Аристархович, стало возможно только сейчас.

– Это мозги по столетней картинке восстановить?

– Это полностью воссоздать личность. Результаты сканирования мозга, образцы и анализы жидкостей и тканей, даже анализ видеозаписей с жестами, мимикой и интонацией. На сто процентов восстановить личность по столетним картинкам до сегодняшнего утра считалось невозможным.

Коля вздохнул и налил Милене и себе ещё немного вина. Взял свой бокал, поднялся на ноги и неторопливо подошёл к воде. Было уже почти темно, и он не понимал, откуда идёт свет. Столик и метров десять вокруг него были освещены мягко, но видно всё было отчётливо. В бледной воде розовел гаснущий закат. И в домике маленького НИИ на фоне уже непроглядного леса тепло светилось несколько окон, в том числе и в Колиной комнате на третьем этаже.

– Борщ! – послышался голос Милены. – Уже ждёт!

Коля и по насыщенному аромату понял, что ждёт!

– Сто лет борща не ел! – попытался он повторить старую шутку из кино «С лёгким паром», но Милена в ответ лишь вежливо улыбнулась.

Борщ был обалденным, и Коля накинудся на него, забыв о своих обязанностях... как это... вот! сомелье! Он спохватился и вновь наполнил бокалы.

– Ну-у... – протянул он.

– За Иннокентия Аристарховича? – осторожно, с улыбкой, спросила Милена.

Вот Коля тормоз! Ладно, в следующий раз.

– И за весь ваш НИИ вместе с Ли, Пекинычем и лодочни-

ком! И этой... – Коля скосился на щеночка, который с аппетитом грыз косточку из борща рядом со столиком.

– Этим, – поправила Милена. – Его зовут Ник. Ему два месяца.

– Ну, и за Ника! – и Коля звякнул своим бокалом о бокал Милены.

– Мил, – Коля пережёвывал мясо из борща и опять говорил с набитым ртом, но не удержался, было интересно, – а сейчас такие штыри в мозги вставляют, или уже всё на этих вашихмыслеобразах?

Милена отложила ложку, но не демонстративно, а лишь давая понять, что объяснение будет не односложным.

– Применениемыслеобразов достаточно ограничено. Не все умеют управлять своими мыслями, поэтому дальше бытовых команд у многих людей дело не идёт. Часто проще управлять голосом или руками.

– Руками?

– Ну да. Например, если в людном месте хочешь заказать себе лекарство, но не хочешь, чтобы окружающие видели. Просто вызываешь виртуальные символы...

– Типа как графики Ли в воздухе?

– Ну да, – она усмехнулась и немного неуверенно произнесла новое для себя словосочетание, – типа того. А дальше по символам заказываешь лекарство, причём твои символы видишь только ты. Мыслеобразами точно лекарство не выберешь, с фармацевтом не посоветуешься, даже симптомы

не у всех получается описать. Символами проще. А со стороны выглядит как будто человек просто в воздухе руками машет.

– Можешь показать?

– Давай перед горячим покажу.

– Перед чем? А-а, – понял Коля, – перед вторым! А мне можно символы?

– Пока нет. Со временем.

– Кстати, я перед душем велел телеку новости показать, а он как не слышит!

– На твой голос он пока не настроен. Со временем. Иннокентий Аристархович не хотел покупать в этот домик телевизор с голосовым или ментальным управлением, но с ручным управлением «телеки» уже давно не делают.

Коля вздохнул.

– Небось, детям с пелёнок символы даёте!

Милена улыбнулась как можно дружелюбнее, и это было очень искренне.

– У детей как раз мыслеобразы читать проще, особенно у младенцев. А символы дают не сразу. В школе, в младших классах, например, ученик может символами сообщить о недомогании или попросить новое перо.

– Перо? – в очередной раз удивился Коля. – Вы же во воздухе символами...

– Ты спрашиваешь, зачем детей учат писать? – Милена задумалась. – Сложно объяснить...

– Мил... ой, столько вопросов! А деньги-то ещё не отменили? Коммунизм ещё не наступил?

– Что не наступил? – переспросила она. – Ах, да, что-то слышала. А деньги ещё как есть! Хотя, большинство людей живёт на социальном минимуме – квартира не в городе и только по комнате на члена семьи, социальный транспорт, синтетическое питание, и то не любое. Кого-то устраивает, кто-то пробиться не может.

– И что, много людей не работает?

– Да где-то процентов сорок. Это трудоспособного возраста, до восьмидесяти.

Коля ахнул!

– Работу очень сложно найти, – пояснила Милена. – Много выполняют работы. Практически всё производство, почти всё сельское хозяйство, многие услуги.

– Круто! – воскликнул Коля.

– Да не круто, Коля, – Милена вздохнула. – У меня много знакомых без работы, и почти никого не устраивает социальный минимум. Человеку требуется самореализация. Деньги, да, конечно, хочется жить лучше, чем на минимум, но это же в природе человека – что-то создавать, что-то делать самому. Ну и, – она опять вздохнула, – социальный статус совершенно разный.

– Вот ведь! – Коля чуть было не ругнулся. – Всё меняется, а человек тот же! Хотя, у нас... Да если б мне дали ваш социальный минимум, хрен... фиг бы я ходил на работу, гайки

крутил!

– А что бы ты делал?

– Да ничего! Телек бы смотрел, с мужиками пиво пил каждый день, если оно в социальный минимум входит, и... – Коля осёкся и про баб говорить не стал.

– И всё? Всю жизнь? Каждый день?

Коля представил, что каждый день на работу ходить не надо, а жрачка из «Макдака» невредная и бесплатная, и мысль ему понравилась. Он уверенно кивнул.

– А нах... а зачем каждый день на работе на дядю горбатиться, если всё за так можно?

– Не знаю, – тихо ответила Милена. – А в том, что люди не меняются, ты прав. Знаешь, я люблю книги «Золотого века»...

– Это какие?

– Толстой, Некрасов, Тургенев и, конечно, Достоевский и Чехов. Ты прав, люди не меняются уже тысячи лет. Хотя наши школьники по уровню знаний и по скорости мышления дадут большую фору даже послевоенному поколению, и даже следующему поколению, но человеческая психология всё та же.

Коля покончил с борщом и отложил ложку. Хотел было спросить про «послевоенное», как-то не вязалось оно ни с чем. Это Колин дедушка, что ли? Но не терпелось посмотреть символы. Однако Милена ещё не доела, и Коля опять разлил по бокалам вино. И едва дождался, когда Милена от-

ложит ложку.

– Милена, – он старался говорить как можно увереннее и мужественнее, – За тебя!

Девушка с благодарностью кивнула, тихонько коснулась его бокала своим и сделала глоток.

– Ну что, Коля? Символы? Давай попросим Фёдора Пекиновича подать жаркое через двадцать минут? Сейчас я высвечу свои символы над столом... – Она сделала несколько почти неуловимых движений руками. – Вот... я их вижу, сейчас открою «на публику»... – Её взгляд на полсекунды расфокусировался, и над столом зависли разноцветные таблицы. – В центре контекстное меню, строка снизу – общее.

Коли три раза махнул руками... и попросил Фёдора Пекиновича подать жаркое через, правда, полчаса, так получилось.

– Нихрена себе... – ошалело проговорил он, когда символы исчезли.

Мила рассмеялась, весело спросила:

– Прогуляемся?

И, не дождавшись ответа, скинула сандалии, схватила бокал и побежала к воде. Ник оставил косточку и устремился за хозяйкой, а за ними побрёл и Коля.

Вино всё-таки действовало, и в свою комнату Милена вошла, немного пошатываясь. Тут же в воздухе под лёгкое треньканье высветилась голографическая иконка Иннокен-

тия Аристарховича.

– Давай, – махнула она рукой терминалу связи, – соединяй.

Изображение профессора появилось прямо перед ней. Виртуальный Иннокентий Аристархович прошёлся ко комнате, выглянул в окно.

– На воздухе ужинали, Миленочка?

– На воздухе, – она кивнула, да так энергично, что чуть было шею не свело.

Иннокентия Аристархович по-доброму улыбнулся.

– Есть в нашей работе приятные моменты. Я на секундочку, не буду отвлекать. Как там щеночек?

Милена, уже не в силах стоять, плюхнулась в кресло и откинулась на спинку, вытянув ноги, впрочем, большей частью скрываемые платьем.

– Спасибо за милый подарок, профессор! Щеночек осваивается. Немножко огрызается, но в целом терпимо, одежду на мне рвать не пытался, грязь по дому не носит, правда, чавкает во время еды. Главное, здоровенький!

– Хорошо, спасибо! Спокойной ночи!

И, не дожидаясь ответа, отключил связь.

– И вам, профессор, спокойной ночи и крепкого сна, – проговорила Милена и отправилась в душ, на ходу скидывая платье.

* * *

– А можно, я сок символами попрошу?

– Так кухня за стенкой. Проще сходить или докричаться, – но, видя детское нетерпение в глазах собеседника, Милена обречённо вздохнула, раскрыла над столом своё личное меню символов и мыслеобразом включила режим «на публику».

Заснуть у Коли получилось вчера не сразу, а подъём был в семь утра, завтрак в половине восьмого. Коля был сонный и даже не успел побриться. Но после вчерашнего опаздывать было бы неловко.

А, собственно, что вчера было? Ну, поужинали... Эх, Коля-Коля... Вчера утром ты проснулся в своей задрипаной «двушке» в Кузьминках и сначала на маршрутке, а потом на метро, а потом опять на маршрутке отправился в НИИ мозгов к молодому лаборанту Кеше. Вот что было вчера. Ну, потом ещё попал в будущее, посмотрел такое видео про Джеймса Бонда, что чуть умом не двинулся, на вёслах опозорился, а потом – как в кино, ужинал за столиком на берегу почти моря с офигенной... с прекрасной девушкой.

Но мысли не путались. Милена сказала, что первый шок ещё не прошёл и что, если будет накрывать («при первых признаках депрессии»), сразу сообщить ей, или Ли, или дедушке Кеше, ну, кто рядом будет. Но до депрессии было как до Луны. Перед сном Коля зачётно заточил курочку (то есть, с удовольствием выкурил сигарету) на балконе (ох и вкусные

у них тут сигарки!), принял душ и оделся в пижаму. Но не спалось, телек был недоступен, и пришлось, кто бы мог подумать, книжку на ночь читать! Пушкина, кстати, потому что других книг в комнате не было. Ах, да! Мила научила из кресел кровать делать! У этого мебельного гарнитура автономное символьное управление! Ну, и Коля, не будь дураком, из этого конструктора намахал руками себе трёхспальную кровать в полкомнаты. Прикольно было. А Пушкин, кстати, оказывается, не дурак! Вообще отнюдь! И не нуднятина, и читается легко, и засыпается под него на пятой странице.

А утром сами в голове неожиданно всплыли строчки:

*Всегда так будет как бывало
Таков издревле белый свет
Ученых много – умных мало,
Знакомых тьма – а друга нет!*

Коля тремя пассажами попросил у Пекиныча соку и вернулся к завтраку, состоящему из овсяной каши со свежими ягодами и белого хлеба с хрустящей корочкой и с маслом. Как же вкусно-то всё! И чего он дома так не делал? Всё хлопья молоком залить, яичницу пожарить или творожки из пластиковых коробок...

– Мил, – Коля немного замялся, – а я ночью того... не храпел? Твоя же комната рядом?

Милена отрицательно покачала головой.

– Моя комната не совсем рядом, и здесь такая шумоизоляция, что хоть песни пой – никому не помешаешь.

Коля задумался.

– А если мне плохо будет, и я на помощь позову, то никто не услышит?

– Тревожные медицинские сенсоры расставлены по всему дому, так что за самочувствие не переживай, если что, помощь будет оказана немедленно. Кстати, поэтому тебе какое-то время нужно будет провести здесь, в этом доме. Всё-таки такой необычный эксперимент, мы должны проследить за состоянием твоего организма.

– А-а, – деланно-равнодушно протянул Коля, – а чего тогда анализы не берёте, мозги своей кастрюлей не меряете?

Милена как будто не заметила издёвки.

– Сенсоры постоянно сканируют твои параметры, пока ты в доме или поблизости. Так что врачи иголки в вены уже лет пятьдесят как не втыкают.

Всё-таки хорошая она девушка, Мила. Сколько раз Коля, если уж по-честному, дерзил, почти хамил, опаздывал, говорил с издёвкой. А Мила делала вид, будто ничего не происходит, прощала без слов и объяснений. Интересно, это сложно – вот так, как бы не замечать? Сам-то Коля всегда на такие вещи реагирует агрессивно, ибо, как говорится, не фиг!

– Но, – продолжила Милена, – ненадолго нам выбираться всё-таки можно, поэтому предлагаю прокатиться в Москву туда-обратно, как вчера договаривались. Если не передумал,

конечно.

Коля помотал головой, как всегда, с набитым ртом, и начал жевать быстрее.

В Москву поехали на паластруме. Коля успел ещё в кино более или менее понять, как эти паластрымы тут работают. Подаётся такой небольшой вагончик. Если премиум, то там много места и широкие кресла, если обычный, то мало места и узкие кресла. И этот вагончик катится банально на четырёх колёсах до ближайшей узловой точки, а там цепляется к таким же, и получается поезд. Поезда ходят по-разному. Под землёй летают по специальным тоннелям вообще с нереальной скоростью, не касаясь стен, наверное, на магнитной подушке. Или из них составляется пинг, к нему цепляются крылья с двигателями. Даже подводные маршруты есть, наверное, для экстремальщиков. Премиум в экономе преобразуется примерно так, как из кресел в Колиной комнате получилась кровать. Было три кресла – тыныц-тыныц – и их восемь. Джемс Бонд на таком такси, а его вагончик перецепляли к разным составам раз пять, от Лондона до Стамбула добрался вроде как за час.

В десять утра к домику НИИ подкатил ярко-синий вагончик размером с «Газель». Он немного покачивался, перебирая тоненькими колёсиками по газону, который был далеко не идеально плоским. Паластрум тихонько добрёл до входа и замер.

– Это мой, – сообщила Милена, вышедшая на порог. – Родители на двадцатипятилетие подарили.

Судя по тому, как она это сказала, вроде даже с гордостью, Коля должен был восхититься.

– Ну, круто.

– «Ну, круто»?! – Милена вскинула бровь. – И всё?

Неожиданно за спиной у Коли возник Пекиныч и тихонько пробубнил ему на ухо:

– Вообще-то это «Астон Мартин».

– Чё? – Коля обернулся и посмотрел на повара с недоверием. Тот лишь многозначительно кивнул.

Коля обошёл паластрум и там, где, как он рассчитывал, был передний капот, увидел эмблему известного производителя суперкаров. Эмблема была некрупной, но, тем не менее, прекрасно узнаваемой.

– Мил... я это... ну охренеть, как круто! Реально «Астон Мартин»?

Милена стояла, скрестив руки на груди, и выглядела довольной.

– Разгон до сотни за секунду на любом твёрдом покрытии, сопряжение с любым составом на любой скорости и с любым сопрягающим устройством, хоть сверху на поезд запрыгнуть может или сбоку прилепиться. Автономный ход на три экватора, режим амфибии, режим планера такой, что из космоса можно в атмосферу выбросить, и приземлит так, что можно не пристёгиваться. Система автономного жизнеобеспечения

в замкнутом цикле на две недели.

Ну что тут скажешь... Вроде как-то Коля пытался уловить, многое даже как бы понял... Ну, в общем, – реально круто!

– Объясни про последнее, – проговорил он деловито, – что там про цикл?

Милена вздохнула. Ну да, неуч.

– Мы с тобой и ещё с тремя попутчиками в этом паластруме можем жить две недели в режиме герметичности. Синтезаторы воздуха, воды, пищи, плюс рециркуляция продуктов жизнедеятельности, в общем, две недели полного комфорта в замкнутом пространстве, сможешь даже одежду три раза в день менять на свежую.

Коля подошёл к распахнутым дверям паластрума, который опустился практически на землю. Где там располагался душ и кухня с едой на две недели, Коля не понял, потому что внутри были лишь два больших ярко-красных кресла.

– Ну что, молодой человек, сопроводите девушку на небольшую прогулку к центру столицы?

Милена легко запрыгнула в салон и расположилась в кресле. Коля недоверчиво постучал костяшками пальцев по обшивке корпуса «Астон Мартина» и как будто бы нехотя полез внутрь.

* * *

Веранда ресторана «Пушкинь» располагалась на крыше особняка на Тверском бульваре. И можно было бы сойти с пинга прямо на веранду, но правила заведения это запрещали. В ресторан следовало попадать с бульвара, через парадный вход.

Владельцы ресторана не собирались устраивать у себя даже подземный терминал. Это стоило им долгих судебных разбирательств с мэрией, окончившихся необычным мировым соглашением. Сошлись на том, что терминал всё-таки построили, но спрятали его в подвале за большими чугунными воротами. И приводы для пингов установили на всех этажах, и даже рампы для входа-выхода сделали такие, что стены и ограждение веранды выглядели, будто им лет сто с лишним. Даже жившие в домах по соседству люди не заметили подмены. Но оборудование для пингов было установлено на крайний случай, о подземном терминале знали человек всего едва ли полсотни, а пользовались им и вовсе единицы избранных – те, кто бывал в «Пушкине», но чья охрана не допускала неоправданного появления на публике. Необычность же того мирового соглашения заключалась в том, что часть его, посвящённую обязательным для современных зданий переделкам, засекретили. Доступное же для общественности судебное решение гласило, что ресторану можно всё оставить как есть «для сохранения архитектурного облика столицы».

Оба сегодняшних гостя были из тех немногих, кто прибы-

вал в ресторан через подземный терминал. И охрана на этом настаивала, и их участвовавшие в последнее время встречи им обоим и, если взять шире, их кабинетам, не хотелось афишировать. Поэтому и на веранду их поначалу не пускали, хотя в такую погоду обоим хотелось посидеть на свежем воздухе. Сошлись на том, что гостям веранды с тысячью извинений и весьма щедрыми комплиментами предложили пересечь на этажи, а особых посетителей поднимали на веранду на древнем лифте в компании роботов-телохранителей. Более того, даже на веранде их упрятали в беседку, густо увитую кустами роз, чтобы со стороны ничего не было видно.

Прибыли посетители с пятиминутным интервалом, и на лифте их поднимали, понятное дело, по отдельности. Службы безопасности обоих в очередной раз сходили с ума, в срочном порядке организуя безопасность встречи так, чтобы не привлекать к её факту никакого внимания.

Первым в беседке появился Матвей Юрьевич Калинин – помощник Президента, отвечающий за внутреннюю политику. Влияние Матвея Юрьевича на любые процессы, происходившие в стране, считалось чуть ли не безграничным. При предыдущем Президенте, который, как многие считали, был человеком не самым сильным, избранным лишь в результате протестного голосования, Матвей Юрьевич был, по сути, «серым кардиналом», обеспечившим в то время стабильность власти и последовательность государственной политики во всех сферах – от культуры и социального обеспе-

чения до национальной безопасности. Хотя, следует отдать должное Матвею Юрьевичу, он никогда не отделял одни вопросы от других, понимая сложные взаимосвязи той же национальной безопасности с культурой и здравоохранением. При Президенте нынешнем необходимость в «дирижировании» всем и вся отпала, но новый глава государства оказался человеком не только сильным, но и чрезвычайно проницательным. К тому же, он не боялся окружать себя людьми сильными и умными. И таланты и опыт помощника по внутренней политике оказались в очередной раз востребованными, а степень доверия Президента к своему помощнику уже через пару лет совместной работы стала достаточной для того, чтобы Матвей Юрьевич не получал от руководителя задачи, а сам их себе ставил. Другими словами, занимался тем, чем считал нужным. При этом имел неплохой штат сотрудников и вполне достаточный бюджет.

Его собеседником на предстоящий поздний завтрак был Митрополит Василий. Знакомы они были уже лет тридцать, ещё с тех пор, когда только что вышедший в отставку военный и будущий помощник Президента занимал скромную должность в Министерстве инфраструктуры, а будущий Митрополит подвизался в хозчасти Донского монастыря. За прошедшие годы он успел принять сан, послужить и в больших городах, и в маленьких городках, три раза попадал в горячие точки жестоких и кровавых «локальных конфликтов». В Бога он верил искренне и истово, однако при этом оста-

вался человеком здравомыслящим и даже прагматичным, одинаково хорошо ориентировался и в церковных законах и правилах, и в самых обычных земных, подчас даже приземлённых.

Матвей Юрьевич по настоянию Митрополита продолжал называть его мирским именем – Пётр Иванович. И приветствовали они друг друга по-светски, здороваясь за руку.

Ну вот так и поздоровались, когда Митрополит вошёл в увитую розами беседку.

– Добренького утречка, Матвей Юрьевич! – голос Митрополита был бодрым и радостным. – Давно ль ждёте?

– Да только что подошёл, – помощник Президента тоже улыбался, но по привычке более сдержанно. – Доброе утро, Пётр Иванович!

Оба были завсегдатаями «Пушкина». В другом ресторане они могли бы уже делать заказ мыслеобразами, но здесь было принято звать официанта.

– А у вас ведь пост? – поинтересовался Матвей Юрьевич, получив постное меню в дополнение к обычному.

– Пост не у меня, – Митрополит усмехнулся сквозь густую бороду, – он вообще.

Оба заказали завтрак из постного меню, благо было из чего выбрать. Матвей Юрьевич сделал лишь небольшое отступление, попросив чашку капучино.

– Как думаете, господин Митрополит, простит Бог-то? – с иронией поинтересовался он у собеседника, на что тот сразу

же ответил:

– А вы молитесь, глядишь, и простит. Хотя, если вовсе не грешить, то шансов-то поболее будет.

Когда сделали заказ, Митрополит сразу перешёл к делу.

– Вот о чём хотел с вами потолковать, Матвей Юрьевич. Беспокоят меня вероотступники.

Произнес как будто бы небрежно, но чиновник отреагировал молниеносно. Давнее знакомство, искреннее взаимное уважение и высочайшая степень доверия позволяли им говорить, как есть, не особо подбирая слова, абсолютно открыто. Да и сам чиновник именно эту тему и хотел в первую очередь обсудить с Митрополитом.

– «Чистота и честь», вы их имеете в виду? Зарождающееся радикальное крыло Православной церкви?

– Не удивляюсь тому, что вам про них известно, однако про «радикальное крыло» – не поторопились ли с ярлыками?

– С таким финансированием и такой организацией на кружок по интересам они не похожи.

Митрополит нахмурился.

– По правде сказать, не думал я, что о них уже и в Администрации знают. Стало быть, и правда дело нешуточное. Я-то, откровенно говоря, долго их всерьёз не воспринимал.

– Моя вина, Пётр Иванович, – Матвей Юрьевич склонил голову. – ФСБ уже две недели вплотную этой организацией занимается. Пусть они пока так, движение, но уже намерены вскоре заявить о себе как об организации. А вам-то, Пётр

Иванович, что о них известно?

Пётр Иванович немного помялся. Как раз в это время принесли напитки. Митрополит сделал глоток яблочного сока и опять помедлил, пожал плечами. Как будто ученик, не выучивший урок.

– Да, если вдуматься, немного известно, хотя шума они уже наделали. Провозгласили, что законы Божии уже более строго не соблюдаются, а Церковь тому лишь попустительствует. Что священники погрязли в грехах и разврате и больше не являются духовными ориентирами, а тем паче пастухами вверенного им Богом стада. А уж римско-католическую церковь ещё большим нападкам подвергают...

– И при этом, – Матвей Юрьевич мягко перебил Митрополита, помогая закончить мысль, – не выдвигают никаких требований. Пока, по крайней мере. Их лидер, Пророк Стенька, молодой, между прочим, человек, уже несколько раз заявлял, что не претендует ни на какие церковные должности, а лишь призывает вас, Владыка, задуматься.

– А вы, Матвей Юрьевич, в этих призывах усматриваете нечто, чего мы пока не увидели?

Чиновник сделал глоток кофе, вытер салфеткой краешки губ и едва заметно кивнул.

– Вот то-то и оно, что «нечто». Повторюсь, под «ничто» такое финансирование им бы никто не выделил.

– А много ль финансирования и откуда?

– Много, из-за границы. Откуда точно, понять не можем,

куда расходуют, тоже до конца отследить не удалось. Хотел лишь поделиться, что мы рассматриваем эту активно создаваемую организацию как потенциальную угрозу, только вот пока не понимаем, какую именно и чему.

– А вы, Матвей Юрьевич, мне обо всём этом рассказываете – попросить о чём-то хотите? Хотя, скорее, это я вас просить должен, мой недосмотр.

– Так-то оно так, – согласился помощник Президента, – да не так. Просто поделился тем, что сам знаю. Конечно, если будет что-то новое, значимое, обязательно сообщу. А попросить... да, конечно, хотел бы. Но не могу сформулировать просьбу.

Матвей Юрьевич вздохнул. Главное, ради чего встретились, было сказано.

Подали завтрак, и помощник Президента сменил тему, благо их для встречи длительностью лишь в час было предостаточно.

* * *

Москва была... Коля задумался, как бы впечатления описать? Сначала стало страшно. Реально страшно. Там, где раньше пролегали дороги, проезжая часть, сейчас росла трава. Люди просто гуляли по газонам. Представляете, вся Тверская – сплошной газон с деревьями! И там просто расхаживают люди! Машин нет совсем! За три часа, что они с Ми-

ленной провели в Москве, в воздухе беззвучно проскользили несколько новомодных бесшумных пингов – и всё! И Коля вдруг представил, что вот так, без машин, может выглядеть только брошенный город. В котором остались лишь те, кто... остались.

Хотя, умом он, конечно, понимал, как все обстоит на самом деле.

После завтрака они с Миленой на ярко-синем «Астон Мартине» отправились в Москву. Ну, вот так просто сели в кресла, дверь плавно опустилась, и паластрум бесшумно покатился, при этом приятно покачиваясь. Потом вплавь преодолел водохранилище, выбрался на другой берег и помчал дальше до Истры. Коля в Истре как-то раз был, но ничего не запомнил, тем более узнавать было нечего, кроме, наверное, нескольких совсем старых домов. То есть, дома, конечно, стояли, но точно не такие, как в Колино время. Не было панельных многоэтажек, и всего-то высоких домов оказалось не больше десяти, и сколько в них этажей, было непонятно, потому что этажи сливались, и назначение этих зданий осталось для Коли загадкой, потому что он не спросил. А вот невысоких, в один-два этажа, домиков он увидел много. И они все были разные (из кирпича, из стекла, из дерева, из непонятно чего) и разноцветные. И почти все яркие, но глаз не резало. И асфальта не было. Нигде. Милена объяснила, что есть специальные виды травы для газонов, по которым можно ходить и ездить, трава там почти не мнётся и быстро

отрастает, если что, а земля не проминается, а лишь пружинит. Кое-где оставалась брусчатка, но это, наверное, чтобы от зелени совсем уж в глазах не рябило.

В Истре остановились у рынка, Милена купила с собой малины, и поехали дальше. Кстати, хотя и был конец апреля, ягоды оказались местные и свежие. Выяснилось, что их здесь выращивают круглогодично в теплицах на верхних этажах тех самых высоких зданий.

Как таковых городских границ не существовало, просто домов становилось всё больше, а потом всё меньше, а потом совсем редкие попадались. Коля как-то и не понял, что это такое было: рынок, жилые дома, несколько кафе... А город-то где, Истра? Но спросить не успел, потому что говорили о другом, а потом разогнались так, что стало страшно, какие ещё мыслеобразы этой девушке могут в голову шмякнуть. Оказалось, что шмякнули, потому что паластрум свернул в рощу и понесся на огромной скорости, в последний миг отворачивая от деревьев и кустов. При этом хваленый «Астон Мартин» уже заметно потряхивало на ямках и кочках, а иногда ощутимо подбрасывало, и Коля втягивал голову в плечи, ожидая, что вот как сейчас их грохнет об землю! Но приземлялась машина неожиданно мягко, хотя и не сбавляла скорость. Милена сидела в своём кресле прямо у лобового стекла. Коля не видел её лица, но ощущал, насколько она сосредоточена. А деревья, от которых на невообразимой скорости уворачивался паластрум, уже сливались в росчер-

ки, в коричнево-зелёные полосы. Наконец, Коля сдавленно произнес:

– Эй, крошка! Сбавь обороты.

Милена, как всегда, не обиделась, может быть, даже поняла шутку, и паластрум плавно замедлил ход, а потряхивание сменилось почти незаметным покачиванием, как будто «Астон Мартин» парил над рельефом на воздушной подушке.

– Прости, – кресло Милены развернулось на сто восемьдесят градусов, так, что глаза девушки оказались прямо напротив Колиных. – Знаю, что вождение сейчас не такое, как было в ваше время, оно безопасное. Но всё равно люблю погонять.

– Безопасное?! – воскликнул Коля. – Да там скорость была километров двести...

– Триста восемьдесят максимальная. Плюс жёсткость хода на «четвёрку».

– Чё? – Коля ошалело захлопал глазами.

Милена вздохнула. Да, опять следует объяснить.

– Паластрум управляется мыслеобразами. Я просто смотрю туда, куда хочу ехать, поддерживаю мыслеобраз скорости, и паластрум следует за моей мыслью. Только, в отличие от настоящих гонок и от вождения, как в ваше время, паластрум сам выбирает траекторию и не позволяет выйти за предел скорости, когда возникнет риск аварии. И всё удовольствие сводится к тому, – Милена опять вздохнула, но уже с искренней грустью, – чтобы на такой скорости успевать

выбрать деревья, между которыми хочешь пролететь. Этакая иллюзия экстрима.

Коля открыл было рот, чтобы спросить, гоняла ли она по-настоящему, когда никакая автоматика не боится, но пейзаж за окном сменился – паластрум выкатился туда, где раньше тянулось Новорижское шоссе. Теперь это была широкая дорога, поросшая густой и короткой тёмно-бурой травкой. По ней в обе стороны катились паластры самых разнообразных размеров, форм и цветов. Коля, вспомнив своё буквально вчерашнее околоавтомобильное прошлое, отметил, насколько стремительно и стильно выглядели их «Астон Мартин» на фоне других машин. Некоторые паластры двигались сами по себе, другие были сцеплены в составы.

– Прицепимся или сами поедём? – спросила Милена.

Вот нашла кого спросить, подруга из будущего!

– А как лучше?

– Не знаю, как сам хочешь, – Милена пожала плечами, а Коля отметил небольшую заминку, когда Милена обратилась к нему на «ты». Он и раньше это замечал, но как-то не акцентировался. А девушка весело добавила: – Если прицепиться, то дешевле получается, но мы можем себе позволить и сами по себе.

– Тогда давай сами. Только без экстрима, ладно?

– Хорошо, – согласилась Милена. – Только в тоннеле лучше будет прицепиться, быстрее получится, потому что кори-

дору для составов приоритетные, особенно если там общественные паластрымы.

– Типа автобусы?

– Типа того.

Милена легко и с удовольствием подхватила новые для неё выражения «типа» и «как бы», и Коле это очень нравилось.

– А тоннель зачем?

– В тоннеле разреженный воздух и магнитная подушка, и скорость движения очень большая. Паластрымы просто несутся, не касаясь пола и стен. От Москвы до Петербурга теоретически за час по тоннелю можно доехать, если без остановок для присоединения или отсоединения. И в городах движение по поверхности в основном запрещено, поэтому паластрымы едут под землёй, а выход в город через специальные терминалы. Ну типа ваших станций метро, только логистика сложнее.

– Как бы, – подхватил Коля, – где машину бросил, к тому терминалу потом возвращаться?

– Неа, – Милена отрицательно качнула головой, отчего её каре сделало восхитительный лёгкий взмах. – Паластрум прибудет к тому терминалу, куда вызовем. Пока не вызвали – ждёт на парковке.

– Подземной?

Милена внимательно на него посмотрела, но во взгляде сразу заиграла ирония.

– Сам догадался? А Иннокентий Аристархович про тебя говорил: «Мозги оставил как есть, хотя надо было бы подкрутить».

Вот гад Кеша!

– Ну что ты! Как же, сам! Да разве ж я это... Короче, по телеку увидел.

И рассмеялся, и Милена тоже рассмеялась.

Тем временем «Астон Мартин» догнал состав из нескольких паластрумов, один из которых, судя по размеру, был «автобусом», а два других были такси, если, конечно, у них тут в будущем жёлтый цвет и шашечки по борту означают то же, что и в Колино время. И в этот момент стёкла... как это сказать... помутнели. Пейзаж исчез, окна стали матово-белыми и... засветились?

– Мы въехали в молочную реку? – попытался пошутить Коля.

Милена сначала посмотрела не него вопросительно, но тут же спохватилась.

– На самом деле это не стёкла, а экраны, изображение идёт от внешних камер. Если хочешь, мы и пол с потолком можем сделать прозрачными или симитируем движение хоть по пустыне, хоть в космосе. Мы прицепились к составу на ходу у самого въезда в тоннель, там ничего интересного, поэтому экраны перешли в режим плафонов. Картинку можно пустить любую, но я, если честно, и так от цветных картинок устаю, поэтому предпочитаю просто мягкий свет. Скорее да-

же такой.

И с этими её словами окна-экраны немного пригасли, в свечении появились синие оттенки, а в салоне стало темнее и гораздо уютнее. Коля откинулся в кресле, и кресло подхватило эту идею, чуть опустив спинку сделав чуть более рельефным поясничный подпор.

– А у вас тут всё на электричестве?

– Ну, в общем, да. Гражданский транспорт, дома, производства в основном тоже. Только военные летают на любых доступных видах энергии, а стреляют вообще чем-то немислимым. Сам, наверное, по телеку видел. Например, на универсальном истребителе может быть и термоядерный импульсный двигатель, и водородный, и электрический винтовой для атмосферных полётов, и турбовинтовой, а на новых собираются ставить даже фотонные паруса!

Коля вздохнул.

– Много чего видел... но не понял. Не всё. А на бензине совсем не ездят?

Оказалось, что Милена достаточно сведуща в вещах, в которых большинство девушек его, Колиного, времени совсем не разбирались.

– Углеводороды как топливо себя почти изжили из-за низкого КПД. Кое-где они ещё используются, но это использование исчезающе мало.

– И что, на машинах наших никто не ездит?

– Ну, есть клубы любителей, но, только не обижайся, ло-

шади и лодки гораздо популярнее. У нас под Москвой, кстати, сохранили... – Она сделала едва заметную паузу, чтобы правильно выговорить слово: – *Автодром*. Древний, ещё начала века. Там любители гоняют, у которых ещё те... – ещё одна пауза, – *автомобили* остались. Хотя, конечно, там тоже максимальные меры безопасности – улавливатели, силовые магнитные поля, экстренная трансформация дорожного полотна и что-то ещё. Сколько себя помню, ни одной аварии не было.

– Мил, а тебе сколько лет?

– Двадцать шесть.

Повисла пауза, и молчали минут пять, пока экраны опять не стали окнами, открывая вид на подземный терминал.

Тверская была, уже ожидаемо, но всё равно шокирующе – сплошной газон с деревьями. Они, почти не разговаривая, прошли до Александровского сада. На первых этажах зданий, где раньше были магазины, теперь, за витринами с непонятными символами, располагались сплошь рестораны и кафе. А вот памятник Пушкину остался на прежнем месте. В общем, всё изменилось, но как было прежде, Коля помнил смутно, потому что в центр выбирался редко.

Милена остановилась у лотка с мороженым, за которым стояла девушка лет двадцати, в сиреневом форменном платье и белых фартучке и чепчике, почти как раньше в ГУМе.

– Будешь? – весело спросила Милена.

Коля кивнул.

– Мне сельдереевое, – сообщила она продавщице, – а молодому человеку... – и она вопросительно посмотрела на Колю.

– Шоколадное, – неожиданно для себя буркнул Коля, хотя больше любил фисташковое. Ну, мало ли, вдруг у них тут, в будущем, фисташковое не популярно, а вот шоколадное – оно казалось как-то надёжнее. И действительно – было у девчушки шоколадное!

Милена взяла два рожка с мороженым, шоколадное протянуло Коле и направилась дальше, а Коля дёрнулся было рукой в карман, немного помялся и бросился быстрым шагом догонять свою спутницу.

Догнал.

– А это... У вас тут как бы коммунизм? Платить не надо? Девушка как будто даже опешила от вопроса, хотя уже много позднее Коля понял, что это была реакция на слово «коммунизм».

– Как это?! Я заплатила!

– Когда?

Ох, и опять объяснять. Но Милена, как обычно, была чрезвычайно деликатна.

– Прости, думала, ты заметил. Заплатила через меню символов, только ты их не видел. Всё-таки банковские операции в публичный доступ не принято выводить...

Только сейчас Коля припомнил лёгкие пассы руками, которые девушка совершила у лотка. Вроде, два или три...

– А в ваше время тоже лотки были на улицах, да?

И тут на Колю обрушился град вопросов. Как будто Милена терпела-терпела, и вдруг прорвало. Да, наверное, так и было.

Кем работал? Это было диалово? («Диалово» – это типа «круто».) А какие профессии были популярны? Слесарный ремонт? А ещё какой бывает? А чем кузовной от слесарного отличается? Сотовый телефон – это удобно? А что ели на обед в мастерской? И что, Иннокентий Аристархович вот так прямо к вам на старом... автомобиле приехал? А правда, что не у всех... автомобили были? Наличные деньги – а если потеряешь? А что девушки носили? Понятно, а Коле что больше нравилось? (И если бы тут ответить честно, то Коля запросто нарвался бы на «фу, как вульгарно».) Правда, что целоваться на улице на глазах у всех было нормально? В самом деле работали строго по времени? Что, серьезно был «отпуск»? К морю? И что, вы китайский в школе не изучали? Ты ни разу не был в Англии? А зачем на свадьбе свидетели? А ты застал Малевича? И на концерте «Битлз» не был? Ещё раз – жаль, что зарплата не в долларах?! Ты в США, что ли, работал? Что, правда было много толстых людей? Действительно на месте храма Христа Спасителя был бассейн? Как ты сказал... б-о-м-ж... это кто? Крым – Украина? Ах, да, что-то слышала. Не поняла, а что ты о таджиках так пренебрежительно? У тебя в самом деле были механические часы? Не джикуюешь? («Джиковать» – значит прикалываться). Не

представляю, как это собираться в одном месте, чтобы одновременно *сидеть* за компьютерами (об офисах). А ты в армии служил? «Армейка»? И в чём ирония? Что, правда сам из порохового оружия стрелял? Офицеры ругались матом?!

И то ли по Коле было заметно, что уже, блин, хватит на сейчас, то ли Милена что-то услышала такое странное, но вдруг опять повисла пауза. И вот стало обидно, что вкус мороженого как-то не распробовался, а оно же такое обалденное было... когда лизнул только! А там за её вопросами как-то незаметно уделал его, даже жалко, что продукт без удовольствия перевёл! Лотки ещё пару раз попадались, но Коля привык сам девушкам мороженое покупать, не просить же у Милены, чай не ребёнок.

Тем временем они обогнули Кремль, прогулялись по набережной, по Большому Каменному мосту (в кои-то веки название узнал) и вышли на Пятницкую.

– А я тут живу недалеко, – вдруг сказала Милена.

– Приглашаешь? – небрежно спросил Коля, но вроде даже как-то понадеялся.

– Прости, не сегодня.

Она что, серьёзно восприняла? Ну-у... раз так... ну, если «не сегодня», то подождём «завтра». И, увидев через переулок на параллельной улице лоток с мороженым, Коля придержал девушку за талию и попытался увлечь туда. Милена вдруг вздрогнула и резко отпрянула, с силой хлопнув по Колиной руке. Коля от неожиданности сделал шаг назад и под-

нял обе руки, мол, сдаюсь. Несколько прохожих посмотрели на них озадаченно, одна пара даже остановилась.

– Мил, это... ты чё?

– Ой, – Милена от неловкости вспыхнула, – у вас в самом деле незнакомую девушку можно было вот так обнять?

– Да не обнимал я... – Коля растерянно хлопал глазами. – И ты не незнакомая.

– Ну, малознакомая! Небольшая разница!..

– Мил, прости, я не знал, что у вас тут так всё... заморочено. А у вас это как бы не принято? Ну, сорри, не знал. Машинально вышло.

– Правда машинально? – спросила Милена, глядя исподлобья и как будто даже грозно. – И что, ты со всеми малознакомыми так?

– Ну давай, спроси: «А что ты с ними ещё машинально?». Ладно, Мил, давай без этих самых. У нас это, правда, ничего такого... Ты, это... Если я что не по-вашему, ты просто говори, ладно? Ну, и не обижайся, я же не со зла.

– Ладно, – буркнула Милена, но с места не сдвинулась, и ни напряжённая поза, ни строгий взгляд никуда не делись.

– Это... – Коля сделал шаг вперёд и на всякий случай остановился. – Руку-то поцеловать можно?

– Можно.

– А ногу?

Милена хотела то ли фыркнуть, то ли влепить пощёчину, но неожиданно для себя приснула в кулачок. Видно, у них

тут дефицит юмора, раз такое прокатывает, подумал Коля и как мог галантно поднял её руку к своим губам, чмокнул. И, довольный собой, направился туда, где мороженое. Милена уловила суть манёвра, догнала своего спутника и пристроилась рядом.

– Ну что, Капитан Галантность, позвольте предложить вам ещё мороженого?

Ну вот как тут отказаться?

– Мил, – Коля широко улыбнулся, – спасибо. Мороженого хочется, правда. Только неудобно... Но я всё отдам!

– Что отдашь?

– Деньги за мороженое. Я вот только разберусь, как тут что, и отдам сразу, как будут. А то пока, сама понимаешь, мне даже кредита не дадут. Но я ничего, заработаю...

Милена заулыбалась.

– Если так комплексуешь, можем на счёт Иннокентия Аристарховича отнести. Но вообще-то, – она подмигнула, – это мороженое недорого стоит.

Они купили ещё по рожку, вернулись к реке и какое-то время шли молча по набережной. Мороженое и вправду было очень вкусным.

– Вы... ты не проголодался ещё? – спросила Милена, когда они вышли к «Балчугу». – Можем перекусить. За счёт Иннокентия Аристарховича, конечно. Здесь рядом хороший ресторан есть.

– А что, – вдруг спросил Коля, – дедушка Кеша такой бо-

гатый?

– Да, – Милена ответила неожиданно серьёзно, – он очень богатый.

– Копил сто лет?

– Ой, Коля, и копил и тратил! Дача, на который мы живём – одна из пяти. Если честно, мне она больше всего нра...

– Дача???

– Ну да, – Милена не поняла удивления. – У него двухэтажный особняк на Патриарших и пять домов в разных уголках света. Видите ли, не любит он в отелях останавливаться. Хотя по конференциям мотается по всему свету. Естественно – учёный мировой величины.

– И что, он все свои миллионы...

– Миллиарды, – тихо поправила девушка.

– Он все свои миллиарды наукой заработал? – в голосе Коли явно звучала насмешка.

– Конечно. Зря иронизируешь. Дважды нобелевский лауреат, между прочим. Одни патенты ему немислимые суммы принесли. Управление мыслеобразами, как оно есть сейчас, он первым внедрил. Фильмы с эмоциональным восприятием – ещё несколько миллиардов. Два года потратил на комбинированное управление для военных – там ай-ай какой заказ был! Как раз тогда я учиться поступила, он у нас в МГУ преподавал, потом в аспирантуру к нему пошла...

– Военный заказ попилили? – усмехнулся Коля.

– Что сделали, прости?

– Ой, да ладно тебе. А то у вас тут, в будущем, государственные деньги не пият.

Коля растолковал смысл слова, они немного обсудили и выяснили, что и вправду не пият. Или Милена была такой наивной, хотя на неё не похоже.

Вернулись на Пятницкую, дошли до ресторана, сели за столик, сделали заказ. Вроде, тут всё было обычно, без подвохов. Конечно, если иметь в виду, что Коля в хороших ресторанах не был не разу. Но в недорогих он бывал, и там было то же самое, только попроще, без понтов. Хотя, конечно, официанты оказались такие вежливые, стало даже как-то неловко. Ну, и в обычном меню на бумаге, без всяких там символов, всё было понятно.

Вообще, ресторанов, кафе, клубов, театров, танцевальных залов и прочего развлекалова здесь было пруд пруди. Коля уже начал привыкать к необычным для него вывескам и рекламе и стал вроде как потихоньку понимать, что тут к чему.

Например, в одном из залов стены вдруг стали прозрачными, и он увидел мужчин и женщин в одежде девятнадцатого века, или навряде того, танцующих при свечах. Оказалось – голограмма, но такая реалистичная, что Коля даже почувствовал музыку, под которую двигались пары. Более того, выяснилось, что Милена в этот момент видела там же совершенно другую картинку.

– Поляризация настраивается на направление твоего взгляда. Для меня выбрали одно, для тебя – другое. А вооб-

ще, это школа танцев и танцевальный салон. Я в такой четыре раза в год на балы хожу, только в другой, в Камергерском. Если хочешь...

– Танцевать не умею! – отрезал Коля, получилось даже грубовато.

– Ой, смотри – птичий хор! – воскликнула Милена. – Сюда домашних птиц приносят, и их тут петь учат, иногда концерты устраивают. Я как-то была на таком в Ницце, очень красиво!

– По ходу, – резюмировал Коля, – у вас тут одна веселуха.

– Ты хотел сказать: «Как я понимаю из увиденного, в центре Москвы располагаются преимущественно развлекательные заведения»? А чему тут ещё располагаться?

– Ну-у... – Коля задумался, вспоминая что тут было в его время, то есть вчера. – Офисы...

– Места, где люди собираются вместе, чтобы одновременно посидеть за компьютерами? Я же рассказывала – нет ни офисов, ни компьютеров, ни рабочего времени. Если ты не занят непосредственно в сфере услуг, а, например, инженер или юрист, то можешь работать где угодно и когда удобно, главное, чтобы результат был вовремя в нужном месте.

Подали салаты. Милена ела что-то с заячьей печенью, а Коля на всякий случай заказал, что знал: «Цезарь» с курицей.

– А магазины?

– Ну, есть, конечно, мы с тобой прошли мимо нескольких,

но их мало... Это для любителей, в основном туда ходят те, кому за пятьдесят, кто помнит, как было раньше...

– Подожди, – пробубнил Коля опять с набитым ртом, но осекся, прожевал и только тогда продолжил: – А где вы еду покупаете, одежду, мебель...

– Из мимипика, – сообщила она как нечто само собой разумеющееся. – А органические продукты доставляют... Ой, прости. В твоё время уже были трёхмерные принтеры?

– Что-то слышал.

– Ну вот, допустим, нужна тебе тарелка. Ты заходишь в каталог тарелок...

– Мыслеобразом?

– Не-ет, как ты мыслеобразом в каталог войдёшь?

Ой, да, действительно, конечно – глупый вопрос! Мыслеобразы же только, чтобы душ регулировать да «Астон Мартин» по лесу пулять!

– Через телек, – продолжала Милена, улыбнувшись. – Выбираешь модель, размер, цвет, материал, а потом отправляешь на мимипик, и он производит.

– И что, эти мимипики в каждом доме стоят?

– В каждом, – подтвердила Милена. – Они входят в социальный минимум. Только размеры и картриджи для социальных очень скромные. А у нас на даче очень мощный стоит, и картриджи – хоть корову производи.

– У нас на даче?

Что ж в голове-то у него, а?

– Ну да, – кивнула Милена, будто не заметив подоплёки, – в доме, где мы живём.

– Меня вы тоже на таком трёхмерном принтере распечатали?

В вопросе был вызов. Девушка это почувствовала. Иннокентий Аристархович предупреждал, что такие ситуации будут возникать. И всё равно вышло неожиданно.

Но ответила Милена, как всегда, честно, и при этом легко, как будто не придавая значения сказанному.

– Да, принцип такой, только устройство сложнее. И материалы не стандартные, не из каталога. Так сказать, индивидуальный заказ.

Коля нахмурился. Но подали тушёную медвежатину, которую порекомендовала ему Милена, а ей самой принесли перепелов, и они отвлеклись. Если честно, обоим хотелось отвлечься.

Вернулись к вечеру. Коля вдруг подумал: как это классно – просто гулять! Что ж раньше-то никто не подсказал? Кино, конечно, хотелось посмотреть, и Милена обещала перед ужином ему ещё что-нибудь включить. Но целый день по преображенной Москве за ненапряжной беседой – это было... «круто» почему-то думать не хотелось... это было... Коля так и не подобрал подходящего слова, но точно понял смысл. Было легко, весело, беззаботно и спокойно. И в первый раз в жизни ему действительно не хватало слов.

Он даже забыл покурить, но вечером вспомнил. И Пекиныч, под обещание «не больше двух-трёх штук в день», устроил целое представление с выбором сигарет из каталога (и Коля выбирал размеры, цвет, материал фильтра, сорта табака и даже вкус через какое-то модное устройство) и последующей распечаткой на трёхмерном принтере сразу пачки целиком.

Потом ужинали у реки впятером – вместе с Пекинычем, лодочником Петром Робертовичем, который, как выяснилось, тут был «вообще по хозяйству», и Ли Сы. В основном расспрашивали Колю о его времени, и он с удовольствием рассказывал, а что не знал – додумывал, но так, без фанатизма. А вино, вкус которого вчера не ощутил... ну... что-то в нём было...

Ник радостно вертелся под ногами, заискивал, и ему перепало со стола.

Потом он на веранде второго этажа, куда выходила его комната, Коля курил и пил пиво, и с ним немного постояли Милена и Ли Сы.

А ночью ему приснился сон. Этот сон потом повторялся всю жизнь, до конца его дней. Иногда часто, иногда редко. И когда было редко, он молил Бога, чтобы сон приснился ещё. Это была мирно спящая маленькая девочка со смешно разбросанными по подушке волосами.

Милена вошла в комнату, сбросила туфли и повалилась

на кресло. Не то чтобы натрудила ноги, да и вина выпила гораздо меньше, чем в прошлый раз, но день оказался насыщенным и ярким. Хотя, казалось бы, просто гуляли. С Колей. Автослесарем из прошлого, который, наверное, первый раз в жизни целовал руку даме. Милена улыбнулась, вспомнив, как церемонно он это делал, даже не замечая собственной неуклюжести.

Она вызвала профессора, тот ещё не спал и откликнулся сразу, хотя уже был в одном из своих тёмных шёлковых халатов поверх пижамы. И в тапках. Именно так – в тапках!

– Доброй ночи, Миленочка, – профессор привычно посмотрел вверх своих очков в толстой оправе. – Как ваши дела?

– Ох, прекрасно, Иннокентий Аристархович, аж ноги не держат! Набегалась со щеночком. Так вроде тихий-тихий, а нагулялась с ним изрядно. Днём ещё в Москву слетала. Простите, к вам не заскочила.

– Да ничего, – махнул рукой профессор, – отдыхай. Тут мы и без тебя управляемся. Да и нет пока ничего такого серьёзного, где твой острый ум...

– Ах, оставьте, старый ловелас!

– Хотел сказать, где твоя природная шустрость потребовалась бы. А со щеночком и Ли Сы дай поиграть, не всё одной-то. А то ведь знаю я щеночков, загоняет ведь.

– Точно, – кивнула девушка, – пусть Ли Сы его дрессирует. А то сегодня и впрямь платье чуть не порвал, лапки-то

шаловливые.

– Хорошо, – согласился профессор. – Завтра сам прилечу.
С наставлениями.

Они попрощались и разъединили связь.

* * *

Иннокентий Аристархович на своём небольшом тёмно-синем пинге прилетел совсем рано, в шесть утра. Коля сидел на крылечке и курил. Он равнодушно посмотрел на пинг, остановившийся почти у его носа (и укативший в ангар, как только профессор вышел), на самого профессора и продолжил курить, глядя в одну точку. За горизонт, откуда недавно взошло солнце.

– Доброе утро, Коля.

Профессор присел рядом, снял очки и принялся протирать их белым платочком. Коля мысленно за ночь наговорил ему столько слов... А сейчас вдруг вспомнил как Милена никогда не обижается... Так ведь тоже можно? Может, так даже проще? А по-честному, и обида как-то сама собой куда-то... Чувствовалась лишь усталость и подавленность. Он проговорил, постарался спокойно, но получилось сквозь зубы:

– Ох и наворочал ты дел, дедушка Кеша... – И неожиданно спокойно добавил: – Я Машку во сне видел.

– Накатило, наконец? Думал, это раньше произойдёт. А

ты ещё тогда спрашивал, почему родственников своих «за десятку не наташил».

– Садист! Ваше козёл!

– Всё во имя науки, Коля.

– Ну вот свои бы копии и клепал во имя науки! Или тоже нахерачил уже? Дебил в очках.

Дедушка Кеша отрицательно покачал головой.

– Мы делали тогда снимки мозга у нескольких людей. У себя, разумеется, тоже. Отбирали пробы тканей, ДНК, само собой. Разрабатывали психологические портреты, чтобы создать точную модель. Но получился ты один. И больше никого не будет.

– Что? – Коля злорадно усмехнулся, искренне злорадно. – Случайно разок вышло?

– Нет, конечно. Случайно остальное не получилось. При нынешних технологиях я хоть весь НИИ три раза могу накопировать со стопроцентным совпадением. Только, Коля, это... Ладно, вижу, ты в норме, давай начистоту, – но тут дедушка Кеша вдруг осёкся и замолчал.

Из-за угла появился Пётр Робертович. Он был в одних шортах, и Коля поразился. Даже на секунду забыл про свои переживания. Это была не мускулатура культуриста, а... настоящая сила, как бы... Как если бы под кожей были не мышцы, а стальные канаты. По торсу Петра Робертовича градом катился пот, и блики восходящего солнца играли на рельефе мышц. Рядом, радостно тявкая, вприпрыжку нёсся Ник.

Пётр Робертович коротко кивнул Коле с профессором и с разбегу бросился в реку, а Ник едва не влетел за ним в воду, успел остановиться у самой кромки и, недовольно фыркая, принялся отряхиваться от накрывших его брызг.

– Поговорим потом, – сказал профессор серьёзно, поднимаясь и надевая очки. – Держись, мужик. И... – Он хотел что-то сказать, но передумал и просто повторил: – Держись. – Помедлил и всё же добавил: – И... ты здесь, с нами. А там... ты остался там, как будто ничего не произошло. У Маши был папа, у Ани был муж, он от них никуда не делся, так что за женщин своих не переживай. А скучать, конечно, будешь, это уж куда деваться... Ладно, пора завтракать, Пекиныч овсянку с тыквой обещал.

Пока сервировался столик (сам, конечно, не руками же тарелки с кухни таскать), Коля гулял по берегу и тосковал. И вздрогнул, когда кто-то легко тронул его за плечо.

– У вас ведь так можно... было? – тихонько спросила Милена. – Коснуться плеча. Только учти, извиняться и руку целовать не буду.

Коля улыбнулся. Натянута, конечно, получилось.

– Можно. И, если что, руку целовать тоже можно. Ногу тоже, но только тебе. А этому профессору я...

– Пойдём, – Милена взяла его под руку и потянула к столу. – Кашу сейчас подадут. И, пожалуйста, держись. А мы поможем. Кстати, знаешь, почему люди вздрагивают? Это от древнего инстинкта «бей или беги». Сначала в мозг прихо-

дит сигнал об опасности – неожиданный раздражитель, и запускается та самая инстинктивная реакция. А затем этот же сигнал обрабатывается в префронтальной коре, и в результате анализа ситуации мозг приходит к выводу, что опасности нет, и тормозит реакцию. Всё это происходит за доли секунды, но мозг успевает подать сигнал мышцам, а потом остановить движение. Поэтому человек лишь вздрагивает ... – Она немного виновато посмотрела на Колю. – Понятно? Не слишком сумбурно объяснила?

Коля пытался слушать и, вообще, как мог старался оставаться адекватным. По-честному. Только кидал на бабушку Кешу уничижительные взгляды.

Тему прошлого за завтраком не то чтобы старательно обходили, просто не касались. Наоборот, говорили о нынешнем времени. Выяснилось, что паластрум от латинского «*plaustrum*», повозка. Пинг... тут сложнее. Впервые такое средство передвижения в массовое производства запустила фирма Apple. Как раз в то время её купили китайцы, а «пинг» по-китайски – яблоко. Кстати, крылья и всякие там лопасти у него не выдвигаются, а как бы «вырастают», пинг просто меняет форму фюзеляжа. «Диалово» («круто») – тоже из китайского. «Джикуешь» – от английского «*joke*», шутить.

Но не удержались. Истинный фурор произвели выражения «телек», «как бы» и «типа». Ну и самое-самое, от чего все смеялись до слёз (Коля сам не заметил, когда он такое брякнул, а Пекиныч услышал и не постеснялся повторить в

обществе): «На бесптичье и жопа соловей».

Не отпустило, но полегчало.

А сразу после завтрака дедушка Кеша пригласил Колю прогуляться. Так сказать, растрясти кашку с тостами. Они взяли по стаканчику с кофе и пошли вдоль реки.

Дедушка Кеша шёл... Именно так: дедушка Кеша. Коля не мог, да и не хотел воспринимать его по-другому. Это тот самый очкарик (до сих пор очкарик, хотя у них в будущем, наверняка, можно как-то без очков), который заманил его десяткой на тот самый эксперимент «сфотографировать мозги». И было это... позавчера? Или позапозавчера? Всё смешалось. И яркие впечатления от «будущего», Милена ещё тут такая вся растакая, всё это отвлекло на время. А вот при- снился сон, и накрыло. Вспомнилось и, наконец, дошло – он не в гостях, и он больше никогда не будет дома. С другой стороны – для них, кто остался там, в две тысячи седьмом, ничего не изменилось. Тот Коля никуда не исчез. Вон, даже сапоги купил. А вот здешний, распечатанный на принтере Коля их больше никогда не увидит, уже больше никогда не войдёт в двушку в Кузьминках, никогда не ущипнёт Аньку за попу и не крикнет дочке с порога: «Эй! А ну марш отца встречать!». Держаться было трудно. И раньше бы Коля и не сдержался, нахамил бы кому-нибудь и напился бы. Но... осознание этого ещё не пришло, но где-то уже пробивалось. Здесь не те люди. Здесь не принято хамить или напиваться. Коля видел, как все вокруг ненавязчиво пытаются ему по-

мочь. Помочь справиться. Даже когда ещё он сам не осознал, с чем ему придётся справляться.

А Милена... С Анькой остался её муж, так что тут никаких таких комплексов не было. Только вот... как же всё, оказывается, сложно!

Дедушка Кеша шёл вдоль самой кромки воды. Он ещё у столика снял ботинки, и Коля вслед за ним тоже снял, и вода иногда накатывала на ступни, было немножко зябко, но приятно, тем более, что кофе всё оставался горячим, и о стаканчик можно было греть руки.

– Коля... Даёшь слово сохранить в тайне то, о чём я тебе сейчас расскажу? – спросил дедушка Кеша, не поднимая глаз на Колю, глядя лишь себе под ноги.

– Даю слово, – серьёзно ответил Коля.

– В твоих же интересах, – веско и очень значительно произнес профессор. – Сейчас поймёшь. Эксперименты по сканированию и воссозданию мозга мы начали ещё в девяностые. В нулевые исследования подпитались серьёзным финансированием, мы много что пытались делать, но дальше сканирования дело не шло. Первые эксперименты по воссозданию мозга мы начали с две тысячи десятого, но результаты были нестабильны. В две тысячи двадцатом мы пришли к выводу, что на сто процентов воссоздать мозг можно только в теле, также воссозданном на сто процентов. Предвидя такое, мы у всех, у кого сканировали мозг, отбирали образцы тканей, создавали физиологический, психологиче-

ский и чёрт знает ещё какие портреты, чтобы получить полную картину личности. К две тысячи двадцать третьему мы имели технологию, которая позволяла получать такую картину на сто процентов. Но лишь спустя пятьдесят лет, уже после Войны, мы разработали технологию воссоздания личности. Однако к этому моменту был введён строжайший запрет на клонирование, и воссоздание личности по тем «сто-процентным» «сканам» подпадало под этот запрет.

– И я вернулся к своим старым файлам. К твоим... Или нашим с тобой... В общем, – дедушка Кеша вздохнул, – вот всё, что у меня было: результаты сканирования мозга, анализы образцов тканей и видеозаписи. И это стало моим самым выдающимся достижением в жизни. Которое, – профессор усмехнулся и поправил очки, – так и останется непризнанным. Точнее, не известным научной общественности. Мы разработали модель личности по обрывочным данным, но при этом добились стопроцентного «попадания». Величайшее, скажу я вам, молодой человек, научное достижение! Подпадает ли такое воссоздание личности под определение клонирования, я не знаю... Никто не знает. Поэтому эксперимент проводили в тайне у меня на даче. Готовился я к нему лет десять, даже больше. Чтобы точно никаких следов... – профессор опять усмехнулся и добавил то ли с иронией, то ли с гордостью: – Всё-таки за мной следят лучшие разведки мира.

– И чё? – Коля остановился и посмотрел прямо в глаза

дедушке Кеше, но тут же отвёл взгляд. А потом взорвался: – Да чё ты ваще за хрень тут устроил?! Мне тут теперь...

– Прости, Коля, – профессор не дал ему договорить, – пока не знаю. А что? Живи тут пока, наслаждайся. А там придумаем что-нибудь. Давай только переждём немного, в себя придём.

– Хренасе, «наслаждайся»! Да... да... – слова правильные Коля подобрать не смог, а от возмущения ещё и дух перехватило. – Да похрен мне на твои секреты и грёбаные эксперименты! Слышал?! ПОХРЕН!!! Я чё тут теперь должен... – и он запнулся, подбирая слова.

– Ты про «золотую клетку» хотел сказать? Не совсем правильная была бы аналогия. Мы придумаем что-нибудь. А пока – будь гостем. Да и пережить всё это вот так, в домике у реки, проще, чем если бы тебя в «большую жизнь» выпустить. Поверь, современный мир ничуть не проще того, из которого я тебя перенес.

Коля молчал. Обдумывать не получалось, он был разъярён! И ещё было себя очень жалко. Сквозь вихрь переживаний мелькнула мысль: а ведь мечтал же о беззаботной жизни, точнее, фантазировал, как о несбыточном, а тут вот на тебе! Сам же хотел! Но Кеша реально козёл! Вытащил, не предупредив, урод, хрен знает куда! А тот, «настоящий» Коля... И вдруг дошло! И на месте ярости вдруг образовалась пустота.

– Кеш... а я... когда...

Дедушка Кеша остановился, повернулся к Коле и внима-

тельно посмотрел ему в лицо. Потом снял очки, отхлебнул кофе. И сказал глухо:

– А вот с этого момента давай разделять «я» и «он». Он умер в семьдесят три. Его родители, жена, дочь... – но тут профессор не выдержал и отвернулся.

– Я могу на могилы съездить?

– Сейчас нет, а в принципе, конечно. Только, пойми правильно, нам это нужно организовать.

– Да пошёл ты в жопу со своими «пойми правильно»! Сам себя вытащи куда-нибудь и понимай правильно!

Но дедушка Кеша молчал, лишь шёл вдоль реки да отхлёбывал из стаканчика.

– Кофе-то хоть попробуй, – вдруг сказал он, глядя под ноги. – Вкусный. И он-то ни в чём не виноват.

– Да виноват!!! – заорал Коля, и оставшиеся у стола замерли и уставились на него. – Вы все тут виноваты!!! – проорал он куда-то в небо.

– Ты здесь, Коля. И раз я сумел тебя перенести в этот маленький мир, то смогу вытащить и в большой. А тебе придётся потерпеть, нравится тебе это или нет. Если, конечно, не хочешь стать подопытным кроликом для людей менее деликатных. Нет, если хочешь, *нивапрос*, – слово из прошлого ударило как электрический разряд, – поехали, высажу тебя в центре Москвы, и иди куда хочешь.

– Хочу!

– Подумай ещё раз. Головой, если умеешь.

И вдруг резкое яростное дыхание сбилось, и опять накатила опустошённость, а раздражение вдруг сменилась тоской. Кидало то в жар, то в холод. Коля обречённо кивнул.

– Кеш... а я был...

– Он был, – мягко поправил его профессор, – он был хорошим человеком, Коля. Каким будешь ты – зависит от тебя. Вот, возьми, – он достал из внутреннего кармана и сунул Коле старый пожелтевший конверт. – Почитай потом, когда вернёмся.

– Что это? – Коля схватил конверт и принялся было вскрывать, пытаясь поддеть ногтем приклеенный уголок, но профессор накрыл его руку своей.

– Подожди. Почитаешь у себя в комнате. Не на ходу.

Сзади послышался резкий вой рассекаемого воздуха, и они оба быстро обернулись. С неба почти вертикально пикировал огромный чёрный истребитель. Коля такое видел в кино, поэтому уже знал, что это. Огромный – потому что в Колино время истребители были гораздо меньше, а этот был метров сорок в длину и метров пять в сечении, размах могучих крыльев достигал метров пятидесяти, наверное. Где там кабина, пилоны (так, вроде?), пушки-бомбы-лазеры и что там у них ещё имеется, Коля разобрать не смог, потому что конструкция была очень сложной конфигурации. Истребитель на сумасшедшей скорости свалился с неба, и, уже почти врезавшись в воду, выровнялся в горизонт, пронёсся над рекой и мягко приземлился на лужайке у дома. Потом, на-

много позднее, Коля выучил выражение «виртуозно погасил скорость до нулевой в точке касания».

– «Грифон» последнего поколения, – прокомментировал профессор. – В небоевой атмосферной конфигурации. За Миленой.

Но Коле не до того было. Не до Милены с истребителями. Вообще не до того! В ушах бешено стучало, но пелена с глаз стала спадать, ярость гасла, в очередной раз сменяясь тоской. Внутри было пусто. Совсем. Не совсем. Себя было жалко, до слёз.

Они развернулись и побрели к дому, так же, вдоль воды. Молчали и смотрели на небольшие набегающие волны.

Дедушка Кеша вздохнул.

– Прости, повторяться приходится... Держись! Если что, я до обеда здесь, ближе к вечеру улечу в Москву, у меня несколько встреч допоздна. А вон и Миленочка к нам бежит! Попрощаться, наверное. Ты уж ей не дерзи, хорошо? Эх, – дедушка Кеша по-стариковски крякнул, – и что она в тебе нашла? – Профессор пожал плечами. – Наверное, что-то, что мы с тобой пока сами в тебе не рассмотрели.

Коля пропустил эти слова мимо ушей и попытался зашвырнуть стаканчик в реку, но профессор успел схватить его за руку, отчего обоим досталось по несколько горячих капель.

– Если хочешь, швыряй, конечно, – мягко сказал профессор. – Только завтра, хорошо?

Подбежала Милена и что-то начала быстро говорить про то, что ей надо, но ненадолго, что она сегодня же постарается вернуться, чтобы Коля тут с Ли Сы... Но Коля не слушал, а просто шагал вдоль реки. Стаканчик он в воду не зашвырнул, но ни глотка из него так и не сделал.

Он забрался в лодку, пришвартованную у небольшого причала, шлёпнулся на банку и достал конверт. В лодке он просидел до полудня, а потом ушёл к себе в комнату и больше не показывался до конца дня.

Это было письмо, написанное от руки. Старое, как только бумага сохранилась...

«Привет, Коля!

Странно обращаться к самому себе вот так. Раз ты это читаешь, значит, тебя ещё раз «разбудили», и моё письмо до тебя дошло. Я пишу тебе, не зная, сделают ли они это ещё раз, а если сделают, то когда... И получишь ли ты эти страницы... Но вдруг...

Меня «разбудили» через восемь лет после сканирования, в две тысячи пятнадцатом. Они не смогли восстановить тело, поэтому данные перекачали в мозг другого человека. Это был мужчина, который погиб, но мозг было возможно пересадить. Короче, чего-то там поколдовали, и я оказался в чужом теле. Но воспоминания перенесли чётко. Просто показалось, как будто сканирование продолжается, только тело вдруг ослабло. Сутки привыкал к телу, руки-ноги не слуша-

лись, есть не получалось и походы в туалет не контролировал. Но пообвыкся, а через несколько дней уже выполнял в спортзале все упражнения. Курить, сволочи, не давали совсем, но потом понял, что правильно сделали. Этот предыдущий владелец тела не курил и вообще такой спортивный был.

Колька, это первое открытие, которое я сделал. Или осмыслил. Не кури и занимайся спортом! И ешь (раньше бы сказал «жри») поменьше, правильное и вовремя. Вообще реально по-другому себя чувствуешь! Даже мозги по-другому работают. Раньше, ты помнишь, на пятый этаж пока зайдёшь, так лёгкие наружу, а сейчас легко!

Эксперимент по «пробуждению» от всех держали в секрете. «Разбудили» три месяца назад. И я скоро умру. Совсем скоро. Мозг так и не прижился в новом теле. Хотя поначалу всё шло хорошо, но потом началось какое-то отторжение. И я снова не в состоянии ходить, и меня уже скоро будут кормить через трубочку. И пока я могу держать ручку, я пишу. Для меня это последний шанс сказать тебе то, что хочу сказать. И вдруг будет ещё шанс, ещё одно пробуждение...

Колька! Какой бесцельной жизнью мы с тобой жили!

Сначала меня вообще долго никуда не выпускали. Я жил в лаборатории где-то за городом, мне разрешали гулять во дворе под присмотром очень крепкого санитаря, иногда приезжал молодой профессор из Москвы, который ещё тогда на сканировании аспирантом был (Кеша, тот самый «очкарик

на Фокусе»). Давали смотреть телевизор, бродить по Интернету, но писать ничего нельзя было сначала. Потом позволили создать страничку в «Контакте», но под чужим именем и с левой фоткой.

А через две недели привезли меня. Того, настоящего. И я увидел, во что он превратился за десять лет. Колька, это не время безжалостно, это мы можем жить достойно или недостойно. Это мы решаем, какими нам быть, и как нам жить. Раньше я так не думал. Казалось, что как ни бейся, если ты не родился в семье олигарха, то суждено тебе всю жизнь гайки крутить. А потом пить пиво и играть в приставку. Не вырвешься из этого. И эти фразы: «А что я могу сделать? Нет, если бы мне дали возможность...». А когда я увидел себя сорокалетнего... Я заплакал. Полысевший, с брюшком и постоянно харкающий от курения. В замызганной куртке, засаленных джинсах и стоптанных ботинках.

Знаешь, все две недели до этого я общался с молодыми ребятами-лаборантами и с профессором. Колька, какие это люди! Я раньше таких и не знал. А если бы встретил где-то, то не стал бы с ними разговаривать, не о чем было, и считал бы их занудами-очкариками. А в мире столько интересных людей, столько умных книг, хороших фильмов и мудрых мыслей! И столько возможностей!

Я спросил его: «Колька, как ты до этого докатился?» Знаешь, что он ответил? «Ну, а что я мог сделать?». А лаборанты, аспиранты и профессор реально по жизни что-то делают.

За небольшие зарплаты и за большую научную идею! Они не оторваны от реальности, наоборот, они создают то, что через десятки лет преобразит мир.

Сейчас Чехова рассказы читаю. Они короткие, что-то длинное уже могу не успеть. А первым прочитал Достоевского, «Братья Карамазовы». Это единственная книжка, которую мне в палату положили. Вот машинально открыл... а потом как-то втянулся. Коль, реально круто! Я же не знал, что Достоевский так живенько пишет, думал, занудство это всё. А сейчас мне остались дни или недели, и я только и могу, что читать. И я так хочу прожить подольше, чтобы ещё прочитать, ещё услышать Моцарта и Баха и ещё поговорить с профессором и ребятами. Я никогда так сильно не хотел ЖИТЬ!

Последний раз мы с ним встречались несколько дней назад. И я ему сказал, что ещё не поздно, ещё всё можно изменить! А он отвечает: «Ну, ты мне скажи, что делать конкретно». И я ему про книжки, про возможности в жизни, а он: «И чё? Прочитаю Достоевского, и меня сразу на работу возьмут с большой зарплатой? Или, если не прочитаю, то не повысят? И чё, все, кто на «мерсах» ездят, они Достоевского прочли?».

И я для себя так это сформулировал. Если ты станешь другим человеком, станешь лучше, то твой мир станет больше. Откроется то, о чём ты не думал. И я ему сказал: «Я не знаю, какие возможности у тебя появятся, если ты возьмёшь-

ся за себя. Но если продолжишь плыть по течению, то, скорее всего, никакие не откроются». Я репетировал эту фразу целый день перед встречей, подбирая слова... а он так и не услышал. И я вспомнил, что писал Достоевский: «Зачем что-то делать, когда можно просто мечтать».

Знаешь, что бы я делал, если бы вернулся в свои тридцать? Или даже в сорок, ещё не поздно. Я бы прочитал все книги, я бы слушал классику, я бы смотрел хорошие фильмы и отключил бы антенну у телевизора (это меня один аспирант научил, говорит, сразу появилась масса времени). Я бы пошёл учиться. Не знаю, на кого. Только не на абстрактно менеджера, а на какие-нибудь курсы по специальности. И выучил бы английский. И точно перестал бы халтурить, и работал бы по-честному, со всей отдачей. Занялся бы спортом. Никогда не думал, что фразу «в здоровом теле здоровый дух» надо понимать буквально. И, знаешь, всё бы получилось. Точно знаю. Может, не сразу. Но кто-то бы заметил перемены во мне, как-то я бы продвинулся по жизни. А там видно было бы. Я ему всё это сказал, а он мне: «Ой, да мне уже поздно учиться, да и денег это стоит немеряных». Спрашиваю, каких денег на кого стоит учиться – понятия не имеет.

Знаешь, кем он работает? Продавцом запчастей. И всё. И если не произойдёт чуда, то этим всё и закончится. А он говорит: «Еще хорошо, что такая работа есть, а то у нас вон мужики вообще без работы сидят или машины моют». Ну,

и, мол, у них там как ни учись, никуда не продвинешься, что зам. директора и директор «свои люди» владельца магазина. Бубнит: «А кто меня куда возьмёт, сюда-то по благу устроился».

И всё, что он хотел, это вытащить нас на какое-то ток-шоу на телевидении, чтобы «срубить бабла». А что? Привет из прошлого, герой научной сенсации, всё такое. Но профессор какие-то связи подключил, в общем, ему объяснили, что история останется в тайне и будет рассекречена через много лет. И его то ли напугали, то ли денег дали, а может, и то, и другое, но он, вроде, никому ничего не сказал.

Нам с ним оказалось не о чем беседовать. Совсем. Кроме новостей, как дома и как на работе – не о чем. Нет, сначала было интересно послушать, как там футбол, что он купил домой и «какую тачилу в кредит взял». В Турцию два раза отдыхать ездили, потом кредиты отдавали. Телефон сотовый свой новый показал.

А знаешь, пока его ко мне не привезли, очень интересно было, куда техника шагнула, как мир за десять лет изменился. А потом, как с ним встретился, так всё опустилось. Плакал до утра. Реально плакал. Мне же тогда, тридцатилетнему, казалось, что всё ещё впереди, что скоро всё наладится, потому что не может не наладиться. А оказалось, что никаких таких перемен. Помнишь, как у Макаревича?

Так верили, что главное придёт,

Себя считали кем-то из немногих,
И ждали, что вот-вот произойдёт
Счастливый поворот твоей дороги.
Но жизнь уже как будто на исходе,
И скоро, без сомнения, пройдёт,
А с нами ничего не происходит,
И вряд ли что-нибудь произойдёт.

А я скоро умру. Но есть то, что заставляет меня цепляться за жизнь. Это надежда. Я уйду, но на свете останется несколько частичек меня. Мало кому выпадает такой шанс, чтобы сразу несколько.

Я видел Машку. Ей двенадцать. Ему разрешили пригласить меня домой. Колька, у нас ещё есть дочка Василиса, ей сейчас пять. Я не увижу их взрослыми и не узнаю, как сложилась их жизнь – профессор отказался сканировать мой нынешний мозг. Но как хочется, чтобы их увидел ты! Чтобы не было слишком поздно, чтобы ты мог их обнять и прижать к себе. Я им тоже написал письма, чтобы доставили через десять лет, сейчас ещё рано, да и вся эта секретность...

Колька, у нас прекрасные дочери! Мне разрешили провести у него дома всего час, да этого оказалось и достаточно. Он представил меня как своего знакомого. Я увидел Аню. Она тоже изменилась. Видно было, что очередной гость ей в тягость, но за этим чувствовалось, что ей в тягость вообще все. Был четверг, и они оба говорили: «Слава богу, завтра

пятница». А в выходные – магазин, готовка, уборка и телек. Может, в кино. И детей в зоопарк, если погода будет хорошая. А я смотрел на сорокалетнюю, немного располневшую женщину и понимал, что люблю её, люблю, как никогда не думал, что могу любить. Что в прежней жизни рядом был человек, к которому привык, привязался. Но я тогда даже не представлял, насколько этот человек родной.

Какие всё-таки у нас дочки! Я смотрел на них и понимал, что они не будут такими, как он. Не знаю, почему, но я это видел. Они немного посидели со взрослыми и быстро убежали. А я ему что-то пытался про воспитание... Эх, да было бы кому... А на прощание я дочек обнял и поцеловал. Когда я коснулся руки Машеньки, я думал, сейчас взорвётся и мозг, и душа и весь мир! И Василиса... в прежней жизни ее не было, совсем. Но я прижал её к себе и услышал, как бьётся сердечко. Родное-родное. Частичка меня. И тебя.

Знаешь, за что бы я отдал все на свете самые интересные фильмы и вообще всё, что в кино, по телевизору и в игровой приставке? За то, чтобы хотя бы десятую часть этого времени, на развлекуху потраченного, просто гулять в парке. Семьёй. Аня, дочки – они ведь всегда были так близко, а мы с тобой были от них слишком далеко. Мыслями и душой мы слишком часто были не с ними.

Больше я к ним не ездил. Хотя, завтра меня отвезут посмотреть на них из машины. Я попросился в последний раз их увидеть.

И вот ещё. Знаешь, какая мысль была первая, когда я понял, что меня «разбудили» через десять лет? Как на этом срубить бабла и как бы тот прежний Коля мне конкуренцию не составил. Не знаю, когда и с какой мыслью «проснулся» ты. А знаешь, что бы первое я спросил сейчас? Живы ли мама и папа.

Я был на их могиле. Они вместе. Если бы «проснуться» на полгода раньше, я бы успел застать маму и с ней поговорить... И ещё раз услышать её, услышать, что она скажет. Хотя, нет, слова-то помню. Только вот смысл приходит лишь сейчас.

Чувствуешь, как изъясняться стал? Скажи, не как раньше! Это польза литературы. Хочется поставить смайлик, но культура не позволяет)))

И ещё одна моя надежда – это ты. Проживи так, чтобы у нас с тобой были потомки, и чтобы они тобой гордились. И чтобы мы гордились ими.

Когда уже обратно в клинику возвращался, песня по радио была. «Ромео и Джульетта» Галанина. Послушай... Может, поймёшь что... Меня зацепило. А может быть, ещё успеешь их застать.

Удачи!

Коля»

И ещё в конверт была вложена фотография. Семья.

Он плакал. Лежал и плакал. В подушку, в рукав, уткнув-

шись в стену. Пытался вспомнить лица, прикосновения, запахи, жесты, слова. Самые-самые мелкие детали. Вспоминалось легко, потому что было совсем недавно. И накатывала новая волна, и он опять плакал. Беззвучно, лишь непривольно дёргая плечами.

Уже когда солнце начало клониться к горизонту, в комнату вошёл профессор. Без стука, только скрипнула половица. Вошёл, снял очки и серьёзно посмотрел на Колю.

– Прочитал? Переживи сегодняшний день, Коля. У тебя новая жизнь. И ещё один шанс прожить её достойно.

– Спасибо... тебе... сказать?... – сквозь всхлипывания в три приёма сумел проговорить Коля. – Вершитель судеб хренов!

– За шанс? Это уж тебе решать. До завтра.

И вышел.

И Колю мысли совсем унесли, и время остановилось, и дальше всё было как в забытии...

... как на дне рождения у Андрюхи познакомились с Анькой, как с родителями ходил в цирк и обляпался мороженым, как в сервисе чуть машина с подъёмника не грохнулась, как Машку на шее катал, а она его описала, как зимой в школе железный забор лизнул, как папа ушёл из дома, а потом вернулся, как Машка, визжа, на санках каталась с горки, как умерла бабушка, как в садик пришёл с новой машинкой, как родители «отмазывали» от армии, а он понтовался, мол, пойду послужу, как на первой работе спёр коробку шурупов, а

его поймали, как первый раз курил за школой и закашлялся, как неумело объяснялся Аньке в любви и как, если приходил не поздно, кричал с порога: «Эй, ребёнок, а ну марш отца встречать!», и как приходил поздно, и как непростительно часто это делал, и как папа отходил его ремнём за разбитую дверцу серванта, и мамины пироги, и папин шашлык, который сам так и не научился готовить...

... и он, опять переживая уже оставшуюся позади жизнь до мельчайших, почти забытых деталей, изо всех сил цеплялся за прошлое.

Очнулся он, когда на улице уже было темно. Стояла глубокая ночь. Небо было ясным, мерцали звёзды. Скрипнула уже почти родная половица, дверь открылась, и в проёме возник знакомый силуэт. Уже привычный взмах каре... Привычный и такой... долгожданный? В руках у Милены было что-то массивное, но Коля не разглядел, что именно. И как будто чашки позвякивали.

– Уже, конечно, за полночь немного, – почти шёпотом проговорила девушка, – но я подумала... Может, согласишься чаю со мной попить? Мы тут с Фёдором Пекиновичем плюшек тебе напекли. Быстренько как смогли... Хотя, на ночь вредно, конечно... Можно войти?

Коля сел на кровати и опять заплакал. Но сейчас плакать было легко.

Пафосные рестораны Иннокентий Аристархович не любил. Был когда-то давно в жизни период, когда появились первые настоящие деньги, которые открыли жизнь с неизвестной доселе и даже где-то неожиданно приятной стороны. Но интерес к роскошному антуражу так и не появился. Нет, вкусно поесть профессор был отнюдь не дурак, но по возможности старался столоваться тем, что готовили его повара, коих было три – дома в Москве, на даче в Истре и в НИИ.

А уж как место для деловой беседы рестораны он вовсе не рассматривал, если только не был вынужден. Но и в родной, а впоследствии собственный, НИИ он абы кого приглашать не любил, предпочитая выбираться для встреч в офисы собеседников.

Со временем, когда необходимость в офисах постепенно стала сходиться к нынешнему небольшому уровню, и офисов как таковых становилось всё меньше, а ресторанов всё больше, последние заполнили нишу, предлагая клиентам бизнес-помещения. Появились разнообразные «переговорные» практически на любой кошелёк, и в конкурентной борьбе победили те, что предоставляли не только столы и стулья в четырёх стенах, но и какой-нибудь перекус или ещё что-нибудь дополнительное. Появились «тематические» места для делового общения: курительные, бильярдные, или, напри-

мер, совмещённые с бассейнами. Однако особой репутацией пользовались и самую высокую цену выставляли те, которые гарантировали от прослушивания.

Впрочем, был один ресторанчик, который Иннокентий Аристархович любил. «Леся». Он принадлежал украинской семье, столиков там насчитывалось пять, и кухня была домашняя, из настоящей печи. Но об этом мало кто знал.

Виталий Вениаминович Пожарский и Марат Генрихович Гутман, крупные российские бизнесмены, о маленьком пристрастии нобелевского лауреата не ведали, а вот о его лёгкой антипатии к роскошным ресторанам им было известно вполне, поэтому они предложили встретиться в «Сити-Клубе» – хорошем месте для деловых встреч в «Москва-Сити». Непонятно почему Иннокентий Аристархович любил этот островок архитектуры вековой давности, и с причудами старика приходилось считаться.

С обоими предпринимателями профессор был знаком, встречались на мероприятиях, но близко не сошлись.

Встретились в пять пополудни. Комната для деловых бесед была одной из лучших в «Сити» – на высоком этаже, с видом на реку, на Дом Правительства и парк на противоположном берегу.

Немного поговорили о неважном, но к делу перешли быстро, как только подали чай.

Пожарский, статный мужчина с окладистой бородой, в простом костюме без галстука, уверенно, несуетливо взял в

руки чашку с блюдцем, немного отпил и важно кивнул, одобрив тонкий вкус. Затем изрёк:

– Очень высоко мой отдел перспективных проектов оценил ваши последние работы по ментальному управлению. Изрядно были впечатлены, – у Пожарского был глубокий проникновенный баритон, и говорил он степенно, придавая каждому слову особый вес.

Иннокентий Аристархович склонил голову, обозначая благодарность за высокую оценку и её приятие, весело сверкнул стёклами очков, но ничего не сказал, продолжил слушать.

– Вот мы и подумали... Вы же нас, предпринимателей знаете, – Пожарский сделал ещё глоток и лукаво улыбнулся сквозь бороду. – Мы ж из всего пытаемся выгоду извлечь. Уж не обессудьте...

Профессор откинулся в кресле с чашкой чая и продолжил внимательно, лишь с чуть заметной иронией, смотреть на собеседника.

– Ну так мы подумали, может, посодействовать могли бы исследованиям вашим?

«Надо было сказать – мож, пособить чем? – Иннокентий Аристархович чуть было не рассмеялся. – Работать и работать ещё над имиджем!»

– Как именно посодействовать? – профессор постарался изобразить искреннее непонимание.

Хотя мысли о содержании предстоящего разговора впол-

не имелись. Скорее всего, предложат финансирование промышленной разработки с тем, чтобы впоследствии разделить доход от производства. Более половины своего состояния Иннокентий Аристархович сделал таковым или схожим образом, а потому разговор вызывал у него интерес. Не будоражил, как много ранее в подобных случаях, нынче он был обыденным, рутинным, но если есть возможность, так отчего ж отказываться?

– Мы предлагаем вам, – отчеканил Гутман, который до сего момента так и не притронулся к чаю, – финансирование промышленных разработок. В частности, нас интересуют системы ментального управления вычислительными системами.

Гутман был совсем другого склада, чем Пожарский. Невысокий, грузный, коротко стриженный, с носом картошкой и оттопыренными ушами. Говорил спокойно, по делу, чётко формулируя мысли и правильно подбирая слова.

– Ну-у... – протянул Иннокентий Аристархович, – вряд ли мы с вами здесь техническую революцию устроим. Вас ведь, думаю, интересует предприятие, которое изрядный доход принесёт, необычайный. А управление вычислительными системами с помощью мыслеобразов – оно уж всюду повсеместно используется.

Гутман быстро зыркнул на Пожарского, а тот вдруг рассмеялся, как-то надрывисто.

– Ох, лукавите, Иннокентий Аристархович, – проговорил

он сквозь смех, – аль скромничаете!

Иннокентий Аристархович улыбнулся, но не ответил, лишь пожал плечами и перевёл взгляд на Гутмана, который, наконец, сделал глоток чаю, быстрый, нервический, но тоже расплылся в улыбке.

«Вот ведь ведут себя как клоуны, – подумал профессор. – Меж тем, сами-то отнюдь не шуты, огромные деньги заработали, пусть даже оба при изрядных стартовых капиталах, унаследованных от не менее предприимчивых отцов и, бери шире, дедов и прадедов. А эксцентричность нынче-то в моде, и, коль есть возможность, что ж и не покуражиться? Вполне объяснимо и извинительно. Да и повеселее так-то будет».

– Очень надеемся на откровенный разговор, господин профессор, – снова вступил Гутман. – Давайте сделаем так: мы вам выскажем наши соображения, а вы подумаете? – И, не уловив какого-либо возражения, а наблюдая лишь интерес собеседника, продолжил: – Системы ментального управления вычислительными системами, о которых вы упомянули, в практике предполагают также некоторые физические действия. Например, подтверждение операции, совершённой мыслеобразами, с помощью меню символов или технического средства. Самый простой пример: если в отеле вы устанавливаете будильник, то время пробуждения и тип будильника вы вводите мыслеобразами, но для подтверждения вам всё же придётся сделать жест рукой. Для более сложных

систем потребуется подтверждение через личное меню символов. Мы же говорим о таких системах, когда все эти действия можно будет выполнять лишь мыслью. Подчёркиваю – лишь мыслью и ограничиваясь, когда ментальная команда будет достаточна для выполнения операции. Как нам всем известно, единственным ограничением для отказа от дополнительных действий является то, что называют «случайной мыслью». Мы осмелились предположить, что вы близки к преодолению этой проблемы.

– Да-с... – Иннокентий Аристархович задумчиво посмотрел вдаль, на парк за рекой. – Впору вам вашим перспективным отделам названия сменить... «Промышленный шпионаж» – дефиниция, конечно, в лингвистическом смысле изрядно устаревшая, однако ж, полагаю, вполне уместная.

Гутман нервно дёрнул уголками губ, а Пожарский довольно улыбнулся. Даже как-то само-довольно. Но не заспорили. И то хорошо, не юлят.

– Вам известно о нынешней стадии исследований? – произнёс Иннокентий Аристархович с вежливой улыбкой.

Собеседники поняли эту улыбку правильно – профессора осведомлённость предпринимателей о его разработках, пусть даже к тому времени и не опубликованных, не удивила, да и не расстроила ничуть.

– Известно, – ответил Пожарский с лёгким поклоном.

«Да чёрта тебе лысого известно! – весело подумал профессор и почему-то вспомнил о Коле. – Было б известно, не

финансирование бы разработок предлагал, а лицензию просил. Вызнали-то вызнали, да поди ж не всё».

– Так мы тут покумекали, – продолжил предприниматель, – да и набросали идейки-то наши. Вот, – он протянул профессору лист уже забытого ныне «флекса»: устройства, заменившего в начале двадцатых планшеты, а вскоре и обычную бумагу.

«Что ж не на бумаге-то? Как во времена, к коим архаический имидж отсылает?» – иронически подумал профессор и вздохнул.

– Так, Иннокентий Аристархович, взгляните на досуге. Может, и пробудится интерес-то...

Иннокентий Аристархович согласился взглянуть вскорости. На том и порешили.

* * *

На Истринскую дачу Иннокентий Аристархович и Ли Сы вернулись за полночь. После встречи с предпринимателями профессор отправился в НИИ, где коротко поделился содержанием беседы со своим управляющим, Григорием Никитичем Потёмкиным, а затем вместе с учёными углубился в результаты исследований дня минувшего и думы на день грядущий. «Ой, а оно заразно», – весело отметил он, поймав себя на велеречивых «думах».

Спальня хозяина дачи располагалась на третьем эта-

же, прямо над комнатой, выделенной Коле. Спальня была небольшой, однако современные технические достижения и высокий вкус хозяина позволили сделать её обстановку не только уютной, но и далеко не спартанской. К спальне при-
мыкал изящный балкон с видом на реку, точно над верандой
Колиной комнаты.

Сон у Иннокентия Аристарховича, несмотря на возраст, был вполне себе здоровый, а временами даже чересчур. Но, опять же несмотря на возраст, профессор себе спуску не давал и, если не было извинительных обстоятельств, строго следовал режиму. Поэтому он привычно проснулся в шесть тридцать утра от позвякивания чашки с чаем, доставленной ему в комнату. Иннокентий Аристархович медленно разлепил веки, поморгал, привыкая к свету. Вдохнул аромат свежесваренного чая и улыбнулся наступившему дню. Он сел на кровати, сунул ноги в тапки, потянулся... Было совсем тихо, тоже как обычно по утрам. Однако с улицы, с реки, через открытую дверь балкона доносились какие-то странные всплески. Профессор надел один из своих любимых шёлковых халатов (сегодня он выбрал голубой с ярко-жёлтым солнцем во всю спину и с лучами, сходящимися на груди), взял блюдце с чашкой и вышел на балкон.

Одна из лодочек лихорадочно металась посреди реки. Коля отчаянно лупил вёслами по воде, вздымая столбы брызг, а Пётр Робертович, ожесточённо жестикулируя, видимо, пытался объяснить Коле, как грести правильно. Оба были в тре-

нировочных брюках, босиком и голые по пояс, их майки и спортивные туфли валялись, небрежно раскиданные на берегу.

Пётр Робертович... Петька Шереметьев... Позывной «Бриз»... Обрывки радиообмена... «Тяж на девять часов!»... «Ладья – Бризу! Уходи, прикрою!»... «Три беспилотника на восемь, расходятся»... «Два трёхсотых, один двухсотый, гражданские в порядке!»... «Крок – Бризу. Академик еле ноги переставляет. Хоть на себе тащи. Может, закопаем его здесь до весны, пока снег не сойдёт? А в апреле вернёмся, выведем?»... Оглушительный взрыв, а за мгновение до него – падение лицом в снег и навалившийся сверху человек в чёрном «Ратнике»...

Профессор было уж совсем погрузился мыслями в прошлое, но от воспоминаний его отвлекла вышедшая на порог дома Милена. Мужчины в лодке её не видели, и она не знала, что Иннокентий Аристархович на неё смотрит. Девушка с полминуты, сложив руки на груди, понаблюдала за интенсивным усвоением урока гребли, одобрительно тряхнула своим каре и вернулась в дом.

Иннокентий Аристархович повторил одобрительный кивок, мысленно согласившись с тем, что в мальчишке что-то есть, и тоже вернулся в комнату.

Поскольку все встали, завтрак наметили на половину восьмого. С погодой опять повезло, поэтому завтракали всё

так же на берегу. И Коля, и Пётр Робертович явились к столу последними, однако точно ко времени. Оба были возбуждённые, только вот Коля своего состояния скрыть почти не мог. Однако, вежливо пожелав всем доброго утра, он затем почти всё время молчал, лишь на еду набросился прямо-таки остервенело!

Остальные беседовали вполне оживлённо. В основном обсуждали вчерашнюю встречу Иннокентия Аристарховича с предпринимателями, которую тот пересказал немногословно, но красочно. Милена и Ли Сы отпустили несколько иронических замечаний как о манере поведения обоих бизнес-партнеров (они встречались прежде при разных обстоятельствах), так и, уже вполне серьёзно, поговорили о коммерческом интересе к пока что секретным разработкам.

Неожиданно в разговор вступил Пётр Робертович. Как всегда, по делу и лаконично:

– А в чём, думаете, интерес этих людей?

Иннокентий Аристархович посмотрел на него, хитро прищурившись сквозь очки.

– А очевиден! – выпалил Ли Сы. – Всё как обычно, не раз такое бывало. Финансирование разработки в обмен на право использовать технологию. Как любой новый продукт – кто первый выходит на рынок, тот снимает сливки. Ещё и эксклюзивные права попросят!

– А я думаю, – заговорила Милена, застыв с ложкой варенья, – что их может интересовать какая-то часть... Какое-то

конкретное применение технологии. Например... не знаю.

– Например, управление военными комплексами, – помог ей Иннокентий Аристархович. – Чтобы получить заказ от Министерства обороны и выступить единственным поставщиком?

– Вряд ли, – тут же вставил Ли Сы. – Всем известны особые отношения нашего НИИ с военными. Иннокентий Аристархович не допустит, чтобы разработки, которые могут быть использованы для обороны, вышли из-под контроля.

Коля поднял было голову, чтобы поинтересоваться чем-то, наверное, упомянутыми особыми отношениями, но ничего не спросил и вернулся к тарелке. Сегодня Фёдор Пекинович приготовил гречневую кашу с кедровыми орешками, и Коля уже почти расправился с третьей порцией.

– Он о Войне спрашивал, – вдруг серьёзно сказал Пётр Робертович, кивнув на Колю.

– Думаю, – тихо сказал профессор, внимательно разглядывая круассан, который он старательно обмазывал вареньем, – если действительно они имеют в виду что-то определённое, то это ментальное управление банковскими счетами.

Милена вдруг поставила чашку кофе на стол и откинулась в плетёном кресле, которое тут же отреагировало, услужливо подстраивая спинку под новую позу. Она прищурила глаза, задумавшись, и Иннокентий Аристархович, уловив ее состояние, едва заметно кивнул.

– Коля! – вдруг весело воскликнул он, – а не прогуляться ли нам вдоль берега по недавно заложенной, но уже прочно вошедшей в обиход традиции?

Милена наклонилась к Колиному уху.

– «Отчего ж, милый профессор! – просуфлировала она одними губами, но все, конечно, слышали. – Однако, ежели опять сюрприз в рукаве припасли, как вчера, тогда уж увольте, отнюдь!»

Все рассмеялись, а Коля, как умел, церемонно кивнул девушке и вдруг выдал:

– Ну что ж, веди, сюрпризов кладезь! Очередной раз приложи меня лопатками наземь!

Первым заплодировал дедушка Кеша, и тут же к нему присоединились остальные. А профессор сквозь смех тихо-тихо добавил:

– Солнце русской поэзии, б...дь!

– Если совсем коротко, то к две тысячи двадцать пятому году китайская популяция сибирских городов и деревень составляла уже почти половину населения. Китайцы стали заявлять о своих правах, усилились политические требования. Дошло до массовых акций, похоже, подогреваемых из Китая, а, может, и из США вместе с Европой. Тогда они ещё выступали единым фронтом, хотя раскол западного общества наметился гораздо ранее... Коля, ты кофе пить будешь? Или водную цель себе подыскиваешь?

Они опять шли вдоль берега, опять держали стаканчики с неостывающим кофе. В этот раз Коля... нет, он не был спокоен, и эмоции всё ещё бушевали. Но было видно, что он старается взять себя в руки... И что, наконец, приходит полностью осознанное: «Это случилось. В реальности. Со мной».

– Наземная у меня цель, – буркнул Коля. – Только отойди подальше, чтобы не в упор метать.

– У-у-у... – задумчиво протянул дедушка Кеша. – Петька тебя так шутить научил? А быстро схватываешь, выюнош!

Коля сделал глоток кофе, надо сказать, с наслаждением, и злобно зыркнул на профессора.

– Ты, дедушка Кеша, не отвлекайся от своей политинформации. Так что там с китаёзами?

Профессор кивнул и продолжил:

– Так вот, китайское население сибирских городов начало заявлять политические требования. Точнее, ещё раньше в местных и региональных законодательных органах стало появляться всё больше китайцев и солидарных с ними традиционных представителей местного населения разных национальностей. Потом дошел черед до уровня региональных министров, судей... Китайцы и их лоббисты стали проникать во все сферы власти и уже начали выходить на федеральный уровень. Надо сказать, тогдашний Президент, ориентируясь на своего кумира Путина... Путина ты застал, да? Ну, конечно, застал! Правда, не во всей красе, но представление имеешь. Так вот, тогдашний Президент совершил действие,

но не решительное и сильное, как он думал, а просто резкое – он ограничил политические права китайцев. Просто так, по национальному признаку, без учёта гражданства. Тут же китайцы возопили о нарушении прав. Страсти разжег перманентный скандал в СМИ, а потом напряжение вылилось в массовые акции. Президент, с одной из цитат из своего кумира на устах, правда, вырванной из контекста, жёстко разогнал одну демонстрацию, ещё жёстче пресёк другую, а потом случилась просто резня. Видимо, спровоцированная, скорее всего, европейцами. По крайней мере, на тот момент это была рабочая версия. Американцы к тому времени утратили свою мощь, а вот разогревать толпу для влияния на власть, европейцы у них успели научиться. К сожалению, уроков было преподано множество... Ну, и то ли задействовали Китай, то ли вместе всё организовали...

Дедушка Кеша покачал в своем стаканчике дымящийся кофе и после паузы снова заговорил:

– Понятно, что Китай отреагировал. Конечно, они были наготове, а вот наше руководство до последнего момента не верило. Китай ввёл в Россию войска для защиты своих соотечественников. И началась Война, самая жестокая за всю историю. К тому моменту технические средства для ведения боевых действий были развиты уже чрезвычайно, однако, основной боевой силой всё равно оставался человек. Да оно и нынче так... И, наверное, всегда так будет. Потери Китая с самого начала были огромны, да и с нашей стороны, хотя и

меньше, всё равно в итоге исчислились тридцатью восемью миллионами... Так вот, противник быстро продвинулся на нашу территорию, захватив практически весь юг страны до Урала и большую часть Сибири. Это ещё Япония не вмешалась, хотя, то и их и уберегло в итоге...

– Ядерные бомбы сбрасывали? – не удержавшись, перебил Коля.

Профессор отрицательно покачал головой.

– Маломощное ядерное оружие использовали как тактическое, а так – нет. Война велась за территорию, а Китаю не хотелось заражать захватываемые земли. Наши же... Наверное, просто не успели. Вообще, всё это продолжалось два месяца, даже меньше... Так вот, когда развязалась эта бойня за Уралом и когда мы уже было перешли в контрнаступление, НАТО, которое к тому моменту существовало уже лишь на бумаге, вдруг объединилось и начало войну против России с Запада. И арабы напряглись, размышляя, то ли вмешаться, то ли подождать.

– Так это как?! – воскликнул Коля, разгорячённый рассказом, – так это ж!!!...

– Да, друг мой, – спокойно кивнул профессор. – Мы тогда думали, что это конец.

– А я, то есть он... – Коля запнулся, в волнении уставившись на профессора.

Но раньше, чем Коля успел сформулировать вопрос, дедушка Кеша ответил:

– Ты, тот, который остался... Вы уехали. То есть, ты увёз семью...

– В деревню к Анькиной бабке?

– Да, – кивнул профессор. – А потом ты вернулся в Москву и пришёл в военкомат.

– Я?!

Это было очень не похоже... на него, на Колю. На того Кольку Афанасьева, который остался там... и который существовал здесь до сегодняшнего утра. Вернуться, чтобы пойти на фронт? Бросить семью... Ладно, вылезти из безопасного места, чтобы пойти на войну?

– Ты изменился, Коля, – мягко сказал дедушка Кеша и похлопал его по плечу. – Ещё тогда. После встречи с тобой вторым, который написал письмо. Удивительная штука получилась, да?

– Ладно, дедушка Кеша, – Коля смущенно нахмурился, – что там дальше-то с Войной?

Профессор пожал плечами, мол, дальше, так дальше.

– А дальше Китай остановил наступление на Россию и перешел на нашу сторону в войне с Европой. И всё закончилось. С тех пор, если посмотришь на карту России, вся Западная Сибирь заштрихованная. Она с тех пор находится под общей юрисдикцией с Китаем.

– Чё? – Коля реально опешил.

– Ну, вот так заморозили конфликт. Надо сказать, с тех пор обе стороны ведут себя предельно этично, прямо-таки

по ван Зайчику... ой, прости, ты же не читал... В общем, мир изрядно перекроился с «нулевых».

Какое-то время шли молча.

Вот как странно... Коля теперь знал о Войне, но только со слов. В боях участвовал тот, другой. Тот рядовой Николай Афанасьев пошёл на фронт...

– Дедушка Кеша, а я... – Коля замялся, не смог сразу сказать.

– Нет, – профессор по-доброму усмехнулся и покачал головой, – нет. Ты не погиб. Правда, и героем не стал. Провёл несколько месяцев в танковой части, в ремонтном взводе. А потом вернулся домой и забрал семью. Всех трёх своих... Коля!

А тот остановился и зажмурился. На ресницах блеснули слёзы.

– Я сейчас... – проговорил он и всхлипнул. – Сейчас... Ты говори, что там дальше...

Дедушка Кеша взял Колю за локоть и, увлекая неспешно вперед, продолжил рассказ:

– Прямо перед тем, как вмешалась Европа, а ситуация тогда казалась совсем критической, и все уже были готовы к ядерной войне, мы, наконец, закончили разработку орбитальной залповой системы «Прометей». Бить эта штука могла хоть из-за Луны. Мы тогда первые такую сделали...

– Дай угадаю, – вдруг сказал Коля. – Хиросима и Нагасаки?

– Да, только Париж.

Коля оцепенел.

– Да, Коля. Первая в истории орбитальная бомбардировка. Хорошо хоть хватило ума и этики французов предупредить, чтобы население эвакуировали.

– В смысле? Мы их предупредили, что будем бомбить?

– Да, предупредили. Настолько были уверены, что никакие ПВО их не защитят. Так и случилось.

– А чего китайцев сперва не разбомбили?

– А вот как только монтаж и настройку «Громовержца» закончили, так и ударили. Сразу же. Это случилось на третий день после вторжения сил НАТО. И на второй после объявления Китаем о прекращении боевых действий в Сибири и создании военного блока с Россией. И это был предпоследний день Войны. Следующим вечером в Тегеране был подписан мирный договор. Потом ещё согласовывали контрибуцию... Но это так уже, без фанатизма. Хотя, китайцы тогда всё-таки успели приобрести контроль над интересными активами. Опять-таки, по-китайски: получив контроль, но не вмешиваясь в суть.

– А потом? – нетерпеливо спросил Коля, невоспитанно дергая дедушку Кешу за рукав.

– Ой, Коля, – тот отмахнулся, – да много чего потом. Мы с Китаем начали такую дружбу-любовь, что до сих пор взаимные чувства порою пересиливают здравый смысл, особенно с нашей стороны. Оттуда же и мода на китайские имена.

Блок НАТО окончательно распался. Но Европа в последнее время опять набрала силу, а с другой стороны, воспоминания о Войне потеряли остроту, так что с ней всё более или менее пока спокойненько... Вот только на месте Эйфелевой башни так и осталась воронка.

* * *

Ник вертелся под ногами и тьякал. Коля, как мог, постарался обрызгать щенка, но руки уже почти высохли, так что особо было нечем.

А щеночек-то вытянулся, лапами потяжелел. Вроде как неделю назад всего тут появился, в один день с тёзкой из прошлого, а уже пусть немножко, но всё-таки подрос. Да и сам Коля, пусть немножко, но всё же. Уже третий день он вставал в шесть утра, чтобы сделать зарядку вместе с Петром Робертовичем. Ну, то есть, зарядку – это слабо сказано. Двадцать минут на разогрев, а потом час жёсткой функциональной тренировки! Затем десять минут плавания для расслабления мышц и потом ещё двадцатиминутный урок гребли. В восемь завтрак, а после получасовая прогулка вдоль реки. Вчера, например, с Ли Сы выгуливались. А неплохой парень, надо сказать, хоть и зануда. В отличие от Милены, которая разбиралась реально во многом, Ли Сы был повёрнут только на науке. Но когда он говорил о мозгах, хотелось слушать и слушать! О мозгах говорил он ярко, интересно, увлечённо и

просто!

Опять же, в отличие от Милены, москвички из богатой семьи, Ли Сы происходил из какой-то сибирской деревни, но вот сумел выбраться, получить отличное образование, выбиться в люди. Да ещё и попасть в ближний круг *самого* Иннокентия Аристарховича Филатова.

В общем, парень был такой общительный, хотя тем для общения оказалось немного. Коля так и не смог его заинтересовать ни разговорами о прошлом, о начале века, ни о тачках... А потом... Хотя, не потом, скорее, это произошло вечером того дня, когда дедушка Кеша передал ему письмо от того, «разбуженного» в две тысячи пятнадцатом. Так вот, Коля вдруг понял, что с ним самим говорить не о чем. Так-то всегда, вроде, было о чём потрепаться и дома с Анькой, и на работе с мужиками, а уж с девками всякими он себе вообще соловьём казался. А тут – раз! И нечем собеседника увлечь. Не то чтобы Колю это напрягало... хотя, нет, всё-таки напрягало. В первую очередь, конечно, Милена. От неё реально начинало сносить голову. А он... он ей уже рассказал всё, что мог и что знал. Нет, они так же гуляли, ещё раз съездили в Москву позавчера, вроде как всегда находилось, о чём поговорить. Но как раз позавчера Коля как-то вдруг уловил, что и в прогулке, и в беседе, да вообще во всём тон задаёт Милена. Ненавязчиво, как будто всё само собой. Но Коля задумался. И стало... Раньше бы стало обидно, а сейчас – неловко.

Да, сильно за неделю – не сказать, конечно, что Коля изменился, но мозги реально развернулись. Да, прав был тот, из две тысячи пятнадцатого. Во всём прав. Кроме сигарет, конечно. Если две-три в день, это более или менее ничего, физкультуре не мешает. А на ночь на веранде затануться со стаканчиком пивасика, это в охоточку. А ещё под Пушкина (пока это была единственная Колина книга здесь, но он как-то даже увлёкся) – засыпалось вообще отлично. Уже касаясь головой подушки, вспоминал Аньку с Машкой и, неожиданно для себя, Василису, которую видел только на фотке, но сразу полюбил. А потом отключался, чтобы проснуться по будильнику в шесть и в половине седьмого уже быть на улице для физкультуры.

Вчера, кстати, ливень шел утром, но этому жизнерадостному старикану-физкультурнику всё пофиг. Реально железный человек! Коля было помямлил, что под дождём как бы не сильно полезно может оказаться, надо дожждаться врачей и посоветоваться, а то мало ли что. Но Пётр Робертович заявил, что даже если Коля сдохнет, то у дедушки Кеши полный шкаф запасных Колей, поэтому будем тренироваться и искать предел выживаемости в плохих погодных условиях. А грозы в начале мая, мол, вообще приводят Кешку (так и сказал – Кешку) в благостное расположение духа, поэтому, если что, может, Колю не сразу в реку выбросят, а попробуют подлечить. Мозги-то уж точно.

Но последствия физкультуры под дождем оказались са-

мые здоровые. Во время прогулки с Ли Сы мышцы приятно болели, история о строении таламуса (это такая хрень в мозгах, которая распределяет информацию от органов чувств к коре), казалась очень увлекательной.

– Ли Сы, – вдруг перебил Коля, – а у тебя девушка есть?

Ли Сы улыбнулся грустно, как Пьеро из кино про Буратину.

– Я ухаживаю за одной девушкой, – сказал он смущённо, – но пока без взаимности. Он принимает ухаживания, но дистанция между нами велика и никак не сокращается.

Всё понятно. Хотя, не всё понятно. По нынешним меркам, как Коля уже успел разобраться, если у мужчины есть работа, любая, он уже жених хоть куда. А у Ли Сы не просто работа, и не любая, а очень крутая, и по логике за ним должен быть шлейф из девок. Но вот этой чувырле, которая «принимает ухаживания» с дистанции, наверное, какой-то супер-пупер мега-мачо нужен, а не этот худой задрипыш. Высокий, правда, но они тут все какие-то высокие, вся Москва. Но чувырла – дура, Коле она не понравилась. Ли Сы, правда, показал фотку (теперешние фотки – это когда прямо в воздухе появляется качественное «три дэ»), ну так, ничего... Странно, что Ли Сы на Милену не запал, она ж совсем рядом... Хотя, конечно, хрен там разберёшь, кто на кого и почему западает.

Да и сама Милена... за ней-то уж точно очередь такая... Специфическая очередь, качественная. Ну, обыкновенные

же мужики понимают, что такая девушка им не светит. Фигура, внешность, лёгкий характер, юмор, интеллект – идеал! Да ещё из богатой семьи, да ещё и кандидат наук с крутой работой. Вообще нереально. Короче, девяносто девять процентов мужиков на Земле – сразу без шансов. По определению. Даже просто познакомиться. А вот смотри-ка – всё равно ни с кем не встречается. А Коля... С каждым днём он всё больше осознает, что его шансы стремятся к нулю, но каждый день, особенно с началом физкультурных занятий, у него появляется всё больше решимости. Она рядом, и у него... Вдруг вспомнилось из дурацкой комедии: «У меня есть шанс?» «Один на миллион». «Ура!!! У меня есть шанс!!!».

– А как ты за ней ухаживаешь? – серьёзно спросил Коля. Ли Сы немного нахмурился, как будто не понял вопроса.

– Ну как... Как все. Мы живём рядом, поэтому я после работы ей иногда цветы приношу.

– Она хоть чаю приглашает тебя войти выпить?

– Не-ет, – Ли Сы улыбнулся, – я ей букеты просто в корзине у входа оставляю. Но иногда мы ужинаем в ресторане. Ой, а однажды в театр ходили! Ей, правда, не очень понравилось... Вроде... Я ещё пригласил её танцами вместе заниматься...

– Ты! – вдруг воскликнул Коля, резко развернувшись и чуть не облив собеседника кофе (ну, традиция такая – чуть не обливать). – Ты! Занимаешься! Танцами!

– Да, – немного испуганно и окончательно смутившись, кивнул Ли Сы. – Нет, я ещё фехтованием...

– Короче, Склифасовский. Научишь меня танцевать? Только чтоб Миленка не знала. **ОЧЕНЬ НАДО!!!**

Ли Сы обрадовался и согласился.

– И ты это, – продолжил Коля, по-отечески положив руку Ли Сы на плечо, хотя несуразно получилось, Ли Сы повыше был, – пусть Робертович тебя рукопашке научит.

– Прости?

– Рукопашному бою.

– Это ещё зачем? – Ли Сы немного даже отшатнулся.

– Я это недавно просёк, – продолжил Коля. – Ну, тут времени-то подумать дофига. Вспоминал, какие люди к нам на сервис приезжали... Удивительно даже, сколько всего просто так в голове отложилось... Так вот, был один рукопашник, экс-какой-то там чемпион, а сейчас... ох... а *тогда* – инструктор по рукопашному бою. Так у него во взгляде такой металл был, что до костей пробирало. Уверенность в себе такая мужская. То, что девк... девушки любят. Я это с Робертовичем перетёр, он идею одобрил, мне сказал, через пару месяцев начнём учиться, когда тело в порядок приведём физкультурой. Так что ты, это... короче, велкам! Присоединяйся! А чё? Помесим рожи друг другу, и на танцы!

После обеда Милена и Ли Сы уехали в Москву в свой НИИ, обещали вернуться к вечеру, если сложится. Вернуть-

ся, кстати, сложилось, только Милене потом пришлось опять улететь. Ещё перед отъездом, сразу после обеда, Ли Сы предложил Коле посмотреть виртуальную экскурсию по Германии. С какого перепугу он про Германию вспомнил, до Коли дошло лишь следующим утром, а поначалу такой заход показался более чем странным. Ну, хотя, взялись повышать культурный уровень автослесаря из дремучих «нулевых», ну так давайте, мы не против. Спасибо ещё, что в такой ненавязчивой форме.

Вообще-то кино Коле давали смотреть раз в день, а то и два раза, только всё это были боевики и прочее развлекалово. Правда, надо сказать, развлекалово качественное. Да ещё и на третьем пси-уровне, вообще крышеснос! Короче, включили кино про Германию. Так, на полчаса. Сказали, если понравится, ещё такое будут включать. А нормально так оказалось, интересненько. Главное, как будто сам побывал! Реальность – полное погружение. Коля шагал по улицам Кёльна, погулял в Линце, а в Висбадене даже искупался в бассейне на крыше дома, причём зимой – ты плаваешь, над поверхностью воды поднимается пар, а под тобой старый немецкий город. А потом было казино. Там ещё сцену такую показали – русская тётка вошла в азарт и спустила кучу денег! Причём, антураж такой сделали, века девятнадцатого, наверное. Коля аж распереживался за эту тётку, вроде даже орать на неё пытался, мол, хватит, дура, остановись. А в конце показали табличку в этом казино. Там на немецком языке было

написано, что здесь, прямо в этом самом месте, русский писатель Фёдор Михайлович Достоевский проиграл все свои деньги, и чтобы расплатиться с кредиторами, написал роман «Игрок».

К вечеру пошёл дождь. Основательный, тяжёлый, надолго. Коля отправился вниз, стрельнуть что-нибудь перекусить у Пекиныча, и столкнулся на лестнице с Петром Робертовичем.

– Николай, – сказал Петр Робертович серьёзно, перегордив Коле дорогу, – я одно место знаю, там цветы полевые. Километра три с половиной отсюда. Если бегом, до ужина успеем. Ну как, нужен букетик?

Коля посмотрел в окно на дождь, хлеставший по реке, по траве и по окнам, и хлопнул Петра Робертовича по плечу.

– Отличная идея! Кто вы были по званию?

– Был? – Пётр Робертович расплылся в улыбке. – Полковник Шереметьев, позывной «Бриз»! – Петр Робертович выпрямился и щелкнул каблуками. Вроде в кроссовках был, а так залихватски получилось, красота! – Через десять минут у выхода в спортивном обмундировании, курсант!

И исчез. Просто как в воздухе растворился.

Ну, и побежали.

Одежда не пропускала воду, но майка и штаны были свободные, и влага проникала повсюду и отовсюду, и уже через пять минут Коля стал весь мокрый. Однако полковник с са-

мого начала задал такой темп, что холодная вода оказалась скорее благом. Небо нависало тучами и, несмотря на дневное время, было темно, как в сумерки. Вдали, где-то у Москвы, сверкали молнии, а потом небо грохотало – громко, раскати-сто. И какие бы ни развились сейчас технологии, какие бы ни изобрели материалы для спортивной одежды, – бежать было тяжело, мокро и скользко. По молодой траве, в которой подчас не видно ямок, кочек и упавших веток. Так было всегда, и сто лет назад, и тысячу. Так бегали в детстве под дождём... Только вот сейчас мама не выглянет в окошко, чтобы крикнуть: «Коля, немедленно домой!». Нет, сейчас нужно просто бежать. Быстро, чтобы не отстать, и размеренно, чтобы не сбилось дыхание. Так, как учил полковник на тренировках. И в этот момент вдруг показалось, что нет ничего – ни прошлого, ни будущего. Только он и полковник, и чёрное небо, и ливень... И где-то впереди цветы для любимой.

«Бриз» остановился неожиданно, и Коля чуть было не влетел ему в спину. Вот теперь дыхание сбилось, из горла пошёл хрип, и Коля повалился на траву. И мир в этот момент стал простым и понятным. Вот он, Коля, вот полковник, вот три жиденьких кустика со съёжившимися от дождя белыми бутончиками, вот дождь. И совсем рядом, в трёх с небольшим километрах, любимая девушка, близкая и почти родная. И ещё несколько очень близких людей. И где-то почти в ста годах позади другой Коля, совсем другой, со своей семьёй, своими радостями и печальями, и со своими близки-

ми людьми. Осознанно или неосознанно, но по-настоящему близкими и родными. И этот, нынешний, Коля всегда будет по ним скучать и всегда будет помнить их... Их глаза и голоса, интонации и жесты, слова и то, что между слов, их запахи и прикосновения, и их общие радости и печали. И в его сердце всегда будет уголочек, в котором все они остались с ним. Насовсем. И ещё тот, который написал: «Я никогда так сильно не хотел ЖИТЬ!». А сейчас есть он, нынешний, настоящий. В другом времени, в другом мире. И теперь это его время, его мир и его жизнь. Теперь это и есть настоящее. А будущее... оно совсем неизвестное, неопределённое. Только в этот раз Коля точно постарается, чтобы это будущее было светлым, интересным и ярким – для его близких и для него самого. Именно в такой последовательности.

– Тебе будильник на сколько завести? – полковник рывкнул прямо в ухо, и Коля подскочил от неожиданности.

– Полковник, – всё ещё тяжело дыша, произнес он, – знаете, почему люди вздрагивают?

– Трусы, потому и вздрагивают! Мне цветы только сорвать за тебя или подарить тоже?

Коля сделал несколько шагов вперёд и, прежде, чем надломить мокрые стебли, провёл ладонью по съёжившимся белым бутончикам.

Казалось, обратно бежать будет легко. Пусть опять по мокрой скользкой траве, под чёрным небом, сквозь тяжёлый ливень. Но мир теперь такой ясный, и всё понятно, и на душе

так светло! Но бежать было тяжело. Коля ещё больше скользил и спотыкался, раз упал и больно ударился плечом. Дыхание превратилось в сбивчивое сипение, а потом просто в надрывный скулёж. Но он топал, прижимая к груди под майкой несколько весенних цветов. Переставлять ноги было тяжело, потом ещё тяжелее, а потом совсем невозможно. Но привалов полковник не делал.

Милену Коля заметил метров с двухсот. Она стояла у порога в плаще, перехваченном в талии изящным ремешком, на каблучках, под зонтом. Рядом с домом покачивался её палатрум.

Коля перешёл на шаг, но даже идти было тяжело. Когда дошёл до дома, полковник хлопнул его по плечу и быстро вошёл внутрь. Коля остановился рядом с Миленой, совсем близко. На каблуках она была чуть выше него, но смотрела из-под ресниц, как будто снизу вверх. И улыбалась, как всегда, мило и почему-то немного застенчиво. А Коля так и стоял, прижав руки к груди. Девушка первая прервала паузу:

– Я тебя ждала... – она немного запнулась, а Коля замер, как будто боясь вымолвить слово. – Мне нужно уехать... Ненадолго, на несколько дней... – Она опять помолчала, а потом добавила: – Это по работе.

– А я... – просипел Коля. – Вот...

Он неловко задрал майку и осторожно отлепил от мокрого тела цветы. А потом одной рукой взял зонтик девушки, нечаянно коснувшись рукой её плеча. Милена осторожно взяла

цветы в руки, попробовала понюхать, и на её носу смешно заблестели несколько капель.

– Спасибо, – прошептала она, чмокнула Колю в щёку и запрыгнула с свой паластрум, услужливо распахнувший дверцу, как только она приблизилась.

Милена уехала, Коля остался, и вернулась реальность – чёрное небо, тяжёлый ливень, сбившееся дыхание, а с ними ещё и опасение простудиться и заболеть. Коля закрыл зонт и пошёл домой.

* * *

Июнь выдался тёплым и солнечным. Иногда что-то моросило, но лишь несколько раз ставшие традиционными завтраки на берегу пришлось переносить в дом из-за непогоды. Только профессор иногда поднывал, мол, скучает по майским грозам, а их в этом году не случилось в том количестве, которое позволило бы ими насладиться без ощущения недосказанности.

Колина жизнь на даче вызывала у него то же чувство недосказанности. Все устаканилось, хотя было понятно, что на время, только никто не знал, как надолго.

В шесть утра подъем, с шести тридцати до семи физкультура с Петром Робертовичем, через полчаса завтрак и потом прогулка вдоль реки за увлекательной и познавательной беседой, потом чтение или научно-популярный фильм.

В одиннадцать опять физкультура, только на этот раз жёсткая функциональная тренировка. Потом обед, потом опять чтение и кино, потом час рукопашного боя, ну, и ужин-беседы-прогулки-сон.

Читал Коля много и разное. Ещё в тот вечер, когда подарил Милене собранный для неё букет, он в комнате обнаружил книгу «Игрок». Ну, и как-то пришлось в охоточку после того фильма про Висбаден, и зачитался тогда до утра, ну вот так как-то и втянулся. Подсовывали ему книги разные, но пока времени не нашлось ни на что, кроме русских писателей «Золотого века». За месяц перечитал многих. Кроме Толстого. Ну, не шёл Лев Николаевич, и всё тут! Да ну и ладно, из без него было чем увлечься. И ведь реально увлёкся!

А вот фильмы смотрел все, какие рекомендовали. От сериала «Эволюция» о теории Дарвина до всяких там про Вселенную или про элементарные частицы. Особенно увлекательно было про теорию относительности, квантовую механику и потом про теорию суперструн, которую сначала доказали, потом опровергли, потом придумали новую, а название оставили старое, потому что суперструны, как выяснилось, всё-таки были, но совсем не такие, как о них думали сто лет назад.

Кстати, об элементарных частицах. В середине века, наконец, человечеству удалось обуздать многие «фишки» квантовой физики, в том числе «запутанные» частицы. Это такие частицы, которые ведут себя одинаково или связано на лю-

бом расстоянию. То есть, например, есть два «запутанных» фотона. Меняешь спин (кто не знает, потом, сейчас долго объяснять) одного, тут же меняется спин второго, на каком бы расстоянии они ни находились. Почему так происходит, Коля так и не понял, но это непонимание не отменяло факта – это реально работало. Связь, в которой применялась эта технология, была мгновенной вне зависимости от расстояний, даже быстрее скорости света (а, как Коля выяснил только сейчас, даже от Солнца до Земли свет идёт восемь минут, хотя, наверное, в школе это проходили). И прослушать переговоры между такими устройствами было невозможно в принципе, потому что никакой сигнал между ними не передавался. Устройства связи на «запутанных» частицах были очень дорогие. Простая рация на таких частицах, «запка», стоила как три элитных пинга.

Так вот, у дедушки Кеши был флекс на такой штуке (как планшет, только тонкий и гибкий, будто лист плотной бумаги, и ещё он мог выводить изображение, как телек). В Сеть Коле доступ не давали по понятным причинам: чтобы не привлекать внимание вновь появившимся потоком запросов с дачи. Жизнь профессора и так была предметом пристального внимания всех спецслужб мира. Но дедушка Кеша выдал Коле зап-флекс, у себя в НИИ скачивал то, что Коля просил, и быстро скидывал ему.

Вот ещё что. Когда Милена отлучалась, Ли Сы учил Колю танцам, Пётр Аркадьевич – управляться с лодкой, а потом с

яхтой, а Пекиныч – готовить.

Зато когда она была дома!.. Они гуляли, говорили обо всём, вместе смотрели фильмы, обсуждали книги, пили кофе на берегу. Милена взахлёб рассказывала об устройстве мозга, а Коля – о пневмоподвеске! Иногда он, прокручивая день, не мог досконально вспомнить, чем они занимались, о чём беседовали, но ощущение праздника было ярким и полным! Хотя и с пресловутым чувством недосказанности.

Ясно же, что Милена по меркам нынешнего мира – звезда! Молодая, безумно красивая, из богатой семьи, при этом умная, с прекрасной работой, очень высокооплачиваемой, рядом с *самим* Иннокентием Аристарховичем Филатовым. И не просто желающих пригласить на свидание, а реальных предложений замуж от очень крутых мужчин сыпалось хоть отбавляй. Но у неё никого не было. Почему – она не рассказывала, а Коля не спрашивал.

Однажды только обменялись фразами, когда девушка в очередной раз невзначай продемонстрировала знание военной техники. После очередных «Звёздных войн» она сказала, что в фильме перевертали, потому что в реальности лазерного луча не видно. Если только дым или большая влажность, можно наблюдать тоненький лучик, «росчерк». А там стреляли в пустыне, где «телек-то показывает не диалогово» (оказывается, для качественного объёмного изображения требовалась определённая влажность воздуха), а уж лазерный-то луч точно не увидишь. А в фильме росчерки свер-

кали направо и налево.

– Мил... – Коля так и обращался к ней, хотя уже приходила мысль о неэтичной фамильярности. – Ты столько всего про военное дело знаешь...

– У нас много военных заказов, а ментальные технологии «Дельты» вообще полностью на мне, – она сделала паузу. – Я встречалась с офицером «Дельты». Три года.

Коля оцепенел.

– Вы... Он погиб? – у Коли перехватило горло, и он запнулся.

– Всё в порядке с ним, – спокойно ответила Милена. – Но мы расстались год назад. Просто устала ждать. Каждый раз. И каждый раз неизвестно чего. Я и сейчас за него волнуюсь. Но уже по-дружески. Конечно, – она взяла Колю под руку, и дальше так и шли, – волнуюсь сильно, мы были близки и остались близкими людьми. Но это уже не *нестерпимо*, как было тогда.

– Так это!.. – вдруг воскликнул Коля. – Это Кельт, который за тобой на «Грифоне» прилетает?!

Девушка сделала шаг вперёд, повернулась к Коле так, что они встали лицом к лицу, взяла его за плечи и, мягко улыбаясь и глядя ему в глаза из-под ресниц, прошептала:

– Коля. Хватит.

Ну, и вот, закрылась тема. То есть, обсуждение. А вопросов-то в итоге больше, чем было, только вот не задашь...

Интереснее было с Ли Сы. Очкарик без очков, но тоже с

работой, да ещё с какой! И тоже девушки в очередь. Но вот ему нужна только неприступная красавица Машенька, которая живёт этажом выше. А та – ни в какую, хотя сама на социальном минимуме. И из-за этой мамзели Ли Сы не переезжает в хорошую квартиру или в дом. Ютится в соцминимум-вской квартирке, которую дали ему, ещё когда аспирантом стал. В общем, Коле Машенька заочно не понравилась, а так сюжет – хоть роман пиши! Вот, спрашивается, чего ей ещё надо? Или ждёт, что какой-нибудь олигарх на неё внимание обратит? Тоже ещё звезда выискалась! В общем, обидно за Ли Сы...

На днях за завтраком Коля вдруг выдал:

– Слушай, Ли Сы... Не моё дело, конечно. Но просто подружески... В общем... Только не обижайся, ладно?

Ли Сы внимательно, с лёгкой улыбкой, посмотрел на Колю, но ничего не сказал. Мол, давай уже, хватит вступлений.

– Короче, ты всё ходишь да вздыхаешь, а девушки же, они...

– Любят решительных, а я...

– Да нет же! – Коля махнул рукой. – Нужно что-то яркое! Романтичное, чтоб крышу снесло!

– Прости? – Ли Сы посмотрел на него с недоумением.

– Крышеснос... ох! – Коля нетерпеливо поморщился. Что за люди-то! Куда нормальный русский язык подевался? – «Снести крышу» значит «потерять голову». Устрой ей романтический вечер. С цветами... Стихи ей, что ли, напиши!

– Я не умею писать стихи, – спокойно проговорил Ли Сы. Как будто даже с грустью сказал.

– Хочешь, напишу? – предложил Коля, не задумываясь.

Все, кто был за столом, оторвались от своих тарелок и внимательно посмотрели на Колю, а Милена едва заметно прищурилась.

– Ну ладно, попробую как-нибудь что-нибудь изобразить, – проговорил Коля, смешавшись. – Чего не сделаешь ради друга! – И зачерпнул ложкой очередную порцию каши.

У Ли Сы покраснели уши, но все сделали вид, что ничего не происходит.

* * *

Вечером того же дня Милена, Ли Сы и Коля пили чай на веранде Колиной комнаты. Болтали, вроде, ни о чём, вот только Ли Сы как бы невзначай уводил разговор к тому, что же нравится девушкам. То пускался пересказывать фильм с любовной интригой, то вдруг, обнаружив в Колиной комнате томик Пушкина, намекал, что, мол, давайте возмущайтесь слащавой обольстительностью Дантеса, то «не понимал», что Ольга нашла в Обломове, вот Штольц другое дело... Коля и Милена делали вид, что вовсе не замечают возбуждения Ли Сы, которое после завтрака вроде бы поутихло, а теперь вдруг опять проявилось.

Беседу нарушил знакомый гул приближающегося «Гри-

фона». Только он не рухнул с неба, как делал это обычно, и не зашёл на посадку стремительно в лихом вираже. В этот раз истребитель шёл на небольшой скорости и снижался неспешно, а посадка была плавной и мягкой.

Все трое встали и подошли к перилам, огораживавшим веранду.

Первым из «Грифона» вышел офицер, которого Коля раньше не видел. Ростом он был чуть ниже среднего, коренастый. Он был затянут в чёрный «Ратник-3000МД», экзотическим, модернизированный специально для «Дельты».

– Сканер?! – почти воскликнула Милена. – Что же это такое...

До Сканера была сотня метров, даже больше, но Коля буквально почувствовал пронзительный взгляд офицера, когда тот, оглядывая окрестность, мельком посмотрел на балкон. Аж до мурашек!

Сканер коротко кивнул, и из люка появился Кельт, а за ним вышел мужчина в тёмно-синем костюме, белоснежной рубашке, без галстука.

Ли Сы тихонько охнул, а Милена присвистнула.

– Матвей Юрьевич Калинин, – прокомментировала она тихо, – помощник президента. Второй человек в государстве.

Коля посмотрел на неё с недоумением.

– Мил, я, вроде, новости смотрю, всех, вроде, видал...

– Калинин не появляется на публике. Серый кардинал.

Но власти, возможно, больше, чем у первого лица. И «Дельта», формально подразделение спецназа ГРУ, по факту – его маленькая личная армия.

Сверху было видно, как навстречу прибывшим быстрым шагом вышел профессор, как хозяин и гость тепло поздоровались, по-дружески обнявшись, и потом вошли в дом.

К офицерам, оставшимся снаружи, вышел Бриз. Они поприветствовали друг друга, как это было принято в «Дельте», хлопками по плечу. Этаким знаком «для своих». Коля и раньше видел, как Бриз приветствует бывших сослуживцев, но, когда он сам попытался поздороваться с полковником таким образом, тот аккуратно уклонился, а потом коротко и доходчиво объяснил: «Не дорос».

– А в наше-то время, – задумчиво произнёс Коля, не отнимая рук от перил, – такие «шишки»... – Он бросил ироничные взгляды на собеседников, стоявших от него по разные стороны, – такие высокопоставленные чиновники ездили на лимузинах.

– Всегда так было, и сейчас так, с поправкой на уровень техники, – проговорила Милена, не оборачиваясь к Коле. Она смотрела на офицеров, и у Коли вдруг опять кольнуло в груди. – Дай-ка подумать, – девушка сосредоточенно прищурилась. – Если бы каждый мой шаг контролировался всеми, кому надо и не надо, как бы я могла втайне от всех наведаться на дачу к старому другу? Я бы прилетела на таком транспорте, появление которого на даче старого друга не вы-

звало бы никаких подозрений. На чём-нибудь таком, что навевается к этому дому с завидной регулярностью!

Ли Сы ухмыльнулся. А Коля насупился. Ну, чего она про регулярность! Ещё и на этих мордovorотов уставилась!

Нет, конечно, и Кельт, и Бриз, и Дельфин, с которыми успел пообщаться Коля, и этот новый Сканер, со своим пронизывающим взглядом, ему нравились. И, если честно, нравились до... до ревности! Не к Милене, то есть, не только в связи с ней, а вообще. Но вот кто-то из них... Нет-нет, Коля, стоп! Сказано же было: расстались. И хватит. Да какое там на хрен «хватит»! Коля сжал перила так, что побелели костяшки пальцев.

А Милена посмотрела на него, улыбнулась и легко провела ладонью по его плечу. И ничего не сказала. А у Ли Сы опять покраснели уши.

Когда-то давно Матвей Юрьевич любил летать. Пассажиром. Любил аэропорты, «дьюти-фри», разгон по бетонке и момент отрыва самолета от полосы. Любил проснуться, скажем, через три часа после взлёта, выпить коньячку и опять уснуть. Но потом перелётов стало совсем много, а транспортные средства становились всё скучнее, и романтика постепенно сошла на нет. И даже полёт на истребителе о прежней романтике не напомнил. А ведь просил же ребят, мол, давайте стремительно, как вы умеете, но они в ответ одно: «Гражданским не положено». В общем, опять было скучно.

На истребителя настоял Сканер. Даже не настоял – назначил. «Ваш пинг не должен появляться там, куда Вы желаете пропутешествовать инкогнито». Он ему: «Так мою физиономию всё равно со спутника разглядят». А Сканер: «Дача Иннокентия Аристарховича, *помимо прочего*, прикрыта системой оптического подавления, с высоты более пяти тысяч всё видится размытым». Ну что тут сделаешь, надо уступать профессионалам.

Иннокентий Аристархович наведалься к Матвею Юрьевичу неделю назад. Не виделись они, почитай, уже полгода, ну, и засиделись до полуночи. Сначала к конторе помощника президента, а после отправились к нему домой пить чай, ну, и дальше что придётся. Говорили много и о разном. И о личном, и о рабочем, и так... И о прошлом, было что вспомнить, и о планах на будущее, но больше частью, конечно, о текущем.

Просьбу выправить документы для Николая Афанасьева Иннокентий Аристархович изложил, пока они ещё были трезвые. Ох, как Матвей Юрьевич поначалу вспылит! Этот старый самодовольный пень думает, что опять всех обманул, а на самом деле создал проблему посерьёзней, чем решил! Но чем больше профессор рассказывал о сути эксперимента, тем более увлекательной и, если можно так выразиться, менее безнадёжной казалась ситуация.

Очевидно, что поначалу всё это представилось как банальное клонирование. А запрет на оное все государства ми-

ра соблюдали неукоснительно. Истории были известны случаи, когда созданных в одной стране клонов убивали разведки других стран, и никаких возражений против этого не заявлялось. Один раз при уничтожении клона погибли трое военных, и тоже без протестов обошлось. Такие вот правила установились. А тут – вот тебе на! Такой уважаемый человек, дважды Нобелевский лауреат, и такое отчудить!

Иннокентий Аристархович, конечно, подобного поворота событий и ожидал, поэтому, памятуя о внимательности и терпеливости своего старого друга, неспешно и доходчиво доказывал, что это совсем другое. «Это как раньше, помнишь, когда бумаги копировали? – объяснял он. – Укладываешь листочек в аппарат, тот считывает изображение и выдаёт копию. У нас же ситуация принципиально другая. Это как по нескольким фрагментам изображения воссоздать всю картину. Мы не делали копию Николая Афанасьева. У нас были лишь результаты сканирования мозга, образцы крови и тканей, и ещё видеозаписи. По ним мы восстановили тело и личность».

Матвей Юрьевич, конечно, возражал, но после третьего бокала коньяка уже не слишком горячо. А потом и вовсе согласился подумать, но прежде решил, по предложению Иннокентия Аристарховича, посмотреть на объект, так сказать, своими глазами.

И было тогда в их ночной беседе ещё что-то, что привлекло внимание помощника президента. Но близился рассвет, и

он решил вернуться к этому «чему-то», когда в следующий раз свидится с профессором.

Ну вот, собственно, и свиделись.

На этой даче Матвей Юрьевич уже бывал, но давно, уже забылось. Иннокентий Аристархович предложил показать дом, и Матвей Юрьевич согласился.

– Но чуть погодя. Скоро. Наперво хотел бы с тобой один вопрос обсудить, пока не запамятовал. Есть где поговорить, чтобы между нами осталось?

Прошли в кабинет профессора, закрыли двери, уселись в кресла. Старые, без автоматического подстраивания.

– Вот что, Кеша, – тихо произнес гость, – можешь мне подробно пересказать свою беседу с Гутманом и Пожарским?

Иннокентий Аристархович пожал плечами.

– Твой интерес к ординарной, хотя бы и значимой для прогресса, коммерческой сделке необычен, однако изволь.

И он пересказал беседу со всеми подробностями, даже смешно передразнив интонации бизнесменов.

– Вот что, Кеша, – проговорил Матвей Юрьевич, размышляя о чём-то, – есть у меня одно опасение. Ежели желаешь, конечно, поделюсь, но оно пока смутное. Можешь направить мне то, чем они интересовались? Поподробнее об этих новых технологиях и их возможном прикладном использовании? Покажу своим специалистам, обмозгуем. А пока, если я только могу об этом просить, потяни переговоры. Не соглашайся, но и не отталкивай.

Иннокентий Аристархович кивнул.

– Хорошо, Митя. Ежели совсем коротко, то суть технологии состоит в том, что исключается вероятность ошибки при управлении чем-либо с помощью мыслеобраза. Исключается «случайная мысль». Например, управляя паластрумом, ты хочешь повернуть направо, но в голове мысль о другом, включающая «налево», и транспорт получает две противоречивые команды, а то и вовсе воспринимает «налево» как приоритетную. При применении же новой технологии никаких «налево» не будет. Или направо, или уточняющий ментальный запрос, или экстраполяция... Ох, да ладно, не буду сейчас тебя этим утруждать, пусть твои ребята разберутся. А ежели вопросы какие, то не стесняйтесь к госпоже Голицыной обратиться, она рада будет помочь. Миленочка у меня как раз прикладными вопросами занимается. – А потом за чем-то добавил: – А Ли Сы Свидригайлов – фундаментальными научными.

Матвей Юрьевич благодарно склонил голову. Встал, подошёл к окну.

– Это и есть твой Николай?

Иннокентий Аристархович тоже поднялся, встал рядом.

– Он и есть. Тот, который на вёслах. Ну надо же! Когда он так успел натренироваться? Месяц назад, я помню, только водой брызгал. Вообще, – профессор вернулся к креслу, но не стал садиться, а встал, облокотившись на спинку, – он быстро развивается. Быстро меняется. Он совсем не тот, ка-

ким я его помню в начале века.

– Ты мне рассказывал его историю, – проговорил Матвей Юрьевич, не оборачиваясь. – Он был хорошим человеком, да? Но выдающимся не стал...

– Ну, не всем же. Но он – хороший человек. И тот, который был, и этот.

– А ты с ним, я погляжу, просто нянчишься.

– Так и есть. Для меня, Миленочки и Ли Сы он как ребёнок. Которого мы породили и за которого несём ответственность. Хоть мальчик сразу тридцатилетний. Даже дату рождения Николаю Афанасьеву я предложил вписать, если помнишь, шестое апреля сего года. День, когда мы его воссоздали. Что, растрогался?

– Ресничка в глаз попала, – улыбнулся Матвей Юрьевич, осторожно проводя платком по веку.

– Да ты не прячь слёз, Митя, – рассмеялся профессор. – Вот выправишь ему документы, и заживёт человек полноценной жизнью! Знаешь, что он у меня недавно попросил? Возможности заработать. На ужин с Миленочкой.

Матвей Юрьевич развернулся на каблуках и весело рассмеялся.

– Да ты что! – выдохнул он сквозь смех. – А он и вправду быстро осваивается! И что же ты ему предложил?

– Денег взаймы. Искусственно выдумывать для него работу я не буду, неправильно это было бы.

– О как! – Матвей Юрьевич продолжал смеяться. – Своих

троих воспитал, теперь ещё и этого! Ну, строг родитель! Ты смотри, только палку не перегибай, а то, знаешь...

– Зря смеёшься! А сам-то, кстати! Эталон пуританства в делах семейных! А меры воспитательные, между прочим, действенные. Николай с Бризом уже лодку на продажу изготавливать начали.

При упоминании Бриза выражение лица Матвея Юрьевича моментально изменилась, появилась грустная улыбка.

– А помнишь, Кеш, как тогда в Сибири ты нам чуть мозги не вскипятил? – вдруг произнёс он, всё так же грустно улыбаясь.

– Китайцы вам чуть мозги не вскипятили, – мягко поправил друга профессор, – а я вас спас. – И, немного помолчав, добавил: – Помню, Митя. Каждый день.

Обедали все вместе на улице. Коля поначалу говорил мало, но и не совсем уж молчал. Со вниманием слушал разговоры о политике, задавал вопросы, каждый раз заранее извиняясь, что, мол, простите, глупые, но не комментировал, своего мнения не высказывал. В какой-то момент Матвей Юрьевич даже обронил:

– А ведь ребёнок чудесно воспитан!

Лишь взгляды, которые Коля изредка бросал на офицеров, вызывали у помощника президента лёгкое непонимание.

– Коля, – заговорщицки проговорили Милена, когда по-

дали горячее, – а ведь ты как-то Ли Сы стихи для Машеньки обещал. Сознайся, готовы же!

– Ну-у, – протянул Коля смущённо. – Там бы ещё подрихтовать... навести марафет... ох... Короче, доработать бы ещё.

Дедушка Кеша внимательно посмотрел на него поверх очков, иронично, но очень по-доброму.

– Не знал. Хотя, и не удивлён. Всё же, Коля, осмелюсь попросить тебя огласить плод твоих творческих изысканий, если, конечно, считаешь уместным.

– Смеяться не будете? – спросил Коля как будто бы даже серьёзно.

– Будем! – не сговариваясь, хором выкрикнули Милена, дедушка Кеша и Пётр Робертович.

– Тогда хорошо, – согласился Коля.

Он вытащил из кармана свой зап-флекс, развернул, зафиксировал форму и, сделав несколько движений, открыл стих, прокашлялся. Обвёл аудиторию взглядом.

– *Твои глаза на звёзды не похожи*, – начал он.

Вторую строчку заглушил хохот дедушки Кеши, остальные лишь улыбались, кто вежливо, кто несдержанно.

– Коля, – выдавил сквозь смех профессор, – кто был источником твоего вдохновения? Шекспир или «Би Два»?

– Не перебивай старших, дедушка Кеша, – спокойно проговорил Коля и продолжил:

Твои глаза на звёзды не похожи,

*Но звёзды затмевает отблеск их,
И грацией наполнены все жесты,
И всех милей улыбка уст твоих.*

*И каждый раз, когда тебя я вижу,
Я понимаю, что тебя прекрасней нет.
И как же мало мне для счастья нужно -*

– *Всего лишь пачка сигарет!* – Милена не выдержала и прыснула в кулачок, и вслед за ней рассмеялись остальные.

– *Твоих окошек тёплый свет,* – игнорируя хохот, спокойно закончил Коля. – Раз такие умные, сами и рихтуйте дальше. А ты, Ли Сы...

Но аудитория уже жарко аплодировала, а у Ли Сы опять покраснели уши. Сквозь смех и аплодисменты лишь сидящие рядом с Матвеем Юрьевичем Сканер и Иннокентий Аристархович расслышали тихое: «Какой бойкий мальчик!»

После обеда Матвей Юрьевич предложил Коле прогуляться вдвоём.

– Знаешь, зачем я прилетел сюда? – напрямик спросил помощник президента.

– Не знаю, – так же прямо ответил Коля. – Но раз вы меня спрашиваете...

– Мой старый друг Кеша Филатов попросил меня помочь оформить тебе документы, – перебил Матвей Юрьевич. –

Чтобы ты стал полноценным гражданином нашего государства.

Коля опешил. Как он ждал этого момента! И боялся, что он никогда не наступит. Боялся мечтать.

– Не обещаю, что это легко решается, – тут же добавил Матвей Юрьевич, – но я посмотрю, что можно сделать. Прежде всего, конечно, с юристами надо будет посоветоваться... Ты сам-то что делать собираешься, если так сложится, что документы оформим? А то, может, и не надо...

– Документы надо! – тут же выпалил Коля. – То есть, я был бы *очень признателен*, – последние слова прозвучали особенно искренне, от сердца. – А чем заняться... Хороший вопрос. Думал, конечно, об этом. Сами понимаете, как сложно...

– Ну, социальный минимум-то у тебя будет, – констатировал помощник президента. – Хотя, – он сделал неопределённый жест в сторону дома, у которого Милена о чём-то оживлённо беседовала с офицерами, – с такой мотивацией...

– Да у меня... Ой, простите, перебил... У меня мотивация всплеском романтических чувств не ограничивается, если вы об этом. Знаете... Выпал шанс прожить ещё одну жизнь. Простите за пафос, но, поверьте, это искренне – хочется прожить эту новую жизнь достойно. Если честно – конечно, страшно... Я ведь и вправду ничего не умею из того, что нынче требуется. Думал, может, обществу ретро-автомобилей механик нужен, но посмотрел по телеку про них

– там такие крутышки работают, мне за ними никак. Лошади, там, яхты всякие, ну, что в наше время было – так я и тогда этого не умел... Правда, страшно остаться на социальном минимуме. Только, – вдруг спохватился Коля, – пожалуйста, Милене не говорите. Мы же ведь придумаем что-нибудь с дедушкой Кешей и полковником! Наверное... – Коля совсем замялся.

Они проговорили ещё полчаса, потом ещё общались все вместе, а потом Матвей Юрьевич и Иннокентий Аристархович улетели – один на истребителе, другой на своём тёмно-синем пинге. Вслед за ними уехал и Ли Сы. Убедился, что стихотворение скопировано, ещё раз уточнил, что он его может использовать, десять раз поблагодарил и отбыл.

И уже пора было спать, но не спалось. Коля вышел на балкон, закурил сигарету. За дверью в коридоре скрипнула половица, и через секунду в комнату скользнула Милена.

– Я видела, что ты куришь, поэтому без стука, – сообщила она. – Что с тобой сегодня? Тебе Калинин что-то сказал?

Коля хотел было отмахнуться, раньше бы так и сделал, но сейчас не стал. Всё-таки он изменился. Пугало только то, что он не был уверен, в правильную ли сторону меняется. Этому ощущению ребёнка, с которым нянчатся, раньше бы порадовался, ещё бы и большего потребовал! А сейчас... Рядом была любимая девушка, и она же по совместительству самый близкий друг... И слабость проявить уже было как-то не в тему. Как же оно всё вот так-то, а!

– Мне страшно, Мил. Матвей Юрьевич сказал, что с документами для меня может получиться. Да ты знаешь... Ну вот, и страшно, что...

– Что получится? – спросила Милена без капли иронии.

– Да, – ответил он просто. – Что я буду делать? Я не смогу найти работу. Опять не смогу прожить, как надо... Не смогу тебе предложить...

Милена понимающе закивала.

– Конечно! Ничего не напоминает? «Мне не дали возможность, а то бы я многого добился».

– То же самое, – согласился Коля, – как тогда. Я тогда не знал, что делать, и сейчас не знаю...

– Если Калинин за что-то берётся, шанс на успех почти стопроцентный. Так что начинай думать, как будешь строить новую жизнь.

– А если с документами не получится?

– Значит, окажется, что зря думал.

Милена развернулась и пошла к выходу. Уже в дверях она остановилась и, взмахнув своим каре, весело посмотрела на Колю.

– Если не спишь, может, покатаешь на лодке минут пятнадцать? Мне понравилось сегодня! Просто диалово было!

А ночью ему опять приснилась спящая девочка со смешно раскиданными по подушке волосами.

Он проснулся от того, что в коридоре скрипнула половица. То ли спал некрепко, то ли научился так реагировать на этот звук. Скрип этот был тихим, но ничего громкого здесь по ночам вообще не бывает. Даже сейчас – по окнам бьют капли дождя, но здешние стёкла не пропускают звук, точнее, «звуковую прозрачность» можно настроить, поэтому капли разбиваются о стекло с тихими глухими хлопками, от такого точно не проснёшься. И уж тем более не услышишь шорох травы, по которой к дому подкатывает пинг или паластрум.

Коля почувствовал, что и Милена проснулась. Но она даже не открыла глаза, лишь сильнее прижалась к нему и замерла, прислушиваясь.

Последний раз от скрипа половицы Коля просыпался в середине июля, через две недели после визита Матвея Юрьевича. После того дня, когда появилась новая надежда. Сколько с тех пор Коля передумал и проговорил с дедушкой Кешей и Петром Робертовичем! Впереди была новая жизнь, Коля в этом уже не сомневался. Почти. Точнее, надежда затмевала любые сомнения. Вообще, просто надоело не ждать от жизни хорошего. Надо ждать, надеяться и верить, как бы банально это ни казалось. И преодолевать препятствия. И не ныть. Ну ладно, после тренировки немного можно, в шутку, но в целом к жизни нужно относиться позитивно.

И ведь работает! Всё-таки жизнь – удивительная штука!

Когда дедушка Кеша прилетел назавтра после того знаменательного дня, Коля улучил момент и как мог деликатно (по правде сказать, получилось вообще неделикатно) напомнил об обещании дать в долг.

– Хочу отметить с Миленой знаменательное событие появления обоснованной надежды на обретение статуса человека, – пояснил он.

Дедушка Кеша вопросительно посмотрел на него поверх очков в толстой оправе.

– Помилуйте, молодой человек! Что ж это за событие такое! Вот обретение было бы событием.

– А это мы потом отметим более широким кругом. И тебя, дедушка Кеша, позовём. Если, конечно, лодку продадим. Ну, или если ещё раз займы дашь. Хотя, думаю, продадим. Мы завтра вторую закладываем, кстати. А первую уже выставили на продажу. Забыл сказать, в объявлении пообещали твой автограф на борту.

– Ох, – вздохнул профессор, – не будет ли с моей стороны невежливым поинтересоваться искомой суммой, Капитан Нахальство?

Но только суммой Колины искания не ограничивались, и он изложил просьбу полностью, что было прокомментировано фразой:

– А вы не охренели, молодой человек?

У Коли чуть было слёзы на глаза не навернулись от но-

стальгического глагола!

И через два дня... Загодя вечером Коля попросил Милену не планировать ничего на следующий день ради сюрприза и одеться «ну так... нормально, короче... ну, как ты обычно». В полдень к дому подкатил шикарный паластрум «Роллс-Ройс», уже пару месяцев, образно говоря, пылившийся на парковке НИИ. И они отправились в Москву.

По дороге Коля говорил о пустяках, Милену поддерживала легкую беседу и ни о чем не спрашивала. Лишь небрежно заметила, что Коля мог бы у профессора и поновее галстук-бабочку одолжить. И после Колиного комментария попросила пояснить смысл слова «жмот».

А потом... потом было безумие.

Они провели час в танцевальном зале в Камергерском. Вдвоём. Танцевали вальс и фокстрот! И ещё вальс, и ещё! До головокружения! Потом пили чай за старинным ажурным столиком, а потом – опять на паркет, и опять вальс! И он вёл, а она следовала за ним. И его движения не были плавными и классически чистыми, но каблук методично отщёлкивали по паркету «раз-два-три-раз-два-три» в такт музыке Штрауса и Вивальди, и девушка мягко следовала за партнёром, деликатно сглаживая угловатость его движений. Сперва, конечно, было ох как страшно, и начал он неуверенно, «по квадрату», но довольно скоро, хотя в первые минуты так же робко, он стал двигаться по залу, а потом на мгновение прикрыл глаза и... закружился, увлекая в танце партнёршу,

которая ловила каждое его движение.

Потом гуляли и пешком дошли до Пятницкой. То говорили, перебивая друг друга, то вдруг шли молча, держась за руки.

– А я начинаю привыкать к новой Москве, – весело сказал Коля.

– В ваше время один писатель был, Борис Акунин, не читал?

Коля сначала отрицательно покачал головой, а потом задумался.

– Постой... это по которому кино сняли с этим... как его... Меньшиковым!

– Кино не смотрела, но книги его все прочла! Эх... В ваше время уже не оставалось великих поэтов, но, пусть для кого-то с натяжкой, ещё чувствовался след великой русской литературы. Думаю, Акунин был великим писателем. Для меня – без натяжек.

– А ты к чему его вспомнила?

– У Акунина... ах, какой слог! Чего только стоит: «Она была обута в необстоятельные тапки!» Или, цитирую, может, с ошибками: «Он был в том возрасте, когда уже можно делать выводы, но ещё не поздно поменять планы». Кстати, Эраст Петрович в том возрасте был гораздо старше тебя нынешнего!

– Ах, вот к чему ты...

– Да нет, – Милена нетерпеливо потрянула головой, отчего

её каре сделало привычный, уже родной, изящный взмах. – Вспомнилась фраза Акунина: «Москва не сразу берёт тебя в плен. Она проникает в душу постепенно». И ведь в какое время ни скажи, всегда актуально.

Коля вдруг задумался.

– Может, поэтом стать? А чего ты смеёшься?!

– Не смеюсь я вовсе! – И Милена звонко расхохоталась. – Ну, если надумаешь, первый критик у тебя уже есть. Очень объективный!

А потом ужинали в том же самом ресторане, где побывали пару месяцев назад. Это был очень старый ресторан, назывался «Обломов». Как выяснилось, заведению скоро сто лет, так что в Колино время оно уже работало, правда, ему оно было не по карману. По правде сказать, и сейчас не совсем. И они опять говорили, смеялись, обсуждали то вкус блюда, то Колины движения в вальсе, то очки дедушки Кеши, а то вдруг говорили о серьёзном, главным образом, о Колином будущем.

И ещё гуляли, до темноты. А к полуночи неожиданно решили пойти на Красную площадь слушать бой курантов. Пили кофе с лёгкими ягодными пирожными в Боско-кафе на Красной площади (и оно, оказывается, с начала века тут, сколько ж Коля в своё время пропустил-то всего, а ведь по пирожному здесь *тогда* даже он мог бы Маше и Ане предложить) и ещё гуляли. А на обратном пути, в паластруме, Коля неожиданно для себя поцеловал Милену, и она не отстрани-

лась. И тогда он обнял её, прижал к себе и поцеловал ещё, уже не робко, а страстно и нежно.

На дачу вернулись за пару часов до рассвета. Вышли из паластрума, не держась за руки, Коля лишь помог Милене ступить из «Роллс-Ройса» на лужайку. Он проводил её до комнаты и только там, у двери, огляделся, убедился, что его никто не видит (ну если только Бриз, но этот-то свой), и поцеловал Милену на прощанье. Тихо прошептал: «Спасибо за удивительный день! Спокойной ночи!». Милена открыла дверь, вошла в комнату, обернулась...

И он отправился к себе. Через десять минут он уже лежал под одеялом. Буря эмоций и миллион мыслей, конечно, не давали уснуть.

Скрипнула половица, открылась дверь, и вошла Милена в длинном шёлковом нежно-бирюзовом халате. Она сделала пару шагов и на мгновение остановилась. В темноте Коля видел лишь силуэт, и он был идеальным.

– Как, ты говорил, в ваше время это называлось? – прошептала она. – Тормоз?

И скользнула к нему. Кровать услужливо прибавила в ширине метр двадцать, а за ней растянулись и одеяло с простыней.

И так она у него и осталась.

Тем утром он так и не успел уснуть до ставшего привычным в шесть утра: «Курсант! Подъём!»

И вот опять скрип половицы. Коля спросонья подумал, что это вернулся Ли Сы. Его неприступная Машенька, наконец, пригласилась на свидание, и парень усвистел в Москву чуть ли не быстрее пинга, освещая окрестности ярко-красными ушами. То ли Колин стих подействовал (хотелось так думать!), то ли до девушки дошёл смысл жизни, но она сама отправила своему воздыхателю сообщение, мол, хочу-не-могу, давай приезжай. Вся компания поприветствовала это аплодисментами, однако Коля заметил, как Милена чуть прищурилась и бросила едва заметный взгляд на Бриза.

А ведь комната Ли Сы по другую сторону от лестницы, так что это не он скрипит.

В дверь деликатно постучали, и через несколько секунд в дверном проёме нарисовался силуэт дедушки Кеша.

– Не вставайте, – тихо, по-заговорщицки, велел он. – Я на секунду. Подумал, сразу узнать захотите.

Но, несмотря на «на секунду», он прошёл в комнату, уселся в кресло и закинул ногу на ногу. Молодые люди машинально подтянули краешек одеяла к подбородкам.

– С Матвеем Юрьевичем встречался, – сообщил дедушка Кеша. – Привет вам.

Коля и Милена машинально кивнули.

– Вопрос с документами решён принципиально. Остались формальные согласования, но до них ещё пара неформальных, поэтому гражданином Коля у нас станет лишь недели через две-три.

Даже в полумраке было видно, как просиял Коля и как лучисто улыбнулась Милена.

– Спасибо! – воскликнули они одновременно.

– И вот ещё, – продолжил профессор серьёзно. – Ты, Коля, на кладбище хотел. Если не передумал, завтра Дельфин тебя свозит. Одного. Пока не объясним всем, что этот клон имеет право на социальный минимум и право посещение кладбища в любое время, приходится всё конспиративненько.

Около десяти утра, когда Коля с полковником разложили на столе распечатанные по старинке чертежи новой лодки – а в этот раз он решили строить шестивёсельный ял, – слышался уже привычный рёв рассекаемого воздуха, и на площадку у дома рухнул «Грифон», погасив скорость до нулевой лишь в точке касания. В левом его борту образовался люк (а люки у истребителей именно что «образовывались», просто материал обшивки стягивался, образуя люк в любом месте корпуса), оттуда выглянул Дельфин, поприветствовал полковника коротким взмахом руки, потом кивнул Коле, мол, пора на посадку.

С Дельфином Коля общался несколько раз. В отличие от мрачноватого Кельта, непроницаемого Сканера и от Бриза, который всё делал с юмором, но с надрывом, Дельфин был... как бы сказать... лёгкий. Нет, у всех офицеров «Дельты», которых видел Коля (а они обращались к нему «курсант»), общего было гораздо больше, чем различий. Каждый из них

был уверен в действиях, в каждом движении, в оценках и суждениях. Каждый точно знал, всегда знал, что он делает и что надо делать. Уверенность чувствовалась в каждом жесте. Казалось, заходя в дом даже по пустяковому делу, офицер в точности знает количество и скорость шагов, которые предстоит сделать, а также координаты точек начала и окончания движения.

И всё равно Дельфин... нет, конечно, каждый из офицеров был индивидуален. Но Дельфин казался самым романтическим. У него была живая мимика, воодушевленная речь, а в разговорах иногда проскальзывали интонации азартного спорщика. Даже внешне его высокая, худощавая и немного угловатая фигура выделялась на фоне крепких бойцов.

Вообще-то, Колины переживания на тему «ну кто ж из них» сходили на нет. По правде сказать, он просто устал изводить себя, и где-то внутри забрезжило: «А вдруг правда?» Разве могла Милена после таких нереально крутых мужиков обратить внимание на него? А хотелось верить, что могла. Просто так, не сравнивая.

Так вот, как-то в самый разгар мнительности подумал Коля: хрен его знает, с кем из них она была. Но если бы Коля был Миленой, то из известных ему офицеров он влюбился бы именно в Дельфина. Тот был, как и все, нереально крутой, и всё равно немного трогательный... Правильно Бриз как-то пошутил про «тонкую душевную организацию капитана спецподразделения». Вот! Наиболее близкий аналог – Ара-

мис из кино с Боярским. И ещё Дельфин был немного выше остальных, и он был красив, почти до смазливости. И, в отличие от других офицеров, носивших причёску «недоёжик», свои чёрные волосы Дельфин всегда укладывал на аккуратный пробор.

Как только Коля опустился в кресло рядом с Дельфином и ремни стянулись, туго зафиксировав тело, истребитель взмыл в воздух с таким ускорением, что чуть было не случилось, что Коля завтракал зря.

– Не стоит вызывать подозрения иностранных разведок необычно плавным стартом, – пояснил офицер.

Ну вот. А с Колей Дельфин общается, как все.

– Ты с девушками так же разговариваешь? – мрачно буркнул Коля, когда появилась физическая возможность хоть что-то сказать.

– Ой, извини, – спокойно ответил Дельфин. – Забыл, с кем общаюсь.

Молодец, отлично пошутил! И на Колю опять накатили все его комплексы. Всё-таки не укладывалось в голове, как можно после такого мужчины обратить внимание на, откровенно говоря, почти никакого Колю? Опять навалилось ощущение собственной незначительности и слабости. И не оставляла мысль, что даже когда Милена с Колей, она думает *о нём*. Ну, не может же не думать. Когда знаешь, *как* может быть, разве примешь то, что не дотягивает?

Дельфин сделал почти неуловимое движение рукой, ис-

истребитель рванул вниз, пикируя на землю под прямым углом, и у Коли потемнело в глазах.

Милена как-то рассказывала, что системы управления боевых кораблей отличаются от гражданских. Тем, что это именно системы управления, а не интерфейс ввода желаемого направления или реперных точек маршрута, хотя «Грифоны» и так умеют. Что больше всего тогда потрясло – «окна» (Милена говорила подробно, используя слова «фонарь», «блистер» и ещё что-то) истребителей, скорее, дань традиции и страховка на всякий случай; реально же изображение с различных сенсоров транслируются непосредственно в мозг пилота, и тот видит пространство сразу во всех направлениях, одновременно в нескольких диапазонах, и плюс к этому в атмосфере или под водой в мозг передаются шумы, да ещё и с пространственной проекцией. Как такое может быть! Немыслимо! Хотя, скажи кто двести лет назад быстрому всаднику об управлении гоночным болидом на скорости за триста, тоже ведь прозвучало бы сказкой.

Обычных приборов и органов управления в истребителе не было, а то, что было, парящее в воздухе и постоянно меняющееся, Коля не смог разглядеть, и уж точно вряд ли смог бы описать. И если бы не Милена, он так и не заметил бы коротких, очень экономичных, движений руками, плечами и всем корпусом, которыми управлялся боевой атмосферно-космический корабль.

Когда зрение вернулось, а желудок отлепился от спины,

Коля обнаружил, что всё равно ничего не видно.

– Вошли в тоннель, – нехотя пояснил офицер.

Вот так. Коротко и ясно.

Минут через пять истребитель вырулил в огромный ангар и занял свободное место среди нескольких десятков боевых машин «Дельты». Там идеально ровным строем красовались девять чёрных «Грифонов».

– Стоянка восемнадцать, – быстро сообщил Дельфин, – старт через три минуты.

Сработали натренированные за время занятий с полковником рефлексы, и через полминуты Коля стоял в противоположном конце ангара на парковке номер восемнадцать, рядом с обычным, внешне ничем не примечательным «гражданским» пингом фирмы “CJRP”. Пилотом пинга оказалась дама лет сорока, очень привлекательная, с многозначительным позывным «Винтер».

А ещё через полчаса вся жизнь сжалась до маленького клочка земли, а потом развернулась целым миром, из которого он ушёл почти век назад.

Офицеры «Дельты» давно общались между собой мысле-образами по зап-связи вместо слов в эфире мыслеобмена, поэтому Коля не мог слышать, как Винтер буквально проорала в передатчик на базу: «Какой кретин выбирал день посещения кладбища для Курсанта?!»

На надгробном памятнике было выбито: «Николай Алексеевич Афанасьев. 21.03.1977 – 17.07.2050». Семнадцатое

июля. Это была сегодняшняя дата. И на могилке лежали живые цветы.

На камне рядом золотились более яркие, еще не затертые непогодами слова: «Анна Романовна Афанасьева (Гнатюк). 03.11.1980 – 29.04.2071». Она пережила его почти на двадцать один год. Целых двадцать один год без него. Интересно, как это? А ведь Аньку он видел всего пару месяцев назад. Ещё молодую. События в его новом мире заставили его... Да какое там, он просто воспользовался поводом повернуться спиной к своей прошлой жизни. Так просто – оставить прошлую жизнь *тому* Коле и открыться новому миру, имея очень неплохие стартовые условия. Да, Машка так и снилась ему по ночам, однажды они приснились вместе с Анькой... Но только сейчас Коля понял, как безумно по ним соскучился. И как захотелось просто их обнять! Он заплакал, и Винтер положила руку ему на плечо, но он не почувствовал, он просто рыдал, вцепившись в оградку, беззвучно сотрясаясь всем телом.

Он не заметил, сколько прошло времени, прежде чем Винтер опять взяла его за плечо, в этот раз крепко сжав.

– У нас мало времени, Коля. А там... – Она указала рукой куда-то в другую сторону кладбища. – Если ты... в этот раз... – Она с трудом находила слова. – Там Маша. Если ты...

– Да, – Коля шмыгнул, утёр рукавом глаза и нос. – Давай сходим.

Маша прожила девяносто пять лет и умерла два года на-

зад. Она успела вырастить двоих детей и троих внуков и даже дождалась пятерых правнуков. Она стала журналистом, потом писателем... Она прожила яркую и в целом счастливую жизнь, с мужем они умерли с разницей в неделю и были похоронены рядом. Но в тот день Коля почти ничего этого не узнал. Лишь потом, много позднее, ему раскроются подробности дочкиной жизни... А сейчас...

У оградки Машинной могилы стояла женщина. Коля заметил её издалека. Она была высокой и худой, и со спины возраст было просто так не определить. Она была одета в длинное, почти до щиколоток, тёмно-серое платье и в туфли на невысоком широком каблуке. Преклонный возраст выдавали лишь седые волосы, собранные в пучок на затылке, и руки...

Чем-то этот силуэт показался Коле знакомым. Он подошёл немного ближе и остановился.

– Эй... – тихо позвал он.

И вдруг старушка закончила фразу. *Именно так*, как говорил когда-то Коля:

– *А ну марш отца встречать...*

Старушка обернулась. У неё были Колины глаза. И Анькина улыбка. Они встретились взглядами.

– Папа, – прошептала она, как будто не веря тому, что сказала.

– Василиса? – у него перехватило дыхание. – Д-д-д... – он боялся произнести это слово. – Д-дочка?

Она улыбнулась.

– Ты звал меня Васькой. Ну, или юной принцессой, когда хорошо себя вела.

И он тоже улыбнулся.

– Я? Юной принцессой? Ты меня ни с кем не путаешь? Я же... в общем...

– После того, как к нам тогда пришёл тот мужчина... Ты стал другим. Тот мужчина, он был прав. Ты вернулся.

Он сделал шаг к ней навстречу, она тоже сделала шаг, а потом он рванулся, подхватил дочку на руки и прижал к себе. И закружился, будто в танце.

Конечно, они не знали, что аналитики «Дельты» уже успели изучить всю жизнь Василисы Николаевны Войтенко, в девичестве Афанасьевой, проследить все её контакты до определённого уровня и контакты этих контактов. Они не могли слышать команду: «Винтер, задержи её до прибытия Сканера, это четыре минуты». Василиса не заметила, как отключились все её средства связи.

А они и не хотели ничего знать и слышать. Коля не выпускал дочку из рук, а она прижалась к его плечу, обвив руками его шею. И оба, растворившись друг в друге, улыбались, тихо плакали и медленно кружились.

Он не помнил дороги обратно. Не слышал голосов, лишь машинально выполнял команды, не чувствовал перегрузок и на время забыл и об этом мире, и о прошлом. Думал лишь о том, что связывает тот и этот миры. Мелькнула мысль, что в

этот раз так и не успел подойти к могиле Маши. Он то плакал, то глупо улыбался, и никто его ни о чём не спрашивал и ничего не говорил, кроме как что делать и куда двигаться.

Очнулся он только тогда, когда буквально вывалился из «Грифона» на руки Милены у порога дачи бабушки Кеши. Как тюфяк. Она обняла его, прижала к себе и прошептала: «Я всё знаю».

Как во сне, они поднялись в Колину комнату на втором этаже. Скрип половицы вернул Колю к реальности. Был ещё только полдень.

– Покуришь со мной на террасе? – спросила Милена, когда они закрыли за собой дверь.

– Ты куришь? – Коля искренне удивился.

– Нет, – просто ответила Милена. – Научишь?

– Ну хоть чему-то... – неопределённо бросил он и отправился на балкон.

Девушка появилась рядом с ним через секунду. Она буквально воткнула ему в рот сигарету. Другую она вертела в пальцах, рассматривала, будто в первый раз видела.

– Знаешь, – проговорила она тихо, – я всё ждала, что ты сам этот разговор заведёшь... – Она мягко улыбнулась. – Просто... Мне кажется, я догадываюсь, что у тебя в голове. Только не шути, что мол, в мозгах успела покопаться, хорошо? Не сейчас. Я правда... правда с тобой узнала и испытала много нового. И до того, как ты появился в моей жизни, я даже не представляла, что такое бывает...

– Что же нового? – Коля сказал это как будто отстранённо, как будто не поверил. Ну а, правда, как в такое можно поверить?

Он раскурил сигарету и протянул зажжённую зажигалку Милене.

– Про секс потом, если интересно будет, – глаза девушки озорно блеснули, – а чувства...

В этот момент язычок пламени коснулся сигареты Милены, она вдохнула и закашлялась. И неожиданно для себя Коля швырнул обе почти нераскуренные сигареты в пепельницу, схватил Милену на руки и шагнул обратно в комнату, на ходу давая команды затемнить окна и установить максимальную шумоизоляцию.

Вечерняя тренировка отрезвила и вернула к жизни. Полковник не делал скидок ни на эмоциональное состояние курсанта, ни на физическое, и уже после разминки Коля почувствовал себя «как обычно».

А к ужину прилетел дедушка Кеша в компании Кельта.

Офицер сразу отвёл в сторону Колю и Милену.

– Встреча на кладбище сегодня, как мы понимаем, была случайной. Коля, – Кельт впервые обратился к курсанту по имени, – мы искренне рады за тебя, но пока контакты с родственниками исключены. До завершения оформления документов тебе придётся быть здесь, на даче. Это на пару недель. С Василисой Сканер поговорил, она пока никому ни-

чего не скажет, – Кельт сделал паузу и вдруг ухмыльнулся, переведя взгляд на всё ещё млеющую Милену и кивнув в Колину сторону. – А вот умеет человек девушек впечатлять!

* * *

Допрос Ли Сы Свидригайлова продолжался почти всю ночь. По сути, конечно, это была беседа людей, которые доверяли друг другу и вместе пытались воссоздать картину вчерашней встречи. Но формально это был всё-таки допрос.

Красавица Машенька два вечера подряд ходила на свидания с обезумевшим от счастья Ли Сы, а вчера утром вдруг укатила на собеседование в Индию. Как она покинула страну осталось неизвестным. К вечеру красавица всё-таки обнаружилась в Мумбаи, сама связалась со своим новым женихом, а через пять минут опять благополучно исчезла. Другими словами, так и не выяснилось, какая разведка её завербовала. Не индийская же. Хотя не исключался и этот вариант.

Ну, и вишенка на торте – вторую беседу молодых людей не удалось ни просмотреть, ни даже прослушать. Хотя с этической точки зрения этого делать и не стоило, Сканера и Пороха, эксперта-криминалиста, это ничуть не заботило, когда речь шла о вопросах национальной безопасности.

Сканер рвал на себе волосы, мысленно чертыхаясь, что не снабдил Ли Сы зап-передатчиком. Тогда всё было бы просто. Хотя иностранные шпионы, наверняка, и этот сценарий

просчитали. Имея в виду обстоятельства второй встречи, спрятать передатчик, замаскированный под что угодно, было бы проблематично. Разве что хирургическим способом. Машенька, правда, и этот вариант осторожно «прощупала», задав несколько удачно вписавшихся в контекст вопросов.

А Ли Сы краснел не только ушами, но всем телом, описывая подробности раздевания и взаимных ласк. Фразу «языком в ухо» он смог произнести лишь с пятого раза, осушив до этого несколько стаканов воды, а, произнеся, безуспешно потребовал водки.

Спрашивать, не показалось ли ему странным, что Машенька уже во вторую встречу затащила его в постель, было бесполезно. Парень после первого-то свидания одурел!

Первое прошло в ресторане. Машенька была не в брюках и футболке, как обычно, а в коротком обтягивающем платье. О чём говорили тогда, Ли Сы не помнил, но та встреча была записана подробно. Машеньку «вели» с того самого момента, когда Ли Сы сообщил о её согласии встретиться. Бриз сразу заподозрил неладное, сообщил Сканеру. Специалисты «Дельты» сработали молниеносно, и с Машеньки не спускали глаз, пока она неожиданно не исчезла. Ну, и постельная сцена, самая главная в коротком романе, тоже осталась неохваченной.

– Хорошо хоть ты там был, – сообщил Сканер Ли Сы. – А то вообще бы ничего не узнали.

Ли Сы шутки не понял, лишь изумлённо похлопал глаза-

ми.

– Судя по всему, – продолжил Сканер, – никакого общения с её хозяевами и не было в эти дни. Вероятнее всего, в комнате, где вы развлекались, стоял зап-передатчик, и содержание вашей беседы, – когда надо, Сканер мог быть деликатным, поэтому перед словом «беседы» даже паузы не сделал, – прямым транслировалось неизвестно куда. Так что, милый друг, давай-ка ещё раз вспомним, не унесла ли она с собой из номера что-нибудь, чего туда не приносила.

– Не помню, – вздохнул Ли Сы. – Вроде, нет.

– Понятно, – спокойно произнёс Сканер. – В чём вошли в комнату, в том и вышли?

– Да, – коротко ответил Ли Сы.

– То есть, без всего?

Ли Сы, кажется, уже устал краснеть и заикаться, поэтому сообщил неожиданно по делу, без междометий:

– На ней только колечко было.

– Вот как! – Сканер одновременно обрадовался и расстроился. – Давно у неё это колечко?

– Нет, – герой-любовник отрицательно покачал головой, – я же сам ей его подарил.

Сканер вспомнил, как Ли Сы с Машенькой гуляли по Тверскому бульвару, и с лотка, прямо на бульваре, Ли Сы купил ей колечко. Простое такое. Случайно проходили мимо, её взгляд задержался на украшениях, она чуть замедлила шаг... Вот ведь оно! Порох молниеносно передал ин-

формацию оперативникам, и те сразу же начали поиск лоточника. Через пятнадцать минут выяснилось, что тот исчез. Дальнейшая оперативная разработка может потребовать часы или дни.

Ладно, с этим разобрались.

– Ну, так о чём же вы беседовали?

– О мозге, – вздохнул Ли Сы.

– Не удивлён, – констатировал офицер. – И что же её заинтересовало? Какая-то конкретная область?

Выяснилось, что после первого раза... В общем, судите сами. Молодые люди пришли в номер отеля, первого, который встретился, случайного (ха-ха!), там набросились друг на друга с поцелуями, разделись в одной комнате, а потом ещё минут пятнадцать-двадцать целовались-обнимались в соседней, прежде чем приступить к делу, ради которого уединились. Успели немного поболтать, а потом Машенька вдруг набросилась на парня с неожиданно появившейся страстью.

Сексуальное возбуждение Машеньки, кстати, было абсолютно искренним. В этом эксперты-криминалисты «Дельты» убедились, обнаружив на месте свидания следы какой-то дряни, которую юная обольстительница, по-видимому, приняла уже там, в номере. Дрянь действовала два часа, на всё время у красотки сохранялась ясность мысли.

К Ли Сы же таковая ясность не вернулась до сих пор.

– Может, ему того же снадобья дать? – мрачно пошутил

Сканер. – А то у него в мозгах совсем туман.

– Это можно, – охотно согласился Порох. – Только не боишься потом с ним наедине остаться на пару часов?

Если обобщить, то Машенька расспрашивала о том, над чем сейчас работает Ли Сы, расспрашивала о НИИ, о профессоре. Всё это, разумеется через: «Ой, беднеький-несчастненький, как же тебе достаётся!», «Ваш профессор совсем вас, наверное, загонял! Тебя дома-то почти не видно!» Ну, и далее: «Ой, а что за дача? А профессор тоже там живёт?». В результате про готовящуюся революцию в области мышления Ли Сы рассказал *всё*.

– Я там, наверное, терминов много использовал, – оправдывался он. – Машенька точно не всё поняла.

– А ей и не надо, – вздохнул Порох. Сканер молча кивнул в знак согласия.

Но что всего удивительнее – про эксперимент с Николаем Афанасевым не было задано ни одного вопроса! Ни полслова! Ни намёком! Сканер и Ли Сы практически полностью восстановили то, о чём говорилось в тот вечер с Машенькой, и ничто не указывало на интерес к этому эксперименту. Даже когда девушка спросила, кто живёт на даче, и Ли Сы и чуть было не сказал о Коле, но всё равно не сказал, она сделал вид, что не заметила секундной запинки.

А ведь первой и пока главной версией Сканера был именно интерес к Николаю Афанасьеву. Ну, всё на это указывало! Особенно то, что Машеньку завербовали, а это уже уда-

лось достоверно установить почти в деталях, когда Матвей Юрьевич провёл несколько консультаций с руководителями разведок ведущих государств. Этим консультациям, конечно, предшествовала подготовительная работа. Как говорится в таких случаях – не задавайте вопрос, ответ на который вы не знаете. Но как только помощник президента пообщался с иностранными МИДа и разведками, вот тут оно и случилось! Ну, а «завербовали» – это, конечно, сильно сказано. От девушки требовалась лишь одна подробная беседа с объектом шпионажа.

Но всё же, прокручивая диалоги раз за разом, Сканер нащупал интерес к тщательно скрываемому обитателю дачи. Или показалось? Сканер предложил Ли Сы ещё раз остановиться на тех моментах, когда в беседе теоретически мог быть упомянут Коля. Но тут полузабытый сигнал тревоги буквально взорвал штаб «Дельты».

* * *

Два дня пролетели, как обычно, и Коля был этому только рад. Постоянная занятость не давала разгуляться деструктивным мыслям, и он даже нашёл в себе силы сконцентрироваться – начал читать «Идиота» Достоевского.

Милена на эти дни уехала в Москву и вернулась лишь сегодня вечером. Сегодня же на дачу прилетели Ли Сы и профессор. Только поздно все собрались, на ночь лишь чаю вме-

сте попили. По-семейному, на кухне. Конечно, героем вечера был незадачливый любовник! Он тараторил без умолку, краснел и заикался, и ничего при этом толком не рассказал. Он все пытался что-то объяснить, даже когда профессор прервал посиделки и предложил всем отправляться по комнатам.

Неожиданно объявился Сканер, буквально похитил Ли Сы, обещав вернуть завтра.

– Сканер, – улыбнулся Коля, когда тот за локоть выводил бормочущего Ли Сы из кухни, – прилетайте завтра все. С Кельтом и с Дельфином обязательно. Шашлыки будем жарить под вечер. Мы с Пекинычем мяса намариновали, на всю «Дельту» хватит.

Сканер вежливо улыбнулся уголками губ, и они с Ли Сы исчезли за дверью.

Когда вошли в комнату, Милена почти сразу повалилась на кровать, а Коля отпросился на пять минут выкурить традиционную сигарету на ночь. Теперь он курил одну в сутки. Милена нежно улыбнулась и сказала, что, конечно, у неё есть один бывший, который, если что, с радостью удалит Коле опухоль, главное, чтобы при этом лишнего не отхватил.

Ну вот. Теперь уже об этом легко можно было шутить. Хотя мнительность оставила Колю еще не окончательно.

– Мил, – проговорил Коля с террасы через открытую дверь, – а помнишь, ты сказала, что со мной испытала новое?

– Помню, – Милена уютно потянулась под одеялом, её го-

лос уже был сонным. – Например, что любят не за что-то, а просто. Что в человека можно поверить прежде, чем поймёшь... Только... ты ведь не обманешь...

– Не обману твоё доверие? – Коля спросил очень серьёзно, и голос его немного дрогнул, хотя он пытался говорить спокойно.

– Коленька, – уже совсем сонным голосом пробормотала девушка, – давай завтра... Я сплю уже...

– Конечно, – Коля понизил голос, – засыпай. Эх! – Он потянулся, широко разведя руки в стороны. – Завтра шашлыки! Для меня это... Знаешь, я Машке с Анькой шашлыки обещал тогда... что-то тянул всё... А сейчас не знаю, сдержал ли тот, другой, мое слово...

Но Милена уже спала. Коля докурил, сходил в душ и улёгся рядом. Но сон не приходил. Он ворочался до двух ночи. Осторожно обнимал любимую девушку, мирно сопящую рядом, тихо-тихо выпил стакан воды, несколько раз вылезал из-под одеяла, а потом опять забирался под него... И вспоминал. Перед глазами крутился калейдоскоп картинок, мыслей, фраз и образов и из его прошлой жизни, совсем как тогда, когда он получил письмо от «второго», и из нынешней, яркой, немного страшной, но такой заманчивой. А потом опять приснилась спящая маленькая девочка со смешно раскиданными по подушке волосами...

Когда ночную тишину взорвал рёв баззеров боевой тревоги, Коля не сразу сообразил, что происходит. Он почув-

ствовал, как Милена, мгновенно проснувшись, метнулась к стене напротив, увидел, как краска на стене лопнула, обрисовав правильный прямоугольник, и как потом этот прямоугольник оказался дверью в соседнее помещение. Впервые он услышал металл в голосе девушки, когда она крикнула. «Лежи! Не двигайся до прихода «Дельты»!» Последние ее слова заглушили три взрыва, и дом содрогнулся. Инстинкты требовали сорваться, куда-то бежать, но Бриз хорошо выдрессировал курсанта, и Коля, повинаясь приказу, замер на кровати.

Он увидел, как прямо на террасу опустился невзрачный белый пинг с красным крестом на борту, который он много раз видел в ангаре, но ни разу не замечал, чтобы тот покидал парковку. На белом борту отражались всполохи пламени, бушующего в доме.

А потом из проёма в стене вылетела каталка, которую быстро, почти бегом, вела Милена, резко взмахивая ладонью в воздухе. На каталке лежал человек, туго стянутый ремнями. Мышцы человека судорожно подрагивали, глаза бессмысленно таращились, из угла искривленного рта стекала слюна. И тут Коля чуть не потерял сознание. В человеке на каталке он узнал себя – вернее, собственное тело, в которое не вложили разум. Тело, наспех одетое во что-то вроде больничной распашонки, едва оттертое от какой-то перламутровой слизи, делавшей стопы похожими на лягушачьи лапы, делало судорожные вдохи и пыталось сучить ногами, точно

новорожденный младенец.

Внезапно двери террасы распахнулись, и в комнату ворвались звуки! Треск пламени, ещё один взрыв, на этот раз до звона в ушах, глухие удары, свист, треск и что-то ещё!

Каталка влетела в распахнувшийся люк пинга, а Милена вдруг оказалась рядом с замершим, ничего не понимающим Колей. Она обхватила его за шею, поцеловала и прошептала: «Я люблю тебя. И всегда буду любить». И через мгновение нырнула в белый пинг с красным крестом на борту. Когда люк пинга закрывался, Коля поймал взгляд любимых небесно-синих глаз, устремленных на него. В синих глазах ещё не успели появиться слёзы... улыбка... а потом изящный взмах каре... Пинг рванул вверх, а через мгновение дымку утреннего тумана прочертил лучик лазера. Тонкая, идеально прямая линия на короткий миг соединила крышу дома и маленький белый кораблик с красным крестом на борту. Потом с крыши сорвалось что-то ещё, что через ещё один короткий миг ударило... Миг и ещё один миг... мгновение... секунда... какими быстрыми они могут быть... и какими бесконечно долгими...

Пинг взорвался в воздухе, разметав полыхающие обломки на десятки метров. Огненные ошметки стучали по стеклу только что захлопнувшихся дверей террасы, а Коля лежал и безучастно смотрел на бушующее пламя, там, где-то за пределами его только что рухнувшего мира.

Росчерк лазера прямо с неба, и на террасу с крыши упал

разрезанный напополам человек, рядом о пол террасы удари-лось его оружие. Двери опять открылись, в небе послышался знакомый рёв, и почти сразу же, обдав Колю жгучей волной разгоняемого воздуха, в нескольких сантиметрах над полом террасы зависла хищная морда чёрного «Грифона». В этот же момент дверь комнаты, ведущую в коридор, взрывом раз-несло в щепки, но возникший из «Грифона» Кельт неулови-мым молниеносным движением оказался между взрывом и Колей, заслонив курсанта от огненного клубка. Скрип кори-дорных половиц – и офицер выпустил два лазерных луча, ко-торые продырявили стену, и Коля услышал два глухих удара в коридоре – на пол упали два тела.

Ещё через несколько секунд ремни туго прижали Колю к креслу «Грифона», и истребитель рванул вертикально вверх. И совсем скоро перед глазами раскрылась чернота космоса. Истребитель выполнил манёвр, на экранах всплыл громад-ный шар с радугой по краю и с россыпью мерцающих углей, в которые превратились города. Затем Земля стала медлен-но удаляться, наливаясь синевой. Где-то там, внизу, осталась Колина жизнь... две... три жизни...

Коля уже не увидел, как рядом с разрушенным домом, где еще совсем недавно кипела жизнь, бурная, драматичная, ра-достная, полная любви, дружбы и надежд, приземлился ещё один чёрный «Грифон».

До прихода основных сил оставалась минута, но этим си-лам здесь делать уже было нечего. И у прибывшего пер-

вым, после Кельта, офицера была всего минута, чтобы попрощаться.

Виталий Сокольников, позывной «Дельфин», стоял на коленях среди горящих обломков маленького белого пинга. Его лицо было закрыто ладонями, и сквозь плотно сжатые пальцы просачивались, капали на летнюю траву, растворяясь в утренней росе, горячие слёзы.

– Куда мы? – спросил Коля, равнодушно глядя на мелкие острые звезды.

– На Уран, – спокойно ответил Кельт. Неожиданно он едва заметно улыбнулся, грустно так, протянул Коле руку и сказал с уже ставшей привычной хрипотцой в металлическом голосе: – Сергей.

Коля пожал крепкую ладонь и нашёл в себе силы ответить такой же улыбкой:

– Николай.

– Милена погибла, – так же неожиданно ответил Сергей-Кельт на незаданный вопрос. – Бриз погиб. Профессор жив, Бриз закрывал его собой до последнего. Фёдор Пекинович спрятался в подвале, он сильно ранен, но должен выжить. Ли Сы в доме не было, он в порядке. Василиса и её семья под охраной, им ничего не грозит. Нику лапы перебили, он дрался, как настоящий пёс! Но не стали добивать. Твой пункт назначения – база «Джувелетта», небольшая колония на Уране. Пока ситуация не стабилизируется, тебе придёт-

ся пожить там. Через месяц по земному времени мы догоним транспортный корабль, он доставляет на базу несколько колонистов. До колонии вы будете лететь ещё почти три месяца. Тот человек, которого ты видел на каталке... – Сергей впервые за всё время их общения сделал паузу, подбирая нужное слово. – ... Это был один из планов на такой случай. То, что ты называл «три-дэ-принтером», напечатал ещё одного Николая Афанасьева, точнее, физическую оболочку. Экспертиза покажет, что воссозданный профессором Филатовым образец уничтожен вместе с каретой «скорой помощи». Тебя никто не будет искать.

«Грифон» выполнил очередной манёвр, и сквозь блистер истребителя Коля опять увидел Землю. Она была ещё большой, но уже гораздо меньше, чем какое-то время назад. «Грифон» стремительно уносил его прочь от того, что совсем недавно было надёжным и незыблемым.

Через месяц и три с половиной дня по земному времени Коля и Кельт попрощались. За время полёта они много говорили и успели сдружиться, а боевая машина стала для Коли почти родной. Чем-то, что связывало его с прежней жизнью. И тем, о чём хотя бы месяц можно было думать «дом».

На прощание они обменялись стандартным приветствием офицеров «Дельты», а потом крепко обнялись. Кельт подарил Коле на память амулетик на цепочке – вписанный в круг кинжал, направленный клинком вертикально вниз. Чуть выше середины клинка, направо от центра, была добавлена

черта, которая вместе с гардой кинжала образовывала латинскую букву F.

– Никогда не снимай его, Коля. Он будет приносить тебе удачу, – сказал Кельт.

А Коля молча, без пояснений, протянул офицеру листок бумаги с написанным сверху именем адресата.

Уже перед тем, как покинуть «Грифон», Коля пытался что-то найти в крошечном жилом отсеке, но не нашёл.

Лишь когда истребитель вернулся на Землю, техник, проводивший послеполётный осмотр, обнаружил в одном из уголков жилого отсека неизвестно откуда взявшийся лист бумаги с неровно накарябанными карандашом в невесомости строчками.

*В том взгляде не было прощанья,
Хоть уходила навсегда
И навсегда воспоминанье -
Небесно-синие глаза.*

*В том взгляде не было и грусти,
Хотя заканчивалась жизнь.
И если бы туда вернуться
И лишь окликнуть: «Задержиcь!»*

*Постой! Уходишь слишком рано!
У нас ещё есть сотня лет!»*

*Но не окликнул. И лишь пламя
Сокрыло нежный силуэт.*

*А взгляд наполнен был любовью
И нежностью. И верой в то,
Чему под этим небосводом
Случиться вновь не суждено.*

*И вот опять – без слов прощанья
Свет жизни отпускаю вдаль
Чем жить? Опять воспоминаньем.
Ты навсегда со мной. Прощай.*

Часть вторая

Сугробов намело выше колена! А Бурёнка нынче отелилась, и Маруся чуть было не опоздала в церковь на службу. А сегодня службу проводит новый священник, говорят, молоденький совсем. Прежний-то на повышение пошёл, в сам Новгород. А этот молоденький, рассказывают, наоборот, был аж в Москве, а потом ни с того ни с сего «к земле-матушке, к народу» его потянуло. Ну, посмотрим, надолго ли к нам в Тимофеевку.

Ну а почему бы и нет? В деревне-то социальный минимум не тот, что в городе. Хотя, и деревень-то почти не осталось. Каждой семье полагается хороший деревянный дом и уча-

сток в тридцать соток. Ещё могут корову дать или козу, ну и гусей или кур на выбор. Трактора выдают, правда, не автоматические, а ручные с дистанционным управлением, но на автоматический можно заработать, там дотации выгодные для деревенских. Всяко, по её, Марусиному, пониманию, лучше, чем тридцать метров городской квартиры.

Так-то деревни нынче никому не нужны, и мало их осталось. Овощи и всякую там зелень и так выращивают где ни попадя, в некоторых зданиях городских целые стеклянные этажи оранжереями заняты. Да и надо-то её, натуральной еды, при дешевизне синтетической пищи, не так чтобы уж сугубо много. Но вот оставили разные страны, а в том числе и Россия-матушка, себе такие заповеднички, деревни, так сказать, для сохранения культурного уклада. Ну вот и увлекают людей, таких, как Маруся с её Сашком, социальным минимумом повыше, да простотою быта, ежели кому оно по душе.

В церковь Маруся влетела, когда уже читали первую молитву, лишь на пару секунд задержавшись у порога, чтобы стряхнуть снег и наспех перекреститься. Слова молитвы она не все, правду сказать, разбирала, но осеняла себя крестом истово, машинально повторяя в детстве заученное. Сашок её уже стоял среди людей, а в сторонке, но не далеко от него, касаясь друг друга, молились Настька и Юрка.

Ну, а так – служба как служба. И Маруся, как ни старалась, отвлекалась мыслями на Бурёнку и молодую тёлку, и

ещё думала про то, как её Сашок на соседскую Галку смотрит. Ох, от греха подальше...

Но началась проповедь, и вдруг всё вокруг преобразилось. Молодой священник, попирая традиции и каноны, вошёл прямо в толпу прихожан, и толпа моментально окружила его.

Он не обратился к пастве привычным «Братья и сестры». Он просто начал говорить. И его голос проникал как будто сразу в сердце, минуя слух и рассудок. Толпа замерла.

«Мой прадед однажды спросил своего знакомого монаха: чем католическая вера отличается от православной? И тот ответил.

В католицизме церковь делает всё, чтобы человек пришёл к вере. В храмах есть скамейки, и можно сидеть, молитвы читаются на понятном языке и иногда под гитару. Часто через усилитель голоса, через акустические системы. А Библия издаётся в виде комиксов. И легкие шоу на библейские темы – их церковь поощряет. Вера популяризируется. Человеку должно быть комфортно, и вера должна восприниматься легко.

В Православии человек должен прийти к вере сам. Пусть для начала напрягая ноги и слух.

А теперь и в наших церквях появились скамейки. Церковные расторжения венчанных браков стали обыденностью. И несоблюдению постов извращённым толкованием всё той же Библии были найдены убедительные оправдания.

И что же осталось от Веры?

Вспомним: что такое Вера? Религия. «Лиго» значит – «соединять». Ре-лигия – воссоединение. Воссоединение человека с Богом. Так воссоединяемся ли мы сегодня с Ним или отдаляемся от Него? Верим ли истинно или обманываем себя, прячась за формальным исполнением обрядов? Или хотим обмануть Его? Ещё раз – мы хотим обмануть Бога? Прикинуться верующими, чтобы избежать кары за грехи?

А ведь боязно? Вдруг и правда настанет Страшный Суд, и кара за грехи будет жестокой? А Бог умеет быть жестоким, потому что не бывает справедливости без жестокости. Не бывает праведникам блаженство, а вероотступникам – никак. И вероотступники будут страдать! Вспомните историю Содома и Гоморры! Господь уничтожил целые города в наказание потомкам грешников. Вспомните историю Ноя, когда из людей он один спасся! Конечно, Бог позаботился о душах праведников и детей неразумных. Но грешники пострадали задолго до Страшного Суда! И грешники должны страдать! И будут страдать! И будут жить в страхе, что жестокая кара, мучительная боль и невыносимые страдания могут прийти в любую секунду!

Но прежде Страха идёт Добродетель. Бог избавил человека от выбора, что добродетельно, а что грешно. Ибо человек не сам себя создал, но он есть творение Бога! Как если бы выточенная мастером из полена фигурка вдруг начала указывать мастеру, что правильно, а что нет. И не чело-

веку решать, по каким законам жить, ибо, создавая человека, Бог создал и законы. Для тех, кому тяжело это принять, от чересчур большого ли ума или от слабости характера – есть Страх. Для тех, кто принимает эти законы – есть Добродетель. А добродетельному человеку нечего бояться, ибо к добродетельному Бог милостив.

И пусть другие люди прикрывают грабежи Крестовыми походами, а тоталитаризм власти Святой инквизицией. Но мы-то – православные! Нам-то следует жить по Законам Божьим, а не по извращённому их толкованию лже-умниками от церкви!

Добродетель и Страх. Для нас, собравшихся здесь, – это весь выбор. Выбирайте Добродетель. Так легче».

В тот день никто не исповедовался, даже те, кто собирался. Но не расходились из церкви долго. А молодой священник так и остался в толпе, тихо беседуя то с одним, то с другим. Уже когда он направился к церковным дверям, кто-то спросил громко:

– Как зовут-то тебя? А то я начало пропустил.

Священник на секунду остановился на пороге, обернулся, улыбнулся широко, наивно, по-детски, и коротко ответил:

– Стенька.

* * *

Ричард Фоли к сорока годам так и не сделал карьеры, оставшись заурядным шпионом британской разведки. «Заурядным» – конечно, скромно сказано. Обладая множеством важных для его работы качеств, он, помимо прочего, в совершенстве владел восемью языками, в том числе русским, и говорил без акцента. В МИ-6 он вообще считался специалистом по России, поэтому и «командировки» в эту страну у него случались довольно часто. Ну, и по части оперативной деятельности у Фоли равных было мало. Добавить к этому острую интуицию, очень широкий кругозор и умение думать «за пределами ящика» – ну и вот вам идеальный агент Секретной службы Его Величества. До кабинетной работы такого жаль повышать, вот и не повышали.

Канули в Лету времена, когда шпионы «работали под прикрытием», выдавая себя за граждан государства, в котором выполняли задания. Современные средства идентификации и учёта поставили жирный крест на, как это по старой памяти называли здесь, в России, «штирлицах». Но под чужим именем и даже представившись гражданином третьей страны, работать было ещё можно.

К нынешнему пребыванию в России Фоли готовили заранее, и «легенда» была вполне правдоподобной. Историк из Бразилии Фернандо Абрантес. Немного смуглый цвет лица, чёрные волосы и подтянутая фигура придавали «легенде» ещё большую правдоподобность. Добавить к этому едва уловимый испанский акцент, который Фоли вырабатывал

год, а также прекрасное знание русской истории и культуры – и вот вам, пожалуйста: Фернандо!

В России на этот раз он жил уже полгода, с лета. Как он прошёл через паспорт-контроль – целая история! В общем-то, прошёл не он, сам Фоли попал в Россию нелегально, но это уже неважно. Вот он здесь, и никакие камеры, никакие приборы не соотнесут его лицо, сетчатку глаза, образец ДНК и вообще все, по чему сейчас идентифицируют людей, с Фредриком Штрёмом, персонажем его российской «легенды» пятилетней давности.

На этот раз его миссия была связана с новой технологией русских – фотонным парусом. Его ведомству стала известна лишь часть устройства, та, что устанавливалась на военные космические корабли последнего поколения. Это были действительно фотонные паруса, как те, которые работают на мини-спутниках. Вместо ветра в фотонные паруса «дуют» лучом лазера, придавая мини-спутникам огромное ускорение. Вот только мини-спутники весят от силы несколько килограммов, и для накачки их разгонных лазеров требуется колоссальная мощность. Как русские умудряются разгонять многотонные истребители, пока остаётся загадкой. Точнее – как собираются разгонять. Никто пока ещё не видел этой технологии в действии.

Но есть несколько человек, которые хотя бы теоретически представляют, как это должно работать. И один из них, точнее, одна, сегодняшним вечером должна посетить Большой

Театр в компании подружки. Обе, надо сказать, недурны, а с подругой Фоли уже успел немного сойтись. Она, подружка, работала библиотекарем.

Нынешним библиотекарям, в отличие от их коллег в прежние времена, не нужно ходить в хранилище за тяжелыми томами, для этого есть автоматические системы, да и на бумаге сейчас читают редко. Задача библиотекаря – помочь подобрать нужную книгу, когда «хочется чего-нибудь такого». Ну, и интересующийся русской историей испанец, да ещё и заявившийся для беседы в контору лично, пусть даже и на пять минут, не мог не запечатлеться в сознании одинокой дамы. Так что сегодня она, подружка, его точно узнает в лицо. Ну, а дальше останется обаять ту, ради которой Фернандо, собственно, и пришёл в театр.

В Большом сегодня давали «Ричарда III»: как ни странно, балет. Как говорят русские, получилось «средней паршивости», то есть не так уж и плохо. А если иметь в виду заметный дефицит новых постановок, так представление оказалось и вовсе достойным Большого! Что ж, оставим приятное знакомство на антракт, как раз будет о чём поговорить, и насладимся действием в первой части!

В фойе пальто испанца практически сразу принял робот-гардеробщик, исчезнувший так же незаметно, как и появился. Фернандо оказался перед зеркалом и на всякий случай бросил взгляд на своё отражение. Чёрный смокинг, безупречно белая сорочка, чёрный галстук-бабочка... Вздрос-

нуть не позволила лишь профессиональная выдержка. Во-первых, человек появился за спиной Фернандо абсолютно неожиданно. То его не было, и вдруг вот он, уже стоит вплотную! А во-вторых, слова, которые произнёс незнакомец...

– Здравствуйте, Ричард! – человек за спиной тепло улыбнулся и деликатно похлопал шпиона по плечу. Говорил он, разумеется, по-английски. – Надеюсь, вас не обижает, что я к вам сразу по имени? Хотелось бы избежать ненужного официоза, а, наоборот, поговорить доверительно. Если желаете, можете посмотреть постановку, и мы поговорим после, но про фотонный парус забудьте. Если что, на «библиотекаршу» мы ловим половину ваших коллег. Но, думаю, нам найдётся, чем вас заинтересовать. Ну так как, останетесь на балет или сразу отправимся куда-нибудь, да поговорим?

Фоли уже успел рассмотреть собеседника. В отличие от нехарактерной для профессии, довольно примечательной внешности самого британца, незнакомец выглядел человеком неприметным – среднего роста, около метра девяноста, среднего телосложения, хотя профессиональный взгляд отметил натренированные мышцы даже под смокингом. Обычное русское лицо, искренне приветливый взгляд. Лет тридцати пяти.

– Простите, не представился, – незнакомец мягко улыбнулся. – Меня зовут Дмитрий Смирнов. И я не из Министерства Безопасности, – лукаво добавил он. – Мы с ними просто дружим.

Решили посмотреть балет и встретиться здесь же по окончании спектакля.

И, действительно, встретились. Фоли к тому моменту успел собрать, какую смог, информацию о собеседнике. Поразмышлял, проинформировать ли своих коллег в Лондоне, посомневался и передал лишь ограниченную информацию – с потенциальным источником контакт установить не удалось, появился новый интересный контакт, подробности потом. Вероятно, МИ-6, в свою очередь, отследит запросы Фоли в информационные базы, касающиеся Дмитрия Смирнова.

Смирнову Дмитрию Алексеевичу тридцать три года. О семье известно мало, лишь то, родители из интеллигенции, по мужской линии до, как говорят в этой стране, седьмого колена адвокаты. Сам Дмитрий Алексеевич окончил юридический факультет МГУ, с третьего курса университета работал в крупной международной юридической фирме, затем перешёл в небольшую московскую. О его личной жизни в сети почти ничего не обнаружилось, но, судя по немногому «почти», она всё-таки была. А вот об увлечениях не нашлось ничего. Так, посещение изредка спортивного клуба, обычная физкультура. Танцевальный клуб, само собой, это сейчас принято. Мелькали ещё какие-то мелочи, но впечатления составить не удалось. Зато было много юридической клиентской работы, при этом молодой юрист активно перемещался по всему миру. А вот клиенты фирмы Фоли заинтересовали.

В основном это были государственные компании и сами государственные органы, включая высшие. Ну, хоть какое-то объяснение.

– Ричард, – молодой юрист окликнул стоящего на ступеньках Фоли, – вы не ответили. Позвольте мне называть вас по имени? Это будет удобно?

Фоли согласился, и они отправились прогуляться. Однако погода к прогулкам не располагала, и они забрели в маленькое кафе на Большой Лубянской. Что-то заказали.

– Ричард, – Дмитрий говорил всё с той же дружелюбной, располагающей улыбкой, но интонация его сделалась серьёзной. – У нас к вам неожиданное предложение.

Фоли удержался от вопроса «У нас – это у кого?». Дмитрий отметил это понимающим взглядом и продолжил:

– Мы намерены предложить Би-Би-Си снять сериал. Нам бы хотелось, чтобы в России вновь возникла мода на английское. Если угодно, викторианское. Образ истинного джентльмена и истинной леди, высокая нравственность и безупречный вкус. Для всех слоёв общества. Чтобы образами сериала прониклись даже те, кто стоит на нижней ступени общественной лестницы: живущие на социальный минимум или близко к тому. Сериал также должен мотивировать оторваться от безделья и заняться чем-то созидательным. Разумеется, он должен быть интересным, «цеплять» с первых кадров и держать в напряжении всё время, вызывать сильный положительный эмоциональный отклик. И он должен

быть светским. Как, скажем, «Вудхауз», только на более широкого потребителя, не чрезмерно тонко. Или... – Дмитрий задумался. – Адаптированный «Вудхауз», почему нет...

Фоли сделал глоток чая, откинулся в кресле, закинул ногу на ногу.

– Вы очень органично вжились в образ Фернандо, – отметил Дмитрий и рассмеялся.

Фоли едва заметно склонил голову в знак благодарности и задумался.

– Почему я? – наконец, спросил он.

– Потому что мы хотели бы избежать официальных контактов.

– И вы не думаете, что я сейчас побегу к своему руководству, и ваше предложение быстро окажется у тех, контактов с кем вы не хотели бы... ох! – Фоли вдруг хлопнул себя ладонью по лбу. – Да вы же не бриттов опасаетесь, а своих!

– Мы уже не знаем, кого опасаться, – сказал Дмитрий серьёзно и вздохнул.

– Расскажите?

Было видно, что юрист колеблется.

– Слово джентльмена, что это пока останется между нами?

– Слово джентльмена, – серьёзно произнёс Ричард.

«А хорошо они обо мне справки навели», – подумал он. И мысль эта была и приятной, и грустной.

– Тогда отключайте свой «зап».

– Уже, ещё в театре.

– Давайте обратимся к истории прошлого века и начала нынешнего, – начал Дмитрий. – Если помните, история ислама тогда изобиловала малоприятными эпизодами.

* * *

Чай в тот вечер Маргарита Нарциссовна сервировала сама. Да и не только в тот, она вообще любила это делать. По-старому, как накрывали столы до появления «роботов-дворецких». Надо признаться, роботы были ненавязчивы. Строго говоря, это и роботами-то, как они рисовались в эпоху её молодости, не назовёшь. Просто нужное почти незаметно появлялось на столе, а ненужное так же исчезало. Однако Маргарита Нарциссовна предпочитала «по-старому» и держала в доме прислугу, состоящую из «барышни по хозяйству» и садовника-конюха. Надо сказать, и её доходы, и уж тем паче доходы супруга позволяли содержать вполне и вполне приличный дом под Москвой по Киевскому направлению, а при доме неплохую конюшню. Маргарита Нарциссовна, смущаясь, использовала слово «выезд». Супруг же, скульптор-архитектор, относился к причудам жены с едва заметной иронией, однако подыгрывал с удовольствием.

Безобидная эксцентричность, впрочем, вполне естественно гармонировала с твёрдым характером и высочайшим интеллектом Маргариты Нарциссовны. Несмотря на то, что

возраст ее перевалил за сто лет, она обладала отличной реакцией и гибким мышлением. Последние тридцать восемь лет Маргарита Нарциссовна Дворянцева занимала пост Председателя Банка России, пережив пятерых Президентов (одного, к прискорбию, буквально) и бесчисленное количество заместителей.

– Аристарх Феофанович затеял ваять мои руки, – поведала она своим низким грудным голосом, почти без модуляций. – Смешной, право же, – и она продемонстрировала красивые тонкие пальцы и изящные запястья. Впрочем, рукава ее блузы были длинные, с манжетами до костяшек.

Маргарита Нарциссовна стояла спиной к окну, и Матвей Юрьевич в который раз залюбовался ею. Высокая, с очень прямой спиной и профилем Нефертити. Идеальная укладка, волосы с шикарной сединой. И лицо без единой морщины, так что о возрасте Матвей Юрьевич просто знал, а так бы и не догадался.

– Благодарю вас, Маргарита Нарциссовна, – Матвей Юрьевич, галантно склонил голову, принимая чашку. – В чувстве прекрасного вашему любезному супругу не откажешь, а о мастерстве его мы не только наслышаны, но и не единожды имели удовольствие убедиться в оном.

Третий участник встречи, Данила Сидоров, раньше в подобных ситуациях тушевался. У людей старшего поколения вошло в моду говорить вот так, как он считал, витиевато. Современный язык был лаконичен. Передать информацию,

сообщить об эмоции. Среди молодёжи, даже образованной, красивым общением считалось эффективное. Лексический минимализм. Искусство состояло в том, чтобы двумя правильно подобранными словами передать смысл, требовавший десяти слов неправильных, причем передать точно.

Однако Данила чувствовал красоту почти утерянного языка, понимал, почему уходящее поколение так за него цепляется, и ему, Даниле, этот язык нравился. А какие слова! *Учинить* запись. За это я *ратую*. А наполовину непонятное «третьего дня на околице приземлился аэроплан»! Вот только у самого Данилы так не получалось. Однажды он *посетовал* на это Маргарите Нарциссовне, что она *сиюминут* прокомментировала: «Прискорбно, сей язык мне чужд! Вы это хотели сказать?».

Данила занимал по своим годам весьма нескромную должность в Центральном банке, будучи советником Председателя по общим вопросам. Маргарита Нарциссовна на первой случайной встрече с молодым сотрудником распознала в нём удивительную способность быстро ориентироваться в различных областях, будь то политика или техника, находить правильных специалистов для консультаций, задавать правильные вопросы и ухватывать суть. Эту его способность Маргарита Нарциссовна эксплуатировала вовсю, что жизнь её облегчало, а жизнь Данилы делало интересной, захватывающей.

– А вы, юноша, – стремительно обернувшись, обратилась

к нему Маргарита Нарциссовна, – съешьте хоть плюшку, покамест уважаемый Матвей Юрьевич языком упражняется. А то как о деле заговорим, так лишь чай мимоходом прихлёбывать успеете.

Помощник Президента хитро прищурился.

– Этот-то, – кивнул он на Данилу, не глядя, – этот-то всё успеет! И по делу, и плюшки. О том мне одна юная дама, из ваших, на днях поведала...

Горячую, с румяной корочкой, которой хотелось хрустеть, присыпанную сахаром и корицей плюшку Данила разве что не целиком проглотил. Как удав. Ну вот какое им дело до юной дамы... Хотя, напомнил он себе, это такие люди. Если ты с ними, им есть дело до всего.

– Успеваю-с, – коротко прокомментировал он.

– Не удивлена, – спокойно сообщила Маргарита Нарциссовна. – Что ж, плюшек много, но не увлекайтесь, через четверть часа и ватрушки подспеют.

Она уселась за стол, придвинула к себе чашку и поправила шейный бант.

– Что ж, юноша. К делу.

– Технология профессора Филатова, – на всякий случай, для вступления, Данила напомнил тему встречи. – Позвольте использовать уже прижившийся термин F-command. Термин прижился, поскольку разговоры о технологии популярны уже во всех странах, включая мировые финансовые центры.

Сущность F-command такая. Современные устройства считывают активность мозга, выделяя информацию от органов чувств, эмоции и ещё многое, включая индикацию мыслительного процесса. Природа человеческой мысли столь сложна, что прибор для достоверного чтения всех мыслей на сегодняшний день невозможен. Профессор утверждает, что невозможен в принципе. Однако команды, которые мозг посылает вовне, могут быть до определённого уровня читаемы. Известный пример команды пингу: «Выше». После определённого «привыкания» ментального сканера пинга к таким командам владельца, пинг «узнаёт», что определённый мыслеобраз означает «выше». Но мы не можем приказать пингу: «Выше на десять метров». Можем дать команду словами, вербально или через меню символов, но не мыслью. Точнее, не могли.

Профессор Филатов разработал технологию, когда прибор считывает, что вы хотели бы сказать. Произнесите мысленно: «Увеличь высоту на десять метров». Вот именно эту мысль считывает сканер F-command. Позвольте, во избежание сомнений, повторить: сканер *достоверно* считывает то, что вы *точно* хотели бы сказать.

Две ключевых составляющих технологи. Первая – вы должны думать словами, на определённом языке. Не представлять, как пинг увеличивает высоту, а именно давать команду речью. Вторая – необходима ваша воля. Не просто подумать о желании – вы должны именно однозначно выразить

волю, как если бы, опять же, вы произносили это вслух. Как сказала однажды... – Данила вдруг на мгновение запнулся, – одна коллега профессора... «На волосок от сказанного».

– Вы были знакомы? – вдруг спросил Матвей Юрьевич.

– Её родители друзья моих, – быстро ответил Данила и продолжил: – Обобщаю. F-command позволяет передавать любую речевую информацию мыслью. Можно сказать, замена речевого аппарата. Позвольте повториться: случайная мысль не транслируется, на «выходе» лишь то, что человек *хочет* сказать.

– Спасибо, Данила, – поблагодарила Маргарита Нарциссовна и сообщила: – Оставляю вас на минуту, ватрушки подспели.

– Как Голицыны? – коротко спросил Матвей Юрьевич, когда хозяйка вышла из комнаты. – Давно их не видел.

– Всё в трауре, – так же сдержанно ответил Данила. – Не оправились ещё.

Дальше молчали, пока Маргарита Нарциссовна не вернулась с подносом, от которого шел аромат свежеиспеченных, ещё дымящихся ватрушек. Надо отметить, упоительный запах приподнял настроение.

– Угощайтесь, – предложила хозяйка, водружая поднос на середину стола. – И садитесь, не вскакивайте так каждый раз, прошу вас. И что же, Данила Андреич, такого беспокойного в этой вашей новой технологии? Из чего весь сыр-бор?

Данила и в самом деле успевал всё – и ватрушку есть, да

ещё и с удовольствием, смакуя вкус, и говорить, да ещё и не с набитым ртом.

– Технология, как вы понимаете, революционная. Позитивное и без последствий применение очевидно. Замена речевого общения, когда нужна тишина. Выдача команд техническим устройствам. Заказ блюда в ресторане. Авторизация платежа.

Очевидно, паузу Данила здесь сделал не ради ватрушки, а чтобы собеседники осмыслили. Однако паузой, конечно же, воспользовался и ватрушку доел.

Матвей Юрьевич вопросительно посмотрел на Маргариту Нарциссовну. Та встала с чашкой, подошла к окну и развернулась к собеседникам, изящно облокотившись о подоконник.

– В центральных банках многих государств активно обсуждается вопрос о переходе на платежи через F-command, – закончил мысль Данила.

– Ну так и у нас оное на слуху, – спокойно проговорила Маргарита Нарциссовна. – Драматизм-то в чём?

Вопрос был очевидно провокационным, и все в комнате это понимали, однако ответить на него вслух было необходимо для следующего шага дискуссии.

– Если повсеместно ввести F-command, всегда можно будет узнать, кто и куда перевёл любую конкретную сумму. Потеряется анонимность платежей. Если помните, когда появились платежи через... – и Данила вдруг опять запнулся, даже

покраснел.

Матвей Юрьевич широко улыбнулся.

– Мой юный друг, не бойтесь показаться бестактным, ибо указанием на время вы отсылаете не к возрасту, но к истории! – и многозначительно поднял указательный палец.

– Благодарю вас премного, – Данила ответил такой же яркой улыбкой и продолжил: – Даже, с вашего позволения, сделаю ещё шаг назад. Платежи наличными деньгами были полностью неперсональными, если им не сопутствовали другие документы. Платежи картами также лишь до определённого предела гарантировали идентификацию плательщика. Платежи через первые компьютеры и телефоны устанавливали отправителя денег тоже не вполне достоверно. Карточку можно было подделать, заполучив её данные, пароль от Интернет-банка украсть или передать, и так далее. F-command – первая система платежей, однозначно указывающая на того, кто платит. При полном переходе на эту систему даже для платежа от юридического лица можно будет достоверно определить, какой конкретно индивид авторизовал платёж. И мы получаем...

– Полную прозрачность всех транзакций в мире, – закончила за него фразу Маргарита Нарциссовна.

– И полную потерю частной жизни, – добавил Матвей Юрьевич.

– На сегодняшний день речь идёт о глобальном внедрении F-command лишь для платежей. Это поможет и сбору нало-

гов, и борьбе с коррупцией, с терроризмом... Например, если чиновник отдыхает на хорошем курорте, всегда можно будет узнать, кто именно за этот отдых заплатил. Или приблизиться к такому узнаванию. Проблема начала века, кто же именно спонсирует определённую террористическую организацию, также могла бы быть решена F-command. Полностью всех таких проблем технология, конечно, не решит, но теневому перемещению денег повредит на порядок.

– И если вы, молодой человек, захотите уединиться с юной особой в некоем отеле, то мы всегда узнаем, кто именно платил за номер. Либо вам придётся прибегнуть к услугам финансовых посредников, кои для таковой цели, наверное, появятся.

– Это очевидная цена, которую придётся заплатить членам общества для защиты их конституционных прав, – спокойно прокомментировал Данила. – Не оправдываю тех, кто ратует за введение F-command для платежей, лишь передаю их точку зрения. Человек вынужден отказываться от неких своих прав и свобод для того, чтобы государство могло защищать его интересы.

Матвей Юрьевич поднялся и немного прошёлся, размялся.

– Прав Данила, – согласился он. – При нынешнем уровне развития техники мы могли бы обеспечить тотальную слежку за всеми людьми мира. Но этого не происходит, потому что человечество в определённый момент само себя одёрну-

ло. Все согласились с тем, что должна быть частная жизнь, пусть даже отказ от тотальной слежки и несёт в себе некие риски.

– Введение F-command для платежей и отказ от его недобровольного использования в других сферах жизни – и есть тот баланс, на который готовы многие государства, – подытожил Данила.

Ни помощник Президента, ни председатель Центробанка не стали задавать вопрос, откуда молодому человеку известно, что происходит в правительствах других стран, когда те пока публично хранят молчание. Говорит, значит знает.

Маргарита Нарциссовна вдруг спросила:

– Вы сами видели, как это работает технически? Должно быть, необходимо оказаться в зоне действия некоего считывающего устройства?

Данила отрицательно покачал головой и, будучи уже наученным избегать слова «нет», сообщил:

– Не совсем. Когда сеть F-command будет развёрнута, мыслеобразы можно будет отправлять в любой точке мира. А вот отправителю понадобится устройство, состоящее из двух частей. Это обруч на голову, может быть, диадема или невидимая тонкая леска, и, второе, браслет на руку или кольцо на палец. Это необходимо, чтобы разнести считывающее и передающее устройства.

– Бесперебойная работа технологии, полагаю, сомнений не вызывает.

– Никаких, – вмешался в разговор Матвей Юрьевич. – Имел честь не только наблюдать, но и самому, так сказать, удалось на себе попробовать и прочувствовать. Признаться, был восхищён.

Он, однако умолчал о том, что видел в действии и F-command второго поколения, возможности которой на порядок превосходили обсуждаемую систему. Ему вдруг вспомнился Сканер, сидящий в кресле с закрытыми глазами, взмокший от пота и со слипшимися волосами, вцепившийся в подлокотники побелевшими от напряжения пальцами. Это было на финальном испытании фотонного паруса. Тогда офицер, находясь на Земле, управлял сразу тремя «Грифонами», ведущими учебный бой где-то за орбитой Меркурия, почти у Солнца. За сорок две минуты того боя Сканер потерял шесть килограммов. Истребители так и остались там, у звезды, на гелиостационарных орбитах с заглушенными двигателями. Там же в режиме полного молчания расположилась и основная группировка разгонных излучателей. Многотонные монстры, накачанные под завязку энергией Солнца, с тех пор так и вращаются на своих орбитах и ждут своего часа... Ох, как бы не хотелось, чтобы этот час наступил... А Сканер с тех того дня не расстаётся с висящим на шее жетоном: там выгравирован его личный номер, позывной и символ, в котором, лишь постаравшись, можно рассмотреть греческую букву «дельта».

Маргарита Нарциссовна вернулась на своё место за сто-

лом, задумалась. Предложила гостям ещё чаю.

– Однако ж каким-то новомодным техническим веяниям и противиться нежелательно, – сообщила она. – Чай горячий, как если б только что подали. Позвольте предложить вам ещё по чашечке, господа?

Господа сие предложение исключительно поприветствовали.

– А знаем ли мы *наверное*, отчего видные наши предприниматели столь рьяно озаботились приобретением оной технологии? – привычно ровным голосом спросила Маргарита Нарциссовна, однако искушённый собеседник обнаружил бы в вопросе интонацию некоторого сомнения.

Данила отрицательно покачал головой.

– Достоверно неизвестно. Саму технологию, её технические детали, они раздобыли давно. Некоторые эксперты даже высказали подозрение, что профессор Филатов не прикладывал обычных усилий по сохранению её в тайне, поскольку не было у него таких утечек. Никогда. Другие полагают, что никогда против профессора не предпринимались столь изошрённые и дорогостоящие действия по промышленному шпионажу. Однако факт – технология у этой группы предпринимателей есть. Если вам известно, эта группа контролирует предприятия, чья экономика составляет почти четверть ВВП нашего государства. Особые опасения вызывает то, что они хотят не просто завладеть технологией, она у них уже есть, их цель – получить полный юридический контроль.

– И? – Матвей Юрьевич вскинул бровь.

Данила почесал затылок.

– Да вроде бы очевидно, – он пожал плечами. – Контроль над этой технологией – огромные доходы, – Данила посмотрел на собеседников, которые молчали, очевидно, рассчитывая на продолжение. – Есть и вторая версия. Возможно, предприниматели хотят заблокировать использование технологии. Если так, то наиболее вероятно, что именно из-за прозрачности платежей.

– Зачем? – задала вопрос Маргарита Нарциссовна, глядя уже на Матвея Юрьевича.

Тот лишь задумчиво закатил глаза, вздохнул, пожал плечами и взял очередную ватрушку.

* * *

Когда совпадало время окончания рабочего дня, Василий Никифорович заезжал за женой, чтобы вместе отправиться домой или поужинать. Оленька, конечно, каждый раз предпочла бы поужинать, вот только зарплата заместителя министра не годилась для частых посещений тех ресторанов, куда ей хотелось бы. Сам виноват. Когда они познакомились три года назад, ему уже подходило к пятидесяти. Всё почти как у классика – взрослый солидный мужчина и молоденькая девушка-цветочница.

Мужчиной он был, впрочем, привлекательным. Высокая

подтянутая фигура, смуглое мужественное лицо, короткая стрижка. Генерал. Но – захотелось произвести впечатление, и начались шикарные рестораны и дорогие подарки. Не по средствам получалось. Так, иногда, конечно, можно себе такую роскошь позволить, но не постоянно, не каждый день. Оленька, впрочем, это поняла и приняла, тем более, что статус заместителя министра по чрезвычайным ситуациям сам по себе сыграл роль. Вот только нет-нет, да и вздыхала она, глядя на шикарную витрину или дорогой паластрум. Или когда рассказывала об очередном покупателе, заказавшем букет, инкрустированный бриллиантами. Помогали официальные приёмы, где собиралось высокое общество, и не стоившие ничего семейному бюджету. Раньше Василий Никифорович большую часть таких приёмов игнорировал, а теперь не пропускал ни одного.

Когда он вошёл в цветочный салон, Оленька как раз заканчивала работу над заказом. Она предупредила, что немного задержится, потому что один постоянный, очень солидный покупатель совсем уже к концу рабочего дня неожиданно прислал сообщение с просьбой подготовить большой букет. Покупатель действительно оказался чрезвычайно солидным. Лет семидесяти или больше, грузный, с благородной седеющей шевелюрой, в смокинге, поверх которого было накинуто чёрное, по последней моде, пальто, богато отделанное горностаем. С ним была дама, видимо, того же возраста. Невысокая, с короткой стрижкой, с волевым лицом и столь

же шикарно одетая.

Посетитель обернулся, когда звякнувший колокольчик сообщил, что открылась входная дверь.

– Господин генерал! – воскликнул он, широко улыбаясь. – Очень рад! – Он протянул руку, пожатие, однако, оказалось вялым, совсем уж формальным, если не подумать, что снисходительным. – Ольга Вейминовна много о вас рассказывала. Мы тут, знаете ли, регулярно цветы приобретаем. Чудесные букеты у вашей супруги получаются, просто чудесные! Высочайший вкус! Позвольте представиться, Чижов Денис Денисович, предприниматель. Моя супруга Изабелла Вениаминовна.

– Федоренко, – коротко представился генерал, но, чуть подумав, добавил: – Василий Никифорович.

Оленька с улыбкой продолжала подбирать лилии и декоративную зелень, невольно бросая взгляды на массивное кольцо, украшавшее шею и грудь супруги Дениса Денисовича. Сам же предприниматель вдруг взял Василия Никифоровича под локоть и, тихо проговорив: «Позвольте на пять минут?» – деликатно, но настойчиво потянул на улицу.

Вышли. Было морозно, но без ветра. Шёл снег, мелкий, необильный, больше походивший не на осадки, а на декорацию зимнего вечера. Однако выпало его достаточно, и он приятно хрустел под ногами.

– Хорошо, что мы с вами встретились, – спокойно заговорил Денис Денисович. – И специально встречи искать не

пришлось.

– Мне приятно, что вам нравятся Ольгины букеты, – Василий Никифорович как-то сразу не нашёлся, что ответить, поэтому сказал то, что сказал.

– Да, она у вас мастерица, – проговорил Денис Денисович с чувством. – К тому же красавица. Во всех смыслах повезло вам, Василий Никифорович.

– Спасибо, – Василий Никифорович едва заметно склонил голову. – Вы хотели что-то обсудить?

Предприниматель заулыбался.

– Вижу, вы человек дела, прагматичный. Вот о чём подумалось. Ольга Вейминовна действительно талантливый специалист. Ей бы выше двигаться... Ох, зябко... – Денис Денисович достал и принялся натягивать тонкие кожаные перчатки. Сам-то Василий Никифорович сунул руки в карманы, как только вышел на улицу. – Ну так вот, о чем бишь я. Может быть, ей больше подошла бы должность директора цветочного салона? Позвольте, я открыто скажу? Мне известно, что владелец этого, – Чижов кивнул на двери, откуда они вышли, – намеревается его продать. Нам с супругой подумалось, что мы могли бы купить не только салон, но и весь этаж, и тогда салон можно было бы расширить раз этак в пять. Что думаете?

– Вы хотите Ольгу сделать директором?

– Да, приходила такая мысль. Если, разумеется, салон купим мы. К сожалению, ничего не могу сказать на случай, ес-

ли покупатель будет другой. Очень хочется надеяться, что он по достоинству оценит способности вашей юной супруги, и она сохранит должность, или даже её повысят.

Василий Никифорович, почти не поворачивая головы, скосился на собеседника, посмотрел вопросительно, но скептически, как будто ничего дельного не ожидая.

– Ну вот, мы с супругой подумали: а не предложить ли вам долю в новом расширенном салоне? Подумайте. Мы могли бы дать вам тридцать процентов, плюс отдельное право назначать директора на три года... Пожалуйста, не перебивайте, дайте договорить. Мы знаем, что государственным служащим запрещено иметь предприятия, но вы могли бы поручить владение доверенному лицу, скажем, оформив юридические отношения в уважаемой юрисдикции, например, в какой-нибудь африканской. Только послушайте совета старшего... Избегайте соблазна оформить предприятие на супругу. Не хотелось бы ничего предполагать, и я искренне верю в прочность ваших отношений... Однако уж лучше бы право назначать директора было у вас, чему неё самой. Только, пожалуйста, поймите меня правильно...

Он говорил и говорил, и постепенно идея начинала казаться генералу все менее абсурдной. Как-то незаметно из «брёда сивой кобылы» она перешла в разряд «а, может, и правда?». В какой-то момент, перебив собеседника, генерал заметил:

– Просто так подобные предложения не делаются.

– Вы умный человек, Василий Никифорович, – тут же прокомментировал предприниматель. – К тому же, как я успел заметить, прагматичный. Вы правы. Однако мы понимаем ваши возможности, и к тому же не хотели бы ставить вас в неловкое положение. Во-первых, нам было бы спокойнее, если бы мы чувствовали... – Чижов задумался, старательно подбирая формулировку. – Если бы мы чувствовали себя защищёнными от неправильных или даже незаконных претензий чиновничества... А то ведь знаете, как бывает...

О, об этом генерал знал! Не далее, как пару месяцев назад местный комитет по защите прав потребителей предъявил салону претензии касательно санитарных нарушений. Претензии были надуманные, однако требования чинуш оказались настойчивыми. Владелец салона тогда через Оленьку попросил генерала посодействовать. Тот поначалу отнекивался, советовал обратиться в прокуратуру, но Оленька просила очень, поэтому Василий Никифорович всё же позволил, кому следует. Проблема решилась в пять минут! Для самого генерала стало неожиданностью, как всё оказалось просто. Владелец салона тогда, по тайному согласованию с Василием Никифоровичем, в качестве премии выдал Оленьке золотые с рубинами серьги. Оленька тогда долго от радости просто светилась и подчёркивала, что это он, Васенька, ей такой подарок устроил. Так что в должности замминистра, как оказалось, имелись вполне материальные плюсы. И ведь закон тогда не нарушил ничуть! Наоборот, пресёк беззакон-

ние.

Чижев продолжал рассказывать о предлагаемом предприятии, однако говорил по делу, без украшательств.

– Вот ещё, о чём подумалось. Вы ведь... Нет, я понимаю, что на государственные заказы вы повлиять вряд ли сможете. Но люди, которые вас знают, могут захотеть прийти в салон, где директорствует ваша супруга, не так ли? Поймите правильно, я отнюдь не намекаю, что кто-то решит вас отблагодарить за что-то, не имея возможности сделать это непосредственно, но зато принеся прибыль салону, от которого у вас семейный доход, – заверил предприниматель, хотя, именно на это он и намекал. – Просто ваше имя само по себе сделало бы салону репутацию. Да еще помноженное на мастерство Ольги Вейминовны!

Генерал потянулся, не вынимая рук из карманов.

– Если бы мы вдруг согласились, от нас потребовались бы вложения?

– Мы могли бы отсрочить решение этого вопроса, а расчёт произвести из прибыли. В том, что прибыль будет, мы нисколько не сомневаемся. А вот Ольге Вейминовне мы бы пока говорить не стали. Хотя, конечно, ваше дело, семейное. И мне бы ни в коей мере не хотелось быть навязчивым, поэтому, может быть, позвольте оставить вам мои контакты? Ежели вдруг надумаете, пожалуйста, дайте знать.

Они ещё с минуту постояли просто так, а потом собрались было вернуться в тёплое помещение, но в это время из

салона вышла Изабелла Вениаминовна с роскошным и при этом очень изящным букетом, а за ней и Оленька. И Василий Никифорович в очередной раз отметил взгляд любимой супруги, которым она провожала удаляющийся шикарный па-ластрум.

* * *

Закуток в кафе был по максимуму защищён от прослушивания. Не только звук не выходил за пределы нескольких квадратных метров, но и мимикрические резонаторы подавляли «чтение по губам». Закуток был оборудован новейшими идентификаторами микрофонов, камер и других средств шпионажа, что автоматически нейтрализовало использование зап-передатчиков. Конечно, зап-передачу ни зафиксировать, ни подавить невозможно. Зато можно засечь мембраны микрофонов и сенсоры видеофиксации. Работали эти идентификаторы, правда, с некоторой погрешностью, однако быстро совершенствовались, впрочем, как и устройства, с которыми они были призваны бороться.

Но говорили все трое всё равно тихо, переходя на шёпот. Пили пиво, заедая ржаными сухариками.

– Ну как? – коротко спросил человек в чёрной куртке, которую так и не снял, усаживаясь за стол.

– Всё в порядке, – ответил собеседник, мужчина в деловом костюме. – Патентная заявка... – Он чуть замаялся, ре-

шая, произнести ли имя вслух, немного подумал и не произнес. – Заявка имеет некоторые неточности.

Третий участник встречи был одет просто и вести себя поначалу старался соответственно. Однако в уверенной осанке, в таких же уверенных и чуть небрежных жестах, в тембре голоса и манере говорить – во всём чувствовалось, что человек этот далеко не простой.

Он вздохнул, мол, что уж тут в конспирацию-то играть, и спросил напрямик:

– Патентная заявка Филатова на F-command не будет принята Роспатентом?

Юрист, тот, что был в деловом костюме, закатил глаза к потолку, задумавшись на секунду, и начал говорить не торопясь, тщательно подбирая слова.

– Патентных заявок сто тридцать восемь. Примерно четверть – изобретения, остальное – промышленные образцы. Плюс четырнадцать заявок на товарные знаки. Все заявки должны быть приняты патентным ведомством к рассмотрению. Однако в некоторых заявках на изобретения и промышленные образцы сделаны ошибки и допущены неточности, которые должны послужить основанием для отказа в их регистрации. Другими словами, заявки будут приняты, но через четыре месяца заявитель вместо регистрации получит отказ.

Непростой человек одобрительно кивнул.

– Сколько времени понадобится на устранение недостат-

ков, если обнаружат, скажем, сегодня, что там ошибки?

Юрист пожал плечами, опять закатил глаза в задумчивости.

– Дня два-три.

– Хорошо.

– Наш человек, – встрял в разговор мужчина в чёрной крутке, – подтвердил. – Он одобрительно и с уважением кивнул.

– Хорошо, – повторил непростой человек, – сегодня вечером вам будет переведён остаток оплаты. По тем же реквизитам, что и раньше.

Пиво ещё не закончилось, да и расходиться через пять минут после начала встречи было бы как-то необычно, кому-то могло показаться подозрительным, поэтому трое, не сговариваясь, остались сидеть, потягивая из кружек.

У барной стойки, совсем недалеко от них, расположилась красивая девушка. Она закинула ногу на ногу, и её юбка немного сдвинулась, обнажая сексуальные колени.

– А можно вопрос? – вдруг неуверенно подал голос юрист.

Двое других за столом одновременно подняли глаза и посмотрели на третьего одинаково настороженно.

– Да нет, – голос юриста стал ещё более робким, – ничего такого. Ну, конечно, не моё дело... Вся комбинация для того, чтобы кто-то успел патентную заявку раньше подать... Я же не маленький, я понимаю. Просто там же по-разному заявки сформулировать можно... Смотря чего хотите... Вот

я и подумал, если там помощь нужна...

Оба собеседника заметно расслабились. Вот оно что. Один раз заработал, напортачив в заявках профессора Филатова, чтобы тот не смог с первого раза зарегистрировать патенты, а теперь хочет ещё раз заработать на ситуации, оказав помощь тому же заказчику. Шустрый малый, ничего не скажешь! А ещё и заинтересованные взгляды на девушку успеваешь бросать! Можно уже почти определённо догадаться о том, как завершится его сегодняшний вечер...

– Спасибо, – непростой человек вежливо улыбнулся. – Мы будем иметь в виду.

– Ну, а если похоронить технологию хотите вдруг на какое-то время... Бывает, что свою технологию продвинуть хотят, тогда технологию конкурента затормозить надо, вот и регистрируют патенты, чтобы и самому не использовать, и никто бы не использовал... Тогда совсем по-другому надо делать... А то сейчас период пятилетний...

Двое напротив переглянулись, юрист уловил их замешательство и тут же им воспользовался:

– Ну, просто, если изобретение не используется в течение пяти лет тем, кто его зарегистрировал, то исключительные права правообладателя можно оспорить, изобретение сделать публичным, и его смогут использовать все желающие... Там есть приёмы, чтобы...

– Это правда? – рявкнул непростой человек на сидящего рядом.

– Проверю, – деловито ответил тот, – утром сообщу. Если что, время есть.

Девушка у барной стойки заказала какой-то коктейль. Напиток светился, бросая неоновые отблески на платье девушки, которое в ответ переливалось перламутром, подчёркивая безупречную фигурку.

– Хо-ро-шо-о... – протянул непростой человек и откинулся на спинку кресла. Он быстро допил пиво, поставил кружку на стол и вышел из-за стола. За ним последовал и мужчина в чёрной куртке.

Вот, значит, как? Хотя... с теми деньгами, которые оставшийся за столом участник встречи получил за небольшую юридическую диверсию, он этих людей теперь должен не в средненьком кафе пивом угостить, а в шикарном ресторане три дня кутить!

Через пятнадцать минут он вышел из кафе вместе с девушкой, они быстро уселись в только что заказанный паластрум-такси. Люди мужчины в чёрной куртке пытались за ними проследить, но, видимо, «гнёздышко» девушки было совсем поблизости, что неудивительно, поэтому паластрум быстро освободился, и следы юриста потерялись. Но лишь до утра. Мужчина в чёрной куртке успел перекинуться парой слов со своим боссом, и они решили подумать, а не привлечь ли и вправду этого юриста к своим делам. Парень, конечно, продажный, но квалифицированный. А то, что продажный, в этом есть плюсы, проще будет держать на коротком поводке.

Девушка скинула шубку и сапожки и подошла к окну. И то, и другое было моментально отправлено в шкаф автоматикой номера, за ними последовали пальто и пиджак юриста.

Девушка стояла, молча глядя в окно, а юрист присел на краешек кровати, любуясь изящным силуэтом. Помедлив так минуту, она, не оборачиваясь, запустила пальцы под длинные волосы пшеничного цвета и сняла с шеи цепочку с изящным кулончиком.

– Это единственный предмет, который ты не сможешь снять с меня сам, – промурлыкала она.

Конечно. Эту цепочку может расстегнуть только владелец. И только если сам захочет расстегнуть. Так устроен F-command второго поколения.

– Можно, угадаю? – тихо проговорил юрист. – «Ласточка Сканеру. Вариант два. Вероятность девяносто процентов».

Девушка промолчала, мило улыбаясь.

– И что он ответил?

– Сканер ответил: «Спасибо, принято». А вот ещё один человек умудрился, как обычно, влезть и в этот разговор. Прочитировать? «Кельт Ласточке. Немедленно приступить к личной фазе операции».

– Он знает?! Что мы...

– Что знает Сканер, знает и Кельт, а Сканер знает всё. Но... – девушка как будто бы смущённо опустила глаза, но в этом смущении было больше игривости. – Но не думаю, что

тебе стоит конфузиться... Скорее, можешь гордиться. Разве только, как говорил Курсант, *тормозишь* сильно...

И переливающееся перламутром платье скользнуло на пол.

* * *

Фарфоровая чашка со звоном разбилась о стену, разлетевшись на десятки сверкающих осколков, а через мгновение и весь чайный сервиз был сметён со стола на пол. Тут же засуетился робот-уборщик.

Через мгновение система зап-связи высветила в середине кабинета изображение Гутмана. Он был в пижаме: очевидно, вызов его разбудил.

– Ну что там у вас, Виталий Вениаминович? – сухо спросил он.

– Этот козёл Филатов опубликовал технологию F-command. Всю! Выложил в открытый доступ!

Пожарский с силой ударил кулаком по дубовому столу, но стол выдержал, а вот руку он ушиб сильно, больно было ужасно, и олигарх схватился за распухающую кисть, прижав её к животу.

– И что это значит? – всё так же сухо, даже раздражённо, спросил Марат Генрихович.

– Это! Значит! – заорал Пожарский на изображение партнёра в центре кабинета. – Что каждый говнюк в мире теперь

может использовать эту технологию! Как угодно! Как заблагорассудится! А мы наши патентные заявки теперь можем засунуть...

Он не успел договорить, потому что Гутман прервал связь.

* * *

Иннокентий Аристархович и Матвей Юрьевич от души хохотали уже минут пять, и Сканер, который какое-то время пытался изображать раздражение, не выдержал и тоже рассмеялся. Ли Сы тихо прыскал в сжатый кулак в углу кабинета. Может, по правде говоря, оно и не до такой степени смешно было, однако общую напряжённость последних месяцев разбавило изрядно.

– И у вас ещё остаётся сомнение в авторстве? – утирая слёзы и давясь от смеха, прохрипел профессор.

– Никаких, – спокойно, но всё ещё широко улыбаясь, ответил Сканер. – Уран – бог неба, всё остальное тоже указывает на известные обстоятельства. Настораживает лишь, как выделено слово «мятежный». Как будто в этом вызов. Он правильно выбрал форму сообщения. Имею в виду дефицит поэзии в современном обществе и сформированный общественный запрос. И он точно знал, что сообщение достигнет адресата. Прошло полгода...

– Все мы адресаты! – выпалил помощник Президента, ра-

достно хлопнув ладонью по подлокотнику. Он, наконец, сумел сделать паузу и как следует вдохнуть. – С самого начала говорил, очень способный мальчик!

Стихотворение появилось несколько часов назад и молниеносно распространилось сначала по российской части сети, а потом появились и иностранные переводы. И уже всюду шло обсуждение, кто написал и что скрыто за строками. Надо отметить, некоторые версии были даже небезобидны.

В кабинет вошёл Кельт. Он секунду постоял, озираясь, и быстро присоединился к общему веселью, ещё раз перечитывая высвеченные в воздухе строчки.

*Сонмы сомнений отменяя,
Упившись верою в себя,
Одну жизнь на две разделяя,
А то и более деля,*

*Любитель гроз в начале мая
И прочих старческих услад...
Чу! Мне не жаль его сарая,
Как кладбище усеян сад.*

*А беглый путник жизни древа
Пронзил льдяную синеву,
И бледный спутник бога неба
Холодный дарит свет ему.*

*Короткое глухое имя
Он поминает вкривь и вкось,
Слова используя такие! -
Поэт бы истинный не снёс.*

*Учёный кот в оправе толстой
На цепь посажен взаперти,
И ратны воины котовский
Поставлены покой блюсти.*

*А в небе путник одинокий
Звезды далёкой ищет свет
В чужом краю грустит, мятежный,
Ему бы пачку сигарет.*

* * *

Коля стянул скафандр и отправил в камеру дезинфекции. Ох, что ж они так параносят, снаружи нет микробов! Минус двести! Хороший хозяин собаку не выпустит. Он вздохнул, вспомнив Ника. Как он там? А дезинфекцию надо бы перед выходом делать, реальная-то опасность исходит отсюда, изнутри. А то вот так по случайности чего-нибудь живучего наружу занесём, да и создадим тут цивилизацию бактерий, и она нас поработит лет этак через миллион. Или миллиард... Надо у Минжа спросить, он биолог, должен знать.

В кают-компани было всего трое – Минж, Билл и Элли. Мужчины играли в го. Непонятно зачем. Разве что Минж получал удовольствие от выдумывания новых изощрённых способов расправы с американцем. Элли, как всегда в обтягивающем комбинезоне, принимала различные позы, стараясь внимательнее рассмотреть игровое поле с разных ракурсов, чем одновременно доставляла эстетическое, назовём это так, удовольствие мужчинам и тем же самым отвлекала их от игры, большей частью опять же американца. В общем, Биллу доставалось. А он всё равно старался. Молодец парень!

– Ник, – грустно констатировал американец Колино появление, бросив на него мимолётный взгляд. – Я проигрываю.

На странном языке они здесь говорили. На странном английском. Точнее, на английском-современном. Коля в фильмах и несколько раз на улице и русскую речь подобную слышал. Милена и Ли Сы сетовали (а Бриз зло иронизировал), что это как раз то, во что превратился великий и могучий язык за те десятки лет, что пропустил Коля. Многие современники использовали речь лишь как средство передачи информации. Ну... как смска. Слов стало немного, да и те подсократились. Даже лаконичное «что-нибудь» превратилось в карикатурно короткое «чэнтъ». Языком, изъясняться которым Коля уже здесь, в настоящем (вот ведь уже привык, поначалу думал «здесь, в будущем»), начал стремиться, говорили совсем немногие. Современная интеллигенция.

Вот и с английским то же самое. Вместо “would you like” – “wulke” (так и говорили – «вульке», это типа как по-русски вместо «чего бы вы хотели» сказать «чѐхош»), ну и так далее. В общем, не Шекспир. Освоить такой язык было совсем несложно.

Коля, кстати, освоив язык аборигенов, попытался Шекспира в оригинале почитать. Бесполезно. Ничего не понял. Почти вообще. Попробовал что попроще, с тем же успехом.

Эх... по-русски бы он Биллу ответил развёрнуто! Но Колиного аборигенского хватило лишь на фразу: «Это можно было ждать».

Элли склонилась над игровым полем, повернувшись к Коле спиной. Ну, не совсем спиной... И Коля в очередной раз вспомнил себя того, из прошлого... Ну, никуда ж оно ж не делось. А чего такого? Ну, правда бы не отказался. Элли девушка очень сексуальная. «Хорошо хоть не девкой или тёлкой назвал», – подумал Коля и вздохнул. Тяжело это. И противно. И главное, непонятно – то ли всё сложно, то ли всё просто.

Ну ладно. Элли не девка и не тёлка. Она очень яркая девушка с очень ярким характером. Умная, только редко это демонстрирует. Характер чрезвычайно жизнерадостный, и при этом резкий и импульсивный! И ещё потрясающая интуиция. А с такой сексуальной внешностью – вообще гремучая смесь. Элли сводила с ума всё мужское население базы, а из этого следовало, что и женское. Сводила с ума по-раз-

ному, но никого не оставляла к себе равнодушным. Особенно доставалось тем, кто пытался равнодушие сохранить. Говорили о ней много, а обсуждению её частной жизни уделялось особое внимание, хотя и беспредметно. Кто утверждал, что она переспала с половиной здешнего мужского населения или даже со всеми, другие возражали, что вообще ни с кем. Поскольку фактов не было, Коля относился к таким разговорам безучастно. Первые несколько недель он и к самой Элли безучастно относился, а вот теперь она за него вдруг «взялась».

Первый месяц Коле было вообще ни до чего и ни до кого. Как-то жил, что-то делал, язык, опять же, осваивал. А душой и мыслями так и оставался на Земле. Он никому ничего не рассказывал. Сергей вообще приказал «не выделяться». Просто обычный парень из России. Желательно, замкнутый, весь такой в себе.

Похоже, они все тут такие или половина хотя бы. Немногие рассказывают о прошлом, о земной жизни. Есть «здесь и сейчас», есть их база «Джувьетта», есть они сами друг у друга, и всё.

«Джувьетта» была огромной плавучей платформой, большую часть времени дрейфовавшей в плотном океане, состоявшем из воды, аммиака и метана. Такой же жизнерадостной была и атмосфера планеты, лишь концентрация веществ была другой, и в атмосфере парили, иногда со скоростью несколько сот километров в час, облака изо льда, твёрдого

аммиака и водорода.

Сложно сказать, имелась ли на Уране твёрдая поверхность. То есть поверхность была, только слово «твёрдая» использовалось лишь как условное обозначение для огромных островов из рыхлого снега же упомянутого состава с пикантным добавлением горных пород. Громадные снеговые массы то появлялись, то исчезали. Собственно, про рыхлость – это установленный факт, а что появляются и исчезают – предположение. В рыхлости удостоверились, похоронив в островах десятков зондов. Их радиосигналы пропадали на глубине метров триста и, несмотря на то, что последние три аппарата были оснащены двигателями, выбраться обратно пока ни одному из них не удалось. Радиолокационное зондирование не дало результатов из-за высокой электропроводности океана, безумного магнитного поля планеты, и другие способы зондирования оказались столь же неэффективными. Что касается появления и исчезновения островов, то учёные предположили временной масштаб таких событий в сотни лет, поэтому экспериментального подтверждения сей гипотезе быть не могло, а достоверность теоретического обоснования Коля (с подачи Энрике Джованни) ставил под сомнение из-за неизученности «твёрдой поверхности». То есть, в тезисе «Мы не знаем, что это, но оно вылезит над океаном с периодичностью лет в пятьсот» Коля предполагал внутреннюю противоречивость.

Иллюминаторы на «Джульетте», скорее, отдавали дань

традиции, ничего в них не было видно, разве что иногда можно было полюбоваться выюгой. Полагаться на солнечный свет здесь не стоило совсем. Во-первых, до Солнца почти три миллиарда километров. Свет от него, кстати, идёт до Урана два с половиной часа, а выглядит оно отсюда, если подняться над атмосферой, меньше копеечной монетки, и смотреть на него можно невооружённым глазом. Смотреть и вздыхать... Во-вторых, под густыми атмосферными слоями от Солнца толку почти никакого. Есть ещё и в-третьих: Уран – единственная планета Солнечной системы, ось вращения которой лежит в плоскости вращения вокруг Солнца: планета, как говорят, «лежит на боку». Из-за этого она поворачивается к светилу то одним полюсом на сорок два земных года, то другим. Сутки делятся семнадцать часов, и смена дня и ночи здесь носит совсем уж условный характер, потому что и так темно, а «Джульетта» живёт по земному гринвичскому времени.

В общем, уровень фрустрации, если позволительно так будет сказать, масштаб стресса для человека, здесь весьма значителен. Короче, трындец полный. И покурить не выйдешь.

* * *

Свой кремлёвский кабинет Матвей Юрьевич не то чтобы любил или не любил, скорее, привык. Кабинет за двадцать

с лишним лет так и не стал родным, но был обжитым и уютным.

Помощник Президента, в отличие от многих своих коллег, размещавшихся в этом же здании с многовековой историей, не старался сохранить всё «по-старому». По правде сказать, это «по-старому» стало какой-то модой последнего времени, многие политики и обеспеченные предприниматели предпочитали в обиходе деревянную или кожаную мебель, деревянные столы, перья для письма и бумагу. Ещё совсем недавно по дорогам ездили автомобили «как раньше», пусть даже и с немыслимыми для «старого» двигателями и движителями.

В кабинете же помощника Президента имелась и трансформируемая мебель последней модели, и окно, которое исполняло роль рампы для пинга, и, это уж как у всех, современнейшие средства связи и вся сопутствующая техника, включая разнообразные «глушилки». Ну и, разумеется, кабинет был просто нашпигован различными «поделками» давнего друга хозяина кабинета. Мыслеобразы от Матвея Юрьевича могли сотворить с кабинетом что угодно, да и во всём мире кое-что могли сделать, прямо из кабинета же. Сканирование эмоционального состояния и «детекторы лжи» для посетителей были встроены в предметы обстановки ещё много лет назад. Ну, а куда деваться – работа такая, а люди, знаете ли, разные заглядывают.

Однако с нынешним посетителем всё это было не нужно,

и когда дверь открылась, впуская в кабинет Тихона Святославовича Цветкова, руководителя Администрации Президента, Матвей Юрьевич лишь дал привычную команду максимальной конфиденциальности разговора.

Тихону Святославовичу было тридцать пять, и он последовательно настаивал, мол, называйте Тишей и можно на «ты». Но вот в этом-то Матвей Юрьевич искренне предпочитал «по-старому», и вернувшейся моде «меньше ты-кать» искренне радовался.

– Прошу вас, Тихон Святославович, располагайтесь, – помощник Президента указал на диван у окна, который вполне подходил высокому и грузному гостю, а сам расположился в кресле напротив. Они уже виделись утром, и второй раз за день приветствовать рукопожатием было бы лишним. – Чаю или кофе? Или плюшек? А-а... Конечно, по глазам вижу! – Матвей Юрьевич заговорщицки улыбнулся, и через несколько секунд на столике у дивана образовалась миска с орешками.

– Удивляюсь я, Матвей Юрьевич...

– Да уж пора бы и перестать. Это, знаете ли, современная техника, коей вы сторонитесь. Орешки, кстати, настоящие. Специально для вас держу, так что заглядывайте почаще.

Руководитель Администрации вздохнул.

– Ох, Матвей Юрьевич, времена такие наступают, что, видимо, заглядывать почаще придется...

Матвей Юрьевич серьёзно, пристально посмотрел на со-

беседника.

– А вот мне что-то подсказывает, что вскоре этот кабинет может оказаться для вас не таким уж гостеприимным. Да и вообще весь этот дворец... – Тихон Святославович тяжело вздохнул и перешёл к делу, впрочем, не забывая об орешках. – Президент сегодня поделился со мной идеей ввести должность Вице-президента. Предложил всерьёз подумать. У нас и у самих, как вы знаете, такая мысль возникла, вот только не знали, как донести, а тут он сам... Даже не знаю...

– Вы не в курсе, с кем он встречался вчера и сегодня?

– Конечно, – Тихон Святославович энергично кивнул, встряхнув копной стриженных «под горшок» русских волос.

– Вот это ваш список?

В воздухе высветился график встреч Президента за два последних дня. С именами, должностями, точным временем и местами встреч. Было видно, что это именно состоявшиеся встречи. График в точности совпадал с тем планом, который составил сам руководитель АП.

Тихон Святославович уважительно кивнул, мол, диалогово «Дельта» работает.

А потом две строчки раздвинулись, и между ними возникла ещё одна. Встреча, которой в графике не было. И о которой тот, кому положено было знать по должности, не знал.

«09:18-09:32 Дом правительства, переговорная комната 3104. Ходырев»

Руководитель АП неожиданно для себя присвистнул и

чуть было не выплюнул орешек.

Ходырев! Игнат Рафаэлевич Ходырев! Один из богатейших людей страны и при этом человек без определённого рода занятий. Без видимых политических амбиций, но с огромным политическим влиянием. Он владел небольшими пакетами акций во многих компаниях, но при небольших пакетах мог принимать решения за руководителей этих компаний и даже за советы директоров. И этот список видимого и реального можно было продолжать и продолжать.

Главное же в этой ситуации – Президент не был близок с Ходыревым, но очевидно прислушивался к его мнению. Казалось почти очевидным, хотя следовало и проверить, что именно Ходырев вложил в голову Президента мысль о новой должности. Вот только как мотивировал?..

– Я не договорил, – вдруг продолжил Тихон Святославович. – На пост Вице-президента он предложил вас, Матвей Юрьевич.

– Есть идеи, почему?

Тихон Святославович пожал плечами.

– Потому что, – сам ответил на свой вопрос Матвей Юрьевич, – я популярная фигура, и проще будет эту должность пролоббировать. Всё-таки Конституцию меняем, нужна поддержка и Федерального собрания, и Верховного Суда, и, берите шире, – народа. Одно дело внести предложение о создании новой должности, да ещё и второго лица в государстве, и совсем другое – предложить сделать вторым лицом

Калинкина, одного из самых популярных в стране политиков. Который при этом никогда не демонстрировал жажды власти и...

– Пойдите, Матвей Юрьевич, – Тихон Святославович перебил его, но тут же замолчал, повисла пауза. Помощник Президента терпеливо ждал вопроса. – Вот думаю, – медленно проговорил Тихон Святославович, – зачем это всё... Зачем Президенту... Или, – он запнулся, как бы не решаясь произнести следующую фразу, – зачем Ходыреву делать вас вторым лицом? Нет, про Президента понятно, он вам доверяет, вы его правая рука, но Ходырев!

Матвей Юрьевич тяжело вздохнул, а потом сказал негромко, почти шепотом:

– Вот так, Тиша, происходит захват власти.

Через десять минут Матвей Юрьевич Калинин стоял напротив Президента в его рабочем кабинете.

– Господин Президент, – Матвей Юрьевич говорил steadily и уверенно, отчеканивая каждое слово, – ваше предложение – большая честь для меня. Согласен с вами о внесении законопроекта создать должность Вице-президента. Если вы окажете мне честь и предложите этот пост, я с радостью приму его и буду служить России верой и правдой. – Он как будто закончил короткую речь, но всё-таки добавил: – Вы же знаете.

Вернувшись в свой кабинет, Матвей Юрьевич отдал команду «Не беспокоить пятнадцать минут», благо встреч назначено не было, улёгся на диван и прикрыл глаза. Думал. Минут десять он пролежал так, не двигаясь. А потом вызвал по зап-связи командира «Дельты».

– Валера, – передал, именно передал, не произнося ни слова, помощник Президента, – организуй-ка сегодня встречу. Чтобы никто не знал. Цветков, Смирнов, который адвокат, ты, Сканер и я.

После короткого ответа «Принято» он прервал связь и машинально провёл рукой по небольшому жетону под сорочкой. Жетон висел на шее, на цепочке, которую мог расстегнуть только его владелец. Вот так вот оно устроено...

* * *

В жизни генерал Федоренко всякого насмотрелся. В войнах он, конечно, не участвовал, но за годы работы в МЧС, начиная с должности техника на универсальном спасательном транспорте, насмотрелся такого и столько, что не каждому вояке довелось. Вроде как привыкнуть должен был бы. Но ЭТО!

Почти две сотни людей, сваренных заживо, сытный запах мяса, расплзающаяся кожа и вздутые мышцы, вытекшие глаза и крики, и стоны, и сипение тех, кто уже не мог кричать. Он хотел не смотреть, но не смотреть было нельзя.

И слава Богу, оказалось, что многих ещё можно спасти. Он сам, машинально, потому что, когда был на оперативной работе, делал это много раз, командовал развёртыванием мобильного госпиталя, привычно, не доверяя автоматике, а потом сам помогал укладывать людей – то, во что превратились люди, заживо варившиеся в кипятке, – на носилки... И ходил, и искал других, постоянно пересчитывая обнаруженных, постоянно вычисляя в уме, сколько ещё нужно найти, потому что нужно найти всех... И мысленно перебирал, прикидывал, сколько пострадавших ещё можно спасти, а сколько уже нельзя.

Долгие годы, даже десятилетия, секс-меньшинства в России были в откровенном загоне. Не существовало законов, запрещающих такого рода отношения, но и легализующих тоже не принималось. Браки между людьми одного пола так и не были в России разрешены, средства массовой информации такие союзы вовсе игнорировали, даже пресса, которая по традиции называлась «жёлтой». Церкви, вновь обретшие былое влияние, в первую очередь христианская и мусульманская, гомосексуальность бескомпромиссно осуждали. И в целом в обществе формировалось отношение к этой теме негативное, и о секс-меньшинствах старались вовсе умалчивать. Ну, есть оно где-то и есть, а говорить об этом не принято. Уж тем более афишировать свою необщепринятую ориентацию.

Но вот три года назад о «голубых» и «розовых» вдруг стали потихоньку вспоминать, вернулась забытая аббревиатура ЛГБТ, в СМИ к представителям секс-меньшинств стала появляться некоторая лояльность, а в обществе вновь возникла дискуссия. Были те, кто такое допускал, мол, какой смысл отрицать, что и так уже есть и никуда не денется. Другие принимали явления, но сдержанно. А были и такие, кто осуждал, причём агрессивно и яростно, и таких было много. Не та ситуация, конечно, чтобы расколоть общество, но дискуссии велись, и всё больше и больше, и уже не только в частном обиходе, а и на публике. Официальная же позиция государства так пока и не была озвучена.

Это была экскурсия в долину гейзеров на Камчатке. Двести тридцать восемь геев, включая троих экскурсоводов. Утром они высадились с пингов и разбили лагерь на достаточном расстоянии от всего, что могло представлять опасность, недалеко от озера, образовавшегося в 2007-м из-за схождения селевого потока на реку Гейзерную.

Гейзеры взорвались неожиданно. Никто так и не понял, что произошло. Только что перед глазами была картинка будто из экскурсионного фильма, и вдруг со всех сторон ударили потоки раскалённого пара! А потом и озеро вспучилось фонтаном, безжалостно поливая мечущихся людей кипящей водой и грязью!

Сигнал в МЧС пришёл сразу же и был передан непосред-

ственно министру. Министр в тот момент находился в отпуске, да ещё и после очень активного дня его не сразу удалось разбудить. Он быстро распорядился выслать спасательную экспедицию из ближайшей к месту трагедии базы МЧС и опять лёг спать. Но как раз в это время на этой самой базе шли регламентные работы, большинство личного состава было распределено по другим базам, а техника в основном стояла на профилактике, и помощь оттуда выслать быстро не удалось.

По случайности, которую лишь с грустью можно назвать счастливой, заместитель министра Федоренко оказался на базе в Магадане. Сообщение о трагедии было продублировано и ему, и он, не дожидаясь приказа или дополнительного оповещения, поднял личный состав по тревоге и лично возглавил спасательную операцию. Все, кто тогда несли службу на базе, навсегда запомнят тот день. Быстрые и чёткие приказы, безупречная организация, практически молниеносный анализ ситуации и выбор единственно правильного спасательного сценария. Заместитель министра в очередной раз подтвердил свою репутацию высочайшего профессионала, которого не испортила «штабная» работа.

Удалось спасти сто девяносто три человека. Из них над двадцатью тремя Василий Никифорович лично, укрывая от уже стихавшего горячего дождя, раскинул оранжевые МЗШ-23, мобильные защитные шатры с радиомаяками, а потом помогал укладывать пострадавших на носилки, а по-

том опять искать-искать-искать. Не доверяя ни дронам, ни молодым и менее опытным сослуживцам. Он шёл на стоны и крики, шёл на запах, благо современные защитные костюмы можно настраивать соответствующим образом, шёл просто куда подсказывала интуиция. И успокоился, лишь когда спасли всех, кого можно спасти, и нашли всех, кого уже нельзя. А потом транслировал в широкий диапазон: «Спасательная операция завершена. Всем спасибо». И улетел в Москву.

История мгновенно получила широчайший резонанс. Видео со спутников транслировалось в сеть онлайн, а первые журналисты на месте трагедии появились уже через час после бригады МЧС.

Министру, который неоднократно гневно высказывался о секс-меньшинствах, припомнили это и широко растиражировали его слова. Журналисты однозначно увязывали «прохладное» отношение министра к спасению геев (ну надо же – отдать приказ о спасательной операции временно расформированному подразделению МЧС, да ещё и лечь спать сразу после этого!) именно со взглядами его на секс-меньшинства.

Ну, а генерал Федоренко стал героем. Не только сюжетов в СМИ, посвящённых трагедии и зафиксировавших каждый шаг, каждое движение заместителя министра. На какое-то время он сделался символом настоящего «боевого генерала на, казалось бы, мирной работе».

Через несколько дней агрессивной кампании в СМИ ми-

нистр был вынужден подать в отставку, и Президент, идя на поводу у этой же кампании, отставку принял. Предложение занять пост министра, разумеется, было сделано Василию Никифоровичу Федоренко.

* * *

Первый раз покурить Коле удалось через месяц после прибытия на «Джульетту». В течение последующих двух недель он научил курить Билла, Берни, Хоанга и, кто бы мог подумать, Азуми. Ещё через две недели курящих насчитывалось полтора десятка человек – почти половина личного состава базы.

А дело-то оказалось нехитрое. Пищу, одежду, предметы утвари и обихода на «Джульетте» изготавливали на уже знакомых 3D-принтерах. Как выяснилось, в глобальной сети в свободном доступе висели программы для изготовления сигарет, а на базе имелись необходимые ресурсы, да и требовалось их немного.

Самым сложным оказалось выполнить приказ «не выделяйся». Пришлось подстроить так, чтобы Берни якобы случайно застал Колю, с интересом рассматривающего динамическое изображение курящего человека. Ему Коля сообщил, что курить пробовал несколько раз, что, если не затягиваться и курить редко, то дело почти безвредное, зато, если табак с правильными ароматическими добавками, это вкусно.

Потом вздохнул и перелистнул страницу.

Берни был африканцем. Самым настоящим, ростом два метра, с чёрной лоснящейся кожей, чёрными как уголь кучерявыми волосами и пухлыми губами. Удивляло, как он, проведя на «Джульетте» три года, оставался живым, энергичным, любознательным и открытым. Он был специалистом по двигателям, поэтому у него хватало работы, но оставалось и много свободного времени.

Когда Коля явился на ужин, Берни уже выходил из столовой. Коля улыбнулся и жестом изобразил курящего человека. Берни в ответ тоже улыбнулся. Элли засекала безмолвный обмен знаками, но Коле ничего не сказала, а вот с Берни, судя по всему, пообщалась. В итоге уже через час были изготовлены две сигареты. Место покурить с хорошей вытяжкой и с соблюдением требований пожарной безопасности нашлось быстро – в маленьком холле утилизационной шахты. Собрались втроём, по-заговорщицки – Элли, Берни и Коля. Элли курить не намеревалась, но на приобщении Берни и Ника (так его звали на базе) к этому процессу настаивала с энтузиазмом. В общем, собрались. А потом ещё час искали источник открытого огня.

О событии практически сразу стало известно всему персоналу «Джульетты», и Франк-Мартин Шульце, директор базы, оказался в затруднении. С одной стороны, не пресечь такое было бы сложно, понятно, почему. С другой – уставу базы такая выходка не противоречила, и формальных ос-

нований для запрета не было. А, если так можно выразиться, с третьей стороны, любые приказы директора базы были обязательны для исполнения, поэтому формально запретить курение на борту он мог. Наверное, ему вообще вникать в это не хотелось и, судя по его совсем неактивному поведению, которое читалось во всём, от медлительности принятия решений и частой невнятности таковых до вялой походки, он столь же вяло внутри себя колебался, реагировать ли на выходку вообще. Франку-Мартину было под восемьдесят, и жил он на «Джувьетте» уже без малого десять лет.

Ситуацию спас Энрике Джованни. Сын испанца и итальянки, лет тридцати, смуглый и с неизменной искренней улыбкой, Энрике был неформальным лидером коллектива, и коллектив такое лидерство приветствовал, а Франк-Мартин от безысходности терпел. Энрике не боролся за официальное признание своего лидерства. Он просто оказывался в нужное время в нужном месте и помогал людям справиться. В любой ситуации – от перераспределения жилых кубриков (для кого-то это был серьёзный вопрос, при том, что кубрики все почти одинаковые, отличаются только близостью к трапу и видом из иллюминатора, можно видеть левый борт, а можно правый) до составления графиков вахт на борту и полётов на спутники и к телескопам. Хотя, спорщиков можно понять: жизнь на «Джувьетте» скучна и однообразна, и природная потребность людей в событиях превращает в таковые даже мелкие жизненные обстоятельства.

А какой фурор вызвало курение! Это же не просто событие, это – СОБЫТИЕ! К концу двадцатого века курение во всём мире сошло на нет и стало занятием экзотичным, а потому не запрещаемым и не осуждаемым. Азуми, молодая японка, здешний врач, заключила, что курение табака в умеренных количествах, например, раз в неделю, заметного вреда здоровью не нанесёт. При этом, в числе прочего, она принимала во внимание возможности современной медицины.

Энрике, видя замешательство Франк-Мартина, начал как бы рассуждать сам с собой, однако публично. С одной стороны, курение дело бесполезное для физического здоровья. С другой стороны, люди на базе и так измучены однообразием. Устав базы курение не запрещает, пусть даже и по недосмотру разработчика, не знакомого с пагубной привычкой. А потому он, Энрике, полагает, что для запрета оснований нет. Наоборот, запрет вызвал бы негодование персонала, и он, Энрике, искренне надеется, что эмоциональные реакции не выльются в бунт или, как минимум, в требование сменить руководство базы. Франк-Мартин намёку внял.

Сформулировано решение было, правда, коротко и невнятно. Коля, привыкший к хотя бы нормальной речи и уже успевший проникнуться речью красивой, выслушал формулировку с чувством некоторого омерзения. То, что, как он уже точно знал, должно было произноситься “in one hand”, по-аборигенски звучало как “in-an-and”. Но народ понимал и даже не думал, что стоило бы иначе.

Было решено курить по субботам в шесть вечера.

* * *

Апрель выдался не слишком дождливым, хотя и сильно слякотным. Но всё равно это была весна, и становилось теплее, природа оживала, перелётные птицы вернулись с зимовки, дни становились всё длиннее, а потому сумерки с каждым днём наступали всё позже.

Вот так Митрополит для себя это и сформулировал: «Слякотные сумерки». Он хотел было опереться руками о парапет на смотровой площадке, но тот был мокрым. И тротуар был мокрым, да и вездесущую российскую грязь никакие технологии так и не смогли одолеть. Ох, не в технологиях тут дело. И, ясен пень, не в загадочной русской душе. А непонятно в чём. Ну, вот просто есть грязь, и всё. Вот такая вот немытая Россия, храни её Господь!

Митрополит всё-таки положил руки на парапет, рукава рясы немного намокли, но ощущения в ладонях были приятные, настоящие. Там, где ранее располагался стадион «Лужники», ныне пребывала школа верховой езды. Митрополит даже увлёкся наблюдением за всадниками, которые, пустив лошадей быстрым галопом, лихо выделявали джигитовку, или ехали шагом вдоль реки, мерно покачиваясь в сёдлах и беседуя на ходу. Он вспомнил уроки верховой езды, которые брал в юности. Немногому тогда, по правде сказать, научил-

ся, да и учиться-то не ахти как желал. Ну, где ж нынче на лошадях-то скакать? Если только в удовольствие, а одного от верховой езды тогда будущий Митрополит не испытал. Может, не успел освоить это дело как следует, потому что, когда что-то освоишь, оно как-то, бывает, и в охотку становится, а вот пока не выучишься по-настоящему, одни мучения.

Чуть ближе, по реке, поблёскивавшей багровым в косых закатных лучах, шёл прогулочный кораблик. Митрополит посмотрел на небо. А распогодилось. Облака уже не сплошь затягивали небосвод и были тоже окрашены в багрец.

Митрополит почувствовал движение, повернулся, убрал руки с парапета, да и вытер прямо о рясу.

Молодого человека, который направлялся к нему размашистой походкой, он много раз видел на голограммах, а вот так, живую, впервые. А вот не передаёт всё равно видео живого человека! Хоть какие устройства изобрети, хоть профессор Филатов как хочет пусть в мозги свои образы напускает, а вот душу – ну никак не передать!

Охрана Митрополита не обнаружила в молодом человеке ничего опасного и пропустила к Его Святейшеству. Впрочем, телохранители не отдалялись, готовые каждое мгновение отреагировать на любую угрозу. Даже угрозу угрозы.

Молодой человек остановился в паре метров от Его Святейшества и со смиренным поклоном представился:

– Священник Стенька.

– Стенька, значит? Ну что ж... – Митрополит погладил

бороду.

Накануне он виделся с Калинкиным. Будущий Вице-президент (а об этом уже всем было известно) как-то проведаль о грядущей встрече Митрополита с молодым и уже известным на всю страну священником Стенькой, да и предложил побеседовать. Содержание беседы для Петра Ивановича сюрпризом не стало, а вот тон её оказался неожиданно жёстким. Матвей Юрьевич резко заявил, что Стенька этот – враг, что с ним нужно быть не просто осторожным, а десять раз осторожным, и что задача Петра Ивановича, коли уж не отговорить его от встречи – распознать замысел врага, а не вступить с ним в умозрительные дискуссии. Большого Калинкин не сказал, хотя Митрополит чувствовал, что этого большего имеется изрядно. Ну не сказал, да и бог с ним. Но словам помощника Президента Митрополит вял.

И теперь он шагнул навстречу врагу и протянул руку:

– А величай Петром Ивановичем.

Стенька, еще раз склонив голову, ответил почтительным пожатием.

– Очень приятно, Пётр Иванович. Высоко ценю ваше расположение. Позвольте предложить вам, может быть, пройтись?

– Отчего ж? – пожал плечами Митрополит.

Они медленно побрели в сторону Лужнецкого моста. На-

роду было немного, и они могли спокойно беседовать.

– Спасибо, Пётр Иванович, за возможность встретиться с вами. Искренне говорю – для меня это большая честь. Просто большущая!

Говорил Стенька быстро, но не тараторил. И держался, хотя и с достоинством, но чрезвычайно уважительно к высокому собеседнику.

– Ну полноте, – усмехнулся Митрополит. – Да и мне, знаете ли, стало интересно с вами, молодой человек, побеседовать. Наслышан о ваших взглядах и на мирское, и на церковное.

– Так ведь оно же всё вместе, мирское и церковное, – подхватил Стенька с воодушевлением. – Оно же... это же жизнь вся! Это ведь только обывательски можно отдельно рассуждать, например, о душе и о теле. А всё связано. Уж простите за примитивный пример, но заботиться о душе возможно, лишь правильно обращаясь с телом. С одной стороны, плотские страдания душу очищают, а за плотские утехи душа же и будет страдать, а с другой – и плотские удовольствия могут быть богоугодны, а потому и для души хороши! Ведь так?

Голос Сканера буквально взорвался в голове Матвея Юрьевича.

– Вы слышите это?! Я просил охрану Митрополита немедленно прекратить встречу. Они отказали, аргументируя тем, что Его Святейшество не велел мешать. Вы видите, куда это

всё идёт! Позвольте...

– Могу стрельнуть по пароходу, – вмешался в беседу голос Кельта. – Аккуратно, только трубу сорвёт в их сторону. И охрана прекратит...

– Не надо, – спокойно перебил обоих Матвей Юрьевич. – Пусть уж идёт как идёт. Теперь уже поздно. Конец связи.

– Или вот, – в глазах Стеньки блеснул азарт. Но не злой, а такой наивный, детский. Даже не азарт – увлечённость. – Человек, когда что-то делает, он же меряет своё действие по шкале «правильно – неправильно». Ну, машинально. Это совестью называется. А откуда совесть? И вот где такое видано, в каком обществе, чтобы совесть не была с религией связана? Любые правила поведения, которые возникают, я о морали сейчас говорю, они же от религии этого общества! Какая религия – такая и мораль. А если к национальным традициям отослать – так и те от религии. Вот попробуйте приведите обратный пример! – Стенька по-доброму улыбнулся – То-то же! Вот и получается, что нет отдельно церковного и отдельно мирского. Так, обрядовые штучки.

Митрополит задумался. Вспомнил академические занятия по обличительному богословию, где учили, как критиковать инославные исповедания. Даже шире, не только отступления христианский церковью и сект от православного вероучения – обсуждали и другие конфессии: мусульманство, буддизм, иудаизм и прочие. Затрагивали и культуру со-

ответствующих народов. Вспомнил и не нашёл, чем бы возразить. А вот ведь и правда – где-то стяжательство грех, а где и богоугодное занятие, где вторая женщина в доме прелюбодеяние, а где-то и норма. А прав молодец-то – действительно, духовное и телесное, а за ним и церковное и светское не следует разделять огульно. Простая мысль, а вот как-то не задумывался раньше.

Стенька, конечно, почувствовал, что собеседник молчаливо согласился с ним, но как будто бы и не заметил, а все так же увлечённо продолжил:

– Так вот я и говорю – не разделяю я мирское и духовное! Вот и вся оригинальность моих взглядов. Это другие люди разделяют. По воскресеньям утром ходят в церковь, обрядам следуют формально, а живут, если вдуматься, отдельно от православного вероучения. Я-то как считаю – наперво проникнись духом православным, пойми для себя, что хорошо, а что плохо, только по-настоящему, а уж сколько раз ты лбом о пол ударишься в храме – это дело вторичное. Вот, допустим, японец какой-нибудь, если живёт праведной жизнью, но в церковь православную не ходит, разве он не спасётся? Разве не праведник он? И другой человек хоть лоб в храме расшиби, но если он убивает для наживы, даже если исповедуется добросовестно каждый раз, ну разве не грешник?

– Да кто ж с вами поспорит, Стенька, – по-доброму, слегка улыбнувшись, проговорил Митрополит. – Только ж и приносить обрядовую часть...

– А я и не принижаю! Наоборот, обряды нужны! Обряды и напоминанием служат, и дисциплинируют! Это как маршировать в армии – в бою не пригодится, но без этого и армия не армия! А ведь у нас как? Люди делают вид, что маршируют, да к этому всю службу и сводят. Да и маршируют, если уж продолжить аналогию, вразвалочку.

Да, прав был Стенька. Как ни крути – прав.

– Что ж, интересный взгляд, – так же с улыбкой проговорил Митрополит. – И, надо сказать, много правды в ваших словах. Конечно, далеко не все...

– Ну так вот и получается, что не все! Кто по правилам христианским, а кому и начхать на них! И выходит, что тот, кто живёт праведно, живёт хуже! А неправеднику доступно то, что добропорядочному христианину вовек не видать или очень ограничено!

Вот тут Митрополит удивился. Это ж азбучные истины!

– Позвольте, Стенька! Да ведь всё христианство на этом построено! Человеку дана воля выбирать образ своей земной жизни! Это ж от Адама ещё! И Иисус так жил. Страдал и за себя, и за других. И святые все. Вокруг блуд да чревоугодие, всем вокруг хорошо, как вы определяете, а они живут в ограничениях и страдают. И лишь потом, в новой жизни, получают блаженство вечное!

– Логично, – согласился Стенька. – Но вот только ребёнок малолетний, когда живёт в нашем обществе и видит его таким, какое оно есть, видит общество, в котором от Церкви

остались лишь обряды, как же он поймёт, как узнает, что вера – это не креститься по воскресеньям? Когда отец и мать, друзья, отцы и матери друзей живут несправедливо, ребёнок же это и почитает нормой жизни! И о том, что нужно жить по Вере, что нужно *верить*, ему так никто и не скажет!

– Но Церковь...

– А до Церкви он может и не дойти. Или войти в храм, уже заранее зная от отца и матери, из их поведения, что это всё лишь для обрядов. Потому что, если про Бога вдруг правда, то после смерти будет хорошая жизнь. Ну то есть так, ходить в храм на всякий случай или потому, что так принято, как их отцы и матери ходят.

Знал об этой проблеме Митрополит. Конечно, знал. И пытался что-то сделать, усиливая Церковь. Священники, как он считал, должны более общаться со своими прихожанами, убеждать и призывать. Рассказывать, в конце концов. Убеждать. Это долгая и тяжёлая работа, но она не могла не дать результатов, пусть и в будущем.

– Признаюсь, видел записи ваших проповедей, – тон Митрополита стал предельно серьёзным, он даже немного нахмурил брови, – и они вызвали смуту в душе. Не стану возражать, отошли мы от вероучения, и правы вы, что вероучение перестало быть частью обыденности. Но не услышал я о роли Церкви как поводыря паствы своей. Вы как будто избличаете общество, зачастую справедливо, однако...

– Однако взываю к душе каждого человека! Не общества,

не Церкви, а каждого!

– Не юлите, Стенька. Вы не только взываете к человеку, но и призываете его быть судией ближнему.

– Не судией, – ответил молодой священник на удивление спокойно, тихо. – Если кто проникся верой, то пусть он поможет проникнуться и ближнему. Если жена прониклась верой, и для неё мир открылся заново, если она поняла, что в миру можно жить по Вере, то пусть она и мужу поможет сделать то же самое.

– Силою слова?

Вопрос был с подвохом. Митрополит действительно внимательно изучил проповеди Стеньки и пересказы прихожан, с кем тот беседовал с глазу на глаз.

– И слова, и дела, – тон Стеньки оставался спокойным и серьёзным. – Что проще для жены, чем помочь мужу избежать греха чревоугодия? Или не пустить, заперев в доме, пьяницу на непотребные дела? Судия она ему в таком случае? Нет, конечно. Помощник. Добрый помощник. Ограждающий заблудшую овцу от неправильного ради неё же самой.

– А не боитесь вы, Стенька, к такому обереганию от пагубного призывать? Ведь народ-то у нас бывает лихой. Глядишь, и перешагнёт черту, да и сам во грехе окажется. Одно дело лишний кусок мяса не дать... Хотя, и здесь – человек своею волей должен к праведной жизни прийти, а не насильственно от греха ограждаться.

– А лучше дать ему обожраться от пуза и совершить грех чревоугодия?

Митрополит в сердцах всплеснул руками.

– Да не в том же грех чревоугодия!..

– Или пьяницу...

– А вот пьяницу рьяный ваш последователь может не только запереть, оно бы и ладно, а, глядишь, и сковородкой приложить!

– А вот подумайте. Разве любящий человек не возьмёт на себя грех, чтобы спасти любимого от греха? Да и грех ли это будет, если спасёт близкого человека?

Митрополит задумался над ответом, а собеседник не торопил, ждал. Так и шли какое-то время молча.

– Вот в чём ваша ошибка, Стенька. Распространённая, надо сказать. Вы пытаетесь к Вере подойти с позиции логики. А Вера – она на то и Вера, что просто веришь, и всё. Не выстраивая умозаключений. А для ваших измышлений имеется прекрасное греческое слово – схоластика.

Ещё помолчали немного. Шли, глядя то под ноги, то на реку, то во всё темнеющее небо.

– Не схоластика это, Пётр Иванович, – нарушил молчание Стенька. – Это наша реальность. Нужно помочь людям спастись. И я не знаю, как по-другому. Для их же блага. А то ведь не спасутся, утонут во грехе по собственному же неразумению. Как ребёнок на обрыве – если не удержать насильно, ведь прыгнет и убьётся.

– Так это вы уже о насильственном насаждении Веры...

– Насильственное у крестоносцев было, да, между прочим, у князя Владимира Святославича. А ведь и вы слукавите, если скажете, что вовсе против насилия. Если на ваших глазах сорванец будет обижать малыша, неужели не вступитесь? Если на храм нападут грабители, неужели не вызовете полицию? А что полиция сделает? Применит насилие к грабителям. А как женщине остановить насильника, если не ответным насилием? Силой убеждения? И всё? И неужели церковь никогда не благословляла воинов, защитников отечества? А что делают воины? Убивают и калечат других воинов. А вы их восхваляете, мы все их восхваляем и не находим в убийствах на войне вероотступничества.

– Так то война...

– А мы уже и есть на войне! – Слова Стеньки грохнули, как гром. – Мы уже на войне с дьяволом. Ещё немного, и он победит. У нас нет выбора, мы должны сражаться.

Митрополит остановился и всем телом развернулся к молодому священнику. Он хотел что-то сказать, но Стенька ему не дал.

– Скажете, что это просто жизнь? Что война далеко? Но уже близок финал! Как же вы не видите?!

И он высветил в воздухе... изображение человека с устройством F-Command. На голове был обруч, на правой руке браслет устройства.

– *И он сделает то, что всем, малым и великим, богатым*

и нищим, свободным и рабам, положено будет начертание на правую руку их или на чело их, и что никому нельзя будет ни покупать, ни продавать, кроме того, кто имеет это начертание, – голос Стеньки бил набатом.

– Откровение Иоанна Богослова, – медленно проговорил Митрополит. – Книга Апокалипсиса. Последняя книга Нового Завета.

Он стоял, оторопев, и не верил своим глазам, не верил сам себе! Вот обруч на челе, вот браслет на правой руке. Сегодня обруч, завтра чип, печать, *начертание*... И скоро без них будет ни продать, ни купить.

– Продолжить?! – безжалостно рявкнул Стенька. – *И увидел я другого зверя, выходящего из земли; он имел два рога, подобные агнчим, и говорил как дракон! И творит великие знамения, так что и огонь низводит с неба на землю перед людьми!*

Изображение в воздухе сменилось. Теперь высвечивался давнишний снимок профессора Филатова, когда он только экспериментировал с передачей мысли. Ставил эксперимент на себе, зафиксировав на голове сенсоры и укрепив на бритой макушке две антенны, которые... Которые торчали маленькими рожками! Как у агнца!

– Продолжить?! – гремел Стенька. – Оглянитесь вокруг! Посмотрите, что происходит! Это уже война!

В течение нескольких минут запись этой встречи появи-

лась в сети, облетела всю страну и очень быстро весь мир.

* * *

– Вот народ гадает, зачем Шацкий Калинкина своим «вице» сделал! – Данила резко поднял бокал и залпом допил остатки коньяка. – Вот, Дим, скажи, ты понимаешь?

– Да мне-то куда, – Дмитрий попытался проговорить это лениво, как бы промямлить, но речь адвоката была поставлена так, что любое слово выговаривалось чётко и правильно, а предложения произносились с чистой и красивой интонацией. – Я ж чего, юрист просто, мне-то...

– Да не гони пургу, Дим! Так я и поверил, что ДМИТРИЙ СМИРНОВ, – Данила широко развёл руки и принял вид рыбака, сообщающего собеседникам о размере рыбы, которую поймал, – не в курсе чего-то в большой политике. Ты ж с самим Калинкиным чаи гоняешь!

– Это ты с Калинкиным чаи гоняешь, – парировал адвокат. – Ну, есть у нас кое-какие дела... А вот зачем президент своего помощника вице-президентом сделал, я понятия не имею.

– Калинкин-то сам знает?

Дмитрий кивнул.

– Знает. Но не говорит. Поправка: даже не говорит, что знает. Но я вижу, что или знает наверное, или догадывается с достаточной определённойностью.

Собеседникам хотелось посидеть на открытой веранде, благо тёплые с лёгкой прохладцей июньские вечера девятости девятого не то что располагали, а просто требовали ужинать на воздухе. Однако необходимость в защите от прослушки была еще более настоятельной, потому молодые люди расположились в помещении ресторана. Приятели по очевидным причинам не испытывали ностальгии по прошлому, а потому встретились в обычном современном ресторане «Лес», где меню состояло «из того, что водится в лесу»: медвежати́на, кабаня́тина и прочее. Фирменными блюдами были «Ёжик с грибами на иголках» и «Дупло с белкой и лесными орехами», ну, и на десерт что-то из лесных ягод в оленьем молоке. Ресторан работал только с натуральными продуктами и потому был недешевым, но Дмитрий, который сегодня приглашал, вполне мог себе такое позволить, а Данила и не возражал. Раньше они встречались в «Камчатке», но после весенних событий этот ресторан превратился в место паломничества секс-меньшинств, и при всей толерантности приятелей... Ну ладно, не были они толерантными настолько, чтобы подобное общество не отвлекало их от беседы. Поэтому пошли в «Лес». Благо, как в любом хорошем ресторане, прослушивания здесь можно было не опасаться.

– У вас-то как? – задал вопрос адвокат после короткой паузы. – F-command собираетесь вводить для платежей?

Данила тяжело вздохнул.

– Собираемся. Вот чуяло моё сердце, не нужно для быто-

вых платежей его применять! Говорил Дворянцевой об этом. Вроде, прислушалась, а потом... Думаю, Европа сильно давила, китайцы ни туда, ни сюда... А вот – но строго между нами – давление со стороны арабов очень серьезное. Не понимаю даже, чем давят, но мощно. Дворянцева ничего не говорит, сами арабы публично вроде как бы за, а вот по факту всё делают, чтобы не вводить систему. Никак, ни для каких платежей.

– Сам-то откуда знаешь?

– Ну, я ж не слепой. Могу сопоставить графики встреч и визитов с изменением позиции по поводу системы. Не понимаю только, чем им так система не нравится. Наоборот, удобно – видно кто какой платёж делал, любой.

Дмитрий пожал плечами.

– Значит, не хотят, чтобы видели платежи. И, значит, не в бытовых платежах дело.

– Логично, – согласился Данила. – Эта запись ещё!

Ох уж эта запись! Беседа Митрополита со Стенькой не просто наделала шума. Чуть ли не целое движение образовалось в поддержку взглядов молодого священника! Во многих церквях проповеди в той или иной мере воспроизводили Стенькины идеи, а подчас и просто цитировали. Ну, и к F-command, без которой «ни продать, ни купить», отношение среди народа сформировалось молниеносно. Потом-то Центробанк пошёл на попятную, согласившись отменить систему для бытовых покупок. Чтобы простой народ мог и поку-

пать, и продавать, как раньше, за обычные деньги. Сразу бы так сделали, и многие, включая Данилу, предлагали это, и не было бы никаких брожений в умах, а теперь Стеньке практически на блюдечке подали такой красивый аргумент.

Да и Митрополит после той беседы никак не проявил своего несогласия со Стенькой. Ушёл в себя и на публике появлялся лишь по формальным поводам, когда уж совсем надо, совершал необходимые обряды и опять запирался в своей резиденции, допуская к себе лишь особо приближённых.

– Я посмотрел немного по истории, – сказал Данила, придвигая к себе блюдечко с десертом. – Оказывается, насильственное насаждение праведной жизни сто лет назад...

– ... было у арабов, – закончил фразу Дмитрий. – Точнее, у адептов исламизма.

– Странно... – Данила лениво поводил ложкой в десерте, гоняя ягоды, – такая миролюбивая религия... Даже не знаю, откуда там призывы к насилию можно взять.

– Потому что плохо знаешь ислам. В любой религии, если постараться, можно найти идеи праведного насилия. Кстати, если читал по истории внимательно, мог заметить, что эти радикальные исламистские движения щедро спонсировались, причём далеко не всегда мусульманами. Иногда и христиане так делали. Создавали или помогали создавать радикальные группировки, чтобы использовать их в борьбе с врагами.

– Звучит-то как! – Данила поёжился. – Радикальное кры-

ло Православной церкви. Бр-р-р! Ужас!

– Кстати, заметь, католики молчат. У них эта запись неделю пообсуждалась, а потом всё затихло.

– Ну, умеют у них и со СМИ работать, и с индивидуальными обсуждальщиками.

– Или у нас умеют... – проговорил Денис задумчиво, уставившись в одну точку.

Данила поймал взгляд собеседника и ещё раз обдумал последнюю фразу.

– Ты имеешь в виду, что у нас эту историю специально раскручивают?

– Боюсь об этом даже думать. Калинин как-то... – Дмитрий осёкся. Доверие доверием, знают приятели друг друга давно, только мало ли... И, чтобы лишний раз не вызывать подозрений в недосказанности, закончил фразу не так, как собирался: – Калинин спокойно к этой беседе Митрополита со Стенькой отнёсся. Ну, мол, спорят теологи, нам-то что.

– Дим. Давай начистоту.

Вот она, дилемма. Хочется довериться, а не знаешь, можно или нет. Сканер говорил, что против Дворянской активно собирается компромат. Готовится отставка, причём громкая. Кто придёт, точнее, кого будут продвигать на её место, непонятно, но по тому, как активно раскручивается популярность её недавно назначенного молодого заместителя Бориса Исмаиловича Гольденберга, фаворит более или менее очевиден. Вопрос – если придёт Гольденберг, с кем будет Да-

нила? Останется ли работа для него просто работой, пусть с новым руководителем, или он продолжит следовать своей позиции, своим взглядам, даже если они войдут в противоречие со взглядами руководства? В последнем случае ему придётся просто уйти, благо выбор нового места работы для него точно будет широким – банки и консультационные фирмы готовы будут его с руками оторвать.

– Давай начистоту. Если Дворянцева уйдёт, что делать будешь?

– То же, что всегда делал.

– Кстати... – адвокату вдруг пришла в голову неожиданная мысль, а потому он сделал небольшую паузу. – А на Дворянцеву кто-нибудь оказывал давление, чтобы ввести F-command полностью, даже для бытовых платежей?

– Да! – Не задумываясь, ответил Данила. – Президент. Опаньки.

– А президенту кто идею подбросил?

Данила удивлённо посмотрел на собеседника и пожал плечами. Мол, нам-то, простым смертным, откуда такое может быть ведомо?

Если допустить, что арабы надавили на президента Шацкого... Хотя, чего тут измышлениями заниматься? Слишком мало фактов, чтобы делать выводы или развивать логические построения.

– Помню аргументы Шацкого. Невозможно несанкционированное исчезновение денег со счёта, поскольку всегда

известно, куда и по чьей инструкции деньги переводились. Упрощается борьба с потребительским мошенничеством: «Я у вас эту вещь купил, а она не работает». Плюс фискальный интерес государства – сопоставление расходов, доходов и активов лица.

– Ну, – Дмитрий улыбнулся, – как Стеньку не вспомнить? Тотальный контроль государства над жизнью человека!

– Да не этого же мы хотели, Дим. Изначально платежи по F-command предназначались только для фискального контроля над корпорациями. Ну, и, разумеется, для защиты интересов государства – антиправительственные организации, подкупленные СМИ... Кстати, а Калинин что по этому поводу думает? Его же сфера внутренняя политика? Да и с Филатовым они дружат.

– Дружат, – согласился Дмитрий. – Только профессор никогда даже не предлагал вводить F-command для платежей. Да и вообще для чего-либо. Он изобрёл, и всё. Конечно, коммерческий отдел его НИИ работает безупречно и превращает в огромные доходы многие его изобретения и открытия, только вот от использования этой системы платежей профессор ничего не заработает. В общем, Филатову всё равно.

– Ага, – Данила ехидно усмехнулся. – А Дворянцевой сама в голову эта идея пришла! Не смейся, Дим!

– Да мы не знаем, где эта идея появилась, даже в какой стране. Филатов предоставил изобретение всему миру...

– Слушай! А что там за история была с патентами? Ну,

что у Филатова там ошибки в заявках каких-то...

Вот он, тест на доверие. Хотя... эта история уже достаточно известная, правда, в очень небольшом кругу. А доверие – это такое дело... В принципе, уже понятно, куда всё движется. Почему Матвей Юрьевич выбрал такую пассивную позицию наблюдателя, сначала казалось странным. Калинин не свойственна импульсивность, он никогда не совершал резких или ярких действий, но совершенно определённо, что человек он решительный. А тут вдруг сидит и наблюдает, как одного министра поменяли, председателя Центробанка скоро поменяют... Не боится Калинин, что и до него дело дойдёт? Вроде и усилил президент его позиции, а всё равно как-то беспокойно. Тем более, что режиссёр всех этих перестановок известен, и у него с Калининским не то чтобы хорошие или плохие отношения, а вообще никаких. С другой стороны, Президент с Ходыревым, и эти перестановки могут быть их общей игрой... Но Президент, усиливая позиции Калинкина, наверное, что-то в этой политической многоходовке имеет в виду? А вот Данила... чью позицию примет он? Что Дмитрий знал точно – он будет с Калининским до конца, через что бы им ни предстояло пройти. И это не личная преданность. Это совпадение взглядов и ценностей.

Данила уловил небольшую паузу и истолковал её, в общем-то, правильно.

– Ну, не хочешь, не рассказывай.

– Да нет у меня от тебя секретов, Данила. F-command включает в себя, разумеется, изобретения и полезные модели. И ещё несколько промышленных образцов. Изобретения – это понятно, полезная модель – это, как бы попроще сказать, новое техническое решение, но в нём нет такой новизны, как в изобретении, полезную модель может разработать любой специалист. А промышленный образец – это просто внешний вид. Так вот, всё это защищается патентами. У кого патенты, тот и вправе использовать объекты интеллектуальной собственности. Проще говоря, у кого патент на F-Command, тот вправе сам производить устройства, разрешать или не разрешать другим производить сами устройства или использовать технологию в производстве своих товаров.

– Это понятно, – нетерпеливо перебил Данила. – Ты к сути!

– Пожарский и Гутман пытались выкупить у Филатова всю технологию. Полностью, весь комплекс исключительных прав. Сначала мы подумали, что для предпринимательской деятельности – наладить производство, торговать патентами. Они даже интересное действие предприняли. Подкупили одного из юристов Филатова, чтобы тот сделал ошибки в патентных заявках. Тогда бы Роспатент отказал Филатову в патентовании, но не сразу, а через три-четыре месяца. За это время Пожарский и Гутман подали бы свои заявки на то же самое, и F-Command был бы уже зарегистрирован на их компанию.

– А так можно?!

– Если постараться, то можно. Кто первый подал *правильную* заявку, того и патент. Оспаривать потом, в принципе, было бы возможно, но сложно и без гарантии успеха.

– А так себе подбор юристов у Филатова, – не удержался Данила от язвительного комментария.

– Прекрасные юристы у Филатова! И «Дельта» свою работу выполняет. Как только Пожарский и Гутман начали разговоры о продаже им комплекса технических решений, аналитики «Дельты» сразу предположили такой сценарий.

– Аналитики «Дельты» разбираются в юриспруденции?

– У них хорошие консультанты. Конечно, мы ждали такого развития событий и были готовы.

Дмитрий умышленно использовал местоимение «мы». Чего уж тут. И так уже ясно, что, имея в виду отношения Дмитрия Смирнова с Калинкиным и отношения последнего с Филатовым, вряд ли такой высококлассный адвокат остался бы сторонним наблюдателем. Данила, конечно же, уловил это «мы». Скорее, он насторожился бы, если бы не услышал.

– И что же? Поймали за руку купленного юриста?

Дмитрий улыбнулся.

– Мы разыгрывали историю с подкупом достаточно долго. Чтобы определить, зачем Пожарскому и Гутману эта технология. Не буду томить – на девяносто процентов мы уверены, что они хотели просто «похоронить» F-command. Не использовать самим и не давать другим.

– То есть, – продолжил мысль Данила, – на самом деле другими, *правильными*, юристами Филатова готовилась *правильная* заявка...

– В принципе, да, но это как запасной вариант. Главным было выяснить мотивы Пожарского и Гутмана.

– Но зачем им покупать технологию и не использовать? – вопрос, конечно, напрашивался, хотя и казался риторическим.

– А вот это я у тебя хотел спросить.

– Я подумаю, – быстро пообещал Данила. Он не стал гадать, прежде решил пособировать информацию и на ее основании уже делать выводы или хотя бы предполагать не умозрительно.

– А в итоге, – продолжил адвокат, – Филатов выложил всю технологию в свободный доступ. На юридическом языке это означает, что любое лицо в мире теперь может использовать технологию, ни у кого не спрашивая разрешения. F-command стал всеобщим достоянием.

Данила вдруг замолчал. Дмитрий тоже сделал паузу, а потом всё-таки спросил:

– О чём задумался?

– Ходят слухи, что одного из ближайших ассистентов Филатова пыталась завербовать иностранная разведка.

Дмитрий отрицательно покачал головой.

– Не ассистента, а девушку его завербовали. Но в итоге ничего существенного ей выведать не удалось. Моё лично

мнение – её просто спугнули, слишком напрямик действовала.

– А ещё Милена Голицына...

– Это было покушение на Филатова.

– Там же ещё образец был...

– Сначала мы сами думали, что это уничтожение образца, который посчитали результатом клонирования. Однако сегодня я считаю, что целью нападения был профессор.

– Всё из-за того же F-command?

– Логично было бы так думать, – согласился Дмитрий. – Но наверняка мы не знаем. Ни кто организовал, ни зачем. Конечно, полиция установила исполнителей и первый уровень заказчиков. Но реальных заказчиков так и не нашли, а потому и мотивы нам неизвестны. Пока.

– А этот образец... Не клон разве?

– Нет. Клонирование – это, по существующему определению, полное сканирование всех органов и тканей и последующее воссоздание идентичного образца. Здесь же, скорее, экстраполяция. Воссоздание образца по имеющимся обрывкам информации. Как взять кость и несколько зубов и по ним полностью воссоздать животное. В том случае одни психологи с нейробиологами и генетиками тысячи часов потратили! В итоге образец получил право на жизнь, он был признан неклоном. Это было согласовано с правительствами ведущих государств. Вот только пожить образец не успел.

Работал Коля механиком. Вообще-то такой должности в штатном расписании базы не было, а вот потребность в механике все время возникала. То одно к другому прикрутить, то что-то где-то поправить и закрепить, что ветром (ах, какие здесь дуют ветра!) покосило. Сама по себе работа во многих случаях оказывалась несложной, а чертежи были понятными. А вот что Колю поразило, так это свойства материалов и точность подгонки! Например, на элементы наружной обшивки не налипали ни снег, ни влага, вообще ничего, и детали самых сложных конфигураций соединялись с прецизионной точностью.

Ну, а если где было сложно или непонятно, Коля шёл разбираться с заданием вместе с инженером Марком Розегналем. Марку было под пятьдесят, из них пять лет он провел на «Джультетте». Голова у инженера работала отлично, но, говоря образно, гайки крутить он не любил, поэтому появление Коли встретил с каким мог воодушевлением. С каким мог – потому что по жизни Розегналь был человеком угрюмым.

Да вообще, вся эта «Джультетта», все эти люди... В порыве эмоций, когда от тоски хотелось на стенки бросаться, Коля назвал их (не вслух, конечно, выделяться же нельзя) сборищем неудачников. Потом, когда остыл, вспомнил словосочетание из школьных уроков литературы: лишние люди. На всей базе Коля не встретил никого, кто направился бы

сюда из жажды приключений или в порыве энтузиазма. Ну, или за деньгами хотя бы. Возможно, среди пионеров базы такие были, но сейчас здесь обитали те, кто не нашёл себя дома или бежал от проблем. Предложи Марку, или Биллу, да даже тому же Энрике работу на Земле – рванули бы, не задумываясь. Но на Земле они не смогли стать востребованными по специальности. Тому же Франку-Мартину, наверное, вообще уже ничего не нужно. У него и взгляд такой, как будто сама жизнь в тягость. У людей здесь отсутствовали стремления. Может, когда-то у кого и были, но годы вдали от Земли, в большой коробке из композита, в окружении тех, в ком давно угас энтузиазм, сделала своё дело. Энджела тоже неплохо сформулировала: «Так сидишь на Земле, а так хоть движняк». А вот и нету его, движняка. И, главное, им нормально! Да, ноют – кто вслух, кто про себя, – но всех всё устраивает.

Наверное, играло роль и то, что у базы не было определённой задачи, не был обозначен результат, которого нужно достичь. Изначально базу создали пятнадцать лет назад, если считать от появления на ней первого постоянного жителя, для обкатки технологий освоения новых планет. Уран подходил для этого лучше любой другой планеты солнечной системы. С одной стороны, много экстремального: и среда, и температура, и метеоусловия, да одно магнитное поле чего стоит, так сказать, для компасов с устойчивой психикой. А другой – в основном понятная поверхность, всё же не газо-

вый гигант, не самая агрессивная окружающая среда и сила тяжести, не критически отличающаяся от земной (на Земле Коля весил восемьдесят пять килограммов, а здесь семьдесят шесть с половиной). И состав среды такой, что его, в совокупности с продуктами переработки, можно использовать в как сырье для 3D-принтеров: изготавливать еду и повседневную одежду. Кое-что с Земли, конечно, завозили, но свелось к тому, что одного крупнотоннажного рейса раз в три года оказывалось достаточно, еще с запасом.

Семь лет назад на далёкой орбите вывесили космический телескоп. Чтоб был, так сказать, под присмотром. Хорош, конечно, присмотр – тридцать тысяч километров, это ж вам не три миллиарда, это ж практически через дорогу! Коля, кстати, уже успел слетать вместе с Марком к телескопу, чтобы поправить солнечную батарею. Заодно забрали в ремонт робота-малыша, который как раз и должен был эту батарею поправить, но словил микроскопический метеоритик и поломался.

А как красиво было, когда летали! Уран – это и есть настоящая голубая планета! Когда Коля добирался сюда с Земли, так ещё и не пришёл в себя, было всё равно, в иллюминатор не смотрел. Зато в этот раз! Какая красотища! А кольца Урана! В космических масштабах они тонкие, не больше нескольких километров в толщину. Но эти краски! Пусть до Солнца далеко, но его света вполне достаточно, чтобы явить эту красоту, и ею можно проникнуться! И почему этим лю-

дям здесь так... Почему они не восхищаются?! Колю тогда одна Элли поняла. И пообещала, что в следующий раз возьмёт с собой на Миранду, один из спутников Урана, на который полгода назад выгрузили геологический исследовательский робот.

А вот никуда без человека. Казалось бы – пусть автомат слетает на Миранду, тут рядом, да заберет в ремонт этого головоногого монстрика, вполне по силам для современной техники задачка. Но по силам на Земле. А здесь всегда может что-то пойти не так. Говорят, даже «Джувелетту», пока строили, на полгода потеряли. Прилетел автоматический корабль со стройматериалами, передает: нету базы. Нашлась потом в океане.

А современной механикой Коля увлёкся. Конечно, многое, очень многое было совсем непонятно. Эти свойства новых материалов, которые то скользят друг по другу с легкостью, то трение такое, что не сдвинешь. Эти немислимые соединения и сопряжения. Эти... да всё! Колесо только осталось, как было, понятное. Вот уже где хоть дом без единого гвоздя, хоть машину без единого шурупа заделать можно! Марк, пусть нехотя, но объяснял. В библиотеке нашлось много литературы по механике (её, литературы, здесь вообще было завались), а простенький Колин флекс по местным меркам оказался вполне современным, и Коля закачал туда всего навалом, в том числе и популярной литературы сначала о прикладной механике, а потом и к теории стал подсту-

пать с осторожностью. Удивительно, но знания впитывались легко. Хорошие и интересные были книжки, а жажда знаний просто обуяла.

Тогда Коля понял, что пришёл в себя. Жизнь продолжается.

* * *

В мозг транслировались сразу несколько изображений, каждое снималось с разных ракурсов. Камеры, установленные на полицейских «Ратниках-П-18», камеры журналистов, съемки со спутников, дронов и обычных камер наблюдения, установленных в Тимофеевке.

Августовское утро только начиналось, солнце едва взошло, а петухи лишь недавно пропели свои утренние песни. Вся деревня была на ногах ещё с ночи.

– Сканер ответь Пороху.

– Сканер на связи.

– Уверен, что не вмешиваемся?

– Если продолжишь спрашивать каждую минуту, всё равно ответ не изменится.

– Полиция же не справляется!

– Потом объясню. Конец связи.

Связь прервалась, но тут же в голове возник другой голос.

– Сканер Фотону.

– Сканер.

– Готов принять доклад?

– Докладывай.

– В четыре тридцать две утра Петрова Мария Ивановна, тридцать два года, убила своего мужа Петрова Александра Сергеевича.

– Пропусти то, что было в новостях.

И так известно, что стряслось. Маруся Петрова зарубила топором своего мужа Сашка, когда тот спал. Её ситцевое белое в цветочек платье было до сих пор забрызгано кровью, ошмётками мозгов и осколками костей. Сильно она его ударила. Несколько раз. Дети спали в соседней комнате. Слава Богу, ничего не видели и так и не увидели, их соседи сразу к себе забрали и так и держали у себя дома. Хотя, конечно, все всё узнали. Маруся сама объявила односельчанам, что сделала, почти сразу же. Говорила, это чтобы душу его грешную спасти.

Довольно быстро прибыл наряд полиции, чтобы разобраться на месте, зафиксировать событие преступления и арестовать подозреваемую. Одновременно прибыли дознаватель и криминалист из Службы расследований. Однако дальше кое-что пошло непредсказуемо. Поначалу всё развивалось по регламенту – фиксация записей средств наблюдения, изъятие доказательств, опрос подозреваемой и свидетелей и так далее. А вот арестовать подозреваемую Марию Ивановну Петрову не удалось. Сельские мужики вдруг вступились за женщину, мол, не отдадим Марусю в руки режи-

ма. Уже потом, когда в Тимофеевку слетелись журналисты, никто из мужиков так толком и не смог объяснить, какой «режим» они имели в виду, лишь твердили о чистоте веры и спасении душ заблудших. И почти единогласно одобряли поступок Маруси.

Полицейские прибыли на место через восемь минут после сообщения об убийстве. К этому времени уже начали подтягиваться журналисты, и то, что произошло далее, оказалось зафиксировано не только обычными системами наблюдения, но и транслировалось в прямой эфир с журналистских камер, да ещё и с лёгким пси-сопровождением (а ведь пытался Матвей Юрьевич законом запретить запись эмоций журналистами, но никто его тогда не поддержал, говорили, это нарушит свободу на получение информации, граждане должны не только видеть и слышать, но и чувствовать, что происходит на местах событий).

Когда прибыл наряд полиции, Маруся стояла во дворе своего дома в окружении пяти журналистов и двадцати трёх односельчан, в основном мужиков. Полицейский пинг приземлился в тридцати метрах от этой небольшой толпы. Трём полицейским позволили приблизиться, они задали вопросы о произошедшем, но отвечали им в основном Марусины односельчане. Однако, когда полицейские попытались войти в дом или приблизиться к Марусе, деревенские мужики встали стенкой и полицейских не пропустили. В этот момент стражи порядка должны были применить силу, благо техни-

чески экзоскелеты даже их примитивных «Ратников» позволяли справиться с такой толпой, не причинив никому существенного вреда. Но тут полицейских ослепила внезапная вспышка, а через секунду двое из трех оказались лежащими на земле лицом вниз с руками, зафиксированными за спиной прочными жгутами. Один из деревенских мужиков практически неразличимой для обывательского взгляда подсечкой снёс с ног весь наряд, столь же молниеносно затянул руки жгутами сначала одному, потом другому полицейскому, который только ещё начал осознавать, что происходит. Третий ушёл в сторону перекатом, вскочил на ноги и выхватил свой МТО-Б-194 (многофункциональное тактическое оружие ближнего боя), и сразу же захлопнулась его шлем-сфера, казалось, надёжно отгородив полицейского от внешнего мира. Но в эту же секунду ему на спину опустился огромный камень и, хотя «Ратник» и поглотил удар, и позвоночник полицейского остался неповреждённым, камень сбил его с ног, отбросив прямо в руки того, кто только что справился с двумя другими полицейскими. Через четверть секунды и третий служитель порядка оказался лежащим на земле с зафиксированными за спиной руками. Он беспомощно ворочался и таранился на лежавшее в метре от него МТО.

Так полицейские провалялись на земле почти пятнадцать минут, пока по индивидуальным устройствам связи им не пришёл приказ возвращаться в участок.

Однако криминалисту и дознавателю, которые прибыли

на место преступления достаточно быстро, был оказан вполне нормальный приём. Никто не преграждал им дорогу, не препятствовал в работе. Только дознавателю всё никак не удавалось толком приступить к допросу, Маруся то и дело отвлекалась, чтобы ответить на вопросы журналистов.

От адвоката Петрова отказалась, но сообщила, что своим общественным защитником хотела бы видеть священника Стеньку. Самого Стеньки во время этих событий в Тимофеевке не было, однако он уже вылетел в село, и вскорости ожидалось его прибытие.

– По фактуре всё просто, – докладывал Фотон, – ночью проснулась, взяла топор и убила мужа тремя ударами по затылку, пока он спал. Сделать это хотела давно, обдумывала примерно неделю, хотя именно на эту ночь убийство и не планировала. Потом сразу же пошла к соседям и рассказала о содеянном. Теперь о сопротивлении сотрудникам полиции. Мужчина, напавший на полицейских, – бывший полковник спецназа Кирилл Ксиаобович Рахманов. Прибыл в Тимофеевку двадцать три дня назад, по словам соседей, «чтобы Стеньку вашего послушать да пособить, если что». Полицейских он ослепил армейским стробоскопом. Оружия, как утверждает, с собой нет. Вот что интересно. Почти сразу же после появления в Тимофеевке Рахманов начал обучение местных мужиков ближнему бою, пока что без оружия. Видели, как те двое полицейского в «Ратнике» валуном с ног сбили? Рахманов их этому научил. Насколько я пони-

маю, заранее они действия по сопротивлению наряду полиции не отрабатывали, однако базовые навыки Рахманов у мужиков уже начал формировать. Плюс идеологическая обработка на тему «мы должны уметь защищаться от неверных». Пока всё. Сообщу, когда появится новая информация.

– Принято, – коротко ответил Сканер. – Конец связи.

Сканер продолжил наблюдение за происходящим одновременно в разных местах в Тимофеевке.

– Фотон Кельту.

– На связи.

– Видишь журналистку в красном платье? Можешь её номерок раздобыть?

Матвей Юрьевич вошёл в президентский кабинет и быстрым шагом приблизился к столу, из-за которого уже поднялся, выдвигаясь ему навстречу, Анатолий Вольфович Шацкий.

– Господин Президент! – Калинин по привычке едва заметно щёлкнул каблуками и коротко поклонился.

Шацкий подошёл к нему, пожал руку и похлопал по плечу.

– Всё вы как-то с формальностями, Матвей Юрьевич! Нука присаживайтесь, – и указал своему «вице» на место у стола переговоров.

Калинкин занял предложенное кресло, и Шацкий уселся напротив, закинув ногу на ногу и тут же энергично переменив позу, а потом ещё раз переменив.

«Он все такой же, – подумал Матвей Юрьевич, – даже внешне. Сколько я его помню? Лет двадцать? Невысокий, пухленький, постоянно лысеющий, но так и не полысевший... И всегда, если смотреть со стороны, как будто суетливый. Человек умный, проницательный, однако ж не во всем последовательный. В жизни, как и в движениях: вот вроде бы просто сидит в кресле, а сам всё время меняет позу, всё время занят чем-то. Может, потому и сохранил президентский пост на второй срок, хотя выдающегося ничего не сделал, да и не сделает». Тут Калинин вспомнилась фраза из Достоевского: «Он был несколько трусоват или, лучше сказать, в высшей степени консервативен».

– Ну, рассказывайте! – Шацкий нетерпеливо подался вперед.

– Хотел поделиться с вами своими опасениями. И, если это возможно, спросить.

– Спрашивайте! – Шацкий сделал быстрый взмах рукой в воздухе. – Что угодно!

И как он, такой, президентом стал?

– Почему вы отдали приказ не направлять подкрепление полицейским в Тимофеевке?

– Потому что это могло вызвать гражданский конфликт. А так обошлись небольшим инцидентом. Суд, как вы знаете, вынес решение о возбуждении уголовного дела и при этом решил оставить подозреваемую на свободе до суда, так что конфликт исчерпан. А так побоище бы там устроили!

Матвей Юрьевич откинулся на спинку кресла. Интересно получается. Суд вынес решение в течение часа, да ещё, как утверждает Дмитрий Смирнов, с грубейшим нарушением процедуры. И нашёлся кто-то, кто сначала привлёк внимание Президента к мелкому, в его-то масштабах, делу, а потом ещё и убедил отозвать наряд полиции...

– Господин Президент, а суду вы лично указание давали так быстро дело рассмотреть?

– Да ну вас, Матвей Юрьевич! У нас же разделение властей! Вы же не думаете, что я судье позвонил?

Матвей Юрьевич беспомощно развёл руками, мол, совсем ничегошеньки не понимаю.

– Ну-у, – Шацкий тоже откинулся в кресле и сложил руки на груди, а потом подпёр левой рукой подбородок.

– Вам кто-то подсказал, что, если не вмешиваться, конфликт решится мирно и правосудие не пострадает? – помог ему Калинин. – А если прибудет полицейское подкрепление для силовой операции, то начнется бойня?

Шацкий молчал.

– Кто же это мог быть?.. Пожалуйста, Анатолий Вольфович, скажите, – Калинин уже не помнил, когда называл Президента по имени-отчеству, и сейчас сделал это отнюдь не машинально, просто разговор уж такой пошёл. – Вы же понимаете, я всё равно узнаю. Может быть, ещё не поздно всё это остановить? Анатолий Вольфович, вы же видите, что затевается! Неповиновение полиции, которое прикрыва-

ет Президент, незаконное судебное решение – неужели вы думаете, что это исключения, о которых завтра забудут? Это был Ходырев? Нет... Генерал Федоренко! К вам приходил генерал Федоренко, так?

Президент вздрогнул.

– Да, – Шацкий вдруг перестал суетиться, а голос его сделался спокойным и серьёзным. – Когда это случилось, Василий Никифорович пришёл ко мне и попросил вмешаться и отозвать наряд. Сказал, так будет лучше, всё уладится. И я поверил. И, как видите, не зря. Наверное, мне стоит удивиться, что мой вице-президент ко мне не пришёл. Человек, уже семь лет отвечающий за внутреннюю политику в стране. Некоторым кажется, что это при *вашем* попустительстве такое стало возможно. И я был вынужден исправить *вашу* ошибку.

– Осмелюсь напомнить, господин Президент...

– Да не надо мне ничего напоминать, – Шацкий вяло махнул рукой. – Что вы ко мне месяцами ходили, говорили и предупреждали? Так ведь делать надо было, Матвей Юрьевич, а не говорить. А сейчас...

Шацкий не закончил фразу и лишь всплеснул руками.

– Правильно понимаю вас, господин Президент, что вы сейчас сообщили мне о моей отставке?

Президент промолчал.

Матвей Юрьевич поднялся и выпрямился в полный рост.

– Господин Президент. Я не буду подавать в отставку. Ес-

ли на то будет ваша воля, подписывайте указ, но добровольно я не уйду. Искренне надеюсь, что вы доверите мне исправить ситуацию в стране. Это ещё не поздно, и я знаю, как.

– Ступайте, – Шацкий тоже поднялся и указал Калинин на дверь. – Указ о вашей отставке будет подписан завтра. Прошу вас сегодня не делать ничего во вред стране и мне лично. Надеюсь на вашу порядочность.

– В ней вы можете быть уверены. Благодарю вас за то, что предоставили мне возможность служить России все эти годы. Прощайте, господин Президент.

Шацкий обогнул стол, подошёл вплотную ко всё ещё вице-президенту.

– И вам спасибо, Матвей Юрьевич. Не поминайте лихом. Они обменялись крепким рукопожатием, пристально глядя друг другу в глаза, и Калинин вышел.

* * *

Биллу нравилась Азуми. Конечно, через год жизни в таких обстоятельствах любая девушка красавицей покажется, а Билл работал на «Джульетте» уже четыре с лишним года. Однако Азуми была симпатичной. Чуть за тридцать, относительно невысокого роста, меньше ста семидесяти, не сказать, что с идеальной фигурой, но, однако, неплохой. Самой Азуми нравился молодой вьетнамец Хоанг, и он этой симпатией японки всю пользовался. А Билл страдал. К нему, в свою

очередь, внимание проявляла Энджела, сорокалетняя дама из Южной Африки, однако Билл ее расположением пренебрегал, надеясь, что Азуми переменит объект своих чувств. Энджела же времени не теряла и периодически навевалась в кубрики Берни, Минжа, Джима, и даже один раз её увидели выходящей из двери Вильгельма Забушека, однако всё это было без симпатии, поскольку мысли Энджелы были посвящены Биллу.

Коле от всего этого было противно.

Да, жажда событий в природе человека, и если событий не хватает, то человек выдумывает мелкие свои или наслаждается чужими, зачастую присочиняя и излишне драматизируя. Вон какую эмоцию еженедельный перекур вызывал! **СОБЫТИЕ!**

А вот о человеческой природе Коля узнал многое. Благодаря библиотеке. Он то и дело мысленно обращался к письму от себя-«второго». Оказывается – запомнил наизусть. Сохранилось ли?.. Под влиянием письма прочитал «Братьев Карамазовых». Быстро, за несколько дней. Потом «Игрока». Потом взялся за Чехова, потом за Гончарова. И даже три раза к Толстому подступался. Пушкин! Куда ж без него. Лермонтов. Блок. Времени хватало. Хватало и... ума, что ли: поменьше выходить из кубрика и побольше читать. Спортзал ещё, а там можно слушать музыку. Современная классика, кстати, очень даже! А эти дразги были противны. Сначала по инерции держался со всеми. Пытался вжиться, что ли...

А потом вспомнил тех, с кем был так близок совсем недавно, как они помогали ему меняться. И понял, что нужно продолжать то, что начал. Уже без помощи, уже сам. Сложно, поначалу приходилось себя заставлять, и жестко, но потом по-другому уже не мог.

Хотя, нет. Помощь была. Элли.

В свои тридцать пять она была настоящей красавицей. Не куклой, каких он любил раньше, она была... настоящей. С живым умом и очень яркими эмоциями. Элли любила, когда Коля пересказывал ей прочитанные книги. Он говорил азартно, восполняя недостаток слов размашистыми жестами, а Элли слушала и улыбалась. Задавала вопросы, тут же высказывала своё мнение, они спорили.

Она будто и не делала ничего особенного, чтобы привлечь к себе мужское Колино внимание. Ну так, разве что бёдрами повертит, больше для прикола. Но приколы действовали, и Элли это отлично знала. Знала, что любой мужчина, стоит ей за него «взяться», сам дорисует в воображении именно то, что надо.

При этом о себе Элли мало рассказывала. Она была пилотом, вроде бы даже военным.

– А ты что тут? – спросил как-то Коля.

– Прячусь, – Элли хитро сощурила глаза и заговорщицки улыбнулась.

– От кого?

– От людей.

– Всех?

– Конкретных нескольких, – девушка на мгновение задумалась, а потом быстро бросила ему прямо в лицо: – Ты тоже. – Вот так. Не спросила, а безапелляционно констатировала.

И вот так как-то незаметно они стали друзьями. Не только друзьями, конечно, но сблизили их именно общие интересы, в том числе главный – интерес к жизни. Интерес Элли даже был... её интерес к жизни был живее, если можно так выразиться. Она любила жить так ярко, как это возможно! Она любила рисковать. Нет, она не подпрыгивала на палубе базы на ветру без страховки и не швыряла свой маленький шаттл с неба на поверхность, как делали офицеры «Дельты». Однако со страховкой подпрыгивала с воодушевлением, и ветер подхватывал её хрупкую фигурку, швырял и с грохотом прикладывал о борт базы, а Элли потом вываливалась из скафандра довольная, с улыбкой от уха до уха. И шаттл она заводила на посадку практически в любую погоду, кроме совсем уж шквалистого ветра, виртуозно выверяя с автоматикой скорости, курсы и углы крена и тангажа, но никогда не передавала управление автоматике полностью.

Всю первую посадку с ней Коля провёл не просто зажмурившись, а обхватив голову руками. Он тогда еле-еле, держась за стенки, добрёл до своей каюты и рухнул на кровать. А через мгновение в каюту с визгом ворвалась Элли.

Самое интересное, что к кому ещё захаживала Элли, Ко-

лю совершенно не волновало. Вообще, совсем. Осознав, Коля удивился, но себе возражать не стал. Так-то поспокойнее, а то ещё тут страстей не хватало. Лишь несколько месяцев спустя узнал, что больше ни к кому.

– Элли, ты хочешь на Землю?

– Там те люди. А так хочу. Когда закончится – хочу.

Ох, что ж у них за язык-то!

– Что делать будешь?

– Что всегда. Только круче. У тебя есть знакомые военные?

Коля замялся... Непонятно было, как по-аборигенски сказать «типа того», аборигенский же почти бинарный, «да» или «нет».

– Может быть.

– Скажешь им? Они меня возьмут?

– Скажу. Не знаю. Элли... А ты нормально говорить можешь?

Элли, которая сидела, прижавшись к Коле, положив голову ему на плечо, вдруг выпрямилась и посмотрела на него, как будто первый раз увидела.

– Ник?... А ты сам...

– Неродной язык, – быстро пояснил он.

Элли понимающе кивнула.

– Да, я умею говорить по-другому. Да, сэр, – она легко улыбнулась. – У нас принято было изъясняться не так, как здесь. Но так, как на «Джульетте», на Земле говорят многие.

И я здесь привыкла. Было бы перед кем... – она вздохнула.

– Элли, – осторожно проговорил Коля, – а ты можешь со мной?..

– Зачем?

* * *

– Будто на скрипке играете, – Фёдор Пекинович залюбовался, как Маргарита Нарциссовна отрезает бочок печёного яблочка.

– Ох и мастер вы, Фёдор Пекинович, дамам приятствовать! – Матвей Юрьевич дружески похлопал повара по плечу.

– Милый Матвей Юрьевич, извольте не ёрничать, – почти без улыбки, с привычной ровной интонацией произнесла Дворянцева. – Благодарю вас, любезный Фёдор Пекинович. Комплимент засчитан. Однако, осмелюсь напомнить, я замужем.

Пекинович засмутился, покраснел и, прихрамывая, поковылял к дому.

– Иннокентий Аристархович, пойдёмте чай пить! – окликнула Дворянцева профессора.

А тот стоял у реки, сунув руки в карманы, и смотрел, смотрел.

Год прошёл. Даже больше. В апреле прошлого года в доме появился Коля Афанасьев, а сейчас уже август этого. Дом

отстроили заново, теперь всё, как было. И в нём вновь затеплилась жизнь. Затеплилась – хотя уже не кипела как раньше, бурная, драматичная, радостная. Но Иннокентий Аристархович бывал здесь часто, даже чаще, чем прежде: работал, приезжал просто так, принимал гостей. Только две комнаты всегда оставались незанятыми – Петьки Шереметьева и Коли с Миленой. Коля-то, может, вернётся ещё. Хотя, каково ему здесь будет...

– Вспомнил? – послышался сзади голос Матвея Юрьевича.

– Вспомнил, – профессор грустно кивнул и вернулся к гостям. – А родители Миленочки так и не простили мне, что я не дал её похоронить как полагается.

– Ну, так и я бы на их месте не простил! Единственная дочь всё же. Совесть мучает? И поделом.

Прах Милены вместе с прахом того, неполного, Коли, который погиб во взорвавшемся пинге, развеяли здесь же, над рекой. Родители Милены возражали, но Иннокентий Аристархович не просто настоял, а распорядился. Сказал «так надо», а зачем, никто и не понял. Ну, да уж теперь-то чего...

К столу приковылял Ник. Побродил вокруг, приняюхиваясь, и стал тыкаться мокрым носом в колено Матвея Юрьевича. Знал, что от дамы не добьёшься ничего, кроме брезгливого, хотя и дружелюбного, отнекивания, а от хозяина – потрёпывания за ухом да привычного уже: «Никуш, тебе это нехорошо». Вот мужчина этот седенький, который тут часто

бывает, – другое дело! Всё время что-нибудь подкидывает. А когда хозяин отвернётся, может и пирожок какой дать или ещё сладкое что.

– Коля обещал научить его пить водку и курить, – с улыбкой, но грустно проговорил хозяин, почёсывая пса за ухом.

– По вашей беседе, – вставила слово Маргарита Нарциссовна, – похоже, запал вам в душу молодой человек.

– Ой! – Иннокентий Аристархович как будто отмахнулся от чего-то навязчивого. – Шуму-то с ним было! Хотя... да, запал. Конечно, запал. Было... Есть в нём что-то, только пока не могу понять – что именно. Миленочка вот вроде как поняла...

– Неведомая мне женская интуиция, – констатировала председатель Центробанка.

«Пока ещё председатель», – одновременно подумали мужчины, а Маргарита Нарциссовна как будто прочитала мысли.

– Как вам на пенсии, милейший Матвей Юрьевич? Уже пару дней?

– Не поверите, милая Маргарита Нарциссовна, дел невпроворот!

– Отчего ж. Поверю охотно. Хотя и не имею представления о ваших делах, однако бездейтельным вас представить никакого воображения не хватит.

– За большое задели, – вдруг серьёзно, но без обиды в голосе, проговорил бывший Вице-президент. – Мне всегда ка-

залось, что я *делаю*. Важное, полезное, нужное для близких и для страны. А вот сейчас оглядываюсь – по-настоящему делал, только когда служил. А потом только давал советы. С кем-то встречался, думал, придумывал, решал... И всё говорил-говорил... А меня слушали. Видать, умные вещи излагал. Полезные. А когда опять пришла пора *делать*, не rozpoзнал эту пору. Продолжал разглагольствовать. Думал, Президент меня слушает, министры... А они давно уже кто сам себе на уме, а кто и к другим уже ухо повернул. Когда Президент предложил мне «вице» стать, знал ведь, к чему всё идёт. Ежу понятно было, что он меня выдвигает, чтобы только дали ему этот пост ввести. А ведь не предпринял ничего, наоборот, думал, на этом посту смогу большего добиться за время, которое отведено. И ведь понимал же – сколько этого времени ни отведи, эта партия уже проиграна.

– Остапа понесло! – Профессор весело улыбнулся. – Всё теперь, развесил... ой, простите Маргарита Нарциссовна, хотел сказать: *предался уньишио*.

Матвей Юрьевич вдруг встрепенулся и посмотрел сначала на профессора, а потом на председателя Центробанка.

– Отнюдь! Вот теперь-то я готов действовать. Следующую партию мы должны выиграть.

– Поделитесь? – осторожно поинтересовалась Маргарита Нарциссовна.

– Безусловно! Потому и попросил вас о встрече.

– Знаешь, где я этот твой взгляд видел? – вдруг перебил

обоих Иннокентий Аристархович. – В Сибири тогда. Когда на «микроволновку» второй раз шли.

Маргарита Нарциссовна вопросительно посмотрела на обоих мужчин.

– Митя! – всплеснул руками профессор. – Ты от нашей прекрасной собеседницы такой героический эпизод своего боевого прошлого скрыл?! Экий скромняга! Ну так я расскажу!

– Сам расскажу, – буркнул Матвей Юрьевич. – А то ты сейчас о своём позоре умолчишь, объективность повествования пострадает. Знаю, как ты эту историю с ног на голову переворачивать любишь!

Иннокентий Аристархович подпёр подбородок рукой и принялся слушать. Маргарита Нарциссовна тоже была вся внимание.

– На войне было, – сообщил Матвей Юрьевич. – В «Альфе» тогда служил. Зашли мы в тыл к китайцам. А этот, – кивок в сторону профессора, – уже тогда разные мыслеправления разрабатывал. Наше-то руководство уцепилось – ну как же, мыслью друг другу о приближении врага сообщить или дать команду на подрыв мины. А уж тем более – ракету на цель навести! Ну, и этот молодой учёный не понимает, мол, давайте проверим новую технологию в боевых условиях! Нацепили нам эти подшлемники для мыслепередачи. И пошли мы, значит, на китайцев с тыла. Китайская-то разведка тогда, что по тем временам удивительно бы-

ло, сработала качественно, и нас ждали. Да ещё как ждали! С направленным электромагнитным излучателем, настроенным на правильную частоту. Они как эту штуку включили! Мозгоподшлемники как микроволновки заработали! Думал, мозги вскипят! Только Бриз тогда, он замыкающим шёл...

– Да всё равно там блокировка была... – быстро успел вставить профессор.

– Спасибо тебе, Кеша, хоть блокировку догадался поставить! А мы потом три дня два на два перемножить не могли. Думали, всё уж, приехали.

– На пользу пошло в итоге, – значительно произнёс Иннокентий Аристархович. – Видишь, какой умный стал? Советы вон людям потом лет пятьдесят раздавал, да? А на «микроволновку» мы тогда по моей наводке вышли через день. Ох, вы и разнесли там всё! Такие полезные образцы могли бы получить...

– Зато как мы их! Нас шестнадцать человек было, включая двоих гражданских, а их больше семидесяти!

– Только, герой, половину из семидесяти мы успели их же «микроволновкой»...

– Да было такое... Активировали их установку, да пустили направленное излучение на сверхвысоких частотах! Человек тридцать тогда за пару секунд уложили, пока нас оттуда не выбили.

– А ты, – профессор грустно улыбнулся, – ты мне тогда жизнь спас. Ещё бы секунда...

– А помнишь, когда к ним подкрепление пришло и мы отступали, Бриз тебя тогда в снег закопал?

– Помню, конечно. Забудешь такое! Он же после боя полчаса искал, где откапывать!

– А у вас какой был позывной, Матвей Юрьевич? – вдруг с неожиданным интересом спросила Маргарита Нарциссовна.

Мужчины многозначительно переглянулись.

– «Дельта», – тихо ответил Калинин.

Вдруг все замолчали. Как будто сказано было что-то такое важное, после чего все другие разговоры неуместны.

– Ну да ладно, Матвей Юрьевич, – нарушил тишину профессор, – рассказывай, чего собрал нас здесь. Только прежде, – профессор закопошился в кармане брюк и вытащил оттуда маленький кулончик на цепочке, – это вам, Маргарита Нарциссовна. Полезная штукавина.

* * *

– Опять ерунду показали! – воскликнула Элли. – Пуля продырявила толстое дерево, но застряла в белке! Она должна была навывлет!

– Это же РСВ-пули, – прокомментировал Коля сцену фильма, которая смутила девушку неправдоподобностью. – Они должны застревать в живых организмах. Хотя... Согласен, натянуто получилось.

О современном оружии Коля многое узнал от Кельта за

время полёта с Земли. В этих беседах офицер не был чрезмерно многословен, он вообще не был многословен, но об оружии говорил с удовольствием:

– Кинетическое оружие, каким его знал ты, ещё применяется, хотя и сильно изменилось. Кое-где даже принципиально. Конечно, пистолеты и автоматы с пулями, ты удивишься, до сих пор существуют и даже выглядят почти как сто лет назад. Они легче, пули меньше, поэтому двухсотзарядным магазином никого не удивишь, пробивная сила такого оружия больше. А так то же самое: прицелился и нажал на спусковую скобу. Бум! – и нет шпиона. Даже без «бум». Только лёгкий свист. Порох, или, шире, сгораемые заряды почти не используются для ускорения пуль. Вместо них электромагнитный импульс. Исключение только для боеприпасов из композита, там металла нет, и применяется сгораемый заряд.

Ну, и средства активной и пассивной защиты тоже постоянно развиваются. Новые виды брони: электромагнитная, химическая... Помню, как первый раз электромагнитную в бою применили, тогда по индийскому крейсеру было выпущено порядка двухсот торпед. Ни одна до цели не дошла, все затормозились электромагнитным защитным полем. Конечно, очень массивный снаряд пробьёт поле, даже достаточное количество энергии сохранит для эффективного поражения цели. Но это должен быть *очень* тяжёлый снаряд, а такие в космос обычно не берут. Ну, а так стрелковое оружие против обычных живых мишеней – запросто. Даже и по костюмам

лёгкой защиты можно.

Экспериментировали-то много с чем. Например, боеприпасы с химическим воздействием, только броня тоже быстро развивается...

Недавно новая разработка появилась. РСВ-оружие. Разрушитель Сильного Взаимодействия. Знаешь, что это такое? Нет? Вам физику в школе не преподавали? Существуют четыре фундаментальных взаимодействия: гравитационное, электромагнитное, сильное и слабое. Сильное ядерное взаимодействие удерживает ядро атома от распада. Если его нарушить, цепной реакции не происходит, просто ядро распадается на частицы. Соответственно, например, клинком с РСВ-покрытием можно разрезать что угодно. В любую броню войдёт как горячий нож в масло. Только обращаться с ним сложно, умеют единицы, да и хранить нужно в специальных ножнах. Долго на воздухе держать не рекомендуется, а то молекулы воздуха начинают распадаться.

А космосе самое популярное оружие – лазер. Бьёт мощно, пристреливаться легко, боезапас безразмерный, если хорошая энергетическая установка. Его на Земле проблематично использовать, это ж дура такая... Нажал на спуск, и пошёл луч всё на своём пути прожигать, пока не рассеется. На планетах параллельно поверхности лазерный луч вообще не рекомендуется направлять.

С РСВ-пулями, кстати, такая же беда поначалу была. Один раз выстрелил, и летит себе сквозь всё подряд. Или

материалы программировали так, что РСВ-покрытие теряло свойства через секунду после выстрела. Только в последние годы научились пули делать с гироскопическим сердечником. Точно не понимаю этот принцип, но РСВ-покрытие теряет свойства, когда пуля проходит внутри живого организма пять-семь сантиметров, плюс ограничение полезного свойства во времени. Мы в «Дельте» пятнадцатисекундные пули используем. И металлические, и композитные.

– А можно автомат посмотреть? – вдруг спросил Коля.

Сергей достал оружие, протянул Коле.

– Вот. Не совсем автомат, правда. Оружие Универсальное, в просторечии «орушка». Здесь и между тремя магазинами переключаться можно, если разные боеприпасы использовать, и лазер есть, и ускорители трёх типов. Простая и надёжная штука. У нас в «Дельте» любят всё модернизировать, а «орушку» оставили как есть, сделано так, что ничего менять не надо. В «мозгах» только покопались для синхронизации системы прицеливания с нашими «Ратниками».

– «Ратниками»?

Офицер посмотрел на Колю как на идиота.

– Ты, что ли, по *телеку* одни мелодрамы смотрел? «Ратник» – стандартный экзокостюм всех российских правоохранительных органов и вооружённых сил. Модификации отличаются только. Увеличение всех физических возможностей плюс защита.

– А-а, – протянул Коля, – понятно. Типа, пятьсот кэгэ од-

ной рукой поднять можешь?

– Типа того, – согласился офицер. – Или прыгнуть на двадцать метров. Или луч маломощного лазера поглотить, да ещё и подзарядиться при этом.

– А нож РСВ у тебя есть? Пользоваться умеешь?

В руке офицера неизвестно откуда возник чёрный матовый короткий клинок. Послышалось едва различимое гудение, как будто от рассекаемого воздуха, а сам клинок подернулся маревом, словно сказочный меч.

– «Рэйвен». Произведение английского оружейного искусства. Таких всего двадцать штук изготовлено, специально для «Дельты».

Клинок так же непонятным образом исчез.

– Нельзя долго на воздухе держать, – напомнил Кельт. – Ну и так, по секрету... На некоторых частях «Грифонов», например, на носовом обтекателе, возможно формирование РСВ-покрытия. Это если на таран придётся.

* * *

Если хочешь, чтобы с тобой были откровенны, будь откровенен сам. В принципе, банальность и, по большому счёту, может показаться, что не работает. Иногда молчишь, а человека ну так несёт, так он разоткровенничается, что не знаешь, куда деваться. И бывает наоборот – ты перед ним или (что при определённых обстоятельствах даже хуже) пе-

ред ней душу наизнанку, а он или она так и остаются как будто совсем чужие или посторонние.

Но в общем и целом правило действует. Дмитрий давно это выучил и пользовался нехитрым приёмом: если человеку сказать восемьдесят процентов правды, то он это, скорее всего, воспримет как полную откровенность. Главное, что сказать и как подать. Только вот с профессиональным разведчиком – британским! это ж какая школа! – такое пройти не могло.

Встреча состоялась во Вьетнаме, в Сайгоне. Солнце палило нещадно, в былые времена на улице было бы градусов под сорок. Однако центр города мягко проветривался воздухом приятной температуры, а добавленные в него дерматические молекулы предохраняли глаза и кожу от чрезмерного воздействия солнечных лучей. От этого возникало ощущение лёгкой потери связи с реальностью. Там, где жил Дмитрий, такие технологии не использовались. И теперь палящее солнце, делающее всё, на что попадали его лучи, очень ярким и непривычно красочным, а тени зданий и деревьев резкими, совершенно не совпадало с ощущениями. Вот видишь такую картинку и ожидаешь зноя, а тебе просто очень хорошо.

Сайгон за последние пятьдесят лет дважды перестраивали. В первый раз из него сделали высокотехнологичный город, который оказался комфортным для жителей и гостей, но слишком уж утилитарным. А двадцать лет назад снесли почти всё, оставив лишь несколько исторических зданий, по-

строили заново, и город стал очень «вьетнамским», со множеством национальных акцентов в архитектуре. Только вот с бонсями, кажется, перестарались – их всегда в поле зрения находилось минимум три.

Улицы стали широкими, но не совсем ровными, как будто архитектор совсем не любил прямые линии, и вместо привычной для европейских городов травяного покрытия здесь был утрамбованный грунт. Едва тёплый, приятный, пружинящий: по нему хотелось бегать босиком.

И повсюду – толпы вьетнамцев в треугольных соломенных шляпах, на велосипедах. Многие взмокли от пота: видно было, что приехали из-за города, где нет регулировки климата и где действительно плюс сорок. И вот никак не изживается многовековой уклад вьетнамских деревень, несмотря на все усилия правительства. Все те же рисовые поля, и шелкопрядные фабрики, и рыбная ловля с корабликов с драконами на носках. И архаические обычаи, всё ещё включающие деревенский самосуд.

Хотелось погулять или посидеть на улице, но встречались адвокат и шпион в номере отеля.

– Мистер Фоли! – Дмитрий вежливо склонил голову.

– Мистер Смирнов! – ответный полупоклон был столь же любезен. – Пожалуйста, проходите. Искренне рад вас видеть.

– Это взаимно, мистер Фоли.

– Позвольте предложить вам чаю?

А Фоли остаётся англичанином! Пять часов вечера, ко-

нечно, чай, куда ж без него. Дмитрию, по правде сказать, такая приверженность традициям была приятна. История отношений Великобритании и России не изобиловала долгими периодами дружбы, может, таковых и не сыскать вовсе, конфронтации в этой истории было куда больше. Однако английскую культуру в России заслуженно уважали почти во все времена, да и по сей день уважают. Англичане же давно научились обращать свою культуру в деньги, впрочем, не в ущерб оной.

– Было бы замечательно. Храните верность исконно британским укладам? Это внушает уважение.

Фоли грустно усмехнулся.

– Как вы догадываетесь, мне приходится проводить много времени вдали от моей страны. А умеренное следование традициям помогает сохранить идентичность.

– Ну да. Неумеренное вас бы выдало.

Фоли налил адвокату чаю и немного подтолкнул в его сторону блюдо с печеньем.

– Угощайтесь, мистер Смирнов. Классические британские бисквиты.

– Благодарю вас. И очень ценю ваше гостеприимство.

– Английское гостеприимство, – Фоли расхохотался.

Дмитрий прищурил глаза и пристально посмотрел на собеседника.

– Хорошо-хорошо, – Фоли продолжал смеяться, однако взгляд его сделался серьёзным, – до этого дойдём. А ны-

нешняя миссия действительно для меня необычная. Можно оставаться англичанином. Вот ещё бы путешествовать под настоящим именем, так ведь не во всякое место поустят.

– Необычная миссия, – согласился Дмитрий.

– Помню нашу первую встречу, – вдруг сменил тему Фоли. – Признаюсь, удивили. Несмотря на тот конфуз, приятно иметь с вами дело. Это не только о вас лично.

– Мы также искренне рассчитываем на не меньшее удовольствие от сотрудничества.

– Вам удалось посмотреть наш сериал? На мой взгляд, получилось то, что требовалось.

Дмитрий похрустел печенькой и кивнул.

– «Друзья Его Величества». Прекрасный первый сезон! Мы уверены, что в нужное время он произведёт правильный эффект.

– В нужное? – Фоли нахмурил брови. – Это... когда?

Дмитрий вздохнул, взял свою чашку, поднялся и подошёл к окну.

– Когда сложится.

– Пожалуйста, мистер Смирнов. Давайте будем откровенны. Иначе мы ничего не достигнем.

– Хорошо, – Дмитрий кивнул и выдержал небольшую паузу. Решил начать с восьмидесяти процентов правды. – Религиозное движение «Чистота и честь» производит огромный социальный эффект. Люди объединяются в религиозные общины. Это вам наверняка и без нас известно. Но вот чего вы

можете не знать: общины готовятся к тому, что они называют самообороной от произвола вероотступников. Мы видим в этом зарождение ячеек экстремисткой организации. Боевые офицеры массово выходят в досрочную отставку и присоединяются к таким общинам в качестве инструкторов. Всё это развивается очень быстро. На это накладывается постоянная пропаганда якобы чистой веры. Ещё немного, и её будут интерпретировать как призыв к насилию в отношении вероотступников. Идеология сконструирована таким образом, что она, во-первых, дискредитирует власть, как духовную, так и светскую, а во-вторых, позволяет идеологам достаточно гибко назначать цели для атаки. Врагом веры может оказаться и конкретный человек, и социальная группа, и даже явление.

– Или научное или техническое достижение, – мягко проговорил Фоли.

– Или предмет или направление искусства. Выборочно. По мановению дирижёрской палочки.

– Православный экстремизм... – произнес Фоли задумчиво и откинулся на спинку кресла. – Это что-то новое.

Дмитрий вздохнул.

– Хорошо забытое старое. Только весьма усовершенствованное и оттого более страшное.

Фоли, продолжая сидеть в расслабленной позе, прикрыл глаза.

– Мистер Калинин считает всё это своей ошибкой, – осторожно предположил англичанин. – Возможно, так и

есть. Он же у вас в России отвечает за внутреннюю политику. Отвечал. Не сочтите за неделикатность, но движение возникло при его попустительстве.

– Наверное, так есть, – согласился Дмитрий. – Калинин полагает, что в соответствующее время не проявил достаточной жёсткости. Только, знаете, в России есть два главных вопроса: «Кто виноват?» и «Что делать?». Мы, – Дмитрий интонацией выделил местоимение, – предпочитаем сначала отвечать на второй, а потом возвращаться к первому.

Фоли выпрямился в кресле и сделал глоток все еще горячего чая.

– А первый вопрос не так плох. Думаю, мы могли бы вам здесь помочь.

– Вы о Ходыреве? Да, мы знаем, что он организатор всего этого.

– Но не знаете его целей, потому что вся ваша разведка уже давно находится под контролем людей Ходырева, а ресурсы «Дельты» недостаточны.

Опаньки. И что, скажет? Правду?

– Позвольте долить вам чаю? – с улыбкой осведомился шпион. И, не дожидаясь ответа, взял чайник, подошёл к Дмитрию и аккуратно наполнил его опустевшую чашку. Вернулся к своему креслу, налил чаю себе. – Возьмите еще бисквит, пожалуйста. Итак, Ходырев начал свой подрывной проект, насколько нам известно, не менее трёх лет назад. Суть его – создание управляемой террористической органи-

зации. Не радикальной, а такой, силу которой можно применять время от времени, и без явного центра управления. Цели две – захват власти в стране и дестабилизация. Шацкий подпал под влияние Ходырева, но не является его марионеткой. А вот Федоренко, даже если ещё не потерял самостоятельность, влиянию Ходырева подвержен в гораздо большей степени. Поэтому Шацкий скоро уйдёт в отставку, мы пока не знаем, как, а вице-президент Федоренко займёт его место. Думаю, вы этот вариант просчитали, когда ваш Президент впервые обозначил идею введения этой должности. Поэтому мы были удивлены, когда с отставкой Калинин всё прошло так гладко. Да, мы знаем, что Калинин обжаловал своё увольнение в Верховном Суде, но, – Фоли поморщился, – мы понимаем, что шансы на его восстановление малы, да и Ходырев, наверняка, учел и такой вариант.

Дмитрий слушал англичанина с непроницаемым лицом, но чашка в его руках еле слышно побрякивала о блюдец.

– Федоренко на посту президента Ходырева вполне устроит, – продолжил шпион. – Он сможет руководить страной в текущем режиме, правда, без особой стратегии развития. Ходырев будет провоцировать сложные ситуации, а потом помогать президенту Федоренко разрешать их, чтобы тот наращивал популярность среди народа. Как, кстати, это было организовано полгода назад на Камчатке. А потом Ходырев начнет обращаться к новому президенту с небольшими просьбами. Примется накапливать компромат, а просьбы бу-

дут становиться всё менее безобидными. Кстати, не знаю, известно ли вам, возможно, даже Федоренко об этом ещё не сказали, но у Ходырева есть доказательства того, что Федоренко сам спровоцировал неадекватное поведение тогдашнего министра, когда возник камчатский кризис, чтобы выставить себя героем. О том, что взрыв гейзеров был вызван искусственно, речи не идёт, а вот что Федоренко воспользовался ситуацией, доказательства сфабрикованы виртуозно.

– Есть ли информация по финансированию проекта? – спросил адвокат, неподвижно стоя у окна.

– Ходырев запустил этот проект сам, но тут же начал искать спонсоров, – сообщил Фоли. – К нам он, кстати, тоже обращался. Проект был воспринят Единым Арабским Государством. Они сейчас и являются основными спонсорами Ходырева. Им интересна дестабилизация в России для влияния на Китай. И, возможно, даже очень вероятно, экспорт терроризма в Европу.

Дмитрий теперь даже не пытался скрыть шок от услышанного.

– Ну и, – Фоли вдруг расплылся в широкой улыбке, обнажив белоснежные зубы, – нас всё ещё продолжает интересовать фотонный парус. И F-command второго поколения.

Дмитрий рассмеялся.

– Переходим к деловому разговору? Технологию фотонного паруса мы не обсуждаем, но, думаю, найдем случай продемонстрировать вам его в действии. То же касается F-

command второго поколения – пока мы не можем об этом говорить. Мы искренне благодарны вам за то, что вы сегодня рассказали. Это бесценная информация...

– Но не такая, за которую вы отдали бы технологию? – Фоли продолжал широко улыбаться. – По правде сказать, мы и не ожидали. На всякий случай спросил. Мы рады, что вам полезны сведения, которыми я поделился. Однако, думаю, мы могли бы для вас сделать кое-что ещё. Конечно, многое будет зависеть от того, что вы мне ещё расскажете. Но вернёмся к вопросу о гостеприимстве. Британское правительство готово предоставить политическое убежище господам, указанным в этом списке, а также иным, кого нам укажете вы или господин Калинин, – и Фоли протянул адвокату лист Флекса. Фамилии в списке шли по алфавиту, лишь первая начиналась на «К».

Дмирий быстро пробежал глазами лист.

– А десятка три «Грифонов» у вас припарковать можно будет? – проговорил он с едва сдерживаемой улыбкой.

– Дмитрий, – Фоли приблизился к нему почти вплотную, глядя прямо в глаза, – у вас в русском языке есть прекрасное выражение, – и он произнёс по-русски фразу с чудовищным, но оттого красивым, британским акцентом: – *А харя не треснет?*

– Это же шутка, мистер Фоли, – Дмитрий развел руками, как бы отмежёвываясь от сказанного, – на всякий случай спросил.

Фоли и эту шутку оценил своей британской улыбкой.

– Однако, мистер Смирнов, прежде, чем наше предположение станет предложением, думаю, вы понимаете, нам необходимо представлять, как вы видите дальнейшее развитие событий.

– Знаете, мистер Фоли, ресурсы «Дельты», конечно, малы по сравнению с мощью полноценной государственной разведки, но всё равно существенны. Хотите, назову вам дату отставки Шацкого? Девятое января. Через четыре с небольшим месяца.

Фоли удивлённо вскинул брови.

– Вы хотите сказать, события пойдут по сценарию тысяча девятьсот пятого года? А роль попа Гапона исполнит священник Стенька?

– Скорее всего.

– Очень интересно. А расстрел шествия правительственными войсками предполагается?

Дмитрий горестно вздохнул.

– Это уж как дело пойдёт. Однако финал в любом случае известен. Ходырев ожидает, что при любом развитии событий Шацкий в этот день уйдёт в отставку, а его место займёт Федоренко.

– А как будет на самом деле? – Фоли прищурился и напругся.

Дмитрий ещё раз тяжело вздохнул.

– И на самом деле так и будет.

Адвокат и шпион внимательно смотрели друг другу в глаза. Что ж, настало время для оставшихся двадцати процентов правды.

* * *

Повара... простите, кока... хотя... так тут всё напутано! Половина наименований корабельные, вторая половина авиационные, третья – обычные, штатские. То ли повар, то ли кок он бы назывался, без разницы, всё равно на «Джультете» не было ни того, ни другого. Еду изготавливали на «мимипиках» – тех самых 3D-принтерах. Рацион, надо сказать, был неплохой. Конечно, не натуральная еда и без изысков, гастрономических тонкостей не было и в помине, но всё равно вполне прилично. Разнообразно, полезно и индивидуально. Хочешь поострее или послаще, побольше или поменьше, овощи или мясо – просто выбери, что хочешь, из меню в пятьсот стандартных блюд и задай параметры. Можно и нестандартное, но это ж самому надо выдумывать... Выдумщики, надо сказать, находились. Тот же Хоанг, вьетнамец, такого, бывает, запрограммирует, что сначала не взглянешь без дрожи – ну так, чисто внешне, слизь с кашками, – а потом попробуешь, и возникает желание отобрать всё и сожрать. Он, правда, однажды попросил у мимипика просто обычные продукты, чтобы приготовить самому, но тот ему отказал. Жарить нельзя, можно заказывать жареное.

Вильгельм Забушек тоже пытался что-то изобразить, но получилось невнятно.

А вот Элли училась. У Хоанга, по книжкам, сама экспериментировала. Результат, надо сказать, оказывался таким, что его в меню не сохраняли, зато процесс был увлекательным.

Есть можно было когда угодно, расписания «завтрак-обед-ужин» не существовало, но сложившиеся коллективчики как-то старались собираться в столовой более или менее вместе.

Коля заранее заказал себе борщ и сосиски (прости, Пекиныч, это только сегодня) с картофельным пюре. И гранатовый сок. Когда он вошёл, сервировочный робот как раз установил на положенное место тарелку борща.

– Дам номер меню, сама закажи, – послышался голос Берни, который сидел за столом с Марком Розегналем, Джимом, Биллом и Энджелой.

– Жалко? – Энджела начинала злиться. – Немножко.

– Твоё «немножко» – полтарелки. Закажи себе. Могу тебе заказать. Хочешь?

Ох уж эти перепалки! Ну, обыкновенная история: у Билла, как всегда, вкусно, Энджела, как всегда, заказала ерунду. И каждый раз она просила у Билла кусочек, потом ещё, и так Билл и оставался с половиной порции. И ведь несложно же Энджеле заказать то же, что и у Билла, и готовиться это будет от силы пять минут, и заказанное ею можно просто отправить в переработку, не нужно экономить, но вот ей-то лишь

попробовать! Не может же она признаться, что ошиблась с заказом. Да, не меняются люди из века в век...

В столовую вошла Элли.

– Элли! – приветливо помахал ей Энрике, который сидел за столом с Колей. – Кого из команды заказала себе на обед?

Все, кто был в столовой, рассмеялись. Даже Энджела.

И в этот момент вошёл Вильгельм Забушек.

Вильгельму было около шестидесяти, но выглядел и, видимо, чувствовал себя он отлично и делал вид, что гораздо моложе. Всё это давалось ему само собой, без труда, видимо, генетика. Выглядел он действительно по-мужски прекрасно – высокий, спортивная фигура, седые, жёсткие, слегка вьющиеся волосы и немного смуглое, и как будто слегка обветренное лицо. Мачо! А ещё и работал здесь менеджером по организации труда. Но всё портил характер.

Вот и сейчас, увидев смеющихся людей, он напрягся, а уж когда обнаружил, что все взгляды направлены на него (что было естественно, он же только что вошёл, и все посмотрели, кто вошёл), его ноздри гневно раздулись.

– Надо мной смеётесь? Да? – он обвёл присутствующих тяжёлым взглядом.

Коля хотел красноречиво пожать плечами, чтобы ещё больше смутить Забушека, но решил не выделяться.

– Кстати, здесь те, кто мне нужны, – голос менеджера по организации труда подрагивал, было в нём и раздражение на ситуацию, и страх выглядеть глупо, и желание продемон-

стрировать превосходство, и страх, что не получится, и он опять будет выглядеть глупо. – Решил поменять порядок.

Элли уселась за стол рядом с Колей и с вызовом посмотрела на Забушека. Она тоже ничего не сказала, хотя выделяться ей было можно и иногда даже нужно. Однако её прямой взгляд из-под слегка прищуренных ресниц и вздёрнутый подбородок неприкрыто говорили о том, что ничего хорошего она не ждёт. Особенно имея в виду, что Забушек пытался её соблазнить и кнутом (должность позволяла), и пряником, а она ему методично отказывала, причём об этом все узнали, как ни странно, от самого Забушека. Вот есть такой тип людей. Смотрят на себя в зеркало и каждый раз искренне удивляются, почему им девушки отказывают, а главное, не находят в этом логики.

– Пойдёте дублёрами второй вахты. На обход буёв. Физик тут вместо по зап-связи. Билл, австралиец, геолог и Энджела. И Билл. Или Билла сказал?

Коля не выдержал и поморщился. Забушек и так-то говорил не ахти, а тут ещё от волнения не только слова напутал, но и последовательность изложения оказалась совсем уж неприемлемой.

Элли мило улыбнулась и быстро захлопала ресничками.

– То есть, уважаемый менеджер по охране труда Вильгельм Забушек, вы хотите сказать, что присутствующие здесь сотрудники нашей третьей вахты, названные вами, кое-кто даже дважды, чьим должностям имеются аналоги во второй

вахте, должны будут подчиняться дебильным приказам менее опытных коллег, тем самым значительно затрудняя и очевидно снижая эффективность миссии, а то и ставя её под угрозу? А нестандартные технические ситуации будет решать не опытный физик прямо на месте, а не видевший реальной жизни молокосос, который об Уране хорошо, если фильм посмотрел? Да ещё и дистанционно, по дебильным описаниям ситуации в исполнении менее опытных коллег из второй вахты? Ах да, чуть не забыла! У нас же два устройства зап-связи на базе, и если одно потеряется, а шансы на то большие, потому что устройств радиосвязи в подобных экспедициях было потеряно великое множество, то ничего страшного, одно же устройство зап-связи на базе ещё останется! А там, глядишь, через годик-другой с Земли новое пришлют, оттуда же рейсы приходят ещё быстрее, чем бюджеты согласовываются!

Это было неpolitкорректно. Вообще. Такое на «Джультете» могли себе позволить только Элли из-за своей природной язвительности и безбашенности и сам Забушек силу очень плохого характера и отсутствия инстинкта самосохранения. Ну, и Энджела по глупости. Хотя, нет. Позволить себе такое на базе мог каждый. Потому что за это ничего не будет.

От такого количества слов, пусть даже каждое в отдельности было ему знакомо, использованных в одном предложении с необычной для него сложносочинённой структурой, Забушек (память услужливо подбросила Коле походя-

щее слово) опух. Он захлопал глазами и шумно задышал.

Коля бросил взгляд на Энрике, надеясь, что тот, как обычно, сейчас что-нибудь придумает, и всё само собой наладится. Ситуация действительно создалась нештатная.

Энрике был изобретателем. Такая у него была должность. По нынешним временам профессия не сказать, что заурядная, но и далеко не экзотическая. Формально она называлась «прикладной физик», по сути же его работа состояла в том, чтобы находить пути решения нестандартных технических ситуаций. Например, отремонтировать что-то, когда под рукой нет необходимых запчастей, но требуется срочно восстановить работоспособность устройства.

Например, однажды на космическом телескопе он исправил электрическую поломку механическим способом. В его распоряжении имелся тогда лишь небольшой «мимипик», а телескоп астрономам понадобился неотложно, поскольку что-то с чем-то находилось под каким-то градусом на ограниченное время, за которое изготовить новую деталь привода на «Джельетте» и доставить на орбиту уже не успевали. Энрике тогда смастерил механический привод, подключавшийся к другому работающему устройству синхронно, однако с частотой в полтора раза меньшей. Несколько рычагов и шестерён, ну, и крепление. По сложности конструкцию можно было сравнить с простыми механическими часами. Но это в открытом космосе и в небольшом грузовом отсеке шаттла, за два часа от осознания проблемы до полного ее решения!

Любимой же частью его работы было практическое применение новых технологий или физических открытий. По правде сказать, перепадало такое редко. Наверное, раньше, когда он слышал о чём-то новом, у него загорались глаза. Но здесь, на «Джульетте», где обыденное спокойное состояние нормальные люди назвали бы унылым, его глаза загорались уже нечасто и лишь на мгновение.

Он продолжал мыслить, иногда даже пытался что-то новое выдумать, мог бродить часами среди чертежей, подправляя, меняя, стирая и рисуя заново, но потом всё-таки позволяя автоматике «отполировать» его новые разработки, вот только в результате ничего принципиально нового не возникало. Конечно, многие его технические решения оказались действительно оригинальными и были высоко оценены на Земле, а два даже вошли в инструкции о действиях в нестандартных ситуациях, однако Коле было отчётливо видно, что запала, интереса к жизни и к творению Энрике не достаёт. Давно и, может быть, уже безысходно.

Так вот, об Энрике и нерядовой ситуации.

На всей поверхности Урана по определённой системе были расставлены навигационные буи. Эти сложные технические устройства выполняли основную функцию – находиться строго в своей координате для навигации «Джульетты» и других транспортных средств, перемещавшихся по поверхности планеты или над ней. Буй имели связь с группировкой спутников и свои координаты определяли с точностью до

пяти миллиметров. Каждый буй был оснащён двигателями, несколькими движителями (они могли перемещаться практически по любой твёрдой и жидкой поверхности), аккумуляторами, генераторами, устройствами крепления к поверхностям, радиоприёмниками и радиопередатчиками, мощными источниками света для установления оптического контакта и много чем ещё. Кроме того, каждый буй оснащался несложным физико-химическим оборудованием, способным определить силу ветра, температуру и состав поверхности и атмосферы и несколько других параметров, поэтому буи использовались ещё и в научных и метеорологических целях. На некоторых также устанавливались блоки для проведения научных экспериментов, в данном случае – биологических. И вишенка на торте: на каждом бую размещался НЗ – топливо для скутеров, автономный отопитель, способный поддерживать приемлемую температуру внутри скутера в течение недели, незамысловатый набор лекарств, три скафандра, набор для ремонта скафандров и питание на десять человеко-дней с примитивным устройством для разморозки. Буи представляли собой динамическую конструкцию, которая могла меняться в зависимости от условий и задач, в шарообразном состоянии его диаметр составлял примерно восемь метров. Первые несколько дней буи оставались красными, ну, а потом, понятное дело, становились никакими.

Буи были простыми и надёжными, однако из-за экстремальных условий эксплуатации то одно, то другое выходило

из строя. Профилактику и ремонт в стандартных ситуациях обеспечивали дроны, однако и люди на буи наведывались, чтобы что-нибудь отремонтировать или просто так, в целях отработки чего-то там, что одному Забушеку было, ну, или должно было быть, достоверно известно. Обычно к бую отправлялось три-четыре человека на небольшом шестиместном скутере. Как правило, экспедиции посещали буи в том же полушарии, в котором в тот момент находилась «Джультта», но даже при том экспедиция могла длиться до трёх недель. Это было одним из самых опасных мероприятий из всех регламентных работ, поэтому команды на буи составлялись, как правило, из опытных специалистов.

Что же предложил Вильгельм Забушек? Судя по всему, он задумал отправить в экспедицию совсем неопытных в этом деле сотрудников второй вахты, а для подстраховки снарядить с ними тех, кого он перечислил, из их, четвёртой, вахты. То есть, большой пятнадцатиместный скутер, более прожорливый и менее манёвренный, и кучка непуганых дилетантов с раздутым эго, которых, ух ты, послали на такое сложное задание, жаль только, это старичё под ногами вертится. Основываясь на горьком опыте, не шло речи о том, чтобы более профессиональные сотрудники выполняли работу, а новички учились. Нет! Забушек обязательно настаит, чтобы молодняк реально выполнял работу, а профессионалы из четвёртой стояли за спинами и морщились, но ничего не говорили. А попробуй ослушаться – тут же из премии двадцать

процентов вычтет, и обжалуй потом путём обмена электронными сообщениями с непредсказуемым результатом по радиосвязи полтора года.

Энрике обречённо вздохнул. Эх, тяжело ему. А потому что больше некому. Элли вспылит, Колю Забушек не послушает, да и выделяться нельзя, а остальные просто не смогут сформулировать. Ситуацию разруливать надо, и кроме него, Энрике, некому, даже если это и в тягость.

– Господин Забушек, – проговорил Энрике, рассматривая поверхность стола, – надеюсь, в речи Элли вы увидели суть. Не только эмоции. Сотрудники второй смены неопытны. А экспедиция опасна. По-настоящему опасна. Шанс погибнуть в ней составляет двадцать восемь процентов.

– А никто за всё время! – язвительно прошипел Забушек. – Не погиб. Ваша статистика...

– ... основана на учёте опыта сотрудников. С какой вероятностью обычный человек сможет управлять организацией труда на «Джульетте»? Даже если прочитает подходящий учебник? А с какой вероятностью то же самое сделает человек с вашим опытом? Вот то-то и оно. Эффективность зависит от опыта.

Забушек замолчал и внимательно смотрел на Энрике, обдумывал услышанное. Энрике дал ему время на осмысление и продолжил:

– Мы целиком и полностью поддерживаем вашу идею о том, чтобы новые сотрудники приобрели опыт. Однако в

других ситуациях, я это видел, обычно с опытной командой отправляют одного или двух воспринимателей опыта. Не больше, чтобы в критической ситуации их можно было спасти. Четырёх спасти гораздо сложнее, – Энрике сделал ещё одну паузу. – Господин Забушек, можно вас попросить? Может быть, методику шокового погружения в реальность мы отработаем в неэкстремальных условиях? Методика великолепная, но вот ответственность за человеческие жизни... Вас же потом обвинят. И ещё... про ремонт буя неопытным сотрудником по командам другого неопытного сотрудника с Земли... вы же знаете, зачем нужны буи... это же не тренажёры. Пожалуйста, простите, я непрофессионал в вашем деле, но, может быть, мои мысли будут полезны...

Энрике замолк, взял вилку и принялся лениво ковыряться в тарелке.

Забушек молча развернулся и вышел.

– Энрике, – прошептала Элли, но прошептала громко, и все услышали. – А про двадцать восемь процентов откуда? Я о таком не слышала...

Энрике горестно улыбнулся.

– Только что выдумал.

* * *

– Джентльмены, госпожа премьер-министр ожидает вас, – секретарь учтиво поклонился и жестом указал на дверь ка-

бинета.

Кристофер Мэй, глава Секретной разведывательной службы МИ-6, и агент Ричард Фоли вошли в кабинет, ступили на бордовый ковёр, который начинался сразу от двери, и замерли в ожидании предложения пройти.

Патриция Томпсон, премьер-министр Соединённого Королевства, стоявшая до того у окна в задумчивом созерцании вороны, пьющей из лужи посреди Даунинг-стрит, развернулась к гостям и вежливо улыбнулась. Томпсон недавно сравнялось сорок девять. Она была среднего роста, и невысокие каблукы это лишь подчёркивали. От природы красивая и стройная, она выглядела так хорошо, как позволяли современные средства медицины и косметологии. Другими словами, выглядела она прекрасно, но возраст, имея в виду указанные обстоятельства, легко угадывался, как и то, что Патриция Томпсон этим обстоятельством немного обеспокоена.

Премьер-министр быстро подошла к гостям. Первым она пожала руку Мэю, и тот слегка склонил голову в вежливом поклоне.

– Мистер Мэй, рада вас видеть.

– Рад видеть вас, – быстро проговорил глава МИ-6. – Позвольте вам представить, агент Фоли.

Томпсон обратила свой взгляд на Фоли, посмотрела ему прямо в глаза и чуть шире улыбнулась.

– Рада встрече с вами, агент Фоли.

В голосе премьер-министра Мэю послышалась лёгкая ирония. Они так и продолжали стоять у самых дверей в ожидании предложения пройти, а Томпсон тем временем опять повернулась к Мэю и вежливо, но настойчиво проговорила:

– Благодарю вас, мистер Мэй.

Замешательство главы МИ-6 (премьер-министр ясно дала понять, что хотела бы продолжить беседу с агентом без него) длилось долю секунды, ровно столько, чтобы госпожа премьер-министр это заметила.

– Конечно, госпожа премьер-министр. Искренне рад был встретиться с вами. Если у вас будут ко мне какие-либо вопросы или поручения, пожалуйста, дайте знать.

Мэй, пятясь назад, потому что к премьер-министру невежливо поворачиваться спиной, вышел из кабинета. Дверь за ним закрылась, и премьер-министр и агент остались наедине.

– Располагайся, Дик, – Патриция жестом указала на уголок, где стояли невысокий столик, сервированный для чая, и два кресла. – Пожалуйста, чувствуй себя свободно, – она усмехнулась. – Можешь даже ноги на стол положить, я не скажу Мэю.

Ричард склонился к руке Патриции, взял её в свою руку и легко коснулся губами тыльной стороны её ладони, а она легко потрепала его по волосам.

Они опустились в кресла. Ричард примостился на краешке, выпрямив спину. Патриция же, напротив, уселась глубоко-

ко и закинула ногу на ногу. Юбка задралась заметно выше колена, но Патриция не стала её поправлять. Взгляд ее был весёлым и ироничным.

– Прекрасно выглядишь, Патриция, – сказал Фоли с искренней улыбкой.

– Пэт. Дик, ты же называл меня Пэт. Крошка Пэт...

– Минутку, – Ричард расплылся в улыбке, – крошкой не я тебя называл. Ты меня с кем-то путаешь.

На щеках Патриции на секунду выступила краска.

– Ой, – спохватилась она, – прости. Вечно вас путаю.

И они весело рассмеялись вдвоём.

– Это ты прекрасно выглядишь, Дик, – вдруг сказала Патриция. – А я...

– Пэт, – Ричард перегнулся через стол и взял двумя руками её ладонь, – ты очень красивая женщина. Вот что я тебе скажу. Может быть, уже прошло время комплексов? Может быть, уже достаточно ты видела в жизни свидетельств своей красоты? Поверь тем людям, которые считают тебя красавицей. Начиная с меня, надеюсь, моё мнение для тебя всё ещё значимо. И поверь миллионам избирателей-мужчин...

– А они-то при чём? – Патриция вскинула бровь в искреннем удивлении.

– Как при чём? – столь же искренне удивился Фоли. – По-твоему, они голосовали за тебя из-за твоей предвыборной программы?

И они опять рассмеялись.

Они пили чай и вспоминали колледж, юность. Они могли себе позволить на это не больше четверти часа, но наслаждались каждой минутой. И, конечно, им не хватило бы и сто раз по столько.

Наконец, вдоволь насмеявшись и сделав очередной глоток чая, Томпсон перевела разговор:

– Ну, что там с Россией опять?

Фоли моментально сменил тон на деловой, хотя ни один из них и не делал вид, что предыдущих пятнадцати минут не было.

– Думаю, тебе доложили об этом деле полно и достоверно.

– И всё-таки, пожалуйста, изложи в двух словах. Чтобы удостовериться, что мы ничего не упускаем.

– Хорошо, – Фоли взял в руки чашку с блюдцем, продолжая сидеть на краешке кресла. – Три года назад в России появилось религиозное движение «Чистота и Честь». Декларируемая цель движения – очищение церкви от греховного мирского и возвращение подлинной веры. По сути, это призыв к жизни строго по Новому Завету в самом консервативном его толковании. Однако в скором времени их предводитель, Пророк Стенька, начал призывать истинно верующих к более активным действиям, а именно к насильственному насаждению жизни по канонам. Этим движением были сформированы дружины, внешне разрозненные формирования, но жёстко координируемые кабинетом Стеньки. В качестве инструкторов дружины используют отставных военных и по-

лицейских, которых привлекают высокой оплатой.

Должен сказать, и идеологическая машина у «Чистоты и Чести» работает эффективно. Многие присоединяются к дружинам, или просто к движению, сочувствуя идеям, проповедуемым Стенькой. Этот молодой священник тонко уловил общественный запрос – действительно, русский народ истосковался по высоконравственному. Это в природе русских – вести себя непотребно и одновременно с тоской мечтать о высоком.

По сути же, сформированы террористические ячейки, любую из них можно привести в действие в любое время. Причём эти ячейки поддерживаются уже заметной частью населения. Нам известно о нескольких фактах неповиновения полиции.

– Неповиновения? Полиции? – Патриция вскинула бровь. – Немыслимо.

– Именно так. Полиция же попустительствует.

– Как такое возможно?

– Это, Пэт, и есть самая интересная часть истории. Думаю, ты уже слышала имя: Игнат Рафаэлевич Ходырев. Один из богатейших людей мира. Нам достоверно известно, что «Чистоту и Честь» создал именно он. Стенька лишь его марионетка. Мы не знаем достоверно его главную цель. Возможно, он сам допускает вариативность. Однако определённно, что ближайшая его задача – захват власти в России. Он уже готовит марионеточного президента.

Премьер-министр медленно встала и в задумчивости подошла к окну. Агент моментально вскочил на ноги, однако остался стоять у столика.

– Дик, а разве захват власти – это не цель сама по себе?

Ричард немного прошёлся, свёл и расправил плечи, разминаясь.

– Ходырев расшатывает страну. Нам известно, что его команда прорабатывает планы уничтожения элементов систем снабжения и коммуникации, причём речь о населении. Центральный банк разрабатывает планы масштабной денежной эмиссии, которая никак экономически не обоснована, она лишь обесценит деньги. Ну, и сеяние раскола в обществе. Итогом всего этого будет ослабление страны.

– Кому выгодно?

– Госпожа премьер-министр, – агент широко улыбнулся, – думаю, это вопрос к дипломатическому ведомству. Но большую часть финансирования Ходырев получил от Объединённого Халифата.

– Да... – задумчиво проговорила премьер-министр. – Вопрос задали и ответ уже получили... Всё как сто лет назад, только наоборот. Террористы-христиане и кроткие мусульмане, спонсирующие их. И во всё это русские пытаются втянуть нас.

– А мы вынуждены втягиваться, – Ричард обречённо склонил голову. – Проповедники, подобные Стеньке, уже появились в Австро-Венгрии и Болгарии. Не настолько радикаль-

ные, однако и Стенька поначалу таким не был. Можно лишь предполагать, что будет дальше. Русские предложили план противодействия этой угрозе, впрочем, авантюрный. Хотя, кто когда-нибудь видел не авантюрный русский план?..

– Дик, а почему они предложили всё это через тебя? – неожиданно спросила Патриция и, обернувшись, посмотрела ему прямо в глаза.

– Потому что им нужен новый секретный канал коммуникации. Русский Президент ведёт себя пассивно, он не будет говорить с мировым сообществом напрямую. Даже секретно с лидерами ведущих государств. Главы Германии, Италии и Чехии уже пытались это сделать – безрезультатно. А существующим теневым каналам связи ключевые игроки, их уже можно называть оппозиционерами, не доверяют.

– Это ты уже мистера Калинкина называешь оппозиционером? – Патриция искренне улыбнулась.

– Уже да, – согласился Дик. – И госпожу Дворянцеву, и ещё некоторых людей. Пусть «оппозиция» будет условное обозначение, хорошо?

– Хорошо... и всё-таки...

– Почему я? Сложно сказать...

– ... но они точно сделали правильный выбор, – закончила фразу Патриция. – Ты честен, не связан с политическими группами, но хорошо в них разбираешься, знаешь, к кому и с чем обратиться, и у тебя в юности была связь с премьер-министром, и у последней сохранилось к тебе расположение и

доверие, – Патриция говорила об этом, глядя ему в глаза открыто и доброжелательно, поэтому неловкости не возникло.

– Думаешь, они знают про нас, прошло почти тридцать лет? – спросил Ричард и осёкся. Вопрос был риторическим, и Патриция не стала на него отвечать.

– Надо сказать, русская разведка хорошо поработала. Или это не разведка?

Дик пожал плечами, задумался и продолжил лишь после небольшой паузы.

– Не уверен. Ты когда-нибудь слышала об отряде «Дельта»?

– Что-то... – Патриция наморщила лоб, вспоминая, – что-то...

– Это подразделение русского ФСБ. Формально подчиняется директору ФСБ, однако, не знаю, как это оформлено официально, командование передано помощнику президента. Скорее всего, помощник президента занимает в ФСБ какую-то должность. Кстати, этот помощник, я говорю о Калинин, и создал «Дельту». Отряд очень специфичный. Все служащие наивысшего уровня – и боевой состав, и штабной, и гражданские сотрудники. Они набирают лучших из лучших, причём не только по боевым навыкам, но и по моральным качествам, и также огромное значение придают интеллектуальным способностям. Не удивляйся, – Ричард слегка улыбнулся в ответ на немой вопрос с привычно вскинутой бровью, – у этого отряда есть одна специальная функ-

ция. «Дельта» испытывает в боевых условиях инновационные технологии. Оружие, средства защиты и так далее. Их основные боевые машины, «Грифоны», вообще сконструированы так, что на них можно легко установить практически любое оборудование, любое вооружение, а потом так же легко демонтировать. Сейчас, например, они испытывают в качестве оружия ближнего боя наши «Рэйвены». Ты знаешь, о чём я.

– И у них есть своя разведка? Это большой отряд?

– В отряде пятьдесят три человека боевой состав, включая штабной, и двадцать два гражданских сотрудника. Хотя, даже для штабного офицера обязателен минимум пятилетний боевой опыт в «горячих точках». Разведки своей у «Дельты» нет. Она им и не нужна, они с успехом шпионят за основными разведками мира, пользуются чужими разведанными.

– Боевой опыт... – проговорила Патриция в задумчивости. – Мои родители после Войны думали, что вооружённых конфликтов на Земле уже не будет. Наверное, так думает любое послевоенное поколение. А войны то и дело вспыхивают.

По периметру комнаты пробежала едва заметная зелёная пунктирная подсветка. Патриция виновато посмотрела на Ричарда.

– Я понимаю, – он кивнул и едва заметно вздохнул. – Через десять минут очередной посетитель. Если позволишь, девять из них, или меньше, я потрачу на то, чтобы изложить просьбу мистера Калинкина.

– А мне казалось, с Министерством иностранных дел все вопросы решили, разве нет?

– Не совсем. Он просит созвать закрытое заседание Этического Совета Лиги Наций.

И агент Секретной разведывательной службы изложил премьер-министру подробности просьбы. Окончив и выслушав мнение собеседницы, он отрицательно ответил на её вопрос о том, не выжил ли мистер Калинин из ума от старости или последствий контузии, аргументировав отчасти прагматическими, но гораздо более романтическими соображениями. Знал хитрый лис, к кому обращаться.

– У нас меньше минуты, – Патриция стояла у окна, опершись о подоконник, и грустно смотрела в пол. – Дик... я так рада была сегодня... я не сказала, но ты просто... любая женщина...

– Пэт, – Дик ласково улыбнулся. – Хочешь, поужинаем сегодня? Можем куда-нибудь сходить, или я могу приготовить. В Испании я хорошо научился готовить.

Глаза Патриции загорелись.

– Только у меня дома... – Ричард виновато улыбнулся. – С моей работой там не очень обжито. Хотя...

– Приходи ко мне, – с готовностью откликнулась Патриция. – Я сегодня освобожусь...

– ... в десять вечера после заседания Совета по охране природы. Дома будешь в четверть одиннадцатого. К этому времени всё будет приготовлено.

– У меня дома? Дик... я предупрежу охрану...

– Да можешь не предупреждать, – он махнул рукой, – если что, придумаю что-нибудь, но без ужина тебя не оставлю. Я же всё-таки суперагент.

Внезапно он оказался рядом с ней, коснулся губами её щеки, а через мгновение бесшумно исчез за дверью.

* * *

Коля когда-то слышал фразу о том, что вся драматургия строится на семи сюжетах: «Золушка», «Гадкий утёнок», «Победа над чудовищем» и так далее. Услышал и забыл, но, видимо, отложилась в пассив, а сейчас вспомнилась. Точнее, недавно задумался.

За год на Уране он успел прочитать много книг, в основном русскую классику, и вот задумался – а ведь и жизненные ситуации, практически все, укладываются в ограниченное количество стандартных сюжетов. Вот «Джульетта». Относительно небольшое количество людей, по сути, заперты на годы в консервной банке. «Дом-2» в натуральную величину, да без сценаристов! Просто рай для психолога! А ничего нового, такого, чего Коля не видел бы в прежней жизни столетней давности, и ничего, что не было бы описано и буквально разобрано на атомы в книгах классической литературы.

Кстати, о людях в консервной банке. Коля как-то задумал-

ся, что здесь, на базе, люди в одном месте, но не вместе. Есть сообщества по интересам (один курительный клуб с группой поддержки чего стоит!) или по каким-то совпадениям, но нет чего-то объединяющего. Вот казалось бы – вместе в трёх миллиардах километров от Земли в экстремальных условиях. А вот не вместе. Должна быть общая цель, а её нет. Геологи чем-то там занимаются, а никому не интересно. Задача водителя скутера – доставить геолога до определённой точки поверхности, а уж зачем ему туда, водителю безразлично. Даже сам геолог просто выполняет отбор проб по критериям, указанным с Земли. В общем, каждый делает что-то своё, а когда делают несколько, то одновременно, а не вместе.

Почему так? Наверное, с самого начала Земля не дала сотрудникам «Джульетты» достаточной свободы действий, стремясь контролировать как можно больше, а местное руководство вообще как-то не заморочилось «погодой в доме». Штатный психолог на «Джульетте» был, но он попал сюда так же, как и все остальные, по остаточному принципу – на Земле места не нашлось, а тут хоть что-то. В итоге он вносил свой вклад в создание атмосферы «болота», причём вклад весомый, потому что профессиональных знаний хватало не только на то, чтобы активно поддержать общее уныло-спокойное настроение, но и с научной точки зрения объяснить его неизбежность.

Есть и сюжет про дурака с инициативой. Вильгельм Забушек постоянно придумывает «нестандартные решения»,

причём весь смысл именно в нестандартности, без ключевого для правильных нестандартных решений полезного эффекта.

А вот и конфликт отцов и детей. Вечером того же дня в кают-компании, как всегда в это время, собралась вся их, простите за тавтологию, компания. Минж и Билл пытались играть в го, Элли пыталась их отвлекать, Коля рассматривал Элли и краем глаза наблюдал за игрой, Азуми пыталась о чём-то (а получалось ни о чём) говорить с Берни и Джимом, а Энрике устроился в кресле с флексом в руках, расположил поблизости чашку чёрного кофе и закинул ногу на ногу. Коля подумал, что вот так он вполне естественно бы смотрелся в университетской библиотеке, непременно с настоящей книгой в кожаном переплёте и с натуральным свежесваренным кофе в белой фарфоровой чашке. Но здесь были лишь флекс и обычная композитная «непроливайка» с небольшим магнитиком в днище, да синтетический напиток с точно выверенными органолептическими свойствами, почти идентичными натуральному кофе.

Энджела вошла в кают-компанию неожиданно, прямо-таки ворвалась и тут же с силой запустила в стену свой флекс. Тот был лёгким, парусность опять же большая, в общем, до стены он не долетел. Это примерно как лист бумаги швырнуть. Энджела подхватила флекс с пола, подцепив лишь со второго раза, и опять попыталась зашвырнуть.

Она секунду подождала, пока кто-нибудь заинтересуется

причинами, и, не дождавшись, выпалила:

– Неблагодарные!

– Кто? – обречённо, со вздохом, спросил Энрике.

– Эти выродки, Крис и Джули!

Крис был сыном Энджелы, Джули – дочерью. Им было соответственно двадцать два и двадцать, и они жили там же, где и Энджела до отправки на Уран, – в Южной Африке. Отец Криса и Джули ушёл, когда они были маленькие, но держался на глазах и иногда приходил поужинать. Энджелу устраивал социальный минимум для себя, но не для своих детей, и она изо всех сил старалась. Сначала, когда дети немного подросли и их стало можно отдать в детский сад, хотя бы социальный, она, несмотря не более или менее приличное образование и кое-какой опыт, работала на нескольких очень малооплачиваемых работах. Мыла животных в зоопарке днём, когда дети были в детском саду, а по ночам обшивала кожей штурвалы и рукоятки для роскошных палластрумов, в создании которых непременно должна участвовать ручная работа. Потом, наконец, устроилась навигатором в небольшой порт в том захолустье, где они жили. А по ночам всё равно продолжала шить.

Потом появилась эта работа на «Джульетте», за которую платили не огромные, но гораздо большие деньги, а дети к тому моменту подросли достаточно, чтобы их можно было оставить без мамы. И пять лет назад Энджела улетела. Работа на Уране в течение десяти лет гарантировала неплохую

пожизненную пенсию, Энджела на неё рассчитывала, поэтому всю зарплату расходовала на жизнь и образование детей. Благодаря хорошему репетитору Крис сумел получить беззалоговый кредит на поступление в колледж, но за образование Джули приходилось платить Энджеле, банк посчитал кредит на образование Джули рискованным. Ну и хорошо. Всё равно это платные колледжи, а не социальные, после которых работу по специальности не найдёшь.

Тем временем Крис закончил колледж и не просто нашёл работу по специальности, а стал инженером-материаловедом, если конкретно, то занимался физико-химическими процессами переработки материалов для «мимипиков». Он оказался талантливым специалистом, его знания и приобретённые во время работы, которую он совмещал с обучением, навыки оказались востребованы, и ему была предложена работа с высокой зарплатой. За два года он хорошо себя зарекомендовал, и его и так не самая маленькая зарплата ещё выросла. Он довольно быстро расплачивался с кредитом, помогал сестре, а неделю назад приобрёл себе собственный новенький паластрум «Красная пальма» – не эксклюзив, но и не массовая марка.

Крис сбросил матери снимок: он и Джулия на фоне паластрума, и Энджела развернула его на обозрение всем присутствующим. Дети, в смысле, молодой человек и девушка, стояли, обнявшись, и светились от счастья. Ну, а снежно-белый паластрум сверкал маленькой красной пальмовой вет-

вью на борту.

– Энджела, – осторожно проговорил Коля, – может, чего-то не понимаю... (Ох уж этот аборигенский! Как же они без «типа» и «как бы» обходятся!) Но ты, наверное, радоваться должна. Это твой сын. У него успех.

– Да? – Энджела язвительно улыбнулась. – А он за меня порадовался? Сильно? Когда я на двух работах! Потом здесь! Образование на мои деньги...

– И? – Коля вопросительно посмотрел на неё. – Ты для чего ему образование оплачивала?

– Чтобы образование получил! – так же с вызовом выпалила Энджела.

Ну да. Конечно. Очевидно же.

– Ты хотела, чтобы дети жили, как ты? Или лучше, чем ты?

– Ой, да моей жизни! Да ты не видел, как я жила! Убожество! Я хотела, (чтобы) мои дети (жили) не в убожестве!

Колино сознание привычно восполняло пропущенное Энджелой на аборигенском.

– Ну вот, ты и добилась. Крис сам себя обеспечивает, причём неплохо. И у него по жизни хороший старт. Помогает сестре. А ты...

– А я вообще теперь не нужна?!

– Энджела, – спокойно проговорил Коля, – он зачем тебе эту фото... (вот ведь сила привычки!) – это изображение прислал?

– Похвастаться! Вот я какой диаловый! Все смотрите!

– Нет, Энджела. Он хотел, чтобы мама за него порадовалась. Чтобы близкий, любящий и любимый...

– Да вот ещё! Кто там кого! Да он слово «любовь»...

– А такова природа мальчиков, – с улыбкой вмешался в разговор Энрике.

Коля, воспользовавшись паузой, огляделся. Разговоры в кают-компании замерли, дела остановились, и все следили за диалогом. То есть, теперь уже... Как это, когда трое общаются? А, неважно.

– Мальчики проявляют любовь не обязательно сюсюканьем. Может быть, ты и сама его воспитывала...

– Сама, конечно! Кто ещё мужское воспитание даст!

– Он любит тебя, Энджела, – продолжал Энрике. И говорил он так, что не верить ему было нельзя. Так, как он всегда говорил. – Ник прав. Ты делала всё, чтобы дети добились успеха в жизни. Чтобы стало именно так, как сейчас. И ещё, не нужно ревновать. Наши дети должны быть *лучше* нас. Ты же хотела быть лучше своих родителей? И это правильно. Мир должен развиваться, а значит, дети должны быть лучше нас. Умнее и правильнее. Ты показала идеальный пример, Энджела, каким должен быть сын. И ведь он... он же правда хотел поделиться с тобой радостью. И уж точно, прости за откровенность, не хотел вызвать ревность.

Энджела вздохнула и опустила голову.

– Он написал. – Она едва заметно всхлипнула. Или про-

сто тяжело вздохнула. – Он написал, что мечтает меня поката-
тать. Купил кусочек кожи, [как та, из которой] я шила. Что-
бы [сделать] сидушку. Для меня. Только. Специальную.

На её глазах появились слёзы. Элли подбежала к ней, об-
няла, а Энджела уткнулась в её плечо и тихо заплакала. С
едва заметной улыбкой.

Коля вздохнул и тихонько, бочком, по переборке просо-
чился к выходу из кают-компания и направился в свою ма-
ленькую каюту. Вот так. Обычные для этих мест мелкие дра-
мы. Так человек устроен – ему нужны события, а если их
нет, человек или выдумывает из маленьких драм большие,
или живёт чужими. Сколько людей здесь на «Джувелетте»? И
каждый, каждый(!) одинок. Здесь можно уйти от уединения,
но нельзя от одиночества.

* * *

Была совсем осень. Уже не красивые разноцветные ли-
стья, а голые деревья с пропитанными влагой чёрными вет-
ками, слякоть и грязь.

– На улице довольно мерзко, – меланхолично констатиро-
вал Дмитрий, глядя в окно на капли дождя, мягко исчезаю-
щие в газоне. Он сделал глоток кофе, продолжая смотреть
на дождь за стеклом.

Вот так. На аперитив адвокат пил эспрессо, была у него
такая традиция.

– А тебе не всё равно, какая там погода? – весело, с улыбкой от уха до уха, поддержал разговор Данила. – Не с барышней же встречаешься, коей вечерний моцион был бы уместен опосля ужина за куртуазной беседой.

Дмитрий поставил чашку на блюде и внимательно посмотрел на собеседника.

– Данила... ты здоров?

– Здоров-здоров! – рассмеялся Данила, а потом смех как-то быстро сошёл на нет, осталась лишь грустная улыбка. – Должен же кто-то после ухода Дворянской на нормальном языке говорить. А то все вокруг, как я раньше. А ты же знаешь, я быстро учусь. Потому речь моя из примитивного средства передачи информации тотчас изменилась изрядно, напитавшись тем, что вкладывали в неё великие сочинители прошлого. Скажи, диалово!

– Типа того, – согласился Дмитрий и на вопросительный взгляд Данилы тут же пояснил: – Милена Голицына научила. А её Николай Афанасьев...

– Помню-помню, – поспешно перебил Данила, он не хотел развивать эту тему.

– Интересно, – задумчиво проговорил адвокат, – а мы сохраним этот язык для следующих поколений?

– Типа того, – немного неуместно ответил Данила, ещё не освоившись с новым оборотом. – Если и не мы, так останутся же люди...

– Да вы, молодой человек, пессимист!

– А вы, молодой человек, посмотрите по сторонам, да и скажите, отколь основу для оптимизма сыскать? Все, кто мог служить надеждою отечеству... – Тут Данила задумался и сбился на привычное: – Дим, а чёто Лондон всех пустил?

– Ты спрашиваешь, почему Соединённое Королевство предоставило политическое убежище Калинин, Дворянской, Филатову и ещё пятерым гражданам России?

Данила нетерпеливо кивнул.

Подали закуски – «Перепелиное гнездо» для адвоката и «Листья клевера в черничном соусе» для финансиста.

– То, что замыслил Ходырев, в принципе, уже понятно всем правительствам мира. Захватить власть, ослабить страну и продать этот проект повыгоднее. Такой громоздкий, но геополитически привлекательный эксклюзивный товар. Задеял он проект на свои деньги, коих требовалось относительно, по его меркам, немного. А дальше стал предлагать на рынке, который, хотя бы и ограничен, но не безлюден. Купил Объединённый Халифат, получая влияние и на Китай с Индией, и на Европу. Заодно и у Ирана с Турцией поменьше фантазий о региональном доминировании будет. Причём открыто об этом Халифат не заявляет, да, думаю, и не будет.

Китай, как обычно, готовится выиграть, сдаваясь в плен, то есть, ведёт совсем уж непонятную игру – не усиливает Территории под Совместным Управлением, даже не препятствует созданию экстремистских ячеек на этих территориях, отдавая это на откуп российской администрации, зато взвин-

тил ставки в противостоянии с Халифатом в Австралии и Южной Америке. Европа тем самым втянулась в разбирательства в той части света, не бросать же США в этой сваре, ну и стало не до нас.

Полгода назад с нашей помощью они опомнились. С обеих сторон. Но с Китаем договориться не удалось, он играет странную многовариативную многоходовку. А Европа пошла ва-банк. Или мы наводим порядок у себя сами, или война с захватом территорий до Урала.

– А Халифат будет спокойно смотреть, как объект его инвестиций...

– А Халифат, проведав об этом, уже притормозил инвестиции и выдал Ходыреву ультиматум, мол, давай обещанный товар, не обременённый правами и требованиями третьих лиц.

– Постой. А мы чего?

– А мы Европе пообещали навести у себя дома порядок. Данила замер, не донеся вилку до рта.

– Из Лондона? Навести порядок горсткой интеллектуалов из...

Дмитрий пожал плечами.

– Давай чуть позднее расскажу.

– Ну давай, – Данила всё-таки донёс вилку до намеченной цели и принялся активно пережёвывать листья клевера, а на нижней губе появилось пятнышко соуса, которую он сразу не заметил. – Всёрно неясно, как с Лондона порядок. Тембо-

ле... – Он осёкся, сделал паузу, улыбнулся. – Тем более, принимая во внимание происходящие в стране события. Шацкий...

– Забудь о Шацком.

– Следующий Федоренко. Выяснил я, что ты просил. «Лепестки и Бутоны» опосредованно принадлежат Федоренко. При том же, по моему скромному разумению, генерал представления не имеет, насколько твёрдые и прямые линии ведут к его персоне. И лишь невежде неизвестно, как эта компания выросла за полгода. Как старт сумасшедшего пинга. Почти восемьдесят процентов выручки приносят заказы компаний Ходырева и его товарищей. Федоренко же успел несколько раз стать прекрасным объектом для формирования компрометирующих сведений, сподвигнув государственных служащих на правонарушения, направленные на развитие сего романтического предприятия.

Дмитрий скептически покачал головой.

– При всём уважении, милый друг... Не стиль Дворянской. Но ты продолжай.

А Данила вдруг мечтательно посмотрел в потолок.

– Эх... Был бы у нас F-Command, всё бы уже достоверно знали...

– Вот потому его у нас и нет. Пожалуйста, дальше.

– По второму вопросу. Ванмушин, который пришёл на смену Дворянской, активно готовит эмиссию. По моему...

– ... скромному разумению...

– ... совокупный объём денежной массы после эмиссии...

– ...приведёт к необеспеченности рубля резервами. А сами-то они на что жить будут? Натуральным хозяйством?

Данила пожал плечами.

– Хотя... может быть, это часть... – Дмитрий задумчиво разговаривал сам с собой. – Может быть, имеется в виду мечтание народа о наведении порядка, и тогда... Надо Калининну сказать, он... А, может, разделить страну на регионы... Нет, пусть Калинин думает. Но вообще, посмотри, что происходит...

– А что происходит?

– А происходит, что страна готовится к какому-то новому режиму, которого я не понимаю. Ты слышал о законе о народной милиции? Скоро в Думу внесут.

– По правде сказать, не совсем. Мои познания в этой области непростительно скудны. Они никчёмны.

И друзья... да, уже друзья, весело рассмеялись.

– По сути это легализация формирований, которые стихийно возникли по всей стране на религиозной почве. Давняя история повторяется: не принуждение, не материальная мотивация, а идеология. И на базе этой идеологии, да с оставшими офицерами во главе, формируются отряды. Осталось только узаконить их и предоставить им оружие. И вот тебе готовые подконтрольные экстремистские объединения. Подконтрольный же президент обеспечивает невмешательство государства, хотя бы на первых порах, и вот тебе ре-

цепт хаоса. Вопрос только, как потом они порядок собрались наводить... Вообще, что у Ходырева в голове...

– А ты Филатова спроси, он наверняка уже прибор разработал.

– Не разработал он прибор. Более того, он искренне верит, что чтение мыслей невозможно за небольшими исключениями, на которых и основан F-Command.

Из ресторана Дмитрий вышел примерно через час. Данила исчез на четверть часа раньше. Их не должны были видеть вместе, и, видимо, вообще нельзя будет встречаться в ближайшие месяцы. Или годы. Да и увидятся ли вообще... А приятный, чёрт побери, парень, хочется просто общаться! Дружить. Может, сложится когда-нибудь?

И опять вопрос: сколько правды можно рассказать. Дмитрий рассказал не всю. Поймёт ли Данила когда-нибудь? Когда узнает *всю* правду. Через месяцы или годы... Ох, да увидеться бы вообще в неизвестном будущем, а там уж можно и объяснить, а он поймёт, он неглупый. И так много сказал. А это уже от безысходности. Калинкин с Дворянской тогда качали головами, мол, не знаем – не знаем, парень-то ой какой шустрый... И Дмитрий решил за всех. Решил один, но, если он ошибся, отвечать придётся всем вместе, и отвечать своими жизнями... И если бы только ими... В этой игре ставки совсем другие.

Это был третий Колин полёт в космос с Урана, и третий раз это был восторг! До того, что дыхание перехватывает, а сердце замирает. Огромная красивая голубая планета в окружении тонких и ярких колец. И пусть солнечного света не хватает, чтобы озарить всё это великолепие, как оно того достойно, всё равно его достаточно, чтобы можно было смотреть и восхищаться этой красотой.

Они вышли из атмосферы пять минут назад, и Элли заложила крутой вираж, прежде чем поставить шаттл на автопилот.

До Миранды почти сто тридцать тысяч километров. Три с лишним часа пути. Опять невесомость.

Коля как-то, не подумав, проговорился, что летел до Урана с Земли четыре месяца.

– Ты ж на транспортнике прилетел, – не поняла Элли. – Он же полтора года... подожди... На чём ты летел, Ник?

Коля тогда только пожал плечами, ну, мол, подбросили до транспортника. А Элли какое-то время не унималась:

– Это же больше миллиона километров в час. Это же... У русских так летают только «Молнии», «Скорпионы» и «Грифоны». Ну, к последним двум тебя вряд ли кто подпустит, иначе ты бы здесь не сидел... Ник, ты что-то такое натворил, что...

Но Коля не дал ей договорить, и она больше не спрашивала. Лишь спустя какое-то время Коля выяснил, что скорость

в миллион километров в час была очень затратным мероприятием. Дело не только в супер-двигателях. Чтобы избежать столкновений с большими и маленькими космическими телами, на этих космических судах используются специальные защитные поля, работающие в широком спектре диапазонов. Вроде как микроволновка, способная расплавить или расшатать до резонанса вплоть до критических вибраций любое космическое тело, встретившееся на пути, до определённой массы, конечно. Плюс лазеры, отстреливающие всё, что несётся навстречу, или кинетическое оружие. Плюс всякие сканеры-радары с мощным компьютером для анализа траектории и своевременной активации систем пассивной и активной защиты. Ну, и ко всему зап-связь с центром на Земле, куда стекается информация обо всех космических телах, засекаемых телескопами.

«Скорпион» – это многоцелевая боевая машина российских силовых структур, точнее сказать, элитных подразделений этих структур. Настолько элитных, что Элли, конечно, сразу отмела возможную принадлежность Коля к этим исключительным людям. Про «Грифон» ей даже в голову прийти не могло, это были настолько глубоко модернизированные «Скорпионы», что их выделили в отдельный тип. Оставались «Молнии». Коля так понял, что это что-то навряд ли частных джетов, существовавших в его время. По телеку видел.

Коля тогда ушёл от ответа, Элли сделала какие-то свои

выводы и донимать не стала.

Но сейчас скорость их шаттла казалась нереальной. Элли заложила полётную программу так, что кольца оказались над шаттлом, проходили совсем близко, и Коля через прозрачную центральную потолочную консоль любовался проносящимися... Нет, он чувствовал, что это их маленький космический кораблик несётся под причудливо закрученными маленькими космическими телами.

– Хоанг, – Коля повернулся к сидящему сзади в салоне вьетнамцу, – а из чего кольца состоят?

Хоанг зевнул и улыбнулся.

– Частицы пыли, горные породы...

– Пыли? – удивился Коля в очередной раз, хотя эту фишку про пыль он уже несколько раз слышал раньше. – Они же вон какие!

– Непрозрачные, – согласился Хоанг. – Диаметр каждой частицы от двадцати сантиметров до двадцати метров. Просто их очень много.

«А всего колец тринадцать, и у них есть названия, – мысленно продолжил Коля. – Греческие буквы. Одно из колец называется «Дельта». Оно необычное». О необычности отложилось пока непонятное «азимутальные отклонения нормальной оптической глубины и ширины» и «волнообразная азимутальная структура» из-за небольшого спутника внутри кольца. Вот такие они загадочные, эти «Дельты».

Вслух же он задумчиво сказал с лёгкой искренней улыб-

кой:

– Как же красиво...

Элли улыбнулась и ничего не сказала. Она пощёлкала по клавишам, и в кабине заиграла музыка. Раньше Коля её не слышал. И она была такая... сравнить было не с чем. Она была не быстрой и не медленной, не агрессивной и не спокойной... Просто романтической, и она как будто касалась самого сердца.

Он вдруг почувствовал, вспомнил. Всё. Опять. Детство. Родителей. Семью. И что было потом. Он закрыл глаза и вдруг представил, как наяву, – изящный взмах каре и залихватистый смех... Всё это было тёплым, настоящим. Тем, что навсегда останется с ним, что навсегда останется в его сердце.

Коля ощутил прикосновение и открыл глаза. Элли держала его за руку, смотрела на него и улыбалась. Неизвестно, что она подумала, что поняла, но ни о чем не спросила.

– Как редко ты бываешь таким, – проговорила она совсем тихо и украдкой бросила взгляд на Хоанга. Тот с деланным вниманием вперился в иллюминатор.

– Да ладно вам, – весело проговорил он, продолжая смотреть куда-то вдаль. – Вся команда уже в курсе вашего романа. Или как лучше? «Я никому не скажу?»

Все трое дружно рассмеялись.

Коля, по правде сказать, смутился от слов Хоанга. Это не было романом. Не было интрижкой. Было больше, чем друж-

бой... Это не было любовью, даже влюблённостью, но чувства были. Нежные, трогательные, но... Да чёрт побери! Ну зачем всему определения давать? Есть их маленький мирок, где они вместе. И всё. И без взглядов вперёд или назад. Просто здесь им вместе вот так. Здесь они друг у друга лучшее, что могло случиться, и они не стали от этого отказываться.

Можно ли жить без взаимопонимания? Да можно, конечно, только лучше, когда тебя понимает хоть кто-то. Можно ли жить одному? Да тоже можно, но, когда рядом Элли, у жизни появляются яркие цвета. Без борьбы за жизнь, за себя, за то, чтобы остаться тем, кем стал. Просто, сами по себе. И ещё Коля чувствовал себя нужным ей, и от этого краски становились ещё ярче.

– Эй, наблюдательный геолог, – бросил Коля через плечо. – Нам на Миранду-то зачем? «Джульетта» и то ближе.

Хоанг опять улыбнулся.

– Это необычный спутник. Снаружи лёд, внутри силикатные породы и органика. Причём, перспективы многообещающие. Очень разнообразный рельеф. Трещины, разломы, кратеры, долины, переплетения хребтов и уступов и так далее. Есть три очень интересные области – венцы. Километров по двести примерно. Уникальные геологические образования, которые мы сейчас и изучаем. Заодно испытываем автономные геологические роботы-разведчики. Один из них будем сейчас ремонтировать. Отборы проб со второго попробуем принять на орбите. А по Миранде учимся иссле-

довать геологическую природу такого рода космических тел для понимания, как всё возникло. Физики ещё гравитационную дифференциацию изучают.

Коля вздохнул. Ну вот, начал же по-человечески, а закончил не-пойми-как! Эх, Хоанг!

– У Миранды ещё необычный наклон орбиты, – продолжил геолог. – А вообще из пяти самых крупных спутников к Урану он ближе всего, поэтому с неё и начали.

Элли и Коля, продолжая держаться за руки, опять дружно рассмеялись.

Ну, вот так и летели. Коля не считал времени. Он любовался кольцами далёкой от Земли, но самой близкой сейчас к нему планеты, и он не хотел различать в них причудливо закрученные в бешеном круговороте пылинки и камни.

Так он и задремал, улыбаясь, пропуская через себя прекрасную музыку и сжимая в руке Эллину ладошку.

Проснулся он, когда Элли, переведя управление в ручной режим, начала манёвр сближения. Прямо по курсу вырастала Миранда – спутник Урана, огромная, покрытая льдом каменная глыба диаметром в полсотни километров. Холодная, безжизненная и одинокая. Как почти всё здесь.

* * *

Рука у бабушки была гладкая, мягкая, но всё равно это была рука девяностолетней старушки. Алёша обнял её и

уткнулся носом ей в шею, и она гладила его по волосам, а волосы у него были чуть влажные от снега, который забился даже под шапку. Он затих, и на шею бабушки упала горячая слеза. Потом ещё одна. И ещё...

Что тяжелее – потерять дочь и её мужа или потерять маму и папу? Не дай бог кому в жизни столкнуться с этим. Дочь Василисы Николаевны Войтенко, в девичестве Афанасьевой, погибла вместе с мужем. Их убили.

Ольга, дочь Василисы Николаевны, как и её тётя Маша, была журналистом. В последних своих репортажах Ольга писала про движение «Чистота и честь». Сперва она сделала чисто информационный материал: лишь сообщила зрителям о событиях в Тимофеевке, когда Мария Ивановна Петрова зарубила топором своего мужа. Тогда в средствах массовой информации поднялась целая истерия, причём большинство Ольгиных коллег по непонятной ей причине оправдывали и поддерживали и саму Петрову, и её односельчан, не отдававших убийцу в руки полиции. Ольга предприняла своё собственное расследование, и результаты её ошеломили. Движение «Чистота и честь» с колоссальной скоростью набирало обороты, по всей стране создавались дружины, которые за вполне реальные деньги нанимали в качестве военных инструкторов отставных офицеров армии и полиции. И никого это не настораживало! Наоборот, СМИ почему-то воодушевились идеями священника Стеньки о чистоте веры как средстве морального очищения общества.

Редактор тянул с выпуском Ольгиных аналитических программ, предлагая собрать больше материала. Три недели назад она отправилась в одну из дружин за материалом, и связь с ней прервалась. Через день её муж поехал в эту дружину на поиски пропавшей жены, поскольку полиция лишь послала запрос в населённый пункт и успокоилась. А ещё через день тела обнаружили в лесу. Ольгу и ее мужа закололи вилами. Полицейский сказал, что обе смерти были быстрыми.

Их сыну Алёше было девять лет. После похорон родителей он остался жить у бабушки. Родственники, Машины дети и внуки, предлагали Алёше жить у них, и, наверное, когда-нибудь так и будет... Чувствовала Василиса Николаевна себя уже не очень, возраст. Но пока Алёша остался у неё. Он и раньше часто бывал у бабушки и успел обзавестись приятелями по соседству.

Вот и сейчас он три часа кряду носился с мальчишками по занесённой снегом площадке, они построили снежную крепость, а потом, штурмуя, разнесли её. Мальчик хотя бы немного отвлекался, точнее, забывался. А потом прибежал домой, и всё возвращалось. У него не было истерик, он просто сильно грустил и скучал по родителям. Очень сильно. Иногда ревел, а иногда, как сейчас, тихо плакал.

– Ты веришь, что они сейчас смотрят на нас с неба? – негромко, почти шёпотом, спросила бабушка.

Внук ничего не ответил, лишь печально закивал.

– Это хорошо, что веришь. Потому что так и есть.

Трудно было бы жить с осознанием «никогда». И человек в такой трагедии отчаянно цепляется за надежду, за веру, за что угодно. А тем более ребёнок, совсем недавно живший в счастливой семье, наполненной радостью и любовью.

– Бабушка, – неожиданно серьёзно проговорил Алёша, – а ведь у меня теперь, кроме тебя, остались только все двоюродные?.. Ну, кто по линии... – он всхлипнул, – бабушки Маши.

– Это твоя родня, Алёша. Настоящая. И по крови, и по жизни. Вам вместе и жить дальше...

Алёша ничего не ответил, только прерывисто вздохнул. Он и сам понимал, что... что скоро его любимая, родная, а сейчас самая-самая родная бабушка Василиса... тоже... тоже будет смотреть на него с неба.

А Василиса Николаевна... как же ей хотелось рассказать внуку о том, что есть на свете ещё один родной человек. И как ей хотелось, чтобы он и стал тем самым-самым для Алёши.

Она машинально посмотрела на трюмо, где в шкатулке лежал лист бумаги. Самой настоящей, абсолютно обыкновенной бумаги. Его почти год назад привезла ей офицер Винтер. Она рассказала обо всём, что произошло, взяв с Василисы Николаевны честное слово хранить всё в тайне.

Строки на этом листе были накарябаны простым карандашом в невесомости. Лист был сложен вдвое, и сверху тянулась наискось одна строчка: «*Моей маленькой принцессе*».

*Расскажешь, как бежали под дождём?
Наверняка такое было, ты же помнишь!
С тобой вдвоём, а, может, всей семьёй,
Наверное, спешили на автобус.*

*Как на руках тебя носил, а ты спала,
Пусть ты не помнишь, я же точно знаю,
Взял из кровати, ну а ты не поняла,
Уткнулась носиком в меня, не просыпаясь*

*А мы ругались? Да наверняка!
Ну а потом мирились, обнимаясь
К сестре не ревновала? А она?
Прости, не помню. Ну, конечно, ты же знаешь...*

*А говорил тебе, что я люблю?
Ведь как же не любить такую дочку!
Мечтаю, как я встречу, обниму.
Скажу. А ты меня тихонько в щёчку...*

*Скажи, я был хорошим? Только честно.
И был я с вами в радости и в горе?
А фотографии остались? Ну конечно.
И как-нибудь мы вместе их посмотрим.*

Расскажешь всё, о чём не мог забыть?

Вот как порога: «Марш отца встречать»

Ещё... пред тем, как навсегда уйти,

Вернуться я тебе не обещал?

Часть третья

Турели бортовых лазеров «Грифона» синхронно отработали по целям, и шесть боевых дронов за десятую долю секунды разлетелась на осколки, рассыпавшись по полу ангара кусками оплавленного композита.

Шлем-сферы спецназовцев захлопнулись моментально, автоматика включила режим мимикрии, и пять фигур бойцов в тёмно-синих «Ратниках-300-С» в тот же миг исчезли, став невидимыми. Пилот «Грифона» рывком ушёл в сторону с линии атаки, одним молниеносным движением преодолев пятнадцатиметровую дистанцию, и выстрелы пяти «оружек» пришлись в пустоту, рсв-пули защёлкали по стоявшим в ряд «Грифонам» и противоположной стене ангара. Пилот молниеносным перекатом сместился в область, где только что находились исчезнувшие спецназовцы. Пять коротких взмахов «Рэйвенотом», и стволы разрубленных «оружек», выйдя из покрытия поля мимикрии, со стуком попадали на пол ангара.

Лазерная турель «Грифона» сделала едва заметное движение, и прямо перед лицом пилота появилось разваливающееся на две половины тело спецназовца.

– Отключайте свои шапки-невидимки, я вас вижу, – спокойно проговорил пилот металлическим, с лёгкой хрипотцой, голосом. – Глупостей делать не рекомендую. Того, кто делает глупость, я заберу с собой. У нас на базе «Дельты» сейчас дефицит живых мишеней. Быстро заканчиваются. Вы, с вашей выучкой, будете пользоваться особой популярностью.

Пилот повернулся спиной к спецназовцам, один за другим вышедшим из режима мимикрии и рассматривавшим своё разрубленное оружие, при этом не сводя глаз с бортовых лазеров истребителя. Перед тем, как запрыгнуть в «Грифон», пилот посмотрел в одну из камер наблюдения, лучисто улыбнулся и помахал рукой.

Запись остановили и тут же запустили повтор, уже в обработке.

Ангар «Дельты», чёрные «Грифоны» в атмосферной боевой конфигурации, выстроившиеся в ряд, и одинокий пилот в чёрном же «Ратнике», бродящий вдоль стен, то ли выискивая что-то, то или просто прощаясь.

Входная дверь, оказавшаяся незапертой, распахнулась от мощного удара, и в ангар стремительно влетели шесть боевых тактических дронов, зависших правильным шестиугольником вокруг пилота. Через мгновение в ангар через эту же дверь один за другим влетели бойцы спецназа с «оружьями» в руках. За полсекунды они разрешили строй, двое тут же у двери заняли положение на изготовку к стрельбе, трое нача-

ли расходиться, окружая пилота.

– Офицер, вы арестованы! – прокричал один из спецназовцев. – Встаньте на колени спиной ко мне и поднимите руки над головой.

Пилот пожал плечами и дружелюбно произнёс:

– Может быть, поищем другие варианты?

А потом боевые лазеры «Грифона» разнесли на осколки все шесть дронов, и бойцы ушли в режим мимикрии, а пилот сместился с линии атаки, одним молниеносным движением преодолев пятнадцатиметровую дистанцию...

На обработанной записи спецназовцев можно было видеть. Вот они стреляют туда, где мгновение назад находился пилот... вторая серия выстрелов, опять все мимо... вот пилот оказывается в центре стихийно сформированного спецназовцами круга и чёрным матовым клинком перерубает их оружие... один из бойцов левой рукой выхватывает из поясной кобуры пистолет, и бойца тут же разрезает луч лазера...

Когда запись закончилась, генерал повернулся к полковнику, отвечавшему за операцию захвата.

– Ну, что там было?

– Поступил сигнал, что один из офицеров «Дельты» вернулся на основную базу. Мы тут же предприняли попытку захвата.

– А раньше чего на эту базу не наведались? Почему дозор не выставили?

– Как раз собирались. Но у нас были достоверные сведе-

ния, что личный состав покинул базу, оставив все боевые машины и оружие. Также сообщалось, что все входы на базу замурованы и заминированы. Мы предполагали, что у нас есть время для подготовки к безопасному захвату базы.

– Ну и как, захватили? – генерал горько усмехнулся.

– Так точно, господин генерал... – Полковник произнёс это как-то неуверенно. – Только вы же знаете, все боевые машины и всё оружие, оставшееся на базе, оказалось муляжами. Кроме одного истребителя, на котором ушёл пилот...

– Установили, кто это?

– Так точно! Установили. Полковник Туполев, позывной «Кельт».

– Это и есть *сам* Кельт? – пораженно воскликнул генерал. – Тогда у этих твоих пятерых бойцов шансов было ровно ноль!

Полковник ничего не ответил на эту ремарку и продолжил:

– Когда «Грифон» начал движение на выход из ангара, системы ПВО базы, как выяснилось, стоявшие на боевом дежурстве, за восемь десятых секунды сбили всю нашу боевую авиацию, находившуюся в воздухе в радиусе тридцати двух километров вокруг базы. Потеряно двадцать шесть вымпелов. Потерь среди личного состава нет... Кроме лейтенанта Серова, которого там... в ангаре... лазером...

– А, кстати, интересный выстрел!

– Так точно, господин генерал. Как выяснилось, и как

мы предполагали, стены ангара «Дельты», в числе прочих свойств, способны полностью поглощать лазерные лучи. Кроме того, РСВ-пули воспринимают их как тело биологического организма, поэтому застревают в них. Однако материал стен способен из поглощающего превращаться в отражающий. Лазерная установка истребителя выстрелила в стену, и пятно диаметром в сантиметр, куда был направлен выстрел, на одну секунду стало отражающим. Луч отразился от стены и попал в лейтенанта Серова.

Генерал почесал подбородок.

– Карамболь какой-то... Что ж так хитро-то?

– Никак нет, господин генерал! Не хитро... с вашего позволения. Боевое взаимодействие технических устройств, настроенных друг на друга, соответствует современному уровню техники. Выстрел в Серова прямой наводкой мог задеть полковника Туполева или других наших бойцов. Выстрел рикошетом был произведён максимально безопасно для других участников боя.

– Почему твоих бойцов не смутило, что «Грифоны» находились в ангаре в боевой конфигурации, с развёрнутыми в боевое положение оружиевыми установками? – вдруг спросил генерал.

– Не было времени на столь детальную проработку операции, чтобы учесть все и подготовить личный состав. Оперативная группа прибыла к месту захвата через шесть минут после сигнала к началу захвата.

– А аналитики поддержки? Они же наблюдали за операцией с камер ваших бойцов?

– Они не успели, господин генерал! Мы прокрутили эфир, один из аналитиков начал передавать сообщение об этом группе захвата, но лазерные установки уже произвели выстрелы.

– Почему бойцы входили через одну дверь? Почему не с разных сторон?

– Остальные двери оказались замурованы. Непосредственно перед началом операции мы проверили...

– И это не показалось им ловушкой?

– Пятеро бойцов с шестью дронами против одного...

– ... одного офицера «Дельты»?

– В обычной ситуации даже у самого высококлассного бойца не было бы шансов.

– В обычной ситуации офицера «Дельты» там вообще не оказалось бы! – рявкнул генерал, и полковник виновато склонил голову. – Куда делся «Грифон»?

– Не могу знать, господин генерал! Покинув ангар, истребитель пролетел девятнадцать километров триста двадцать три метра и скрылся в ангаре транспортных пингов. Группа захвата прибыла туда через двенадцать минут... всё же попытались подготовиться... Однако ни «Грифона», ни его пилота обнаружить не удалось. Мы предполагаем, что «Грифон» скрылся, будучи замаскированным под большегрузный транспортный пинг.

Генерал повернулся туда, где транслировалась запись из ангара «Дельты», подошёл ближе к замершему изображению улыбающегося в камеру Кельта.

– Что думаете, полковник?

– Полагаем, что мы столкнулись с неизвестным нам техническим устройством. Дроны, сопровождавшие группу захвата, были настроены на атаку при угрожающем действии объекта захвата. В данном случае в качестве объектов были введены данные всех офицеров и гражданских сотрудников «Дельты». Но полковник Туполев не делал угрожающих движений, поэтому «Грифон» расстрелял их... как в тире. Перенастройку на новый объект угрозы, манёвры уклонения и атаку дроны произвести не успели.

– Кто управлял лазерами «Грифона»? Понятно, что автоматика, но захват целей, команда атаки... Кто?

– Мы полагаем, это... это сделал сам Кельт. Версия о сообщнике была первоначальной. Кроме того... Он видел наших бойцов, укрывшихся полем мимикрии, а это невозможно без приборов. Мы проанализировали записи со всех камер наблюдения во всех доступных диапазонах с максимальным разрешением. В числе прочего анализировали жесты и движения зрачков, движение волосяного покрова, кожи. Мы также изучили синхронность действий «Грифона» и человека. Кроме того, мы предположили новый вид лицевых щитков, невидимых и прилегающих непосредственно к лицу. Так вот... – Полковник сделал паузу. – У Кельта не бы-

ло специального оборудования. И, тем не менее, исходя из результатов анализа перечисленного, мы уверены, что «Грифоном» управлял он сам. Например, он начал движение на уклонение через долю секунды после выстрелов истребителя по дронам. Если бы на три десятых доли секунды раньше, дроны открыли бы по нему огонь. Маловероятна такая синхронизация между двумя людьми. Сам захват целей «Грифоном» совпадал с направлением взгляда Кельта. Ну, и то, что он видел сквозь поле мимикрии... Мы полагаем, что сигнал со сканирующих приборов передавался Кельту непосредственно в мозг... Возможно, как-то на сетчатку глаза, но вот ещё связь с «Грифоном»... По совокупности обстоятельств, нашей основной версией является существование неизвестной нам технологии.

– А сам истребитель мог принять решение об атаке? – предположил генерал совсем уж невероятное.

– Искусственный интеллект такого уровня? – проговорил полковник с сомнением. – Была такая версия. Наши аналитики отменили её сразу. Крайне маловероятно. Такой искусственный интеллект далеко за пределами современного уровня техники, даже заслуживающих внимания теоретических публикаций не было.

Генерал прошёлся по комнате в задумчивости.

– Мы полагаем, – полковник начал говорить очень осторожно, – что «Дельта» спровоцировала нас на эту операцию, чтобы продемонстрировать нам свои технические возмож-

ности...

– Точнее, – продолжил за него генерал, – что мы не знаем предела их возможностей. Не только технических. Что ж...
– Генерал грустно вздохнул. – Похоже, им это удалось.

* * *

– ЭЖДЕЛА!!! ЭНРИКЕ!!! БИЛЛ!!! – Элли до побелевших костяшек пальцев сжимала микрофон на капитанском мостике и кричала, кричала! По её щекам лились слёзы, и распущенные волосы намокли от пота, прядь прилипла к лицу.

Франк-Мартин пытался за плечо оттянуть её от микрофона, но девушка агрессивно отмахивалась и продолжала выкрикивать имена.

Скутер должен был вернуться на «Джульетту» час назад, но что-то пошло не так. Те, кто находился на капитанском мостике, лишь по обрывочным данным могли воссоздать произошедшее. Прямой связи со скутером не было, лишь его автоматика периодически отстреливала в эфир пакеты данных бортовой телеметрии, которые спутниками транслировались на базу.

Скутер возвращался на «Джульетту» из рутинной экспедиции по расстановке новой модели геологических зондов, поднялся необычный для времени и широты шторм, и эффективность радиосвязи из-за шторма и аномально высо-

ких электромагнитных возмущений упала ниже приемлемого значения. Связь была потеряна. По непонятной причине запас топлива резко сократился, и экипаж снизил отдачу мощности обоих маршевых двигателей до трёх процентов. Скутер кое-как добрался до ближайшего буя, который находился в шестиста сорока километрах от базы, и пришвартовался у него. Расстояние до базы постоянно увеличивалось, пока лишь удалось стабилизировать скорость расхождения.

На капитанском мостике, помимо обычного вахтенного экипажа и директора базы, собрались Элли, Минж, Джим, Вильгельм Забушек, Хоанг, Азуми и Коля. Все молчали, опустив глаза, и только Элли кричала в микрофон, и её голос всё чаще срывался.

– Они там... – надрывно, сквозь слёзы, всхлипывала девушка. – Они там...

– Мы не можем отправить к ним спасательный скутер, – прозвучал в тишине, прерываемом лишь всхлипами Элли, голос Шульце. – На крейсерской скорости в такой шторм до них добираться опасно, очень опасно. Риск намного выше приемлемого значения. И долго. На форсажном ускорении добраться можно примерно за два часа, но не хватит топлива вернуться обратно. Если не разбиться по пути. Мы заканчиваем перерасчёт курса базы и поворачиваем к бую триста семнадцать. Идти получится почти пятьдесят часов. Больше или меньше, зависит от интенсивности шторма.

Элли опустила голову и отошла от микрофона. Она встала

позади всех, прислонившись к стене. И молчала вместе со всеми, глядя на высвеченную в самом центре капитанского мостика карту с несколькими зелёными точками и, рядом с одной из них, с тревожно мигающей красной.

Сбор данных с метеоспутников и перерасчёт курса были завершены, и Шульце дал команду капитану взять курс на Буй-317. В правом верхнем углу карты высветилось расчётное время. Сорок семь часов восемь минут. Капитан начал отдавать команды экипажу, утирая платком пот со лба, рули и подруливающие устройства базы заработали на изменение курса, а Шульце подошёл к микрофону.

– Внимание всему персоналу базы «Джувьетта», – проговорил он тихо. И каждый, кто находился в рубке, почувствовал, как люди замерли на своих местах. На постах несения вахты, в кают-компании, в столовой, в каютах.

Неожиданно капитан дал знак директору базы, обращая его внимание на боковую панель.

– Что за... – Шульце отключил микрофон. – Что это?!

– Открытие створок третьего шлюза, – капитан произнёс эти слова спокойно, но пот на его лбу выступил крупнее. – «Зелёный-три»! – почти закричал он в микрофон. – Ответьте «Джувьетте»! Что у вас... Как она открыла шлюз?!

– Она же пилот, – мрачно проговорил Шульце, – у неё все допуски.

– Я должна быть с ними, – прозвучал из динамиков отстранённый голос Элли. – Прощайте.

Створки шлюза открылись, и «Зелёный-три» врубил форсаж. На карте красная точка стремительно удалялась от базы.

Коля подбежал к микрофону.

– Элли, – спокойно проговорил он. – Пожалуйста, возвращайся. Мы что-нибудь придумаем.

– Ник... не пр.. – шипение, – я... – шипение и треск, – ... не за...

Скутер уже достаточно удалился от базы, и радиосвязь пропадала. А потом она прекратилась совсем. Лишь в опять повисшей на капитанском мостике тишине на выведенной в центр карте от базы всё дальше и дальше уходила маленькая красная точка с высвеченными рядом с ней параметрами телеметрии.

Буй-317 с жёстко пришвартованным скутером швыряло на волнах как бумажный кораблик, и эластичный трос якорного крепления рывком натягивался до предела при каждом порыве, всякий раз рискуя оборваться. Пристёгнутые в креслах люди, измотанные болтанкой, с испугом смотрели на монитор, на котором высветилось расчётное время прибытия... Спасения? Выжить здесь, в таких условиях, почти вдвое земных суток казалось несбыточной мечтой. И некуда деться. Скутер с повреждённым топливным элементом превратился в бесполезную коробку из сверхпрочного композита. Связи с базой нет из-за сумасшедшей магнитной бури. Жилой отсек буя был герметичным, но неизвестно, сколько его системы будут способны поддерживать климат внутри.

Люди, которых швыряло по жилому отсеку как кукол, умудрились надеть скафандры и закрепить себя в креслах. И теперь им оставалось лишь смотреть на монитор, на котором высвечивалась карта полушария с отмеченными на ней базой и буями, и рядом с тем, что по центру карты, номер – 317. На карте база была так близко. Да и по земным меркам шестьсот километров не расстояние. Но здесь эти шестьсот километров были пропастью.

Коля, как несколько минут назад Элли, опустил голову и отошёл от микрофона. Он медленно брёл к выходу. Его друзья отводили взгляды, лишь Хоанг попытался положить руку ему на плечо, но Коля, мягко отстранив его, вышел, держась рукой за переборку.

А потом рванул! Коридор, два пролёта трапа вниз, коридор, четыре пролёта... Натренированное тело, адаптировавшееся к местной гравитации и постоянной качке, под мощным выбросом адреналина слушалось безупречно, и он летел по коридорам и трапам. Всего за минуту преодолел расстояние от капитанского мостика до шлюзового холла.

Ещё через двадцать секунд он плюхнулся в кресло рулевого десятиместного скутера, надавил клавишу запуска, одновременно максимально туго стягивая привязные ремни. Ещё через десять секунд на панели загорелся индикатор полной герметизации, и сразу вслед за ним индикатор готовности к старту. Всё просто. Никаких мыслеобразов и виртуальных меню. Штурвал, педали форсажа и реверса, кнопки, тумбле-

ры, верньеры, лампочки да экран.

– Кто там? «Жёлтый-восемь», ответьте! Кто в скутере? – орал из динамиков голос Франка-Мартина. – Ник, ты? Ник, ответь! Ник!!!

Это радиосвязь, и она скоро пропадёт. Минуты через две максимум. Коля, как когда-то учила его Элли, взял в руки штурвал, немного поводил им в разные стороны, привыкая к усилию, и спокойно улыбнулся.

– Мой позывной «Бриз». Открывайте шлюз, Шульце, или я разнесу створки бортовым лазером. Вы знаете, его мощности хватит. Конец связи, «Джульетта».

Сначала была тишина, видимо, люди на капитанском мостике советовались, а через десять секунд послышалось мощное шипение, сильно приглушённое корпусом скутера. Шлюз стравил воздух, закачал местную атмосферу, его створки резво поползли в стороны, и в шлюзовую камеру ударом ворвались, встряхнув скутер, вихри урагана и потоки бушующего океана, состоящего из воды, метана и аммиака. Через две секунды Коля с силой потянул штурвал на себя и вдавил педаль форсажа. Взревели маршевые двигатели, и скутер рванул из шлюза, как снаряд из пушки. Колю вдавило в кресло ударным ускорением, как будто ему в спину на полном ходу въехал локомотив.

За полминуты мощным ускорением работающих в режиме форсажа двигателей скутер набрал максимальную скорость, в моменте она могла достигать чуть менее четырёхсот

километров в час, и пейзаж за иллюминатором, и так невнятный, слился в причудливо переплетающиеся полосы тусклых и грязных оттенков всех цветов. Судёнышко подпрыгивало над бушующей поверхностью океана на несколько метров, а потом жёстко грохалось на волны, заваливаясь то на один борт, то на другой, переворачивалось днищем вверх, пронзало валы многометровой высоты, и каждый раз это была такая встряска, которую, казалось, в следующий раз уже невозможно будет выдержать. Коля физически чувствовал, как внутренние органы бьются друг о друга, как внутри всё уже ноет настолько, что не отвлечёшься ничем, даже страх смерти не заглушает эту боль. Радары и сенсоры лихорадочно сканировали поверхность в поисках препятствий, бортовой компьютер молниеносно анализировал геометрические параметры в динамике и экстраполировал их, насколько возможно, подвал команды автоматике управления, и резкие рывки рулей и мощные импульсы маневровых двигателей швыряли скутер из стороны в сторону, прикладывая о волны и уводя от столкновений, едва справляясь с тем, чтобы держать судёнышко на курсе, задаваемом человеком.

Коля едва пришёл в себя и с третьей попытки вывел на монитор карту, задал параметры. Внизу «Джульетта». Вверху Буй-317 с пришвартованным скутером. А между ними две красные точки – «Зелёный-3» и «Жёлтый-8». Скутеры шли друг за другом, удаляясь от базы, их скорости были примерно равны. И здесь, в бушующем плотном океане под ураган-

ным ветром, эти скорости были запредельными. Так нельзя. Но так было.

Коля вывел на экран показания телеметрии своего скутера. Неожиданно на карте рядом с красной точкой Эллиного «Зелёного» тоже высветились цифры. Скорость, режим движения, запас топлива, ещё что-то... Запас топлива стремительно падал. И вдруг внизу экрана появилась строчка. «Ник, это ты? Связи нет. Только цифровой сигнал через спутник. Возвращайся на базу. ПОЖАЛУЙСТА. Элли».

Элли... Он отправился за ней? Или к друзьям, которых, как и она, не хотел оставлять умирать без себя? Или просто бежал от рутины сюда, в настоящую жизнь, пусть даже она скоро закончится. Совсем скоро. Может в любой момент. Не было страшно. Наоборот, на душе стало легко, впервые за все эти месяцы... И перед глазами вдруг возникла картинка... маленькая спящая девочка со смешно раскиданными по подушке волосами.

Послышалось... именно послышалось... отчётливо, не из динамиков, а как будто над ухом, покашливание... даже почувствовалась улыбка...

– Ну вот сразу видно, – произнёс знакомый металлический, с хрипотцой, голос, – не любит человек выделяться! Бриз, слушай приказ, – Кельт продолжал говорить спокойно, как ни в чём ни бывало. – Во-первых, снижаем скорость до крейсерской, на форсаже расход топлива в сорок три раза выше. Во-вторых, прекращаем коллективное самоубийство

и начинаем спасательную операцию.

Коля, машинально повинувшись приказу, быстро убрал ногу с педали форсажа, скутер трянуло, он рывком замедлился, и привязные ремни врезались Коле в плечи, грудь и поясницу, а шейные позвонки от резкого кивка больно хрустнули.

– Амулет у тебя на шее, – продолжал Кельт, – это «F-Command» второго поколения, и сейчас мы научимся им пользоваться. Скажи мне «привет». Только ничего не проноси, просто скажи, – (отлично объяснил, да?) – Не вслух. *Захоти* сказать.

– Привет, – подумал Коля, мысленно обращаясь к Кельту. – Привет. *Привет!*

– Очень неплохо, – в голосе Кельта, если так можно сказать о возникающей прямо в голове речи, прозвучало искренне удивление. – А в мальчике действительно что-то есть! Видимо, всё-таки подкрутил тебе профессор мозги. А что голос какой замученный?

– Болит всё, – Коля поморщился. Тут, – бах! Скутер ударился об очередную волну. – А-а! – почти заорал Коля, – меня тут о волны шарахает!

– Понятно, – сообщил офицер спокойно. – Уменьши уровень восприятия боли. А то далеко так не уедем.

– Уменьшить... – бах! бах! – Хорошо, что сказал, Кельт, а то как-то в голову не приходило. Уменьшить... а-а! Расскажешь потом, как, а то Бриз мне только увеличивал уровень... – бах! – ... по роже...

– Коля. Просто *подумай* об этом. Дай команду амулету. Только процентов на тридцать-сорок, а то не заметишь, как угробишь организм, должны оставаться индикативные...

– Бриз Закату, – вклинился в разговор незнакомый голос.

– Бриз, – бах! – ... Бриз на связи.

– Мы не встречались, мой позывной Закат, специалист по тактике, подразделение «Дельта». Возглавляю спасательную операцию. Кельт, отбой связи.

– Да неужели? А можно, я просто послушаю? Так сказать, в образовательных целях.

– Бриз, связь с «Зелёным» есть?

– Текстовые сообщения и показания телеметрии.

– Очень хорошо! Координаты видишь?

– Принимаю хорошо.

– Диктуй параметры, свои и «Зелёного».

Коля, почти не прерываясь на удары скутера о волны и чёрт знает обо что ещё (об этом лучше вообще не знать), быстро продиктовал затребованную информацию.

– Понятно, – голос Заката оставался спокойным и доброжелательным. – Топлива у «Зелёного» в режиме форсажа хватит добраться до буя и вернуться обратно примерно на двести тридцать шесть километров. Вычитаем запас топлива на манёвры сближения, получаем точку рандеву. Записывай координаты и сбрасывай «Зелёному».

Суть спасательной операции была простой. Элли продолжает двигаться на форсаже, забирает «гражданских» с буя и

возвращается к точке рандеву, снизив скорость ближе к концу своего маршрута. Коля на двадцати процентах форсажного ускорения подходит к этой точке через примерно пятнадцать минут после Элли. Плюс-минус получался большой, но других вариантов предложено не было. Хотя бы скафандр надеть успеет.

Коля под диктовку Заката быстро набрал сообщение Элли. Фразы были построены точно, каждое слово было выверено. Учат их этому, что ли? Кельта бы кто поучил... Ой, а эти мысли через амулет они не читают? Судя по отсутствию реакции, не прочли. А боль немного утихла. Ах да дедушка Кеша! А чего сразу не сказал? Может, эта штука и настроение повышать умеет?

И Коля воспрял. Ощутил себя тем, кем он стал здесь, в будущем.

«Ник, принято!» – высветилось на экране сообщение от «Зелёного-3». Тут же за ним пришло ещё одно: «Выполняю. На связи».

– Закат ответь Бризу.

– Закат на связи.

– Принял подтверждение от «Зелёного». Выполняем.

– Принято, Бриз. Обновление параметров по F-Command раз в минуту. Слушай инструкцию по швартовке с «Зелёным» и пересадке гражданских.

А потом всё было как во сне. Коля как будто бы смотрел на себя со стороны. Он передавал Закату параметры «Зелё-

ного» и «Жёлтого», и тот корректировал координаты точки randеву, уровень форсажа и курс «Жёлтого». Коля передавал информацию Элли, а она ему отвечала. И это больше не было последним в жизни приключением, не было авантюрой. Это была просто мужская работа. Через боль. И через осознание того, что всё это может в любой момент закончиться: для него жизнь и боль, а для его друзей – надежда на спасение.

Трое пленников Буя-317, умотанные болтанкой, сидели в креслах с закрытыми глазами. Грохот шторма почти не проникал в герметичный жилой отсек, но говорить не оставалось сил, да и не о чем было. Сначала они немного переговаривались, а потом провалились в забытьё, лишь Билл продолжал тихо молиться. О функции передачи текстовых сообщений никто и не вспомнил, а может, никто и не знал. Как и те, кто находился на капитанском мостике «Джульетты». Поэтому они не сразу заметили появившиеся на экране сообщения:

«Заберу вас примерно через час. Элли».

«Текстовые сообщения: доп.фун.вспом. пер.дан. текст».

«Ребята, вы как?»

Энрике улыбнулся и, сквозь пелену перед глазами, сумел скачущими по панели управления пальцами войти в нужное меню и набрать «ОК». У троих людей, каждый из которых последние полчаса вспоминал всю свою жизнь и прощался с ней, появилась надежда. Наверное, она никуда и не девалась.

Просто они не знали, на что надеяться.

А Элли, отправив три сообщения и не получив ответа, тоже не знала, на что надеяться. Целых десять минут неизвестности. Но она продолжала гнать свой скутер на форсаже к цели, к двум прижавшимся друг к другу маленьким точкам на карте. Пока есть хотя бы одна из этих точек, есть и надежда. И даже если обе исчезнут, надежда должна оставаться всегда. Бороться нужно до конца. Как она могла забыть об этом? Почему вспомнила лишь сейчас?! А потом пришло сообщение. Простое «ОК». И Элли сквозь слёзы и боль улыбнулась и ещё сильнее нажала на педаль форсажа, и так утопленную до упора.

Спустя три с половиной часа два скутера встретились в точке randevu. Коля успел сбросить Элли инструкцию по швартовке, и она подхватила управление «Жёлтым», как только скутеры сблизилась до восстановления устойчивой связи. Элли руководила этой частью операции, а Коля уже смутно различал, как в его скутер ввалились Энджела, Энрике и Билл и вслед за ними, замыкающей, Элли. Как они хлопали его по плечу на ходу, проваливаясь в пассажирские кресла. И как в иллюминаторе мгновенно исчез «Зелёный-3», лишь только Элли подала команду разблокировки сцепки.

– Ник, спасибо, – проговорила она спокойно, устраиваясь в кресле справа от Колиного. Она тоже морщилась от боли, и у неё не было F-Command, чтобы хотя бы немного ослабить

эту боль. Но она светилась от счастья. – Принимаю управление. Мы возвращаемся домой. Энджела, подай обезболивающее. Сумка в спинке кресла перед тобой. Инъектор в красном футляре.

Коля, всё это время мысленно транслировавший на Землю отчет о ходе пересадки гражданских, закрыл глаза и откинулся на спинку кресла.

– Бриз на связи.

– Спасательная операция ещё не завершена. Продолжай передачу параметров и обстановки на судне. До закрытия створок шлюза.

– Принял, Закат. Выполняю.

– Коля, а ты чего грустный? – вклинился в разговор Кельт. – Ну-ка подпевай! We all live in a yellow submarine!

Вся реальность слилась в туман. Даже шестьдесят процентов боли оставались болью. Только перед глазами отчётливо высвечивались цифры на мониторе да красная точка на карте. Расстояние до базы сокращалось с каждой минутой.

И лишь когда швартовые манипуляторы затащили скутер в шлюз и установили на стапели, а потом снаружи, за иллюминатором, загорелась зелёная лампа-индикатор герметизации шлюза, он уже почти в бессознательном состоянии беззвучно проговорил далёкой Земле:

– Шлюз закрыт. Спасательная операция завершена. Спасибо тебе, Закат!

– Поздравляю, Бриз! – не скрывая радости, воскликнул

Закат. – Прекрасная работа! Отдыхай. Конец связи.

– Я те дам «конец»! – послышался возмущённый голос Кельта. – Коля... раз уж ты позывной его взял... мне Робертович двадцатку остался должен...

* * *

Имение Покровское располагалось в сотне километров к северу от Москвы. Размеры его были внушительны, хотя и не поражали воображение. Двести с небольшим гектаров леса и лугов, да ещё и с журчащей через луга небольшой речушкой – это, конечно, весьма зажиточно. Однако, с другой стороны, можно вспомнить десятка три поместий, которые в разы больше и роскошнее. Владел же Покровским богатейший человек России, Игнат Рафаэлевич Ходырев. Дело было, конечно, не в скромности его и уж тем более не в показном пуританстве, всё же двести гектаров частной земли – это даже не квартира в престижном районе. Просто Игнату Рафаэлевичу Покровское понравилось, а большее, оно и без надобности. Здесь хорошо, и этого достаточно.

На территории поместья располагалось несколько строений: дом хозяина с ангаром для пингов и гаражом для старинных автомобилей, два небольших гостевых домика, дом для прислуги, конюшня, спортзал с тиром и бассейн.

Своё Покровское Игнат Рафаэлевич любил, привязался к нему. Всё здесь было обустроено сообразно его пожелани-

ям и потребностям. И, главное, уютно, по-домашнему тепло. Взять тот же дом. Снаружи ничего особенного, а внутри много солнечного света, ну, и кожа, дерево, натуральные ткани. И минимально камня, даже мрамора, совсем нет уже лет десять не выходящих из моды «живых стен». И уютные портьеры, которые можно задёрнуть, если хочется полумрака или если снаружи, скажем, ливень и грязь (в России живём, куда ж нам без неё).

Игнат Рафаэлевич остановился на опушке леса и прислонился спиной к стволу клёна, чтобы немного передохнуть. Километров десять, поди, нашагал, если просуммировать. Понравилось шуршать яркими осенними листьями, так и не заметил, как далеко за границы Покровского забрел. Да и границы-то были условные – забор вокруг имения хозяин не выстраивал, на что Богдан Петрович Пекарский, начальник службы охраны, постоянно сетовал.

А вот и Богдан Петрович, лёгок на помине. Игнат Рафаэлевич издали заметил приближавшуюся фигуру отставного генерала. Внешне они очень контрастировали. Богдан Петрович был высок, подтянут; обветренное лицо с резкими морщинами и стрижка такая короткая, что цвет волос не разглядеть. Игнат Рафаэлевич, напротив, был приземист, с правильными мягкими чертами лица и пышной седой шевелюрой. Однако общего между ними было гораздо больше, чем различий. Проницательный ум, сильный характер, воля к успеху и аппетит к риску выше среднего.

Хозяин поместья отряхнулся и двинулся навстречу начальнику службы охраны.

– Как прогулялись, Богдан Петрович? – весело выкрикнул Пекарский, когда до его нанимателя оставалось метров двадцать.

Игнат Рафаэлевич лукаво усмехнулся.

– Да вы ж лучше меня знаете! Небось, как обычно, со спутника следили. Шагу без присмотра ступить не даёте!

– А вы без присмотра хотите? – Пекарский хищно сощурился. – Устроим, только скажите. Но, если можно, не сейчас. Там аиста подают, пойдёмте.

Ну вот любят эти военные шифровать всё! Ну почему не сказать просто: «Стенька приехал»? Кстати, как Стенька и иные тайные посетители попадают в Покровское, для Игната Рафаэлевич оставалось тайной, а он и не допытывался. А единожды высказанную полу-шутку о шифровании Пекарский коротко прокомментировал: «Дисциплина должна быть. А то где-нибудь в ненужном месте опрометчиво проговоритесь». Ну что ж, профессионалам нужно доверять.

Вместе дошли до дома и поднялись в кабинет. Дом был трёхэтажный. Комнаты располагались по периметру, образуя в центре атриум, и в этот атриум выходили все двери. По внутреннему периметру на всех этажах тянулись галереи с дубовыми перилами, покрытые ковровыми дорожками иранской работы. Лестницы тоже располагались по периметру атриума. То есть, можно было стоять на любом этаже и видеть

другие этажи и входную дверь на первом. Лестницы были оснащены техникой для автоматического подъёма, но пользоваться им было не принято.

Мужчины поднялись на третий этаж довольно бодро, даже не запыхались. Охранники, дежурившие у кабинета хозяйина, синхронно распахнули двери, и Ходырев с Пекарским вошли.

Стенька, уже успевший задремать в широком кожаном кресле, вскочил, протирая глаза.

– Здрасьте, Игнат Рафаэлич! – выпалили он с улыбкой. – Как поживаете, мил человек? Ничего?

От книжного шкафа, занимавшего всю дальнюю стену кабинета, навстречу вошедшим двинулся помощник Ходырева Фролов, неприметный молодой человек лет тридцати.

– Фролов, – вздохнул Игнат Рафаэлевич, – ну что же это такое...

Тот с улыбкой пожал плечами.

– Игнат Рафаэлевич, сами же клоуна просили.

– Ну так я же не знал, что так будет.

– А-а, – протянул Фролов, – а я-то тогда вас буквально понял. Если надо, вы скажите, посолиднее кого-нибудь найдём.

Вот была у Фролова такая манера – всегда серьёзен, и не поймёшь, когда шутит, а когда действительно имеет в виду то, что говорит.

Стенька подобострастно приблизился к вошедшим и протянул руку для пожатия, Игнату Рафаэлевичу, конечно, пер-

вому.

– Он священнослужитель, – заметил из-за плеча Игната Рафаэлиевича Фролов. – Ему длань целовать положено.

Ходырев улыбнулся и пожал руку Стеньке. Вслед за ним то же самое сделал Пекарский.

– Присаживайтесь, господа, – жестом предложил хозяин кабинета и сам уселся в кресло, лишь когда свои места заняли все остальные. Подали чай, кофе и немного фруктов и сладостей.

– Как ваши дела, Стенька? – серьёзно, но немного ослабленно спросил Фролов. – Судя по тому, что нам известно, к намеченному сроку цели мы достигаем, – и, поймав непонятный взгляд молодого священника, уточнил: – К январю у нас будет достаточное количество, в-первых, идеологизированного населения, а во-вторых, мобильных, приемлемо обученных и вооружённых отрядов народной милиции.

Стенька звучно отхлебнул чаю. Хорошо хоть из чашки пил, не из блюдца, а то ведь мог.

– Ну так чего ж, – начал он степенно, – народ идеологию, как сами видите, воспринял. Соскучились быдлы по высокому и прекрасному. То есть, по чистоте и чести, конечно. Да и не только быдлы, всякие, конечно, но в основном быдлы. Ну, и потянулись. Многие говорят, мол, подавайся, Стенька, в митрополиты Православной Церковью править, а то, мол, погрязли нынешние священники в мирском. Ну а я им, как договаривались, – вежливый поклон Ходыреву, – мол, не про

то мы, милые люди. Мы же за истинную веру, а не за новую иерархию. Ну, и так тихо-мирно... Хотя, Маруська, которая из Тимофеевки, тогда, конечно, шума наделала. Говорил, думал, всё, пойдут теперь гонения со стороны властей! Ан нет, обошлось.

– Мы постарались, – быстро проговорил Фролов. – Надемся, впредь...

– Да ну чего ты, Фролов! – Стенька энергично замахал руками. – Да неужто не понимаем? Так всем и втолковываем, мол, движение у нас мирное, мы за строгость, конечно, но без членовредительства. До поры до времени, конечно. Хотя, тяжко таковой баланс удерживать. С одной стороны, призываю к решительным действиям, а с другой, ближнего пальцем не тронь. Ну, и для будущих наших свершений нужно боевой дух воспитывать. Приходится объяснять, что мы учимся, как противостоять тем, кто захочет пресечь наше движение. Мол, многим, кто делает деньги на грешных утехах и нечестивом поведении (простите ради бога, Игнат Рафаэлич, то всё для пользы дела), наше движение скоро начнёт препятствия в их делах чинить, вот они и попытаются нас силой образумить. И многозначительно так добавляю, что о том я знаю наверняка. Потому, говорю, мы должны не только воинское искусство постигать, но и уметь быстро собраться в нужном месте: никогда не ведомо, где и когда и, главное, как враг ударит. А, может, говорю, и упреждающий удар нанести придётся.

Ну, и ещё, как договаривались, начинаю потихоньку готовить к отрицанию некоторых нынешних, кто у власти. Мол, попустительствуют. Одно дело генерал Федоренко, тот герой, по нему, конечно, сомнений никаких. А с другой, ну и там про бывших говорил, про всяких калинкиных, дворянских и прочих вместе с другом их Филатовым. И про нынешних, конечно, но осторожно. Нам до поры до времени призывы к свержению власти не нужны. А уж когда надо будет...

– Девятого января, – неожиданно вставил Ходырев. – Надо будет девятого января. Сам рассчитывай, как к этому дню обстановку накалить, но не перегнуть.

– А что будет девятого?

– Эх, – Ходырев вздохнул, – Стенька-Стенька...

– А-а! – тот хлопнул себя ладонью по лбу. – Тысяча девятьсот пятый, кровавое воскре... Пойдите. Так что же, я народ к Кремлю поведу, а нас полиция?..

– Не так, – перебил его Фролов. – Толпа тысяч в двадцать человек с иконами и иными религиозными символами придёт к Зимнему дворцу, где будет находиться Президент, и последний всенародно подаст в отставку.

– А если не подаст?

– Тогда в толпе начнётся давка, – холодно произнёс Фролов, – в которой погибнут несколько сот человек, может быть, тысяч. Если Шацкого и это не впечатлит, в стране вспыхнет всенародный бунт.

– Бунт против чего? – простодушно спросил молодой свя-

щенник.

А не так-то прост этот клоун. Не зря именно его выбрали.

– Бунт против власти, попустительствующей отступничеству от ключевых моральных ценностей, на которых испокон веку зиждется государство Российское, – спокойно ответил Фролов. – Так что где-то с конца осени нужно будет быстро увеличивать градус эмоциональности нашей целевой аудитории.

Стенька закинул ногу на ногу, задумчиво покрутил ступнёй, как бы разглядывая с разных сторон свой обветшалый ботинок.

– Существуют различные способы создания давки, – Фролов говорил гладко, но как будто неохотно, словно преподаватель, читающий очередной группе слушателей лекцию, выученную наизусть за многие годы и уже надоевшую самому. – Паника. Стремление увидеть святыню, находящуюся в определённом месте, или получить находящийся в этом месте подарок. Стремление быстрее выбраться из толпы, если, скажем, подарок расположен в другой точке. Но лучше всего работает паника. К слову, знаете об этимологии слова «паника»? От древнегреческого бога пастушества Пана. Он мог насылать на людей и животных безотчётный ужас, если его рассердить. Кстати, о животных... – Фролов задумался, было видно, что мысль пришла ему в голову только что. Но сформулировал он эту мысль определённо: – А что, если животные в толпе окажутся? Скажем, медведи? Простите, от-

влёкся, но мысль занятная, я к ней вернусь позднее, – молодой человек сделал несколько пассов рукой, делая пометку в блокноте через меню символов. – Возвращаясь к давке. Паника подходит лучше всего. Особенно хорошо она сработает, если люди будут ожидать угрозу, например, подрыва шоковых гранат в неизвестном месте в толпе. Давайте подумаем, что ещё может быть, время пока есть.

– Ну так да, – вставил Стенька, – времени у нас, как встарь говорили, вагон и маленькая тележка. Долго запрягаем. До января-то ещё у-ух сколько!

– Долго, – охотно согласился Ходырев. – Но будем продвигаться методично.

Действительно, долго. Современный мир быстрый. Вот раньше, давно-давно, допустим, заключает предприниматель сделку с английской компанией. Пишут его конторские служащие контракт на бумаге, а потом предприниматель садится в сани и уезжает в Лондон в командировку. А возвращается уже в карете, под осень. Наверное, так было. Потом мир стал быстрее, а сейчас и вовсе кажется молниеносным. Жизнь ускорила во всём. И в личном отношении, и в культурном, и в деловом. Люди стали быстрее мыслить. Наверное, мозг как-то эволюционирует, но, главное, появились новые стереотипные алгоритмы: то, о чём раньше следовало *подумать*, сейчас происходит как-то само собой на уровне интуиции. Срабатывают схемы, заложенные в детстве, в процессе воспитания. Именно индивидуальная интуиция, а

не новые общественные устои. Потому и люди сейчас такие разные.

Заблуждается Стенька, называя большую группу людей быдлами. Конечно, у них много объединяющего. Неудовлетворённость бедностью (что бы они знали о бедности настоящей!), которую люди стремятся компенсировать якобы духовным. Потребность в патриотических чувствах, а то о национальной гордости в последние годы как-то подзабыли (ваша недоработка, уважаемый Матвей Юрьевич). У обывателя, особенно у русского, имеется душевная жажда испытывать гордость такого свойства, которая в силу человеческой природы в полушаге от гордыни. Ну, и на фоне рутинной жизни, пресыщенной быстрым и поверхностным, рельефно проступила общая потребность в настоящих *событиях*. Но эти люди – не быдло. Это стадо, в хорошем смысле слова, без уничижительности: овечки, которые нуждаются в пастухе. Оставалось лишь найти нечто одно, универсальное и работающее, и этим универсальным Игнат Рафаэлевич выбрал и, в силу своего характера, назначил религию. И попал в яблочко. Народ не нужно было раскачивать, достаточно было распахнуть дверь и показать, куда идти, и народ сам потянулся.

А вот Калинин перемены прозевал. Хотя понимал и чувствовал всё. Однако, когда у него появилось, что осмысливать, было поздно. Ходырев грамотно сработал на упреждение, и Шацкий уже находился под влиянием «правильных»

людей, которые задолго до настоящих событий сформировали у Президента «правильное» мировоззрение. А именно – невмешательство в общественное, которое, пользуясь виртуозной подменой понятий, было преподнесено как невмешательство в частное. Однако пенсионер-эмигрант, бывший помощник президента, Ходырева беспокоил. Калинин не виртуоз в стратегии, но блестящий тактик. К тому же боец. Он сдался и успокоился? Да кто ж в такое поверит! И ведь как удачно повернулось – оказался в другом государстве, да ещё и далеко не самом дружественном России, не дотянешься, даже возможность отслеживать перемещения ограничена. С другой стороны, а что он может сделать? Получается, что вроде бы и ничего, проиграл по всем фронтам. Но очень уж подозрительно затих. Значит, мы чего-то не замечаем.

– Долго, – повторил Ходырев. – Но это мысль быстра. И интеллектуальные убеждения можно переменить быстро логическим опровержением. Другое дело убеждения духовные и, например, эстетические. Невозможно убедить человека в том, что некрасивое красиво, быстро. А уж тем более убедить большую и долгое время неопределённую для нас группу людей в возможности того, о чём им в голову даже мысль не закрадывалась. Поэтому и движемся с такой вот скоростью.

– Шефа на философию потянуло, – заметил Фролов, сделав совсем уж серьёзное лицо.

– А вот не тянуло бы шефа на философию, так и твоя

жизнь, Фролов, поскучнее была бы. А тут – *события*.

Ещё пообсуждали план ближайших действий, и через четверть часа Стеньку увезли, а Фролов и Пекарский ушли по своим делам.

Ходырев ненадолго задержался у окна с чашкой кофе, а потом направился в конюшню. Нужно было подумать, и прогулка верхом весьма этому способствовала. Седлать Грома он любил сам. Пока почистишь коня, сходишь за седлом, вольтрапом и уздечкой, забинтуешь сухожилия, поседлаешь, затянешь подпруги, так и четверть часа пройдёт. Как раз время поразмыслить. А затем сесть верхом и – сначала минут десять шагом, потом примерно ещё столько же порысить, и уж потом в галоп!

* * *

Чёрный правительственный пинг в сопровождении двух пингов ФСО, закружив в маленьком вихре опавшие яркие осенние листья, мягко приземлился у здания на Маросейке, где первые два этажа занимала флагманская оранжерея «Лепестков и Бутонов».

Дом был пятиэтажным (плюс пять подземных этажей), и для архитекторов стало хотя и не сложной, но интересной задачей перестроить здание так, чтобы в оранжерею попадал солнечный свет, как естественный, так и аккумулированный. Получилось безупречно – цветы росли как будто в природ-

ной среде. А прозрачные стены первого этажа создавали впечатление, словно заросшая полевыми цветами лужайка начиналась прямо у дороги.

Всё-таки у Оленьки талант. Цветы и что им нужно она не просто знает, она чувствует. И предрасположенность к предпринимательству у Оленьки обнаружилась, как только появилась возможность. Стремительный взлёт «Лепестков и Бутонов» воодушевил и преобразил девушку. Из милой цветочницы, каждый день с обидой осознававшей, что она не рождена для навязанного обстоятельствами скромного существования, Оленька превратилась в Ольгу Вейминовну, законодательницу флористической моды в стране. Она стала известной и богатой, в её окружении появились значимые люди, причём уже не благодаря мужу. Тот, конечно, за это время превратился из заместителя министра в вице-президента, стал вторым человеком в государстве, только и Оленька уже сделалась самостоятельным человеком, при деле, да ещё таком красивом, и с большим доходом. В её окружении стали появляться интересные мужчины, да и без них подступало осознание того, что генерал Федоренко далеко не молод, и что общего у них не так уж много. Отрезвила её лишь вскользь брошенная Денисом Денисовичем Чижевым фраза: «Повезло вам, Ольга Вейминовна, с мужем. Держитесь его. А то дело-то, знаете, какое, сегодня есть, завтра нет». Чижев не пояснил смысл сказанного, но два и два Оленька сложить сумела. Муж никогда не рассказывал о своей короткой бе-

сиде с Чижовым тогда, два года назад, но именно после той встречи простую цветочницу вдруг сделали руководителем, и на компанию посыпались государственные и, что было более значимым, околোগосударственные заказы, давшие «Лепесткам и Бутонам» очень неплохой старт на новый уровень. И она смирилась. В конце концов, всё-таки вице-президент. А от мысли «завтра нет» её и вовсе передёргивало.

Оленька любила, когда муж заезжал за ней после работы. Однако и хорошо, что случалось это нечасто, такое надо в меру. Ей нравилось эффектно усаживаться в свой ярко-красный «Руссо-Балт» и колесить домой по московским улицам не самым коротким путём, в хорошую погоду откидывая верх паластрума. Но и вице-президентский кортеж тоже был весьма эффектен.

Муж заранее предупредил, что залетит за ней, и Оленька уже собиралась на выход, неторопливо шагая сквозь яркую цветочную лужайку на первом этаже, однако неожиданно на пороге появился Денис Денисович Чижов, как всегда, со своей милейшей супругой Изабеллой Вениаминовной.

Чижов коротко, но чинно поприветствовал Оленьку, а вот супруга бросилась к девушке, как всегда, раскрывая руки для объятий и припадая к её щекам троекратным поцелуем.

– Ольга Вейминовна! Милейшая! Как же я рада вас видеть! Ох, – она чуть отстранилась и осмотрела Оленьку с головы до ног. – А вы всё хорошеете! Среди этих цветов вы – самый яркий цветок, самый прелестный бутон.

Фу. Ну чего ей ещё надо?

Но Изабелла Вениаминовна взяла Оленьку под руку и, восторженно бормоча ерунду, повела её вглубь оранжереи, а потом вовсе на второй этаж по реалистично симитированному архитектором склону холма.

И чёрный правительственный пинг у порога встретил лишь один Чижов.

Генерал, надо сказать, не очень-то был рад этой встрече. Со дня их знакомства они виделись всего несколько раз, и ни одна из этих встреч не была приятной. Даже нейтральной. Даже когда случайно встречались на приёмах, Чижов на секунду приближался к генералу и шептал на ухо коротко что-то вроде: «Видел Ольгу Вейминовну, она такая счастливая! А ведь это всё благодаря вам». Или: «А вы слышали про директора департамента в министерстве, которого во взяточничестве уличили? Сердце разрывается, когда представляю, что будет с его семьёй».

Лишь однажды Чижов вот так же встретил генерала на пороге оранжереи. Тогда он коротко сообщил Федоренко, что у того есть шанс стать вице-президентом, и что он, Федоренко, очень нужен российскому народу, что именно он должен занять этот пост, а не мягкотелый Калинин. И что, если так сложится, генералу не следует отказываться, если он, конечно, намерен и впредь служить интересам своей страны. Больше Чижов тогда ни на что не намекал, а генерал старался об этом не думать.

И вот опять объявился. Стоит себе среди цветочков, нюхает, любуется. Да и встал так, что с улицы его не видно.

Генерал нехотя пожал протянутую гостем руку.

– Пройдёмся? – деликатно, как будто даже заискивая, проговорил Чижов. Что ж за манера-то у него? Лебезит, но как будто издевается. Да чего там, так оно и есть.

– А правду ли говорят, – мягко начал Чижов, взяв Федоренко под локоть, – что Шацкий в отставку уйти может?

Федоренко остановился и вытаращил на гостя глаза.

– Ой, – тот едва заметно хохотнул, прикрыв рот ладошкой. И ладошки у него мерзкие! – А вы не знали? Ну так пусть тогда между нами останется. Ладненько? Со мной на днях один приятель поделился, что-де зреет недовольство народа, что стране нужна жёсткая рука, а не политиканство Шацко-го. Мы как разговорились, так сразу о вас и подумали. Вы ведь кресло президента займёте, если в Шацком вдруг совесть проснётся, да он и поймёт, что не своё место занимает?

– Займу, – согласился Федоренко. – До внеочередных выборов.

– Конечно-конечно, – замахал своей мерзкой ручкой Чижов. – Но даже за время, которое (конечно, если Шацкий уйдёт во отставку) потребуется для организации внеочередных выборов, вы же успеете сделать кое-что значимое для страны?

– Конечно, – генерал саркастически усмехнулся. – Для страны. Человек, который всю жизнь...

– Да мы знаем, знаем. Ну, так в стране есть толковые люди, да и ещё, исключительно благодаря своим заслугам, по достоинству занявшие должности в министерствах и ведомствах. Вот как вы, Василий Никифорович, в своей области. Вот бы Шацкому доверить профессионалам страну обустроить, а он всё что-то упирается.

– Если вы о новых инициативах Центрального банка и Министерств Экономики и Промышленности, то они действительно могут привести к ослаблению страны.

– Ох, Василий Никифорович, да много ли мы с вами в этом деле понимаем? Мы ведь каждый в своём деле специалисты. А я вам так скажу: если внимательно присмотреться, то сейчас-то самое время своих сограждан и предпринимателей поддерживать, а не на остальной мир равняться. Вы бы вникли на досуге, что там ваши коллеги в правительстве предлагают, гладишь, и переменили бы свои взгляды. Да я думаю, что и народ в перемены поверит. А то ведь так и до политических разногласий внутри страны дойти может, а наши враги только того и ждут. Ой, – Чижов вдруг посмотрел на часы. – Как времечко-то летит! Мы бы, с вашего позволения, откланялись. Пойдёмте супруг наших разыщем, а то они, поди, совсем цветочками и бутончиками увлеклись. Они обе, знаете ли, такие увлекающиеся!

* * *

Игнат Рафаэлевич заглушил двигатель и потянул рычаг «ручника». Выбрался из автомобиля, с силой захлопнул дверцу. Вот, поди ж, сто с лишним лет агрегату, а бегаёт! И ведь когда-то такие машины обыденностью для людей были! Ездили на них на работу, в гости, на рыбалку... Водить учились специально. На заправочные станции заезжали. Вот ведь жили!

Выходя из гаража, Ходырев окинул взглядом свой скромный автопарк, состоящий из пяти внедорожников середины двадцатого века, и в очередной раз порадовался. А вот приятно!

Когда входил в дом, в дверях встретился с Пекарским.

– Игнат Рафаэлевич, позвольте полчаса вашего времени?

А удачный момент каждый раз человек для разговора выбирает. И время есть, и настроение располагает. Что скажешь – профессионал.

Поднялись в кабинет, заказали чаю, и Пекарский, как обычно, сразу перешёл к сути.

– Игнат Рафаэлевич, нам стало известно, что на вас готовится покушение. Возможно, вы слышали о группировке «Волки»? Группа инициативных граждан, которые не разделяют ценности «Чистоты и Чести» и стремятся ей противодействовать. Основу организации составляют столетние профессора, из разных областей науки. Мы не заметили связи «Волков» с какой-либо правительственной структурой какой-либо страны, однако такого нельзя исключать. До

недавнего времени в действиях «Волков» не наблюдалось какой-либо последовательности, их акции были слабыми и стихийными. Например, сорвать проповедь выкриками или закидать камнями тренировочный лагерь отряда самозащиты и убежать сразу.

Ходырев уселся в кресло, закинул ногу на ногу и скрестил руки на груди, мол, продолжай.

– Тем не менее, мы держим «Волков» в зоне нашего внимания.

– Имея в виду резидентуру, – понимающе кивнул хозяин кабинета.

– Не только, но и её в том числе. Потенциально мы ожидали опасности от этой организации. Старики хоть и столетние, однако не маразматика и с влиянием и деньгами. Только до последнего времени они не знали, как всем этим пользоваться.

– И что? Узнали? Или подсказал кто?

– Судя по их плану, если кто и подсказал, то человек этот явно непрофессиональный и чересчур наивный. Но сами старики в свой план верят безоговорочно.

Ходырев улыбнулся уголками губ.

– Ну не томите, Богдан Петрович! В чём план-то?

Пекарский присел на кресло напротив Ходырева, на самый краешек, и склонился к нему.

– Помните недавнюю историю о клоне у Филатова?

Ходырев охотно кивнул.

– Помню, только это не клон...

– ... а воссозданный образец...

– ... который сейчас на Уране...

– ... который, Игнат Рафаэлевич, сейчас летит с Урана в «Молнии» медиакомпании «НМТ». А «НМТ» принадлежит троим из «Волков».

Ходырев откинулся в кресле и, сощурившись, пристально посмотрел прямо в глаза руководителю службы безопасности.

– «Волкам» известно о вашем интересе к культуре двадцатого века. Они решили использовать воссозданный образец, кстати, его зовут Николай Алексеевич Афанасьев, для покушения на вас и аиста.

Ходырев немного расслабился, даже попробовал засмеяться.

– Этот Афанасьев что, в своём времени профессиональным убийцей был?

– Автомехаником он был. Но. Так сложилось, что мы стали источником сразу нескольких его жизненных трагедий. Мы убили его внучку. Помните, ту журналистку с мужем? И ещё мы убили его девушку и друга. В момент покушения на Филатова Афанасьев находился в его доме, и именно оттуда его эвакуировали на Уран. Полагали, что цель покушения – он, клон. Из-за нас Филатов и Калинин, с которыми Афанасьев тесно сошёлся... А с кем ещё ему здесь сходиться? Эти двое эмигрировали из страны. И тогда, при покушении на

Филатова, погиб полковник Шереметьев, с которым Афанасьев был особенно близок. И, главное, погибла Милена Голицына, с которой у Афанасьева был роман. Точнее, даже не роман, а настоящая любовь.

По лицу Ходырева как будто пробежала тень. Он был знаком с Голицыными, несколько раз видел Милену. И эта смерть стала настоящей. А, оказывается, была ещё и настоящая любовь. Нет-нет, стоп. Проще называть это абстрактно: неизбежные человеческие жертвы.

– В общем, накрутили парня так, что он вас со Стенькой убить готов. За два дня его обработали, профессионалы-медики.

– И? Летит убивать? Наверняка и план есть.

– Так точно. План такой. Скоро начнётся кампания по популяризации Афанасьева. Чем дольше мы не будем обращать на него внимания, тем шире и массивнее будет подогреваться общественный интерес. В конце концов, вы захотите познакомиться с человеком, который жил в двадцатом веке, по его меркам, ещё два года назад, со свежими воспоминаниями. Он окажется для вас занятым собеседником, с энтузиазмом будет обсуждать ваш автопарк, он же автомеханик. Вы пригласите его в гости, возможно, предложите остановиться у вас на пару дней. Афанасьев с радостью примет приглашение. В качестве подарка, зная ваше увлечение еще и оружием, он раздобудет для вас настоящий пистолет ТТ двадцатого века.

– ТТ? Тульский Токарев? – воодушевлённо, но с нескрываемой иронией воскликнул Ходырев. – У меня, конечно, один такой есть, но второй не помешает! А можно как-нибудь устроить, чтобы и ТТ в подарок получить, и не погибнуть при этом?

Пекарский усмехнулся.

– Так и устроим. С вашего позволения, продолжу. Во время дарения Афанасьев выстрелит в вас и, желательно, в аиста. Он попытается подгадать момент, когда вы трое будете вместе. Почему-то старики уверены, что аист часто здесь бывает. Им известно, что вы часто принимаете гостей в кабинете без охраны.

– А дроны?

– Да, – согласился Пекарский, – в этом единственное рациональное зерно их плана. Они знают или догадываются, сколько дронов находится в доме. Более того, им известна азбучная истина, что против дрона ни у одного человека нет шансов. Поэтому они сконструировали устройство для отключения дронов. Устройство вмонтировано в детали ТТ. Пока пистолет разобран, элементы устройства неактивны, и их, скорее всего, невозможно обнаружить при осмотре. При полной сборке пистолета элементы устройства взаимодействуют, и устройство активируется. Это устройство подаёт сигнал, отключающий все дроны в Покровском. Обе системы управления – и основную, и дублирующую.

Ходырев, конечно, хотел спросить, чем же будут зани-

маться бойцы службы охраны, но не перебивал, слушал.

– После выстрелов в небе над Покровским появится летательный аппарат для отвлечения внимания. Однако сам Афанасьев пробежит вниз, в гараж, и выедет на Ленд Ровере. По расчётам «Волков», на его пути не должно быть постов охраны. И, кстати, следует признаться, эта часть плана тоже небезосновательна. Ему достаточно будет пробежать три лестничных пролёта, и он в гараже. Потом проехать сто тридцать метров до леса. А водить автомобиль он умеет. Оттуда его предполагается эвакуировать по воздуху.

Ходырев встал, прошёлся по кабинету, разминаясь, посмотрел в окно, повернувшись к собеседнику спиной.

– Богдан Петрович, – медленно проговорил Ходырев, – и как вам этот план?

Пекарский вздохнул, сделал паузу.

– По правде говоря, этот план выявил несколько слабых... слабоватых звеньев в нашей системы охраны. Если допустить, что вы бы пригласили Афанасьева в гости, а мы бы пропустили его с деталями пистолета в сумке на территорию дома, то вероятность его успеха была бы в районе двадцати процентов.

– Двадцать процентов... – мрачно проговорил хозяин кабинета.

– Да, Игнат Рафаэлевич. Пороговое значение для профессионалов. У нас, в «Альфе», если вероятность успеха операции составляла двадцать процентов, операция считалась по-

тенциально успешной.

– Ну что? – Ходырев резко развернулся на каблуках и посмотрел в глаза Пекарскому. В его голосе зазвучал азарт. – Будем встречать гостя?

* * *

Вставить колодку ударно-спускового механизма, затем ствол, направляющую втулку в кожух, вставить возвратную пружину, затвор со стволом на рамку, вставить затворную задержку, надвинуть пружину затворной задержки, вставить магазин. Передёрнуть затвор, снять с предохранителя. Сформировать хват, вывести на цель и плавно нажать на спуск. И всё заново. Раз за разом.

В невесомости.

Через неделю стало получаться быстро и легко, движения сделались плавными, скорыми и чёткими. Следующий этап – то же самое, сборка того же ТТ, но не глядя, в мешке.

После спасательной операции, что удивительно, Коле почти не задавали вопросов. Особенно демонстративно его игнорировали Вильгельм Забушек (по понятным причинам, в силу характера, он вообще Колю почти перестал замечать) и Франк-Мартин Шульце. Элли потом сказала, что последнему с Земли мягко намекнули, что, мол, лучше вообще отметить инцидент в судовом журнале как заурядный и помалки-

вать в тряпочку.

Конечно, на «Джувьетте» вся слава досталась Элли. Коля намекнул, что так надо, одной короткой фразой: «Вот рванул сдуру! Хорошо, она вовремя сообразила, как что сделать». Элли всё поняла и быстро поддержала. Хотя, уж кто тут сдуру-то... Но многие верили.

Элли тоже не задавала вопросов, но смотрела на Колю, как бы сказать, не с подозрением, но настороженно. Общались, на первый взгляд, без напряжения. Вроде бы всё как всегда, вроде, просто занята, но ощущение барьера за пару дней превратилось из кажущегося в определённое. Коля, улучив момент, когда они на секунду остались вдвоём (а вдруг как-то само собой перестало складываться, чтобы остаться вдвоём), осторожно взял её за руку, посмотрел в глаза и хотел было напрямую спросить, что происходит, но Элли отвела взгляд и аккуратно высвободилась.

– Прости, Коля... я... я тебя совсем не знаю, – она вздохнула и, наконец, их глаза встретились, – я так не могу...

Коля тоже вздохнул.

– А я не могу рассказать. Многого, наверное, вообще никогда не смогу.

– В этом я не сомневаюсь! – Элли привычно озорно усмехнулась и исчезла.

А ещё через день рассказывать стало можно почти всё. Коля даже от шока вспомнил слово «нежданчик».

Сначала в голове зазвучал голос. «Бриз ответь Закату». Ну вот, объявились! А три дня докричаться не мог. И так вызывал, и этак, и того, и другого, а в ответ только неожиданно две фразы Кельта: «Не засоряй эфир, курсант», и, когда Коля совсем уж «оборался»: «Минута общения десять рублей. Текущий баланс – минус двадцать». Вот такие крутые парни в «Дельте» служат!

И тут вдруг посреди ночи:

– Бриз ответь Закату.

– Бриз на связи.

– Слушай вводную, Бриз. Совершенно секретно. Этический комитет Лиги наций одобрил предоставление тебе гражданства. Через четыре часа президент Шацкий подпишет документ, ты станешь гражданином России. Документ на подписи ещё со времён Калинкина.

Коля чуть не подпрыгнул! Со времён?! В смысле?

– Сразу же информация о тебе будет обнародована. Так что утром проснёшься знаменитым. Можешь на «Джультете» рассказать, если успеешь. Но только после объявления. Удивляйся, как будто для тебя неожиданность. Рано утром с Эмерсон стартуете в космос. Она получит координаты точки randevu, через три недели тебя заберёт частная «Молния», она уже в пути. Дальнейшие инструкции получишь там. Следуй им беспрекословно. Можешь верить каждому сказанному тебе слову. F-Command якобы случайно забудь в шаттле. «Дельте» вообще неизвестно, где ты находишься, что ты де-

лаешь и что происходит. Этого разговора у нас никогда не было. Вопросы?

– Есть вопрос. Где взять Эмерсона?

– Летиция Эмерсон, отставной полковник ВКС США, тебе известна как Элли. Ещё вопросы?

– Никак нет.

– Конец связи.

Ну что скажете? Не нежданчик?

А дальше вообще закрутило. Само собой, в ту ночь он не заснул. Проворочался до утра, покурить сбегал по-тихому. Крючоктвор Шульце, конечно, узнает и пометочку в судовом журнале сделает, только Коле-то теперь что.

Но в пять утра неожиданно, хотя теперь-то уж какие неожиданности, заявился он сам, за его спиной маячила всклокоченная чёрная шевелюра Элли.

– Ник, доброе утро... Или как тебя там на самом деле... – пробормотал директор. Он был заспанный, глаза ещё не разлепились, и языком едва ворочал. А вот ведь не удержался, ввернул фразочку. – Приказ с Земли срочно вывести тебя в космос. Тебя выдадут российским властям. Полетишь с Элли, она получит инструкции после старта.

Элли тоже была заспанная, настолько, что ничего не говорила, глаз приоткрыла только один, лишь два раза кивнула, потряхнув своей гривой. И Коля неожиданно, с внезапно накотившей грустью, стыдом и чувством вины подумал: «Да...

не изящный взмах каре. А как же я к ней привязался, а она ко мне...»

Шаттл стартовал через двадцать минут. Ещё через десять вышел в открытый космос и лёг на переданную Элли через Шульце стационарную орбиту. Элли включила автопилот и откинулась в кресле с закрытыми глазами.

Вот так. Опять без слов прощанья. Подъём, умыться, собрать нехитрые пожитки – и в космос. Коля так ни с кем и не увиделся до старта, только Шульце проводил до шлюза. Обменялись рукопожатием, вроде бы формально, а получилось с душой. Всё-таки полтора года с лишним вместе. «Ты тут держись, сынок!» – пошутил Коля. И по удивлённому взгляду директора понял, что тот ещё ничего не знает. Ничего, скоро поймёт.

– Ник, – подала голос Элли. – Не знаешь, нам долго здесь ждать? На шаттле нет зап-связи, нам по радио сигнал передадут?

Коля молча закрыл глаза.

– Закат Бризу.

– Закат на связи. На орбите?

– Так точно! Координаты и время рандеву?

Закат диктовал информацию, и Коля бездумно повторял за ним. Ошалевшая Элли быстро ввела данные в бортовой терминал.

Закат прервал связь, а Элли вывела шаттл с орбиты и направила в сторону Солнца. У них было три недели и один

день.

– Ник... осторожно позвала Элли. Коля хотел было уже сам заговорить, но Элли не выдержала, напряжение последних дней дошло до предела и схлынуло вот так. – Можно спросить твоё настоящее имя?

– А оно и есть настоящее. Меня зовут Николай Афанасьев. По-вашему, Ник. По-нашему, Коля.

– К-о-л-я, – медленно проговорила Элли, как будто пробуя имя на вкус. – Коля... Мы тут с Энрике посмотрели... Больше никого не было, только мы вдвоём... Просто вся база гадает, что значит «Бриз», ты так назвался тогда.

Элли сделала паузу, осторожно покосилась на Колю, но тот не перебивал, просто смотрел на неё. Легко одобрительно кивнул, мол, всё правильно, ничего страшного. Можно.

Шаттл набирал скорость, и они не покидали кресел в пилотской кабине. Невесомость, конечно, не стала для него обыденным явлением, но Коле уже не впервой, ощущения были знакомыми. Не самыми комфортными, да ещё и при ускорении шаттла до выхода на крейсерскую скорость. Коля попытался обратиться к F-Command с просьбой, чтобы как-то покомфортнее, и устройство неожиданно отреагировало, немного помогая вестибулярному аппарату, точнее, подавая ложные сигналы мозгу, имитирующие работу рецепторов вестибулярного анализатора. Стало немного лучше.

– Ты как? – осторожно спросила Элли, заметив лёгкое замешательство собеседника. – Невесомость?..

– Всё хорошо, – Коля кивнул. И замолчал, позволяя девушке продолжить.

– Мы посмотрели... с Энрике. Вдвоём, – она выделила это слово, как бы показывая, что информация дальше не пошла. – Ну, там, конечно, разное... Но был один Бриз, полковник в «Дельте», потом служил в охране профессора Филатова, погиб два года назад при покушении на профессора... За четыре месяца до твоего появления... Просто ты неожиданно *такое* демонстрировать начал... Вот сейчас опять данные точки рандеву по памяти выложил, как будто всё заранее знал с точностью до часа...

Коля, до этого внимательно смотревший в глаза Элли, откинулся в кресле, насколько это возможно, будучи туго пристёгнутым к нему ремнями, и закрыл глаза. И начал рассказ.

– Я родился в одна тысяча девятьсот семьдесят седьмом году...

Он рассказал ей не всё, но многое. Утаил те самые двадцать процентов правды. Почти ничего не говорил про «Дельту», про Милену лишь упомянул, скрыл про про F-Command второго поколения...

Только хитрость не удалась. Недоговорённость была очевидной. Весь рассказ, занявший полчаса, никак не объяснял ни неожиданно профессионального поведения Коли во время спасательной операции, ни внезапного осознания координат точки рандеву, ни, тем более, спешной эвакуации с Урана не самым дешёвым способом. А про Милену Элли дога-

далась – каждый раз, когда Коля произносил имя девушки, Элли хитро прищуривалась и иронически качала головой. Перестала, лишь когда Коля сообщил о её смерти.

Когда Коля закончил рассказ, они некоторое время молчали. Элли не задавала вопросов. Всё это нужно осмыслить, а для вопросов ещё будет время. Но Элли прервала молчание неожиданно:

– Меня зовут Летиция Эмерсон, я родилась в две тысячи шестьдесят третьем году.

История жизни Элли оказалась, на Колин взгляд, более драматичной и уж точно более насыщенной. Она родилась в США, в небольшом городке в Канзасе. Элли была третьим ребёнком из четырёх в семье безработных, семья ютилась в небольшой трёхкомнатной квартире социального минимума.

С самого детства, лет с четырёх, она начала заглядывать в мастерскую по ремонту пингов, располагавшуюся на окраине городка. Мойше Левинсон, владелец мастерской, не возражал. Он был хорошо знаком с родителями Элли, знал её с рождения и с радостью привечал девочку. Дочь безработных, людей без профессии и надежды, без стремлений, без желания и возможности дать что-либо детям, пусть уж лучше ребёнок будет при деле. Мастерская была простенькая, ремонтные работы в ней были старые и примитивные, и многие операции Мойше выполнял сам, вручную. Сын Мойше вырос и переехал в Мексику, наёмных работников владелец

мастерской позволить себе не мог, а тех, кого мог, было боязно подпускать к пингам, и девочка вдруг пришлась к месту.

Уже в пять лет она сноровисто, без подсказки, подавала нужный инструмент, а в семь выполняла несложные поручения. В девять она уже была способна полностью заменить Мойше в любой работе. Вдвоём они стали справляться с заказами быстрее. Каждый день маленькая Летиция после уроков (дома подходящей видеоконсоли не было, поэтому она посещала занятия вместе с такими же детьми в публичной библиотеке) неслась в мастерскую и проводила в ней время допоздна. Через какое-то время Мойше оборудовал в мастерской школьный уголок с видеоконсолью. Когда девочке было десять, Мойше начал ей немного приплачивать, а она отдавала все деньги родителям.

Впервые она подняла пинг в воздух, когда ей было десять. У пинга для ремонта необходимо было отключить систему идентификации пилота, и автоматика не препятствовала маленькой девочке брать в руки управление. Через год она пилотировала лучше, чем кто-либо на памяти Мойше, но летала тайно, лишь вблизи мастерской, имитируя для систем наблюдения тестовые полёты после ремонта.

А потом произошло одно из трёх (*пока* – Элли многозначительно с лёгким заискиванием посмотрела на Колю) событий, которые перевернули её жизнь.

Ежемесячное присутственное собрание класса, это когда

все ученики собираются вместе физически, а не через видеосвязь, совместили с пикником на природе. Двадцатиместный пассажирский пинг приземлился посреди Великих Равнин, вдали от цивилизации, и учительница, миссис Валентайн, прежде чем приступить к самому пикнику, водила учеников по степи, рассказывая о строении и составе почвы.

Смерч появился неожиданно. Совпало сразу всё – внезапное и аномально резкое возникновение торнадо, отказ основной системы предупреждения и неизвестно чем вызванная заминка в срабатывании дублирующей, отсутствие поблизости экипажей рейнджеров спасения и даже задержка в срабатывании баззеров тревоги пассажирского пинга. Когда дети добежали до него, смерч уже был совсем рядом, он был огромным и надвигался с ужасающей скоростью. Автоматика бесстрастно отобразила семидесятипроцентную вероятность крушения. Пилот побелел, его руки тряслись. Он уже почти успел дать команду старта в автоматическом режиме, когда четырнадцатилетняя Эмерсон рывком выдернула его из пилотского кресла. «Всем пристегнуться!» – крикнула она, занимая место пилота. Три точными ударами невесть откуда взявшегося камня она пробила центральную консоль, что-то сломала и перемкнула, сжала в руке джойстик управления, и пинг взмыл в воздух, вдавив взрослых и юных пассажиров в кресла невыносимым ускорением.

Первый комментарий взрослых дядь, которые впоследствии отсматривали записи со спутников, был: «Это невоз-

можно». Повторить манёвр мастер-пилотам также не удалось – девочка, практически вопреки законам аэродинамики, использовала энергию смерча для выхода из критической области.

А на следующий день в мастерской Летицию встретил маленький симпатичный щенок.

– Познакомься, – сказал Мойше, почёсывая собачонку за ухом, от чего та попискивала и извивалась от удовольствия, – это Тотошка.

Девочка всё поняла и улыбнулась.

– Значит, зови меня Элли. Девочка из летающего фургона. И она стала ждать волшебника.

Волшебник появился очень скоро. На нём была форма военно-космических сил с капральскими погонами.

Надо сказать, с Левинсоном обошлись чрезвычайно деликатно, а именно – оставили дедушку в покое и не стали допытываться, где же юная мисс Эмерсон приобрела выдающиеся лётные навыки. А Мойше-то тогда ох как струхнул!

А Элли определили в хорошую школу за государственный счёт. Параллельно она посещала курсы при колледже ВКС.

Обычно первый самостоятельный боевой вылет пилоты совершают в двадцать восемь – тридцать лет. Элли сделала это, когда ей было двадцать.

А потом были боевые действия год за годом – в маленьких стычках и в горячих точках, на земле и в космосе. Она воевала с британскими ВКС в трёхдневной войне над Тихим

океаном, все три дня. Билась в космосе одна с пятью истребителями противника, защищая марсианское поселение. Да много чего было. В своей стране она стала легендой.

Второе из трёх значимых событий жизни состоялось, когда ей было двадцать девять. Элли отказалась бомбить цель в Нигерии, мотивируя тем, что это частная собственность и там мирные жители. Данные разведки говорили об обратном, имелись достоверные сведения о том, что это база бандформирований, угрожающих союзникам США в Средней Азии. Но Элли, в нарушение всех инструкций, снизилась до высоты оптического контакта, виртуозно пройдя под атакой систем ПВО, убедилась в ложности данных разведки и, не выполнив боевую задачу, вернулась на базу. Это был её последний боевой вылет в составе ВКС США.

Довольно быстро выяснилось, что тогда Элли была права, а спецслужбы решали свои конъюнктурные задачи. Но от увольнения Элли это не спасло, неповиновение офицера приказу осталось фактом, неприемлемым для командования ВКС. Более того, хотя история не получила огласки, Элли всё же успела кое-что узнать, и спецслужбы взяли её под контроль.

Выход нашёлся быстро – Австро-Венгерская частная армия. И опять вылеты, воздушные и космические бои, всё как раньше. Хорошо, не всё. Не масштабные сражения, скорее, стычки. Но боевой вылет оставался боевым вылетом: пилотирование, бой, риск для жизни – всё это было настоящим.

Третье судьбоносное событие в жизни Элли очень напоминало второе. Она случайно узнала, что груз, который она сопровождала в составе группы из пяти истребителей, был живым: похищенные для выкупа дети. Узнала она это лишь за несколько минут до вылета. В конвоируемом пинге находились только три мальчика и пилот. Уже в воздухе она связалась с другими четырьмя истребителями, но «боевые товарищи» лишь отмахнулись – делаем, за что деньги платят. Тогда она уничтожила всех четверых и освободила заложников, сдав пинг с «грузом» в руки Израильской полиции.

Дальше всё развивалось предсказуемо. Владелец частной армии приказал уничтожить взбунтовавшегося пилота. Офицер израильской полиции честно сообщил, что правительство страны не сможет гарантировать Элли безопасность до конца жизни. Тем более на это нельзя было рассчитывать на родине. А на завтра из Таль-Авива стартовал очередной рейс на Уран. Даже на далёкую планету владелец армии сумел отправить весточку: «Если хочешь жить, не возвращайся». И это дало хотя бы ощущение безопасности, пусть и неустойчивое.

Казалось, три недели пути пролетели как один день. Они снова были близки, снова были друзьями, снова были вместе. Когда «Молния» пришвартовалась к шаттлу и открылся стыковочный шлюз, Коля притянул к себе девушку, обнял и прижал к себе. И они в долгом прощальном поцелуе кружи-

лись в невесомости.

«Молния» шла в автоматическом режиме, без пилота. Как она оказалась поблизости Урана, для Коли так и осталось загадкой, возможно, что случайно. Повезло, в общем. Впереди было три с половиной месяца пути в одиночестве.

Впрочем, одиночество быстро нарушилось вспыхнувшим прямо в центре пассажирского отсека изображением. Это был пожилой мужчина лет, наверное, за сто, высокий (ну да, они ж все тут высокие), худой и лысый, со впалыми глазами.

– Здравствуйте, Николай Алексеевич. Меня зовут Михей Фирсович Пинк, – он по-старчески почавкал. Но вообще, говорил бодренько, а взгляд был и вовсе озорным. – Я представляю одну частную компанию. У нас с вами ещё будет возможность поговорить. И о вас, и о нас... А сейчас просто обустраивайтесь здесь.

Любопытство подталкивало к тому, чтобы выкрикнуть: «Эй, Пинк! Не исчезай так! Говори сейчас!» Но прав был дедуля. Коле хотелось насладиться осознанием того, что он возвращается на Землю. Что он увидит дочку. Увидит друзей. И много-много лиц, разных, незнакомых. Что можно будет ходить по улице и дышать воздухом. Что под ногами будет твёрдая поверхность, а не постоянно покачивающаяся с переменной амплитудой палуба. И ещё – что больше не нужно прятаться. Можно начать строить жизнь. В этот раз точно по-настоящему.

Спальное место в «Молнии» было комфортным, не как в шаттле, где ремни просто фиксировали тело на лежаке. Здесь со всех сторон обхватывало что-то мягкое, удобное, подстраивающееся под каждое движение. Коля быстро провалился в сон.

Следующим утром за завтраком Коля попытался включить новости, но телек на приказы не реагировал. Наконец, в центре отсека появилось объемное изображение Пинка.

– Доброе утро, Николай Алексеевич! Как спалось?

– Доброе утро. Спасибо, хорошо, – ответил Коля с дружеской улыбкой. – Рассказывайте, что там у вас?

– Готовы выслушать сейчас? – с охотой откликнулся Пинк. – Это, наверное, с половину часа займёт. Готовы? Ну так вот. Вам, наверное, неизвестно, что происходило в России в крайние месяцы? Ну так я вам расскажу.

Некие силы возжелали присвоить власть в России. Именно так. Свергнуть избранного президента и поставить на его место президента марионеточного. Хотя, дело-то не совсем так в точности, но для нашей с вами беседы, надеюсь, позволите мне сделать некоторые упрощения. Кроме того, эти же силы намереваются несколько ослабить экономику нашей с вами страны. Эти меры в себя включают снижение требований к качеству товаров, ослабление торговли с другими странами и неоправданную девальвацию российского рубля. Кстати, вам, наверное, интересно будет узнать, что именно эти люди подослали наёмных убийц в дом уважаемого про-

фессора Иннокентия Аристарховича Филатова. Я сейчас говорю о той ночи, в которую вас, Николай Алексеевич, эвакуировали в столь далёкое место. Вы меня, конечно, спросите, а какова же взаимосвязь одного покушения с желаемым захватом власти? Ну так я потом вам разьясню.

Стоит отметить: забыл Михей Фирсович рассказать про взаимосвязь, ну, или просто не сложилось. Как там обстояло дело, Коля уже впоследствии узнал.

– Ныне же более любопытно вам, должно быть, услышать о том, зачем же ослаблять страну, власть в которой присвоить желаешь? – продолжил дедуля. – Уж поди лучше сильной страной управлять! А вот зачем. Во-первых, в слабой стране, да взявши под контроль силовые ведомства, проще манипулировать населением. А ещё более управляемым население станет, ежели насадить идеологию и требовать от сограждан следования ей. И, поганцы, идеологию-то они избрали, основанную на христианских догмах, однако же с малозаметными для обывателя поправочками. Конечно же, молодой человек, власть не может открыто насаждать радикальные взгляды одной только церкви, пусть и со внушительной паствой. Потому эти же силы создали религиозную экстремистскую организацию под наименованием «Чистота и Честь». Организация та призывает правильного, с их точки зрения, поведения требовать силой. Силой самой что ни на есть физической, для того они формируют вооружённые отряды, и того гляди, власти им потакать начнут, да и правомерность

им придадут, поименовав милицией. Про то и законопроект уже разработан. А как уж примут закон, так эти бандиты и вовсе открыто действовать возможность получают.

А во-вторых, без серьезной поддержки такой проект не осуществить. Силы те, о которых толкую (а «о коих реку» смотрелось бы антуражнее, неожиданно подумалось Коле), соединились с заграничными неприятелями. Те-то как раз хотят Россию ослабить для усиления своего геополитического влияния. Ну, вот и нашли два сапога друг друга. Заграничные оппоненты, стало быть, нашим, отечественным, тёмным силам деньги дают, да и так помогают.

Дедушка замолчал и уставился на Колю с испытующим лукавством.

– Вот так, стоит из страны на пару лет уехать, так у вас сразу беспорядок начинается, – посетовал Коля.

– Ну да не корите себя, молодой человек, – дедушка поддержал шутку. – Вряд ли уж на вас страна держалась. Ну как, увлекла вас история?

– Увлекла, – Коля кивнул. – Продолжайте, любопытно. Да какое там любопытно! Стало страшно.

Пинк как будто не заметил иронии и продолжил:

– Вам, наверное, и о персоналиях интересно будет? Так я вам расскажу. В религиозном экстремизме повинен священник Стенька. Это он многих ложною верой совращает. Убедителен, шельмец. Вы потом записи-то посмотрите. Сами-то, надеемся, не увлечётесь ересью? Однако ближайших

соратников он привлекает деньгами. Но он здесь второй. А первый в нашем списке – Игнат Рафаэлевич Ходырев. Предприниматель. Богатейший человек. Он-то и Стеньку к деятельности непотребной привлёк, но тот нынче самостоятельной фигурой стал, ну или, скорее, длина поводка весьма и весьма возросла.

Весь этот и следующий день Коля отсматривал ролики. Новостные выпуски, любительские съемки. Трагедия на Камчатке и комментарий Пинка о фокусировании внимания обывателя на генерале Федоренко. Неожиданный коммерческий взлёт «Лепестков и бутонов», принадлежащих жене генерала. Проповеди Стеньки. Одна, другая, третья – и бах! – встреча с митрополитом! Отставка Калинкина. Эмиграция Калинкина, Филатова и Дворянской в Лондон. Зарождающиеся боевые отряды, зарождающийся террор. Убийство в Тимофеевке и бессилие полиции. И ещё террор. Журналистские расследования, оканчивающиеся ничем... И смерть журналистки... её звали Оля... она была Колиной внучкой. И её муж. И Василиса, потерявшая дочь! И маленький Алёша, оставшийся без родителей! И всё красочно, объемно, реалистично! Могила Бриза. Могила Милены. Могила Оли и её мужа. Вот тебе, Коля! Добро пожаловать домой!

Он уже не замечал звёзд, космоса вокруг, не смотрел на Солнце, которое с каждым часом становилось всё ближе. Мир не сжался и не посерел, его мир просто исчез. Осталось лишь несколько мерцающих точек, ради которых имело

смысл возвращаться.

Наверное, и стоит жить и бороться дальше ради мерцающих по жизни точек. Да нет. Жизнь вообще стоит того, чтобы бороться! Сама жизнь! Как тогда, в бушующем океане из воды, аммиака и метана. Просто – форсаж, а дальше будь, что будет, пока на экране радара остаётся хотя бы одна яркая точка. И даже если не останется ни одной.

Когда через сутки изображение Пинка появилось в центре жилого отсека, Коля молча плавал в невесомости, стучась о стены.

– Добрый день, Михай Фирсович, – Коля поздоровался первым, облетая как будто твёрдо стоящую на полу фигуру.

– Доброе утро, Николай Алексеевич, – Пинк был предельно серьёзным. – Всё посмотрели?

– Тенденциозная подборочка, – Коля зло усмехнулся. – Дайте угадаю. Вы подпольная неправительственная организация? И ваша цель...

– Да, – Пинк кивнул, – мы подпольщики. Небольшая группа инициативных и, потенциально, деятельных граждан, которые стремятся воспрепятствовать скатыванию страны в пучину.

«А разве в пучину скатываются? В пропасть же...»

– Так вот, милейший Николай Алексеевич, если желаете к нам примкнуть, то милости просим. Вы бы очень нам пригодились.

– Да уж не сомневаюсь! Стали бы вы этот цирк с эвакуа-

цией на «Молнии» устраивать просто так. Только я-то вам зачем? Явиться тут посланцем из начала века, стать знаменитым и в СМИ кампанию забабахать? Мол, вот как ваши деды и прадеды жили? Ну так хорош авторитет! Да ещё и отсылка к периоду времени уместная...

Пинк молчал, а Коля продолжал медленно кружиться вокруг него.

– Мы посчитали, что следует лишить экстремистов главарей, – наконец, медленно проговорил Пинк, – только нам к ним не подобраться. Стенька ещё куда ни шло, но Ходырев...

– И?

– Игнат Рафаэлевич чрезвычайно увлекается девятнадцатым и двадцатым веками. При правильной подаче вас, Николай Алексеевич, он к себе подпустит.

На минуту повисло молчание.

– Вы мне его убить предлагаете? – медленно, как будто не веря в то, что это он сам говорит, произнёс Коля.

– Да. Обоих.

– Вы серьёзно, что ли?

– Вижу, шокированы. Ну так немудрено! Однако ж, да. Это решит проблему. Или сведёт ее к тому уровню, где дальше мы и сами справимся.

– Логично, – согласился Коля. – Хотя, по мне так сомнительно. Другие на их место найдутся.

– Ну так те пока сыщутся... Глядишь, и успеет власть от

приспешников ходыревских очиститься. Мы уже по именам всех знаем. Да мы же думали, как бы по-другому можно, головы себе сломали, но ничего не надумали.

– Угу, молодцы. И лучше Коли Афанасьева киллера не нашли.

Пинк вздохнул и отвёл глаза.

– Не подобраться к нему. А тем паче к обоим сразу. Охрана-то там сами понимаете какая. Даже не приблизиться никак.

– А меня он подпустит, конечно. Ещё и охрану отвернуть-ся попросит.

– А давайте-ка я с вами нашим планом поделюсь, а вы уж подумаете. Время-то имеется. А коли согласитесь, так мы прямо в космическом судне и материальчик тренировочный для вас изготовим.

Вот так. Напрямую. Без проверок, выяснений и подводок. Просто так – иди и убей. И всё бы казалось нелогичным, а то и вовсе бредовым, если бы не слова Заката. А эти люди точно знают, что говорят.

А потом пришло осознание того, что ему предложили *сделать*.

* * *

Октябрьское лондонское утро выдалось холодным, мокрым и ветреным. Всего понемногу – немного прохладно,

небольшая морось, лёгкий ветерок – но в целом было мерзко.

Дмитрий проходил мимо Speakers Corner, когда услышал сзади шлёпанье нескольких пар ног по лужицам на присыпанной гравием дорожке. Он посторонился, и его обогнали семеро мужчин, совершающих утреннюю пробежку. Мужчины были разного возраста, наверное, от двадцати до пятидесяти, все в обычных беговые туфлях, спортивных штанах да футболках. Адвокат поёжился и ещё плотнее натянул на голову непромокаемую шляпу и закутался в плащ. Пятью минутами позднее он увидел этих же бегунов, выполняющих упражнения на лужайке – они отжимались и качали пресс. Прямо вот так, в жухлой мокрой траве, в грязи, не обращая внимания ни на слякоть, ни на погоду. Вот так и живут люди на этом острове. Веками. Вот так, по-спартански, воспитываются поколение за поколением.

А мы на своей земле как-то по-своему. А другие народы – на своей по-своему. Казалось бы, все новые технологии должны превратить мир в единое целое, а вот нет. Каждый народ сохраняет свои особенности и свою землю. Бывает, народы соединяются в одно государство добровольно или силой, а потом расходятся. Так и длится не то что веками – тысячелетиями. И продолжают войны за чужие земли и за власть над другими народами.

Хотя больших войн не было уже давно, жёсткие и скоротечные вспыхивают то там, то здесь. И никак не сбудет-

ся мечта каждого поколения: «Наши дети будут жить в мире без войн». Говорят, человечеству свойственна экспансия. Если посмотреть внимательно, то не всему человечеству, а некоторым народам. Просто эти народы уже успели поглотить столько, что, кажется, они и составляют всё человечество. А всё же нет. Тот же Китай не стремится к экспансии, он просто вынужден. Европейцы же стремятся каждый первый. И мы, русские, стремимся, хотя у нас перманентный порыв расширения империи органично уживается с почти абсолютным космополитизмом.

Дмитрий прервал свои раздумья, когда на противоположном конце лужайки у пруда появилась высокая грузная фигура Матвея Юрьевича Калинин. Он приветливо помахал адвокату руками. В каждой он держал по стаканчику, видимо, с кофе.

Так и оказалось. Матвей Юрьевич протянул один стаканчик Дмитрию, и уж потом, когда одна его рука освободилась, мужчины обменялись рукопожатием.

- Доброе утро, Матвей Юрьевич.
- Доброе утро, Дмитрий. Спасибо, что выбрали к нам.
- Да как же иначе, – Дмитрий улыбнулся и сделал глоток из теплого, греющего ладони, стакана. – Спасибо за кофе.
- На здоровье. Только не увлекайтесь.
- Да вы же меня знаете, Матвей Юрьевич...
- Знаю-знаю, – Калинин весело улыбнулся, – удовольствие от рационального поведения для вас самое большое

удовольствие, даже при получении удовольствия.

Они пошли вдоль берега пруда.

– Как у вас дела, Матвей Юрьевич? – вопрос прозвучал, как дежурный, но таковым явно не был.

– Занимаемся теоретизированием, – быстро ответил Калинин. – Думаем, как бы в России всё так сделать, чтобы всем было хорошо.

– Счастье всем, даром, и чтобы никто не ушёл обиженный?

– Ну уж всем точно не получится. Всё как обычно – большинству. Как можно большему большинству. Вот только думаю, успеем ли мы предотвратить, или нам придётся восстанавливать.

Дмитрий широко улыбнулся.

– Хорошо, что третьего варианта не озвучиваете. «Не придётся». Рад, что у вас сохранился боевой дух.

Калинкин спокойно пожал плечами.

– Как же без него-то. Он в характере. По мне, так вообще проще защищать или завоёвывать, чем удерживать и выстраивать. Понятнее. Самому себе стыдно признаться, что не своим я делом последние годы занимался.

– Если позволите, Матвей Юрьевич, своим вы делом занимались. Возможно, что-то у вас получалось бы по-другому, если бы вы для себя свою работу определяли как борьбу, а не как рутину. Вставать и каждый день идти на бой, даже если он проходит в кабинетах и на видеоконсолях.

Калинкин опять пожал плечами.

– Да, Дмитрий, вы правы. Но про историю и сослагательное наклонение нам известно, поэтому будем смотреть в настоящее и строить планы на будущее. К сожалению, настоящее и ближайшее будущее видится нам безрадостным.

Адвокат кивнул и сделал глоток кофе:

– Комплекс мер, направленных на ослабление и изоляцию страны, уже разработан. К сожалению, до деталей. План Ходырева понятен на сто процентов. Шацкий уходит в отставку, Федоренко становится президентом, плюс люди в правительстве, которые уже под влиянием Ходырева, и вот вам контроль над страной. Арабы получают свою шахматную доску для игры против Европы и Китая, Ходырев получает власть. На два хода вперёд он то ли не смотрит, то ли понимает больше, чем мы с вами.

– А что там твой Данила?

– Он не мой. Он вообще, – ещё глоток кофе. – В плане денежной эмиссии скрыты некоторые неточности, которые, как мы ожидаем, выявятся только в ходе реализации. Это должно затормозить процесс месяца на четыре. Причём, Данила по-хитрому сделал, ещё и не своими руками. Там какой-то такой тройной финт, что даже я не понял. Новые требования по техническому регулированию Цветков, который всё ещё глава администрации президента, протолкнул с невероятным рвением, даже ходыревские ребята удивились. В итоге Шацкий подписал указ, а группа инициатив-

ных граждан, «Волки», кстати, обжаловали этот указ в Верховном суде. А тот нынче дела рассматривает неспешно, так что действие указа заблокировано, а федеральным законом они пока не догадались новые технические требования ввести. Хотели, как быстрее, а получилось, что тоже месяцев на шесть провал. Плюс Цветков заработал очки у Ходырева.

Бывший помощник президента усмехнулся.

– Хитро. Ты придумал? Узнаю почерк.

– Ну а кто же? – Дмитрий расплылся в улыбке.

– Только вот твой суд мой иск всё никак не рассмотрит.

– Ну так я же говорю, неспешно работает, – произнёс адвокат самодовольно, и фраза прозвучало нагло.

Они немного прошли молча. В тёмных облаках на небе появился просвет, морось стихла. От горячего кофе становилось теплее. А от того, что, наконец, встретились – спокойнее.

– А вот внутри страны, – не дожидаясь вопроса, заговорил Дмитрий, – всё только хуже. Мы пока не понимаем, как именно Ходырев хочет подтолкнуть Шацкого к досрочной отставке. Может быть, вы больше знаете?

– Может быть, – согласился Калинин. – Как мы понимаем, Стенька организует народные волнения, бунт. Для поддержки бунта стенькины группировки сейчас особенно активно тренируются и вооружаются. Нам удалось отследить некоторые каналы их финансирования, пытаемся перекрывать, в том числе с помощью наших иностранных коллег. Ки-

тай, кстати, вдруг забеспокоился, тоже пытается помогать. Только так, чтобы никто не догадался, – со смехом уточнил Калинин.

– Матвей Юрьевич, а можно спросить? – Дмитрий вдруг сменил тему. – Вы слышали про операцию, которую «Волки» задумали?

– Слышал, конечно.

– И вы верите, что всё получится?

Калинкин остановился и хитро посмотрел в глаза собеседнику.

– Я вам, Дмитрий, один секрет раскрою. Операцию разрабатывал лично Сканер. А у него, вопреки расхожему мнению, не мозг гениальный. Точнее, мозг-то гениальный, но ещё сильнее интуиция. И раз он дал добро, значит, шанс на успех девяносто процентов. Скоро узнаем. Филатовский протеже прибывает на Землю через две недели, плюс неделя на адаптацию к силе тяжести, а там дела быстро закрутятся.

Дмитрий понимающе кивнул и не стал ничего уточнять. А потом в его голове мелькнула мысль.

– Матвей Юрьевич... а если большая война начнётся...

– Боишься?

– Боюсь, конечно. Но вот думаю... Раньше уничтожали живую силу противника, захватывали земли и ресурсы. Потом захватывали телеграф, почту, что ещё там, и опять же ресурсы. А в войнах продолжали уничтожать технику и живую силу противника и, опять же, захватывать ресурсы. И

ещё уничтожать или отрезать пути снабжения армии. А если сейчас, то что? Живая сила участвует только в кульминационных боях, автономность единиц боевой техники такая, что они годами могут обходиться без снабжения. Продукты питания выращиваются везде, во всех населённых пунктах. Да, и на мимипиках можно синтетическую еду изготавливать в неограниченных количествах. Что захватывать-то?

Калинкин ответил сразу, наверное, сам об этом думал.

– Я не стратег, Дмитрий. Поэтому лишь гадать могу, хотя на днях намеревался с одним генералом как раз об этом потолковать. Если в Лондоне задержитесь, то присоединяйтесь, уверен, он не будет возражать. Надо поразмыслить, но рассуждения мои дилетантские. Технически это могут быть материалы для, как вы их называете, мимипиков, или внесение сбоя в программы управления ими. Откуда рецепты блюд в мимипиках берутся? Не приходило в голову, что двадцать процентов мимипиков в России контролируется компаниями Ходырева, из них пять процентов без возможности дублирования? А вообще, подумай, как юрист. Сам же меня учил. Что такое государство? Помнишь, как при мне той девочке-практикантке объяснял?

– Вроде, что-то припоминаю, – медленно проговорил Дмитрий, морща лоб. – Я тогда говорил, что есть разные определения, а ей тогда предложил...

– Три составляющие, – подсказал Калинкин. – Территория с границами. Налоги. И механизм принуждения испол-

нения законов. Может оказаться: то, что мы видим, это и есть новая большая война. Так что, – он улыбнулся и хлопнул молодого друга по плечу, – бояться поздно. Пора воевать.

* * *

Эту проповедь Стенька решил прочитать в Тимофеевке. Как и ту, первую, с которой он ворвался в умы и сердца многих. Первую его проповедь никто не записывал, но люди передавали из уст в уста. Многие другие его проповеди, снятые любительскими камерами, вмонтированными в бытовые устройства, легко можно было найти в сети. Сегодняшнюю же снимали журналисты. Две медикомпании даже включили прямую трансляцию. Камеры, общие для всех медиа, были расставлены так, что изображение записывалось полностью объёмным. И Стенька, как всегда, окружённый людьми, вот так мог прийти в каждый дом, в самый отдалённый уголок страны.

Он стоял, окружённый своей паствой, немного застенчивый, чуть вжавший голову в плечи. Переминался с ноги на ногу, с опаской косился на камеры. А потом тихо заговорил, глядя в глаза тех людей, которые были рядом. Он говорил не на запись, он говорил с людьми.

– Братья и сёстры. Друзья. Соратники. Те, кто верит, и те, кто не верит. В Бога, Богу или мне, – он открыл рот, чтобы ещё что-то сказать, но вдруг как будто передумал, опустил

глаза. И продолжил вот так, глядя в пол, едва улыбаясь. – Я приготовил проповедь, даже наизусть заучил, – в храме слышался негромкий смех, – а сейчас вдруг вспомнил, как первый раз вот здесь стоял перед вами. Помните? Ох и бо-язно тогда было! – Опять там и здесь негромкий смех. – Я, конечно, старался виду не подавать, а всё же, сами понимаете, сердце в пятки. А ну, думаю, как ерундой вам все мои мысли покажутся, – Стенька поднял глаза на замерших людей, внимающих каждому его слову, и ярко улыбнулся. – А вы меня приняли. Спасибо вам. *Спасибо!*

А потом, сами же знаете, как оно всё... Вон уж и целая страна поднимается. А ещё вдруг вспомнил... – Молодой священник посерьёзnel и запнулся. – Как Маруся... я много думал потом. Думал, не найду ответа, а нашёл. Я спрашивал себя, осуждаю ли я её. Всё же какой грех на душу взяла. А потом подумал – а почему она взяла на душу такой грех? Из ненависти? Нет. Мечь? Нет. Что же тогда? А любовь это. Такая сильная любовь, что человек готов пожертвовать собой, своей вечной жизнью ради вечной жизни любимого. Сашок-то её сейчас в раю, потому что душа убиенного в рай попадает. И она знала это и оградила мужа своего непутёвого от мук вечных, сама на муки ради него пойдя. Вспомните же, кто ещё принимал муки, чтобы на себя грехи людей взять? Вспомнили?

Осуждаю ли я Марусю? Нет. Да и кто мы такие, чтобы судить. Даже Бог не судит людей при жизни. А Маруся, как

вы знаете, сейчас в монастыре, кается, замаливает грехи. За-молит ли? Не знаю. Однако почитайте жития святых право-славных – сколько ж среди них было грешниками, а стало святыми!

Одобряю ли я Марусин поступок? Призываю ли поступать так? Нет! Огради вас Бог от такого отчаяния! Не делайте так, – глаза Стеньки сделались влажными, и он, часто мор-гая, опустил взгляд в пол.

Минуту стояли вот так, молча. Народ почти не дышал, ло-вили, казалось, не только Стенькины речи, но и малейшие движения, старались прочесть его мысли. Сам же Стенька стоял, потупившись, как будто собираясь с силами, подбирая слова, идущие от самого сердца. Он продолжил, по-прежне-му не поднимая головы:

– Много я о том размышлял. Многое изменилось за эти годы, что мы вместе. Да я и сам изменился. Я-то как думал? – он вдруг распрямылся и обвёл толпу взглядом, стараясь по-смотреть каждому в глаза, как будто в них искал ответ. – Ду-мал, сейчас мы, каждый из нас, постараемся стать праведни-ками. Постараемся найти веру в сердце, а не в обществе и уж тем более не в нынешней церкви. Однако мы живём в этом обществе. Можно ли обретаться в грязи и не запачкаться? Можно ли жить в обществе без ценностей и с прогнившей... Да я церковью-то это назвать не могу, так, организация по интересам при власти. И задача-то перед нами гораздо боль-шая. Общество должно измениться, иначе все пропадём. И

они, те, кто несправедливо живут, нас за собой в пропасть утащат. А можем ли мы помочь общественным переменам? Да! Я верю в наши силы.

Сегодня я обратился к вам: соратники. Со-ратники. Мы – рать! Так станем же воинами Христовыми! Можем ли мы изменить весь мир? Положа руку на сердце, не знаю. Можем ли мы изменить самую великую страну на Земле? Да. Верю, что можем. Без насилия и крови и не беря на душу новые грехи. Наверняка принимая страдания. Да, так сложнее. Но я верю, что это и есть наш путь. Грядут гонения, но когда было по-другому? Такова участь всех, кто восставал за праведное дело. И мы должны уметь постоять за себя, иначе развеет нас, как прах по ветру, и некому будет постоять за веру. Но мы должны кротко и со смирением принимать послушание, посылаемое нам Господом нашим.

Всё так сложно... Можно, я вам правду скажу? Я пока не знаю, что делать. Но как есть сейчас – не должно так быть. Не для того Христос за нас страдал, и не для того Бог создал людей, чтобы мы вот так себя сами погубили. Чтобы праведная жизнь осталась лишь в писаниях. А поодиночке мы не выживем. А как нам объединиться, и уж тем более как изменить общину нашу русскую, я пока не знаю. Давайте вместе искать ответ.

* * *

Вставить колодку ударно-спускового механизма, затем ствол, направляющую втулку в кожух, вставить возвратную пружину, затвор со стволом на рамку, вставить затворную задержку, надвинуть пружину затворной задержки, вставить магазин. Передёрнуть затвор, снять с предохранителя. Сформировать хват, вывести на цель, и плавно нажать на спуск два раза подряд. Вторая цель, ещё два выстрела.

Уже две недели, после недельной адаптации к земной силе тяжести, Коля тренировался в загородном доме Пинка. Специально для тренировок в одном из подвальных этажей полностью воссоздали обстановку кабинета Ходырева. Что не смогли построить, «дорисовали» виртуальными изображениями, которые, впрочем, выглядели очень реалистично.

Три дня спустя после начала тренировок вместо неподвижных целей стали высвечиваться голограммы Ходырева и Стеньки. Они каждый раз располагались в разных местах кабинета, по-разному двигались. Изображения были настолько живыми, что Коле в самом деле казалось, что он стреляет в людей. А потом всё усложнилось – «живые» люди начали страдать. Они проливали кровь, извивались от боли, падали на колени и просили пощадить, они орали и стонали. Наверное, организаторы тренировок добавили и пси-воздействие, потому что в какие-то моменты на Колю накатывали то сострадание, то ненависть, то страх, то ещё что-то такое. И через несколько дней он научился отключать эмоции. Просто – вышел на цель, нажал на спуск.

Его спрашивали, не передумал ли. Но для себя Коля решение принял. Если это единственный способ остановить надвигающийся ужас, то он это сделает. Конечно, нет-нет, да и мелькала мысль, что неужели бы ребята из «Дельты» не справились. Но тут же находилось оправдание – российские офицеры, которым ещё предстоит служить стране, наводить и поддерживать в ней порядок, не должны быть замешаны в теракте. А его, если что, они вытащат. Не раз уже демонстрировали, что могут.

Суть операции выглядела простой: заинтересовать Ходырева собой, получить приглашение в его дом, дожждаться, если получится, когда они будут вдвоём со Стенькой, и убрать обоих. Для этого в дом Ходырева в качестве подарка принести пистолет XX века. Пистолет в сборе представляет собой устройство, глушащее систему управления охранными дронами. По отдельности детали неактивны и запросто пройдут любой досмотр. Пули замаскируют в звенья ручки его сумки, с которой он приедет в дом Ходырева. После выстрелов нужно быстро спуститься в гараж и отъехать от дома до опушки леса, оттуда его эвакуируют. На маршруте от кабинета Ходырева до гаража нет постов охраны. Более того, «Волки» отвлекут охрану на крышу дома неожиданно появившимся летательным аппаратом, например, капсулой «скорой помощи». Вокруг имения Ходырева на удалении нескольких километров зависнут пинги «Волков», они будут следить за ситуацией. Кроме того, они смогут высвечивать на окна дома

подсказки. Например, однажды во время тренировки на окне кабинета высветилось: «Коля, охранник у кабинета, стреляй ему в лицо, как только откроется дверь».

Происходящее казалось сюрреалистичным, но что за последние два года было реальным? И ещё – не заглядывалось вперёд. Что будет после этого всего, Колю не интересовало, он не задумывался, и ему не хотелось задумываться. Наверное, что-то будет, но сейчас ему всё равно, что.

* * *

– Вот, – Пекарский указал на зелёный крестик, подсвеченный на полу кабинета между письменным столом и окном. – Позиция номер один. Вот позиция номер два, – руководитель службы безопасности указал на красный крестик слева от окна, ближе к шкафу с сувенирами. – Указатели позиций видны лишь с расстояния в пару метров, оттуда, где вы находитесь, их не видно. Сейчас вы как раз на месте, откуда киллер, скорее всего, будет стрелять. Журнальный столик у дивана на полпути от входной двери до позиции номер один, где вы будете находиться. Расстояние в шесть метров для быстрого прицельного выстрела вполне достаточное. Мы видели записи его тренировок, стрельбу от журнального столика он отрабатывает. На столике как раз удобно положить сумку и выхватить пистолет.

Ходырев подошёл к журнальному столику, на котором бы-

ла разложена сумка. Она была раскрыта, и в ней поблёскивал чёрный ТТ.

– Точно такой, как будет у стрелка, – пояснил Пекарский. – Можете взять в руки и выстрелить в меня. Умеете же, – и расплылся в улыбке.

Ну ещё бы. Его работодатель увлекался стрелковым оружием, и совершенно очевидно, кто учил его стрелять.

Ходырев достал пистолет, привычным жестом снял с предохранителя и передёрнул затвор. Однако ствол держал направленным в стену, а указательный палец покоился на рамке затвора, не на спусковой скобе.

Пекарский встал точно на позицию номер один и посмотрел прямо в глаза хозяину кабинета.

– Выстрелите в меня, Игнат Рафаэлевич. Давайте посмелее. Мы эту систему проверили вдоль и поперёк. Тридцать восемь выстрелов только с этой позиции сделали.

Ходырев быстро развернул ствол и с одной руки выстрелил точно в переносицу руководителю СБ. Однако промакнулся, пуля ударилась в бронированное стекло и отскочила рикошетом к стене справа. Ходырев выстрели ещё раз, и результат был тем же. От грохота на секунду заложило уши.

– Убираете оружие, Игнат Рафаэлевич? – осторожно поинтересовался Пекарский. И сошёл с места, лишь когда Ходырев поставил оружие на предохранитель и положил в сумку. – Не страшно было стрелять?

– Нет, – со спокойной улыбкой ответил Ходырев. – Вы же,

Богдан Петрович, предупредили, что это безопасно, а я вам доверяю.

– Хорошо, – Пекарский тоже улыбался. – Спасибо за доверие.

Он подошёл к журнальному столику, выхватил из сумки пистолет и расстрелял оставшиеся боеприпасы, прицельно паля по позициям, подсвеченным крестиками. Пули били по окну и по стенам, однако было видно, что точно по позиции не попадают.

– Примитивное устройство, – пояснил Пекарский, – но эффективное. И очень качественно выполненное. Просто электромагнитная завеса. Электромагнитное поле меняет траекторию пуль. Возникает ощущение, что стрелок промахивается.

– А если пули пластиковые будут?

– Тогда я останусь без шефа. Если серьёзно, то если пули будут пластиковые, если какие-то другие, если это будет не ТТ, если киллер будет приближаться к опасной для вас позиции, если ещё что-то не по сценарию, то мы просто прервём операцию. И охранные дроны конкретно в вашем кабинете отключим от общей сети, и потому они будут работать. Если что – сигнал дронам, а дальше их стандартная реакция на угрожающее действие.

– И у кого же будет кнопка «если что»? – Ходырев задал этот вопрос как будто с вызовом, но не надменно. Понятное дело, всё равно же ему страшно. Вот так встать под выстрел,

раскрыться перед противником.

– Кнопка «если что», – Пекарский продолжал говорить абсолютно спокойно, не реагируя на опасения собеседника, – будет находиться у меня. Дублировать меня будет Иванько, со второй наблюдательной позиции дублировать будет Магометов. «Если что» срабатывает и в том случае, если из строя выходит хотя бы один наблюдательный пост.

Ходырев прошёлся по кабинету, немного попрыгал на «позиции-1» и «позиции-2». Смерил взглядом дистанцию до Пекарского, который так и стоял у журнального столика. Прикрыл глаза, представляя, как стреляют в него самого.

– Хотите попробовать, Игнат Рафаэлевич? – Пекарский как будто читал мысли руководителя.

– Нет-нет, – замахал руками Ходырев. – Понимаю, что надо порепетировать, но не сегодня. Успеем ещё.

– Успеем, – спокойно согласился Пекарский. – Как нам только Стеньку подготовить? Если не предупредить, рванёт куда-нибудь сдуру и под пулю сунется. А если предупредить, выдаст себя, спугнёт стрелка. Надо подумать...

– А обязательно он нам тут нужен? – Ходырев обошёл стол и уселся на его краешек.

– Думаю, да, Игнат Рафаэлевич. Это спровоцирует киллера на атаку предсказуемым для нас образом. Именно как будем репетировать. Иначе весь план ставится под сомнение, всё же вашей безопасностью мы рисковать не можем. А в случае со Стенькой предсказуемо и место, и время покуше-

ния.

– Плюс хороший ракурс для записи, – добавил Ходырев.

Этот план родился у Пекарского на следующий день после того, когда он сообщил Ходыреву о готовящемся на того покушении. Ходырев тогда выпалил: «Мы можем как-то использовать покушение на меня?» Подумали и решили, что могут. Если сделать видеозапись того, как Афанасьев стреляет в Ходырева, если красиво преподнести, а лучше доказать, что Афанасьев связан с «Дельтой», а через неё с Калининным и Филатовым, то это может поставить на репутации последних жирный крест. Вот, мол, защитнички отечества спланировали примитивное заказное убийство видного предпринимателя. Зачем? Над этим пусть медийщики думают, но должно получиться красиво и правдоподобно.

– В гараж не хотите прогуляться? – спросил Пекарский. – Пойдёмте покажу, мы и там стрелку тёплый приём приготовили. На случай «если что».

* * *

Василиса жила в Тушино, на Сходненском бульваре. Коля бывал здесь раньше, даже смутно помнил район. Здесь ходили трамваи, рядом был парк, а на противоположном берегу, у Ленинградки, речной порт. Конечно, никаких трамваев не осталось, а панельные семнадцатизэтажки и совсем старые пятиэтажки давно снесли. И, конечно, никакой станции метро «Сходненская».

Но парк был на месте, бульвар остался бульваром. Дома были невысокие, этажей в пять, все в речном стиле, хотя и все разные. И, конечно, большущие окна и много зелени, цветов. Казалось, лето закончилось здесь, на улице, тут слякотно и грязно, а в домах застыло лето.

У Василисы была большая трёхкомнатная квартира.

– А мы там, в Кузьминках, долго жили? – спросил Коля, перелистывая страницы фотоальбома.

– Вы с мамой там жили до Войны, – осторожно, как будто боясь что-то спугнуть, проговорила Василиса. – А потом вам квартиру дали здесь, в Тушино. Ну, и я рядышком с вами, так и прижилась тут. А Машка на Соколе сначала, когда замуж вышла, близко тогда было в гости или помочь чего, а потом в Серебряный Бор перебрались. У них там дом прямо на берегу реки был... Папа? – вдруг совсем тихо, едва слышно, спросила она, потупив взгляд. – А ты Машку помнишь? И маму...

И в который раз за вечер на глаза навернулись слёзы, и они опять заплакали все троём – Коля, Василиса и осиротевший Алёша. Разревелись.

– Да, помню! – Коля говорил через всхлипы, утирая рукавом глаза. – Да я же их видел всего два года назад. А Маша мне часто снится... как когда... когда последний раз уходил, а она спала такая смешная, волосы так по подушке раскидались...

Коля раскрыл новый фотоальбом. Алёша подвинулся бли-

же, чтобы видеть, и прижался к Коле. Коля обнял его, и они продолжили смотреть фотографии. Четыре часа они так просидели. Сначала фотоальбомы, потом объёмные видеоизображения. Вся жизнь. Его. Семьи. Самых близких и просто знакомых.

Письмо «второго» Коли. Стихотворение, которое написал по дороге к Урану.

– Папа... как же я по тебе скучала... – проговорила Василиса в который раз за вечер. – И ждала. Тот мужчина, который тогда приходил, а потом письмо через десять лет... А я верила, что ты вот так... ждала...

И опять навзрыд все втроем. От счастья или от грусти? Да кто разберёт? Главное – сейчас вместе. И у каждого внутри: «Да! Вот так и должно быть! Почему бывает не так?!»

– Коля? – Алёша, наконец, перестал всхлипывать. – А тебя правда в «Удивил!» по «НМК» покажут?

– Правда, – ответил Коля. – Если честно, не хотел, но очень-очень попросили. Очень убедительно.

– Да ладно! – Алёша недоверчиво наморщил лоб. – Не хотел! Скажешь тоже! Это же на всю страну знаменитым будешь! Или даже на весь мир! О тебе и так говорят везде...

Коля с улыбкой посмотрел на правнука.

– Знаешь, а не хочется известности. Бывает такое.

– Бывает, – согласилась Василиса. – Папа и не стремился ни к чему такому. Просто жил и жил.

Коля уныло посмотрел на дочку.

– Ну нет, – Василиса виновато улыбнулась, – я не то хотела сказать! Просто ты никогда ни с кем не соревновался, не стремился быть лучше, чем кто-то. Просто стремился быть хорошим. По-настоящему, не показушно. И ты был очень хорошим. Помнишь, ты в стихотворении спрашивал? Ну так вот: ты был лучшим папой. Просто лучшим, без восклицательных знаков или сравнительных степеней. Как ты и хотел всегда, наверное. Мы часто чувствовали недостаток твоего времени, но не недостаток внимания. А ещё ты забывал день вашей с мамой свадьбы и несколько раз наши дни рождения. Но ты всегда помнил, у кого из нас что на душе, даже если мы вскользь упоминали. Мама говорила, что ты не всегда таким был... а я тебя другим не помню. У меня всегда был лучший папа. А знаешь ещё что? Ты всегда с уважением относился нашему с Машкой мнению. Даже когда заставлял что-то делать или запрещал что-то. Никогда не отмахивался, потому что мы маленькие. Мне сейчас иногда кажется, что у тебя вся жизнь в нас была сосредоточена...

Коля пожал плечами и вздохнул.

– Не помню. Точно сейчас многое по-другому бы делал, если бы вернуться.

– Например?

– Например... да не например. Что я вам дал? Заботу, внимание... Хорошо, если ещё воспитание.

– А надо что ещё-то? – Василиса искренне удивилась. – Это же детское счастье. Не только когда детство, а особенно

когда вырастаешь и вспоминаешь детство. А у нас с Машкой оно такое счастливое было! Машка тебя ещё пьяным помнит, и как вы с мамой ругались, а я нет.

– По-другому... – Коля задумался и вдруг взъерошил волосы на голове. – По-другому, это когда детям можешь дать больше, чем выучить с ними уроки и даже почитать правильные книги. По-другому, это когда перед глазами у детей пример, каким должен быть человек. И как стать таким человеком. И когда детей направляешь верной дорогой, наставляешь и поддерживаешь. Я, вроде, уже более или менее разобрался, что там к чему тогда было... Я знаю, я был хорошим папой. Наверное, хорошим мужем и хорошим другом. Но только если бы тогда я был таким, как сейчас! Если бы я сегодняшней попал туда... я был стал лучшим специалистом по ремонту машин! Или одним из лучших! Выучил бы английский. Выучил бы не знаю, что ещё. Научился бы хорошо готовить, пошёл бы в спортзал, бросил бы курить, и вообще... И точно был бы другим, и жизнь бы сложилась по-другому. И для меня, и для вас. У вас был бы перед глазами такой пример... А сейчас я понимаю: то, о чём говорю, тогда таким нереальным казалось! «Ну как я английский выучу? И, главное, зачем?», «Ну я и так нормально тачилы чиню, чего ещё-то? И, главное, зачем?», «Книжки? Бе-е, они нудные все». А всё же просто. Шаг за шагом. Посмотрел на свою работу и просто задал себе вопрос: «А что я делаю не идеально? Что нужно, чтобы было идеально каждый раз?». Да

с тем же английским – пошёл да узнал, где курсы и сколько стоят. Выбрал бы себе что-нибудь приемлемое и занимался бы ещё сам вместо того, чтобы у телевизора сидеть. А вот тогда за ручку меня отведи – не стал бы сидеть, терпения бы не хватило. А что меня сегодняшнего отличает от тогдашнего? По большому счёту – только характер.

– Папа, – вдруг прошептала Василиса. – А вот таким я тебя не знала. И... – Она запнулась. – И рада, что узнала. А ты расскажешь?..

Алёша в десять вечера уснул, а они проговорили всю ночь. У Коли от дочки почти не было секретов, кроме... эх... кроме предстоящего убийства. Он рассказал ей всё, чем жил последние два года. До деталей, какие мог вспомнить. И она тоже рассказывала и рассказывала.

Она была умной, даже мудрой, а он был моложе и в чём-то, несмотря на выпавшее ему, всё равно наивнее. Но он остался для неё папой – самым главным мужчиной на земле. Лучшим. А теперь он ещё предстал таким, каким она его прежде не видела – мужественным, даже brutальным, и при этом интеллигентным, интересным, начитанным, с формирующимся хорошим вкусом. Было ли жаль, что он только сейчас стал таким? А как можно жалеть? У неё же был лучший на свете папа, у неё было счастливое детство. И у неё хватало мудрости не задавать себе вопрос – а что было бы, если...

Коля провёл у Василисы ещё один день и одну ночь. Они

всё время были вместе, втроём, их теперешней семьёй. Просто жили вместе, будто так и надо, будто так было всегда. Буднично. Готовили еду, гуляли, подбирали для Алёши костюм для вечеринки в школе, обсуждали книги. Коля раздобыл листок бумаги и показал Алёше, как складывать самолётик, а потом научил играть в «морской бой».

В их встрече не было надрыва, не было сцен из бульварных романов. Встретились, как будто просто давно не виделись и очень соскучились. И провели два счастливых беззаботных дня вместе. Как будто это были просто выходные.

А потом он уехал.

– Ты вернёшься? – спросила Василиса, словно что-то чувствовала. Да конечно, чувствовала. Родной же человек.

– Вернусь, – серьёзно сказал Коля. – Думаю, через неделю, вряд ли позже. Ну, может, через две.

Они обнялись, она чмокнула его в щёку, и он её тоже.

А потом Коля вышел из подъезда и легко запрыгнул в большой паластрум с надписью «НМК» на борту. И, конечно, напоследок оглянулся и помахал рукой. А они стояли у окна и тоже ему махали.

* * *

Ходырев расхаживал по кабинету взад и вперёд, заложив руки за спину. Стенька нервничал, Фролов просто волновался. А вот Пекарский довольно улыбался. Он хорошо знал,

что его руководитель не раздражается, не психует, что любая сложность для него – это просто новый вызов. Чем труднее задача, тем интереснее преодоление. И сейчас он в Ходыреве чувствовал именно эту эмоцию – заряженность на успех, кипящую энергию, которую следует с холодной головой направить в нужное русло.

Они только что посмотрели интервью Николая Афанасьева по каналу «НМК», и Фролов отправил герою передачи приглашение посетить дом Игната Рафаэлевича Ходырева, богатейшего человека России, который очень увлекается двадцатым веком. Пусть дедульки-«волки» порадуются, какой у них замечательный план и как он сам собою воплощаются в жизнь.

В самой же передаче не было ничего любопытного, просто обсуждение бытовых картинок из жизни столетней давности. Ну, и охи-ахи по поводу гения Филатова. Справедливо, но тоже не новость.

– Так! – Ходырев остановился и хлопнул в ладоши. – С этим ясно. Завтра Афанасьев здесь, послезавтра ты, Стенька, прилетаешь ко мне. Познакомлю вас. Он человек для меня непонятный, поэтому перед встречей, – Ходырев повернулся к Пекарскому, – Богдан Петрович, проконсультируйте уважаемого священнослужителя, как вести себя в таких ситуациях? А то мало ли. Чтобы без сюрпризов. Человек он мне интересный, – говорил Ходырев, опять обращаясь к Стеньке, – и еще это хороший выход на Филатова, а

через него на Калинкина с его «Дельтой». Если повезёт, перетянем парня на свою сторону, тогда будет хороший публичный эффект, он же сейчас модная знаменитость. Но человек всё равно для нас неизвестный, поэтому будем соблюдать все меры предосторожности, какие нам предписывает Служба безопасности.

Он замолчал, и в комнате повисла тишина. В этой тишине вдруг стало слышно, как капли начинающегося дождя барабанят по окну. Ходырев специально попросил в кабинет окна без излишней шумоизоляции. Он любил слышать то, что происходит на улице. Дождь. Порывы ветра. Топот копыт и ржание лошадей вдалеке. Шум двигателя автомобиля. Смех или перебранка работников или гостей. Мир полон жизни, полон звуков, и Игнату Рафаэлевичу всегда хотелось быть частью этого мира, не отрываться от него. А ещё он любил просто гулять по улицам городов...

Присутствующие уловили настроение и тоже посмотрели на окно, по которому уже всюю стекали дрожащие струйки. Ливень будет сильным, уже сейчас понятно. Может быть, один из последних в этом году. Ноябрь.

– Ноябрь уже... – задумчиво проговорил Ходырев.

– Скоро Новый год, – в тон ему констатировал Фролов. – Ёлку, как обычно, трёхметровую, Игнат Рафаэлич?

Ходырев обернулся от окна, посмотрел на своего помощника с улыбкой.

– Кремлёвскую не успеем, – продолжил Фролов, – мы же

на январь уже мероприятие планируем.

Пекарский довольно хмыкнул, переводя взгляд то на Ходырева, то на Стеньку, Ходырев посмеивался, Стенька хлопал глазами, и лишь Фролов держался с напускной серьезностью.

– Девятое января, – констатировал Ходырев. – Кровавое воскресенье. Дадим шанс нынешнему руководителю страны разрешить народный протест мирно, без жертв. Богдан Петрович, изложите план? Будьте любезны.

Пекарский деликатно прокашлялся и откинулся в кресле, закинув ногу на ногу.

– Девятого января утром президент Шацкий будет находиться в Санкт-Петербурге в Зимнем дворце. Имеется ещё запасной вариант для Москвы, его мы в деталях продумаем немного позднее. Мы обоснованно полагаем, что Шацкий будет именно в Зимнем. В восемь утра большие группы людей – толпы, если угодно, – должны двигаться со стороны Невского проспекта. Необходимо тысяч десять, как минимум. Полиция и Национальная гвардия будут подготовлены к такому шествию. Изначально им сообщат лишь то, что это мирное шествие с требованием отставки президента. Вам, Стенька, следует так и настраивать последователей вашего культа – мирное шествие с требованием отставки. Идеологическая часть, как я понимаю, уже проработана.

Изначально необходима чёткая организация: народ собирается на площади Александра Невского, туда же прибыва-

ют новые группы. С самого начала давка не нужна. По плану, народ должен прийти к Зимнему, заполнив весь Невский и всю площадь у Зимнего. Далее толпа должна пройти через Дворцовый мост и разойтись по домам.

Однако, если Шацкий не согласится уйти в отставку немедленно, провокаторы – простите мне мою непосредственность – должны раззадорить толпу к тому, чтобы ворваться в Зимний и принудить президента к отставке силой. Для этого необходимо заранее вложить в головы людей эту мысль. Поработайте с психологами, подумайте, как лучше это сделать. Может быть, фразами вроде: «Мы не будем врываться во Дворец» и «Что же делать, если Шацкий заупрямится и предпочтёт личные выгоды воле народа?». Также заранее следует посеять в толпе страх, что полиция может применить силу для разгона шествия. Пусть боятся. Напомните о Кровавом воскресеньи тысяча девятьсот пятого, тогда погибло много народу. Кстати, чем чётче будет эта ассоциация, тем лучше – шествие простого народа к царю с иконами в руках. Мы и дату неслучайно выбрали: девятое января.

– А Шацкий возьмёт и улетит на пинге с охраной, – спокойно заметил Стенька.

– Об этом варианте мы не подумали, – сообщил Фролов. – Отменяем шествие.

Пекарский проигнорировал неудачную шутку молодого человека, правда, из вежливости отметив её лёгкой усмешкой, и продолжил:

– На этот случай, во-первых, у активистов народной милиции будут средства поражения «земля-воздух». А во-вторых, как я упоминал, толпа должна быть подготовлена к панике. Если что-то идёт не так, бросаем отряды на полицию, провоцируем вооружённое столкновение. И паника. Пусть народ побежит... Кстати, мне понравилась идея с медведями. На Большой Морской в это время окажется путешествующий цирк с дикими зверями. И ещё... а если другие группы вести в обход, направляя к Невскому вдоль Мойки? Тогда в случае паники несколько людских потоков столкнутся, точно будет давка. Активисты пусть устроят провокацию на Дворцовом мосту. Тогда люди побегут на Дворцовую набережную. Там неизбежно столкновение с полицией, многие будут падать в воду. Напомню, в начале января.

– План понятен, – подытожил Ходырев, – хотя, как я вижу, многие детали нуждаются в проработке. Времени у нас мало, так что, Богдан Петрович, попрошу вас подготовить детальный оперативный план через неделю и для Москвы, и для Петербурга. Фролов. Вы со Стенькой поработайте с социологами и психологами – у нас должны быть инструменты для направления толпы на штурм Зимнего и для быстрого возникновения паники. Средства координации – основные и резервные. И, Фролов, журналисты.

– Занятно... – Стенька, возбудившийся было от плана столь драматичных действий (а то как будто мало ему драмы было за последнее время), вдруг обмяк в кресле, лишь пока-

чивал ногой. – А дальше что?

– А дальше отставка президента и переход власти к вице-президенту.

И всё же кое о чём Стеньке не говорили. Существовал и «план Б». Его обсуждали, когда священник покинул Покровское.

Привести Федоренко на пост и.о. президента требовалось любой ценой, это было ключевой частью плана. Точнее, не сама фигура Федоренко, а перестановки в правительстве, которые и.о. президента должен будет утвердить, а предварительно он их уже согласовал. Поэтому, если Шацкий не уйдёт в отставку добровольно, его убьют.

Многие военные, в том числе высокие чины, сочувствовали идеям «Чистоты и Чести». И значительное число – далеко не из православных убеждений. Где-то работали деньги, где-то усталость от слабого президента и желание «сильной руки», символом которой выступал Федоренко. Были среди военных и такие, кто придерживался радикальных взглядов. Один из них, генерал Звягинцев, как раз недавно принял под своё командование орбитальную установку залпового огня «Громовержец». За несколько дней Звягинцев перестроил команду установки, и офицеры, находящиеся на орбите, были готовы выполнить любой приказ генерала, вплоть до уничтожения президента страны.

От залпа «Громовержца» защиты не существовало. Система приводилась в полную боевую готовность за пятна-

дцать минут, в течение пяти минут после залпа наземная цель уничтожалась со стопроцентной вероятностью.

– Меня ничего в этом плане смущать не должно, Богдан Петрович? Зная Сканера... Если до него дойдет информация...

– Рано или поздно обо всём этом станет известно и ФСБ, и «Альфе», и «Дельте», и ещё много кому. Только вот в чём дело. Скоро командир «Громовержца» получит приказ: нанести удар по месту нахождения президента, если будет предпринята попытка захвата установки. Операция по захвату занимает, как минимум, сорок пять минут, включая вывод истребителей в атаку и саму атаку. Невозможно незаметно подвести к «Громовержцу» такое количество боевых машин, которые могли бы захватить или повредить его. И из нашей утечки будет следовать, что «Громовержец» адепты экстремистского культа взяли под контроль только для того, чтобы он не попал в руки властей. То есть, вы нас не трогайте, и никакого удара не будет. Захватили только, чтобы вы Стеньку орбитальной бомбардировкой не угробили. Но если попробуете нас захватить, то шантаж – мы сами нанесём очень болезненный залп. Ну, и к тому же, все правоохранительные органы находятся если не под нашим контролем, то, по крайней мере, под влиянием. В общем, сюрпризов быть не должно.

– «Дельта», – коротко заметил Фролов.

– А что «Дельта»? – Пекарский пожал плечами. – Трид-

цать истребителей, которые не смогут повредить «Громовержец», даже если всеми своими пушечками и лазерами будут её расстреливать в упор? А в упор им палить никто не даст. Абордаж? Совсем смешно. Они, конечно, будут в курсе возможности упреждающего удара и пятнадцатиминутной готовности к залпу. У «Дельты» был бы шанс, если бы у неё имелись адекватные средства поражения и устройство телепортации.

Ходырев скептически поморщился, но ничего не сказал.

– Вот ещё, – вдруг продолжил Пекарский. – Афанасьев. У него есть престарелая дочь и правнук девяти или десяти лет. Если что-то пойдёт не так, мы сможем это использовать.

– Как? – Ходырев вскинул брови.

– Не знаю, – Пекарский вздохнул. – Наша задача – не мешать Афанасьеву выполнить его план почти до конца и снять это на видео. Но мало ли...

Ходырев задумчиво покивал, размышляя уже о чём-то своём. А потом так же задумчиво проговорил:

– Беспокоит меня Калинин. Я знаю его. Он боец. У меня иногда возникает ощущение, что он всей этой ситуации специально позволил до кризиса дойти. Вполне в его стиле дать противнику разыграть партию, а потом взять, да и перевернуть всё с ног на голову. А сейчас он подозрительно затих...

– Понимаю, о чём вы говорите, Игнат Рафаэлевич. Но мы просчитали ситуацию вдоль и поперёк, ну негде ему переворачивать!

* * *

Ну вот и сбылась мечта идиота. Интервью, известность, срубил бабла. Только на пару лет пораньше бы это всё – в тему было бы! Жизнь удалась!

А сейчас никакого удовольствия. Ну вот, Коля Афанасьев, стал ты другим человеком. Возмужал и повзрослел. Вот удивительно, ведь только характер поменялся, а мир уже совсем другой. Не приобрёл новых знаний и навыков, ну, почти. Просто через многое прошёл. И ещё прочитал массу книг. И главное – встретил настоящих людей. А мир совсем другими красками заиграл. Что ж раньше-то так не мог? То есть мог, конечно, просто не знал про это. Не верил.

Вспомнился разговор с Василисой и ещё раньше с Милёной. Ведь тогда, в две тысячи седьмом, мог взять и всё поменять в жизни. Через труд, через сложности, но всё было реально. Изменить жизнь и свою, и близких. Детям дать больше. Только самому надо было стать другим.

– О чём задумались, Николай Алексеевич?

Ходырев остановился, посмотрел на Колю со сдержанной доброй улыбкой, а потом медленно двинулся дальше, вороша палкой пожухлые, давно опавшие листья.

Они гуляли в небольшой рощице в Покровском. Было уже довольно прохладно, небо заволоклось серыми тучами, моросил противненький дождичек. Они были в плащах и ре-

зиновых сапогах. Просто бродили по имению и беседовали. О разном, не только о двадцатом веке, конец которого Коля застал в сознательном возрасте.

А Игнат Рафаэлевич живо интересовался. Искренне. И про быт, и про менталитет, и про культуру, про всё. С азартом набрасывался на самые малозначительные детали. Запереть «кнопочкой» каждую дверцу у машины вручную и закрыть все окна «крутилкой», если дотянешься через салон! Не «горячее» блюдо» а «второе»! Ездить в автобусе «зайцем». Ёршик в туалете. «Прописаться» на работе после первой полочки. Да много всего...

– О жизни задумался, – честно ответил Коля и двинулся вслед за хозяином поместья. – Вот тут много всего разного увидел. В смысле, не чудеса техники, а других людей, жизнь с другой стороны...

– И подумали, что раньше могли жить по-другому?

Игнат Рафаэлевич умный человек, отметил про себя Коля, и беседовать с ним интересно и приятно. В самом деле располагает к себе, причём искренне. Злодей, конечно, но человек хороший. Если можно так выразиться.

– Ага, – Коля кивнул. – Вот бы раньше знать, как жизнь устроена.

– А как она устроена, на ваш взгляд? – Ходырев спросил по-доброму, но с явной иронией.

– Да нормально. Гарантий, конечно, в жизни нет никаких. Но вот фраза: «А вдруг я постараюсь и что-то там сделаю,

а у меня не получится» – явно не в тему. Или: «Ой, да это всё бесполезно».

– Ну, а вот сейчас вы в другом времени, в другом обществе. Вы же умный человек, Николай Алексеевич, понимаете, что нынешний ваш этап скоро закончится. Ещё немного – и журналистам станете неинтересны, любителям двадцатого века, вроде меня, тоже наскучите. Что делать-то будете? В прошлой жизни у вас хотя бы профессия была.

– Ну уж точно не потеряюсь, придумаю что-нибудь. Просто не успел ещё сориентироваться. Сами же знаете, сначала на даче у профессора Филатова жил, потом на Уране. Так сказать, каждый раз в ограниченном периметре. А так – мир посмотрю и определюсь. Социальный минимум мне уже положен, а деньги от интервью пока тратить не буду вообще. Может, пригодятся вложить во что. Не знаю пока.

– Вы же понимаете, что эксплуатировать навыки столетней давности вам здесь негде?

– Понимаю, – кивнул Коля. – Думал уже об этом. Это как мастера по телегам из девятнадцатого века в двадцатый перенести – кому он нужен был бы? Понимаю, Игнат Рафаэлевич. Вы это всё не к тому, чтобы какое-то предложение мне сделать?

– Нет, – ответил Ходырев коротко, но всё так же дружелюбно. – Конечно, мог бы предложить вам должность механика, мой гараж автомобилей столетней давности вы видели...

– ... но сами понимаете, что я вряд ли соглашусь, потому что острой необходимости нет, а надо пристраиваться как-то самому и основательно.

– Точно! – Ходырев засмеялся. – Но имейте в виду такую возможность.

– Спасибо, Игнат Рафаэлевич.

А ведь отключилась эта давящая тревога. Мысль о том, что нужно убить человека или даже двух, занимала весь мозг и все чувства в последние дни. Простите, крайние. Особенно после тех тренировок, где «нарисованный», но почти настоящий Ходырев корчился от боли после первого попадания и, стоя на коленях, зажимая окровавленной рукой простреленный бок, молящими глазами просил не добивать. Поэтому и интервью скомканные получались, хотя Коля старался держаться, понимал, что надо. И вот вдруг раз – и ничего. Переступил порог Покровского, и как рукой всё сняло. Просто как будто такая работа.

Ещё немного прошли молча.

– Знаете, Николай Алексеевич... – задумчиво проговорил Ходырев. – Вот думаю. В чём люди меняются, а в чём нет.

– Знаете, Игнат Рафаэлевич, я на Уране много чего прочитал, там времени вагон был...

– Вагон? – Ходырев рассмеялся, ему понравилось выражение.

– Вагон, – повторил Коля. – Так вот, люди не меняются. Вообще. Почитать Достоевского, Булгакова...

– Общество меняется, а с ним и люди. Средневековье, Ренессанс... Почитайте-ка, что тогда писали. Осмелюсь предположить, что литература – это отклик на запрос общества.

– Да ну, общество туда-сюда...

– ... в зависимости от царящей в обществе идеологии.

Коля помолчал.

– Считаете, у общества всегда есть идеология?

Ходырев пожал плечами.

– Ваше время. Советский Союз с коммунистической идеологией, и ох как сильна она была. Соединённые Штаты со своей исключительностью. Европа со своей толерантностью. Китайцы, которые всё время что-то строят на свой манер.

– Ну так после развала СССР...

– ... не было идеологии? Не было, потому и пошло, как пошло. А запрос на идеологию, на национальную идею всегда есть.

– Ой, вы сейчас про «Чистоту и Честь» скажете! Все так и носятся с этим Стенькой. Я тут без году неделя, а и то из каждого утюга: «Стенька-Стенька»!

– Из каждого утюга! – Ходырев рассмеялся, вспомнил анекдот столетней давности, который когда-то читал. – Была бы нормальная государственная идеология, не были бы никакого Стеньки. А с вялотекущим развратом последнего времени Стенька не мог не появиться. Люди устали от того, что предоставлены сами себе. Соскучились по нравственности.

– Только вот через насилие...

– Ну так они и по жёсткой руке соскучились. Как дети. У вас ведь есть дети... то есть, были?.. Простите. Так вот, ребёнок если самому себе предоставить, он и в лужу полезет и простудится, и съест что-нибудь не то. А овцам нужен пастух. У общества сложнее, и мне бы не хотелось делить людей на ведущих и ведомых, коих большинство. Но суть та же. Можете подобрать более деликатные слова. Христианская религия – то, что нужно современному обществу. Если сами не веруете, то отнеситесь к этому прагматически. Высокая мораль, что бы вы об этом ни думали, в природе человека. Пусть когда-то, тысячи лет назад, её не было, но она с развитием общества сформировалась. Если угодно, эволюционировало не только тело, но и сознание. Похабство, мещанство, до определённых пределов вседозволенность – человек на это с радостью набрасывается, когда это долго было под запретом, но потом быстро остывает, и возникает потребность в высокоморальном. Вспомните викторианскую эпоху в Англии, и что ей предшествовало.

– Не поспоришь. – Коля вздохнул. – Правы вы, Игнат Рафаэлевич. Только вот Стенька всё-таки перегибает. Не специалист я в христианстве, но что-то про непротивление злу насилием слышал.

– Это вы от графа Толстого слышали. А понятие «священная война» вам не встречалось? Почитайте-ка Библию. И любимый Стенькин пример Содомы и Гоморры – Бог же тогда

уничтожил целые города. Сам, даже без помощников. А потоп, в результате которого, кроме Ноя с семейством, никто из людей не выжил? Думаете, только грешников Господь к себе прибрал? – Ходырев посмотрел Коле в глаза и поймал его удивлённый взгляд. – Да не смотрите вы на меня так, Николай Алексеевич. Я сейчас не о своих взглядах, а, так сказать, в порядке полемики. Я сам часто со Стенькой спорю...

– Вы знакомы?! – Коля постарался удивиться как мог искренне.

– Знакомы, конечно. Стенька бывает здесь, в Покровском. Мы много дискутируем. Верите или нет, мне судьба России не безразлична. Ведь мог бы куда-то уехать со своими деньгами, где покомфортнее, а я живу здесь. До власти бы достучаться, но так ведь не слушают. Плати, говорят, налоги да занимайся своим делом.

– И что бы вы предложили?

– Не знаю, – Ходырев растерянно развёл руками. – Недостаточно у меня знаний и мудрости, чтобы точно сказать, что и как надо. Не в общем, а конкретно что делать. Но хотя бы умные вопросы задавать умею, а это, согласитесь, немало. Но слушать не хотят. Говорят, заявляй о своей позиции через демократические выборы.

– Ой, а вы и в демократию не верите?

– В демократию? – Ходырев усмехнулся. – Угнетение меньшинства большинством тех самых ведомых?

– Передёргиваете.

– Согласен. А помните, как Черчилль сказал? «Демократия —наихудшая форма правления, за исключением всех остальных, которые пробовались время от времени». А о том, что русский народ скучает по сильной руке, не хотите высказаться? Вспомните-ка популярность сильных русских лидеров! Вот то-то и оно. Кстати, Стенька завтра в Покровском будет. Если ещё задержитесь, погостите у меня, то познакомлю вас, сможем втроём подискутировать. Будете интересно.

– Ой, – Коля воодушевился. – Правда? Вы серьёзно?

– Ну, – Ходырев усмехнулся, – пока вы на пике своей популярности – пользуйтесь. Завтра в два часа дня в моём кабинете, если это вам удобно. До этого часа вряд ли смогу уделить вам время, однако все радости моего скромного имения в вашем распоряжении. Наслаждайтесь.

Коля вошёл в отведённую ему комнату, скинул плащ и сапоги и прямо в одежде повалился на диван. Комната называлась «Колониальная». Песочного цвета обои, камин, комод, а на нём пробковый шлем и подозрная труба, уголок с газовой плиткой и медным чайником и баночки с чаем, рядом две чайные пары тончайшего фарфора. В общем, всё в таком духе.

Коля покосился на валявшуюся в кресле сумку. Пистолет в разобранном виде на территорию поместья охрана ему пронести разрешила. Патроны, спрятанные в металлические

ручки сумки, не нашли. От Ходырева пообещали хранить в секрете, чтобы получился сюрприз.

Завтра здесь будет Стенька, в два часа дня они встретятся втроём. Зная пунктуальность Ходырева, к нему в кабинет он должен войти в четырнадцать ноль-ноль. А до этого полно времени, чтобы изучить дом, сопоставить с планами, которые он проштудировал досконально. Проверить путь отхода, прогуляться до точки эвакуации. Начать смотреть на окна, на любом из которых в любое время может высветиться инструкция, корректирующая план.

И никаких сигналов наружу. «Волки» сами узнают, когда будет покушение и когда эвакуировать. Ох, страшно-то!

И опять накатило. Убить двоих людей. Хладнокровно расстрелять почти в упор. Насмерть, навсегда. И потом самому остаться в живых. Потому что он нужен дочке и правнуку. Всё это сначала медленно стало прокручиваться в голове, а потом заняло всё сознание. И затягивало всё сильнее и сильнее. Коля уткнулся в подушку и беззвучно зарыдал.

* * *

Василиса умерла этим вечером в больнице. Утром она почувствовала себя плохо, «скорая» доставила её в клинику, а вечером ее не стало.

Алёша всё время был с ней, и лишь когда она почувствовала, что конец уже совсем скоро, она попросила врачей уве-

сти мальчика. Точнее, попросила, чтобы Алёша ушёл вместе с бабушкиной молодой подругой Алисой Иваненко (позывной «Винтер»), которая неожиданно оказалась поблизости.

Днём в больницу примчалась Настя, Машина дочь. Двоюродные внук и внучка Инга и Влад обещали заехать вечером, но уже не успели. А с Настей Василиса успела попрощаться. И, конечно, с Алёшей.

– Лёшенька, – бабушка взяла внука за руку. – Я тебе сейчас кое-что скажу, а ты запомни. Просто запомни, даже если сразу не поймёшь. Поймёшь потом, когда время придёт.

Там, в шкатулке моей... ты сбереги эту шкатулку. Там самое ценное. И от меня, и от папы с мамой. И от моих папы с мамой. Немного всего, но самое важное. Или напоминание о самом важном. О близких людях. И, главное, о том, каким человек должен быть. Запомни слова, сказанные очень давно: «Хочу прожить жизнь так, чтобы мне не было стыдно за своих детей, а им не было стыдно за меня». И когда-нибудь тебе захочется... наступит время... может быть... и тебе будет всё равно, какой ты и что о тебе думают. Или померещится, что этот мир не для тебя. Преодолей это. И помни, что мы все всегда с тобой. Мы всегда будем в твоём сердце. Даже если начнет казаться, что не так, заставь себя поверить. Вспомни то, что чувствуешь сейчас. Ты уже взрослый и можешь верить своим чувствам.

А ещё... ты же знаешь историю моего папы. Только не всю историю. Там, в шкатулке, есть письмо, прочитай его. И

выучи. Только осторожно, оно старое, ему почти сто лет.

И позволь моему папе стать твоим. Пожалуйста, позволь ему стать твоим папой. Это нужно вам обоим. Даже если сейчас ты этого не понимаешь.

И ещё держись родни. Твои дядя и тётя, двоюродные братья и сёстры...

Василисе стало тяжело говорить, и она замолчала. А Алёша плакал, сидя на пуфике у больничной кровати и уткнувшись бабушке в бок.

А потом его увели из палаты, и больше он бабушку не видел до дня похорон. Шкатулку он сохранил на всю жизнь. А к письму, о котором говорила бабушка, вскоре добавилось ещё одно, написанное тогда же, только адресованное папе.

* * *

Стенька вошёл в кабинет, и Игнат Рафаэлевич поднялся из-за рабочего стола ему навстречу.

– Здравствуйте, Степан Иваныч, рад вас видеть! – хозяин кабинета поприветствовал гостя с радушной улыбкой и протянул раскрытую ладонь для рукопожатия.

– Доброго дня, мил человек! – Стенька хитро прищурился и пожал протянутую руку.

– Всё из роли не выйдешь? – Ходырев похлопал священника по плечу и рассмеялся.

В это же время в комнате руководителя службы безопасности, на большой видеоконсоли прямо в центре кабинета, было выведено изображение. Несколько камер, установленных в разных местах, создавали полноценное объёмное изображение. Уменьшенное в достаточном масштабе, так, что люди были размером с мизинец. На трёхмерном экране высвечивались холл с уходящей вниз винтовой лестницей и дверями, ведущими в различные комнаты, приёмная Ходырева и, собственно, его огромный рабочий кабинет. Непрозрачными по понятным причинам оставались лишь стены туалетов, да и там, если что, камеры включить можно. Камеры в приёмной Ходырева пока не работали, но скоро и их придётся задействовать.

Пекарский задумчиво расхаживал вокруг голограммы. Кроме него, в комнате находились два личных помощника, тоже на сто процентов доверенные лица, от которых не было секретов. Иначе нельзя, они должны не только видеть, но и слышать всё происходящее. Один из помощников сейчас исполнял роль оператора обзора.

– Покажи все этажи, – напряжённо проговорил Пекарский, и оператор еще уменьшил масштаб, выведя на экран объёмную, с полупрозрачными стенами, модель всего дома, так, что можно было видеть всех, кто сейчас в доме находился. – Когда «стрелок» поднимается на третий этаж, укрупни до этажа. Когда войдёт в кабинет – до кабинета. После первого выстрела – в обратном порядке. Нужно контролировать

перемещение.

Все трое всматривались в модель.

Вот «стрелок», нервно прохаживающийся взад-вперёд по своей комнате. Вот бойцы, тут и там, расставленные по маршруту предполагаемой эвакуации «стрелка». И другие бойцы по всему периметру, мало ли куда ему в башку шмякнет бежать... Ну, и «Дефендер» на парковке. Всё на месте.

В это же самое время в центре управления операциями «Дельты» Сканер, Закат и Кельт смотрели на свою видеоконсоль, но изображения на ней не было.

– Закат, – Кельт похлопал по плечу сослуживца, замершего у видеоконсоли. Специалист по тактике был в напряжении, у него на лбу проступило несколько капелек пота. – Когда Коля вернётся, попроси, чтобы курить тебя научил. Говорит, помогает. А вообще нервничать на работе вредно. Сканер не любит.

– Не люблю... – машинально проговорил Сканер.

Он, как и двое его сослуживцев, смотрел в пустоту.

А Коля в это время перемещался по Колониальной комнате взад-вперёд всё быстрее, а потом махнул рукой сам себе и раскрыл сумку. Вставить колодку ударно-спускового механизма, затем ствол, направляющую втулку в кожух, вставить возвратную пружину, затвор со стволом на рамку, вставить затворную задержку, надвинуть пружину затворной задерж-

ки, вставить магазин. Передёрнуть затвор. Пистолет в сумку. Вперед. Он вышел в холл, огляделся и, стараясь не выдавать напряжения, пошёл к лестнице.

И в кабинете Пекарского закипела работа.

– Есть сигнал, – спокойно сообщил оператор. – Перехвачена система управления дронами. Дроны отключены. Объект движется по лестнице со второго на третий этаж.

Пекарский и двое помощников напряжённо, почти не моргая, смотрели на консоль, стараясь уловить малейшее движение киллера. А тот медленно, как будто на нём висела тяжёлая гиря, переставлял ноги по лестничным ступеням и всё время озирался. «На воре и шапка горит», – машинально подумал Пекарский.

Оператор продолжал комментировать каждый шаг объекта, сообщая бойцам службы безопасности, которые замерли на боевых постах:

– Завершил подъём на третий этаж. Встал, осматривается по сторонам.

Изображение на объёмном экране увеличилось, высветив лишь холл, приёмную и кабинет, немного зацепив соседние комнаты.

– Ожидание – десять минут до выстрела, – спокойно сообщил оператор.

– Пусть понервничает, – добавил ранее молчавший второй помощник руководителя Службы безопасности. – Седьмой и восьмой, – обратился он к охранникам у двери кабинета, –

не пускайте его ровно до четырнадцати-ноль-ноль.

Оба едва заметно кивнули.

Но Коля и не торопился в кабинет. Он улыбнулся охранникам и растерянно пошёл по коридору. Потом вернулся к кабинету.

– Ребята, – обратился он к восьмому. – Можно, я у вас тут сумку пока положу?

– Можно, – тут же подсказал Пекарский охраннику в наушник, и тот, едва кивнув в ответ на команду, с готовностью принял из Колиных рук сумку и положил на пол у стены недалеко от себя.

– В туалет схожу, – сообщил Коля откровенно дрожащим голосом.

Коля скрылся в туалете, и взгляды Пекарского и помощников, за неимением другого интересного объекта наблюдения, устремились на кабинет Игната Рафаэлевича.

А тот всё беседовал со священником, посматривая на часы. До появления Коли оставалось минут пять-семь.

Ходырев продолжал вышагивать по кабинету, однако не отходил далеко от спасительной «позиции-1». Стенька же, как встал на «позицию-2», так и с места не двигался.

– Вот так, ёксель-моксель, – проговорил хозяин кабинета. – Повторюсь, ситуация сильно усложнилась, но...

– Ну да, – Стенька кивнул, соглашаясь, – два платежа из десяти нам не поступили. А на одной идеологии далеко, сами знаете, что. Нет, быдла эти продолжают за веру и честь и

прочую лабуду, но вот поводырям их я платить должен. А иначе быдла как из-под контроля выйдут, так и нам с вами мало не покажется. Опять же оружие, обмундирование...

– Мы уже придумали, как перевести вам деньги, – спокойно сообщил Ходырев. Он продолжал нервно поглядывать на хронометр. До назначенного Коле времени оставалось пять минут. А всё-таки страшно... Немного. – Не знаю, сколько просуществует этот канал, но его должно хватить до наших мероприятий в Новосибирске и Хабаровске. А потом новый придумаем. Да там и...

– Да-а, – довольно протянул Стенька, – там, думаю, ситуация поменяется. Ежели получится...

– Что это за «ежели»? – Ходырев удивлённо вскинул брови.

– Ну, – Стенька пожал плечами. – По-разному может пойти. Но тысячи по две жертв точно будет. Может, и поболее. А там, глядишь, и у других волосёнки затрясутся.

Пекарский, глядя на изображение, вздохнул. А ведь так хорошо всё начиналось. Как вспомнить, что ещё год назад...

– Капсула «скорой помощи», – сообщил оператор. – Приближается к Покровскому... Расчётное время прибытия одна минута. Детекторы идентифицировали стандартную модель КНП-12. Биологические организмы на борту отсутствуют. Вес стандартный... Богдан Петрович, – оператор обернулся к начальнику, – вроде обычная «скорая помощь». Мо-

жет, правда плохо кому... или сбивать?

– Сбить капсулу «скорой помощи» – это уж чересчур, – задумчиво, как будто беседуя сам с собой, проговорил Пекарский. – Пятерых бойцов к точке приземления.

В этот момент микрофоны уловили звук смыва в туалете, а потом шелест бегущей струи умывальника.

А консоль «Дельты» ожила, и на ней уже несколько минут транслировалось изображение.

– Не верю своим глазам, – спокойно сообщил Сканер со своей обычной монотонной интонацией. Поэтому было понятно, что говорит он неправду и глазам своим вполне верит. – Закат, тебе нравится в «Дельте»? Или обратно в ГРУ хочешь?

– Что? – Закат удивлённо захлопал глазами.

– А то, Закат. В ЭФИР! НЕМЕДЛЕННО!

На часах было 13:57, когда запыхавшийся Фролов подбежал к кабинету Ходырева, но седьмой и восьмой едва заметными движениями преградили ему путь.

– Пустите! – закричал Фролов. – Мне срочно! Шеф на вызов не отвечает! – Он попытался прорваться в кабинет, но охранники деликатно его отстранили.

– Что такое? – прозвучал из динамиков голос Пекарского. – Фролов, что случилось?

– Новости! – выпалил Фролов, и у него перехватило ды-

хание.

– Новости на вторую консоль! – Скомандовал начальник Службы безопасности, и оператор вывел сразу десять новостных каналов. На двух – все трое присутствующих не поверили своим глазам – транслировалась запись из рабочего кабинета Ходырева.

Пекарский посмотрел на одежду хозяина поместья на изображении, на пейзаж за окном кабинета. И моментально сообразил, что это... это *сейчас*. Это прямая трансляция!

– Вот так, ёксель-моксель, – Ходырев на изображении в выпуске новостей продолжал вышагивать по кабинету, однако не отходил далеко от спасительной «позиции-1».

Стенька же, как встал на «позицию-2», так и с места не двигался.

– Вот так, – проговорил хозяин кабинета. – Повторюсь, ситуация сильно усложнилась, но...

– Похоже, с наших камер... – ошарашенно проговорил оператор.

– Отключить все камеры, – быстро скомандовал Пекарский.

– Камеры отключены, – отрапортовал оператор, и изображение на первой консоли погасло.

– Взять...

– РЭБ-атака! – воскликнул оператор.

Переговоры на внутренней частоте Службы безопасности стихли, и на секунду наступила тишина. А потом в наушниках охранников послышался голос Коли:

– А сейчас, дорогие друзья, для вас прозвучит моя любимая песня.

И по ушам ударили резкие гитарные рифы и скрипучий голос: «Группа крови на рукаве...».

– Взять «стрелка»! – прокричал Пекарский, но, ещё до рапорта оператора сообразил, что бойцы его не слышат.

Он прыжком рванул к выходу, хватая на ходу «оружку». За несколько секунд он преодолел четыре лестничных пролёта, десять метров по коридору, ударом ноги распахнул дверь туалета и тут же сместился вправо, машинально уходя с предполагаемой линии огня. В туалете было пусто. Только окно разбито. Пекарский подбежал к окну и увидел далеко в небе быстро уменьшающийся силуэт капсулы «скорой помощи».

* * *

– Вот так, ёксель-моксель, – Ходырев на изображении в выпуске новостей продолжал вышагивать по кабинету, однако не отходил далеко от спасительной «позиции-1».

Стенька же, как встал на «позицию-2», так и с места не двинулся.

– Вот так, – проговорил хозяин кабинета. – Повторюсь, ситуация сильно усложнилась, но...

Внизу строка субтитров сообщала: «Трансляция из кабинета Игната Рафаэлевича Ходырева. Задержка две минуты».

Дмитрий Смирнов сидел в углу, обхватив руками голову.

– Вот вы дел навертели, – говорил он тихо, обречённо. – Вы хоть представляете, какие иски о вмешательстве в личную жизнь каналам предъявят?

– Дмитрий, мы все читали твой юридический анализ, – привычно монотонно за всех ответил Сканер. – Риск, имея в виду его предполагаемую цену и вероятность возникновения, мы признали приемлемым.

– Ох... – Адвокат в очередной раз тяжело вздохнул. – Да сам понимаю. Ясно, что так гораздо больший эффект, чем в сеть выпускать.

Третий, присутствовавший при разговоре, Тихон Цветков, руководитель Администрации Президента, хлопнул в ладоши, как бы завершая дискуссию.

– Что сделано, то сделано. И сделано безупречно. С последствиями будем разбираться по мере поступления оных. Думаю, мы создали маленькую проблему, решив большую.

– Бриз на подходе, – сообщил Сканер, и все трое встали, готовясь поприветствовать героя дня.

Коля шёл по коридору, расправив плечи и высоко поднимая голову. Рядом с ним, широко улыбаясь, вышагивал Кельт.

– Коля, – как мог заговорщицки (а мог, с его-то голосом, не очень) проговорил офицер, – ты чего какой молчаливый? Ну-ка подпевай! We are the champions, my friend...

Коля не выдержал и рассмеялся.

– И где только понахватался!

– Готовился, – серьёзно сообщил Кельт.

Они подошли к двери кабинета Сканера, створки разъехались в стороны, приглашая гостей войти.

Полчаса назад эвакуационную капсулу «скорой помощи» в воздухе перехватил большой белый пинг с красным крестом на борту, через десять минут Коля был уже в больнице на окраине Москвы, в Лобне, оттуда подземным транспортом его перевезли куда-то, где его ждал очередной незнакомый сопровождающий. Он передал Коле маленький амулетик на цепочке, где в круг был вписан клинок в форме перевернутой греческой буквы «дельта» с небольшой полоской, превращавшей его в латинскую F. Коля моментально нацепил амулет и тут же *услышал* голос: «Бриз Закату». «Бриз на связи». «Никаких разговоров здесь. Всё хорошо. Скоро увидимся».

А ещё через десять минут они приземлились на базе «Дельты» в Красногорске.

Ангар с выстроившимися в ряд «Грифонами», люди в чёрной и белой униформах... Они махали Коле руками, улыбались, те, кто был близко, пожимали руку, кто-то крикнул: «С возвращением, Бриз!». А Коля шёл ошарашенный, ози-

раясь по сторонам, к знакомому силуэту у одной из дверей.

– Двадцатку принёс? – серьёзно спросил Кельт, глядя пронизывающим взглядом прямо в глаза Коле.

– С премиальных отдам, – быстро нашёлся Коля.

Они поприветствовали друг друга принятым в «Дельте» рукопожатием, а потом крепко обнялись.

– Пойдём, – сказал офицер, – нас ждут.

Сканер улыбался едва заметно, но Закат, Дмитрий и Тихон не сдерживали радости. Они по очереди представились, пожимая Колину руку.

– Присаживайся, Бриз, – произнес Сканер доброжелательно. – Мы должны кое-что тебе объяснить. Но сначала... – и он жестом указал на видеоконсоль. – Три канала сегодня прервали свои передачи на несколько минут для демонстрации вот этого.

И на консоли в очередной раз возникло изображение рабочего кабинета Игната Рафаэлевича Ходырева. Но в этот раз запись смотрели полностью, и никто не просил остановить. Когда видео закончилось, Сканер повернулся к Коле.

– Для нас было важно показать народу, что Стенька и Ходырев связаны между собой. Точнее, что у них есть совместные деловые интересы. Была разработана целая программа, как это использовать дальше, как из выхваченных из контекста фраз сделать красивую картинку для народа, чтобы тот поверил, что Стенька – продажный циник, а не истинно верующий священник. Главное было показать их вместе. Но то,

что мы засняли, превзошло все ожидания. Нам повезло. Мы записали практически признание, что Ходырев финансирует «Чистоту и честь» и что последняя готовит террористические атаки на деньги Ходырева. Нам очень повезло! Самое время запускать ролик об отдыхе Стеньки на Мадагаскаре.

Коля непонимающе озирался по сторонам, но все смотрели на Сканера.

– Изначальной целью операции как раз и было получение видеозаписи. Самый подходящий способ – подключиться к камерам наблюдения Покровского. Для этого необходимо было доставить внутрь дома радиоэлектронное оборудование. В системе подавления управления дронами, которую тебе позволили пронести, имелся также блок перехвата сигнала с систем видеонаблюдения и система РЭБ-атаки, для которой ты в своё время любезно согласился записать приветствие. Они не могли досконально исследовать то, что ты пронес, иначе пришлось бы разрушить детали пистолета и тем самым тебя спугнуть. Они думали, что это только система подавления дронов.

– Не понял, – Коля часто заморгал, – они что, ЗНАЛИ?

– Знали, – кивнул Сканер. – Мы специально организовали утечку. Поэтому тебе так легко удалось проникнуть в Покровское и организовать встречу Ходырева и Стеньки. Сборка пистолета за пятнадцать минут до назначенного времени, активировавшая системы блокировки дронов и подключения к камерам, дала нам десять минут записи, одна из ко-

торых оказалась просто бесценной.

– Так что... они были в курсе, что я иду убивать Ходырева?!

– Да, и хорошо подготовились. И не дали бы они тебе никого застрелить. Как теперь понимаешь сам, подготовка убийства была лишь отвлекающим манёвром. Не обижайся, что не сказали сразу всю правду, ты...

Совсем с катушек слетели?! Не обижайся! Да что Коля за это время пережил... И это вслепую! Но внезапно мозги прояснились. Всё-таки сказала «дельтовская» муштра. Раз командование приняло такое решение, значит, его следует исполнять. И скажи спасибо, что хотя бы сейчас объясняют... Коля вдруг подумал, а как бы повёл себя Пётр Робертович, окажись он в такой ситуации... А если по-честному, скажи ему, Коле, обо всём заранее, мог бы себя выдать. Тем более, когда сканеры-детекторы лжи по всем углам. Неприятно осознавать, что тебя использовали втемную, но всё правильно. Не до сантиментов. Вдох-выдох.

– Да я понимаю, – быстро заговорил Коля, – всё правильно. Только хоть бы предупредили про эвакуацию... а то захожу в туалет, а на стекле надпись: «Бриз, эвакуация через это окно». Что, думаю, делать... А потом стекло брымс! Оно же...

– Бронированное, – продолжил Сканер, – но у стандартных эвакуационных капсул предусмотрены средства точечного разрушения. На случай, например, когда больной не мо-

жет выбраться из-под завала или просто в паластруме потерял сознание.

Коля попытался посмотреть на Сканера недовольным взглядом и даже что-то буркнуть, но вместо этого выходила лишь светлая улыбка.

– А знаете, как страшно прыгать было? – вдруг сказал Коля. Он вспомнил, как у окна туалета зависла капсула, выбросив эвакуационную сеть, как в коридоре слышались шаги, и Коля скакнул прямо из окна третьего этажа, а сеть облепила его. И ещё вдруг вспомнил, как за несколько минут до этого поднимался по лестнице, готовясь убивать.

А потом, час спустя, ему сообщили о смерти Василисы. И привели к нему Алёшу. Навсегда.

* * *

Матвей Юрьевич углубился в чтение второго сценария макроэкономического развития России на три года, развесив в воздухе по всему гостиничному номеру графики, диаграммы и таблицы. Первый сценарий выходил вовсе скверным, однако он был и написан то ли безнадёжным пессимистом, то ли человеком безграмотным и несведущим, не имеющим представления о сложных экономических взаимосвязях. Второй сценарий выглядел получше, хотя и он был и безрадостным и, как надеялся бывший помощник президента, малореалистичным. Однако рациональное зерно в сценарии было, поскольку он ярко подсвечивал самые уязвимые

области национальной экономики.

И как гром среди ясного неба прозвучал вызов через F-Command.

– Дельта Сканеру.

– Дельта на связи, – машинально отреагировал Калинин и вздрогнул.

Этот позывной навсегда, как он уверил себя, должен остаться в прошлом. Но М.Ю. Калинин оставался секретным сотрудником ФСБ в чине генерала, и с этой должности его пока не уволили то ли по халатности ответственных сотрудников, то ли по умышленному попустительству тайных доброжелателей. И формально генерал Калинин оставался командиром отряда «Дельта».

– Докладывай, Сканер.

– Генерал Звягинцев передал «Громовержцу» новые целеуказания. Зимний Дворец в Санкт-Петербурге и Кремль в Москве, – Сканер говорил, умышленно не используя кодовые обозначения. Разговор всё равно невозможно прослушать, а мало ли, чем память генерала «Дельты» за это время заполнилась, и, главное, что в ней потускнело, а что и совсем стёрлось. – Полагаем, на случай, если восстание под предводительством попа Стеньки окажется неудачным. Повстанцам в любом случае необходимо уничтожить президента Шацкого. Личный состав «Громовержца» полностью предан командованию в лице Звягинцева. Мы обоснованно полагаем, что Ходырев обещал Звягинцеву пост министра обо-

роны после прихода Федоренко к власти. У нас нет сомнений в том, что «Громовержец» нанесёт удар по цели, если от Звягинцева поступит такой приказ. Кроме того, командиру «Громовержца» приказано нанести удар по одной из десяти целей в европейской части России, если будет предпринята попытка захватить или уничтожить «Громовержец».

Не было необходимости подчёркивать значимость сказанного. Речь шла о смертельной угрозе сотням или тысячам людей. «Громовержец» – система орбитальной бомбардировки, от залпа которой нет спасения. Пятидесяти боеголовок достаточно для полного уничтожения такой цели, как московский Кремль. А один залп «Громовержца» – это пятьдесят тысяч боеголовок, закрученных причудливым вихрем. Залп установки орбитальной бомбардировки с лёгкостью преодолевает любую систему обороны.

Таких установок в мире всего семнадцать, все принадлежат различным государствам. Некая система сдерживания, аналогичная ядерному противостоянию прошлого века. Как правило, орбиты таких установок находятся на расстоянии двести пятьдесят – триста тысяч километров над поверхностью Земли. Каждая такая установка, по сути, является космической крепостью с мощными системами активной и пассивной защиты. Кроме того, все установки охраняются звеном космических истребителей.

– Сканер, – спокойно проговорил Матвей Юрьевич, – правильно тебя понимаю? Ты уверен, что в случае неуспеха вос-

станции девятого января «Громовержец» даст залп по месту расположения президента?

– Вы меня правильно поняли, Дельта.

– Предложения?

– Уничтожить систему залпа «Громовержца».

– Уничтожить российскую установку орбитальной бомбардировки? – Матвей Юрьевич не просто удивился, он искренне испугался. Но говорить продолжал спокойно. – Это существенно затронет обороноспособность страны.

– Не всю установку. Только систему залпа, поразив центр управления и приводы запуска. Некоторые части этих систем невозможно задублировать. Мы просто обездвижим систему залпа. Ремонт повреждений займёт две недели. По окончании этого срока «Громовержец» будет полностью в работоспособном состоянии.

– И каков же «день Д»?

– Седьмое января. Через три дня. Этого достаточно для вывода атакующей группировки на исходные позиции. Хотите познакомиться с деталями плана?

– Хочу, – Матвей Юрьевич вздохнул, – из старческого любопытства. Уверен, мне к вашему плану добавить будет нечего.

– Тогда отдайте приказ, Дельта.

Матвей Юрьевич закрыл глаза, задержал дыхание и перекрестился. И ещё раз горько вздохнул.

– Сканер, приказ подразделению «Дельта» Федеральной

Службы Безопасности России. Систему залпа российской установки орбитальной бомбардировки «Громовержец» – уничтожить.

– Так точно! – отрапортовал Сканер.

– Конец связи, Сканер.

– Конец связи.

Странный получился разговор. Как будто не могли по-нормальному поговорить, как обычно. Однако сейчас вопрос-то был совсем уж не как обычно, и как было бы правильно говорить в такой ситуации, Калинин не представлял. Он, бывший помощник президента, политэмигрант, находящийся в безопасности и комфорте в тысячах километров от своей страны, только что отдал приказ атаковать вооружённые силы собственного государства. Это и называется гражданской войной. И эту войну только что начал он сам.

Матвей Юрьевич взмахнул рукой, и висящие в воздухе графики, диаграммы и таблицы исчезли. Он остался один в полумраке пустого гостиничного номера.

* * *

Плащи были тёплые, с подогревом, и шляпы тоже, но на улице было холодно, поэтому хотелось кутаться. Они встретились на Трафальгарской площади и двинулись куда глаза глядят, и так и догуляли до Оксфорд-стрит – по Хэймаркет, а потом узкими улочками параллельно Риджент-стрит. За-

глянули по дороге в кафе выпить по чашке чая, потому что как раз было пять вечера. Снова отправились бродить. Говорили сначала о пустяках, потом молчали, потом опять перекидывались парой слов. Вроде, всё сказано, всё обсуждено, разговаривать вроде бы и не о чем, но надо.

– Ну вот, Митя... – профессор остановился, снял очки, достал платок и принялся протирать стёкла. – Вот и пора мне возвращаться...

– Не знаю, Кеша...

– Зато я знаю, чего ты не знаешь. Ты же меня знаешь...

– Но тебе возвращаться нет никакой необходимости. Гарантии Шацкого немного стоят.

– Ну, – Филатов как будто в задумчивости покачал головой, – мне и уезжать из страны необходимости не было. Я уж так, за компанию.

– Разумеется, – Калинин посмотрел скептически. – Друг опального и оппозиционного вице-президента, владелец грандиозного НИИ, обладатель технологий, которые могут изменить будущее... Конечно, чего опасаться-то. Подумаешь, Ходырев какой-то со своим Федоренко. Действительно, на кой ты им сдался?

– Зря ты так, Митя. Понятно, что Ходырев, сам или не сам, объявится на следующий день. Ещё и условия какие-нибудь хорошие предложит. Потяну немного времени, а там уж что бог даст. Хоть в НИИ порядок наведу, да и так там дела накопились. Ну и, говорили же, моя бурная деятельность и

заходы в Центробанк должны их отвлечь. Будем надеяться, так и прохлопают ушами решительный момент.

Ещё немного прошли молча.

– Чем терзаешься, Митя? – вдруг спросил Филатов напряжённую.

Тот немного помолчал, видимо, подбирая слова. Потом заговорил тихо и монотонно.

– Да всё назад возвращаюсь мыслями. Могли мы всего этого не допустить?

Профессор тяжело вздохнул.

– Не мне судить, Митя. Не политик я. Если честно, думаю, могли. Только знать бы...

– Поговорку про «соломки подстелить» вспомнишь?

– Именно.

– Ну да... Довели до войны. Самой настоящей, а не в переносном смысле слова.

– Может, ещё удастся войны-то избежать, как думаешь?

Калинкин растерянно развёл руками.

– Ну уж всё для этого делаем.

– А ты, Дельта, остался старым воякой. Ты, наверное, прав, мирная политика – это не твоё. Хотя, думаю, было не твоё, а сейчас ты многому научился. И в будущем ни такой, ни подобной ситуации уже не допустишь. А тут что ты сделал – просто довёл до войны, причём до той, в которой у тебя на руках все преимущества.

Калинкин рассмеялся.

– У меня-то преимущества? У них подконтрольная армия и полиция с нацгвардией, а теперь ещё и «Громовержец» поверх всего этого! А у меня...

– То, что ты умеешь лучше всего: внезапная атака эффективными силами.

Они ещё немного прошли молча, а потом настала пора распрощаться. Напоследок только крепко обнялись да тихо проговорили, каждый своё:

– Береги себя, Кеша.

– Удачи тебе, Митя. Да поможет нам бог!

* * *

Пятёрка тяжёлых лазерных разгонных ускорителей выстроилась в ряд чуть более, чем в миллионе километров от «Громовержца». Каждый из них представлял собой сложной формы конструкцию в триста с лишним метров в длину и в среднем порядка тридцати метров в поперечнике. Запаса энергии тяжёлых ускорителей хватало на двенадцать лазерных импульсов, в отличие от лёгких, которые могли сделать лишь один или, с навесным накопителем, два импульса. Лёгкие, пятитонные цилиндры длиной двенадцать метров, были гораздо проще в транспортировке. Однако тяжёлые ускорители, полноценные космические корабли с мощными двигателями, импульсными и реактивными, могли свободно перемещаться в космосе, причём довольно резво. Лёгкие же име-

ли лишь по паре реактивных двигателей, и к месту боевого дежурства они доставлялись другими средствами или самостоятельно на специальных транспортных платформах.

– Первый рубеж выведен на боевую позицию, – голос Завката звучал в головах пилотов через F-Command отчётливо, и этот голос был, как всегда, спокойным и доброжелательным.

Первое крыло, пять «Грифонов», выстроились в ряд, каждый напротив «своего» тяжёлого ускорителя. Через полминуты в ста тысячах километров отсюда развернётся второй рубеж ускорителей, на этот раз лёгких, и тогда старт.

Это была беспрецедентная операция. Кельт, который в ней не участвовал, когда выслушал план, прокомментировал: «Ну... Раз Сканер одобрил, значит, вероятность успеха больше двадцати процентов. Оптимист. Но план очень наглый. Уважаю».

На атаку отводилось не более пятнадцати минут с момента обнаружения «Грифонов» системами противника – время, необходимое для наведения системы орбитальной бомбардировки на наземную цель, приведение систем поражения в полную боевую готовность и залп.

Ключевым элементом операции было сближение «Грифонов» с «Громовержцем» с заглушенными маршевыми двигателями. Так, если повезёт, «Громовержец» обнаружит «Грифоны» лишь за пять-семь тысяч километров, практически в последний момент. При работающих же импульсных двига-

телях дальность обнаружения увеличивалась как минимум до сорока тысяч километров.

Принимая во внимание количество и мощность оборонительных систем «Громовержца», его можно было бы без натяжек назвать космической крепостью. Плюс пятьдесят истребителей, из них десять «Скорпионов», в каждом пилот-ас с боевым опытом. Поэтому элемент внезапности был ключевым для атаки.

Через минуту сверхмощные лучи лазеров ударят по фотонным парусам, отправив к цели пятёрку «Грифионов» с заглушенными двигателями. Через сто тысяч километров истребители пройдут впритирку с пятёркой лёгких ускорителей и получают дополнительный разгонный импульс. Далее группировка лёгких ускорителей переформируется за минуту, отработавшие отойдут в сторону, а их место займут новые, и с исходной позиции стартует вторая пятёрка «Грифионов», а потом ещё через минуту третья.

Пятнадцать чёрных истребителей, из них десять пилотируемых. В крайнем крыле три истребителя управлялись с Земли по зап-связи (Сканер, Фотон и Лебедь), а два «Грифона» шли в автоматическом режиме с новой, ещё не испытанной в бою, программой управления. Один автоматический и один дистанционно пилотируемый несли лёгкие лазерные ускорители с транспортными платформами и навесными накопителями энергии, дающими «право на второй выстрел».

А ещё два дистанционно управляемых «Грифона» бы-

ли предназначены для таранного удара по рубке управления «Громовержца». Эти истребители играли роль снарядов, предназначенных для поражения центра управления залпом. Ускорение лазерным ударом в совокупности с запущенными в режим форсажа импульсными двигателями должно быть таким, что системы обороны «Громовержца» и системы атаки истребителей охраны просто не сумеют эффективно отработать молниеносный удар столь массивным снарядом. Взрыв самоуничтожения «Грифона», пробившего обшивку космической крепости, должен окончательно поразить систему управления залпом, при этом не повредив оружейный отсек.

Именно поэтому командовал операцией Закат. Более опытные командиры Сканер и Фотон управляли беспилотными истребителями с Земли. И это управление не было примитивным симулятором, передающим команды истребителю далеко в космосе. Слияние с боевой машиной казалось фантастическим. Пилот не управлял истребителем, он *был* им. Он видел всё вокруг, всю сферу обзора сразу, он не давал команду ускорения, а ускорялся сам (как человек, который просто бежит, а не даёт команду ногам передвигаться, он просто устремляется вперёд), он мог маневрировать, не задумываясь о работе двигателей, и мог стрелять, сливаясь сознанием с системами наведения. И до точки касания идущего на таран «Грифона» Сканер будет этим самым «Грифоном», и он сам с запредельным ускорением бросится на

космическую крепость.

В каждом пилотируемом истребителе жилой отсек, располагавшийся за спиной пилота, был модифицирован. Ускорение от мощного лазерного залпа могло просто размазать пилота по креслу, поэтому в жилых отсеках смонтировали антиперегрузочное оборудование, главным элементом которого была двадцатипятиметровая (пришлось модифицировать и другие отсеки) рампа, по которой в момент разгона сдвигалось кресло пилота.

– Второй рубеж выведен на боевую позицию, – сообщил Закат. – Первое крыло, готовность к старту пятнадцать секунд.

Первая пятёрка «Грифонов» выстроилась в ряд, каждый в ста пятидесяти метрах впереди ускорителей, синхронно раскрыв панели фотонных парусов. Сопряжённые системы управления с выверенной до десятой доли миллиметра точностью синхронизировали положение ускорителей и истребителей. Накопители энергии подали ток на кристаллы-излучатели.

Дельфин шёл во втором крыле. С расстояния в полкилометра было видно замершие в готовности боевые машины первой волны атаки. Меньше, чем через две минуты, он займёт место у второго ускорителя, там, где сейчас Клён. А потом удар, ускорение, которого он никогда не испытывал, ещё удар и ещё ускорение, и бой. Страшно каждый раз, потому что каждый раз это настоящий бой, почти всегда с превос-

ходящими силами противника.

Он вдруг вспомнил, как ещё неделю назад они с Клёном и Рысаком... ну какие к чёрту позывные! Он вспомнил, как неделю назад они со Славиком и Маратом пили пиво в баре в Будапеште, как...

– Поехали.

Команда была не нужна, старт происходил полностью в автоматическом режиме, но по традиции... Ну должна быть команда к бою!

Пятёрка чёрных боевых машина рванула с места с немислимой скоростью и тут же исчезла в черноте космоса.

– Закат Путнику.

– Закат на связи.

– Старт прошёл в штатном режиме. Полёт нормальный, личный состав первого крыла в норме, техника в норме.

– Принял тебя, Путник. Связь по прохождении второго рубежа.

– Понял, Закат. Конец связи.

– Закат второму крылу. На позиции.

Через сорок секунд стартовало второе крыло. Ещё через минуту третье. И в эфире воцарилась тишина. Никто не запрещал разговоры. Бывало, что бойцы могли перекинуться перед боем парой-тройкой фраз. Но сейчас «Грифоны» неслись сквозь чёрную пустоту в полном молчании.

– Первое звено,хождение второго рубежа через пятнадцать секунд. Тринадцать...

Пятнадцать секунд тишины.

– Закат Путнику.

– Закат на связи.

– Ускорение второго рубежа прошло в штатном режиме.

Полёт нормальный, личный состав первого крыла в норме, техника в норме.

– Принял тебя, Путник. Конец связи... Удачи, ребята!

– Понял, Закат. Конец связи.

Через минуту второе крыло прошло второй рубеж. Ещё через минуту третье.

И снова полное молчание.

Путник дал команду на запуск импульсных двигателей, и истребители первого крыла, обретя полную управляемость, начали расходиться, выстраиваясь в боевой порядок. Целью атаки первого крыла было рассеивание сил противника, второго – расчистка коридора для выведения таранных истребителей на цель. Третье крыло должно было нанести удар сходу, лишь выйдя на рубеж поражения.

Бой начался неожиданно и пошёл совсем не так, как рассчитывали при планировании операции.

Через тридцать секунд после обнаружения первого крыла «Дельты» все оборонные системы космической крепости были приведены в полную боевую готовность, ожидая приближение «Грифонов» до дистанции прицельного поражения. И сразу же система поражения наземной цели начала развёртывание. Но ещё раньше два звена истребителей противника,

находившиеся на боевом дежурстве на дальних рубежах, запустили двигатели, обнаружив себя на радарях, и бросились в атаку. Они не дали первой пятёрке «Грифонов» себя рассеять, навязав бой вблизи станции. Через минуту со станции стартовали ещё три десятка ярко-красных боевых машины противника, и космос просто закишел истребителями.

В космическом бою нет зрелищности. В пустоте нет звуков, движение снарядов едва улавливается радарями, а лазерных лучей не видно со стороны. И уничтоженные истребители не взрываются красочными всполохами, а просто исчезают, разваливаясь на части. Всё, что можно наблюдать – это мечущиеся боевые машины, внезапно меняющие скорость и вектор движения. И иногда бесшумно исчезающие в черноте космоса.

Преимуществом «Дельты» было то, что пилоты слышали радиообмен противника. Коды шифрования в «Дельте» получили уже давно, а зап-связь имела лишь на «Скорпионах». Действия противника были частично предсказуемы, пусть даже за секунду. За три минуты боя было сбито пять неприятельских выпелов.

Понимая цель «Дельты» и собственную задачу, основные силы противник сосредоточил на обороне космической станции. Лишь десятка «Скорпионов» бесшабашно бросалась в атаку, и довольно быстро их осталось только пять. А «Грифонов» четырнадцать. Ромашка. Первая боевая потеря подразделения за три года.

Девять минут боя. Лазерные ускорители уже давно вышли в самостоятельный полёт, готовые в любой момент выдать по два импульса, и доставившие их «Грифоны» успешно их прикрывали, но беспилотные истребители всё ещё не удавалось вывести на позицию для таранной атаки. На «Дельту» пока работало лишь то, что системы обнаружения «Громовержца» не распознали реальной угрозы в непонятных мелких объектах с маломощными двигателями, болтавшихся относительно далеко от станции, а потому противник не сосредотачивал на них огонь. Уже потом, когда этот удивительный бой вошёл в учебники по военной тактике, было отмечено: ключевой ошибкой командира станции было то, что он положился на автоматику. Человек обязательно обратил бы внимание на не-пойми-что, появившееся у станции вместе с супер-истребителями, и, более того, тщательно охраняемое истребителями. Но автоматика угрозы не увидела, а командир был слишком увлечён ходом боя.

– Ингвар Клёну. Лови вектор атаки.

– Принимаю. Что задумал?

Клён за десятую долю секунды мысленно сформировал вектор и отправил Ингвару.

– Понял, Клён. Сверху ударим?

– Идёшь первым, отвлекаешь, я за тобой прорываюсь, захожу в тыл. Дельфин замыкающим, прикрывай.

Три «Грифона» один за другим форсажным рывком вышли из кипящего боя, и за ними устремились десятка вым-

пелов противника, лидировал «Скорпион».

Завязался их собственный бой. Ингвар, отстреливаясь, прикрываемый Клёном и Дельфином, связал боем сразу семь истребителей противника, довольно быстро от них осталось три, потом два. И вдруг «Грифон» Клёна метнулся прямо к станции, за десять секунд оказавшись в тылу основных сил противника. Он бросился в атаку, нещадно расстреливая боезапас, а через секунду его «Грифон» исчез с радаров. Тихо, как и всё в космосе.

– Славик!!! – Дельфин проорал это вслух, и его услышали все, кто был на связи.

Он метнул свой «Грифон» туда, где только что пропал истребитель его друга. Прямо в гущу боя. Он маневрировал, как, казалось, не под силу ни человеку, ни технике, и стрелял, стрелял! Всем, чем можно, и во всех направлениях. Он просто бил по вражеским машинам, быстро, то прицельно, то интуитивно, и, забыв обо всём, прорывался туда, где ещё минуту назад светилась отметка «Клён» на радаре. Во время того прорыва он уничтожил девять ярко-красных боевых машин. Станция открыла заградительный огонь, но «Грифон» Дельфина был ещё далеко от зоны прицельного поражения, и удары оборонительных систем приходились в пустоту. Два истребителя противника метнулись в стороны, опасаясь попасть под шквальный огонь своей же станции...

А потом наступило то мгновение. Как будто мир замер. «Грифон» завис вблизи зоны прицельного поражения

станции с полностью израсходованным боезапасом, остались только лазеры, эффективные лишь в ближнем бою. На станции поняли это и прекратили огонь, и к одинокой чёрной машине, замершей глубоко в тылу основного боя, бросились с разных направлений сразу семь ярко-красных истребителей.

Дальнейший мысленный диалог через F-Command занял треть секунды.

– Дельфин, форсаж и выходи за станцию! – скомандовал Закат.

– Не пройду. Расстреляют, как в тире. Иду на таран. Четыре минуты до залпа, по-другому можем не успеть.

– Принято. Катапультируйся.

– Расстреляют или возьмут в плен, – спокойно отреагировал Дельфин.

– Вектор импульса не...

– Вижу. Доработаем маневровыми.

И чёрный «Грифон» раскрыл фотонный парус, отстрелил панели носового обтекателя и фронтальных пилонов, обнажив разрушительные рсв-поверхности.

Никто из участников боя больше никогда не возвращался к этому эпизоду. Никогда. И можно только догадываться, что тогда пронеслось в голове у каждого. Никто никогда не поставил под сомнение правильность решения, принятого за треть секунды. Долг офицера – выполнить боевую задачу. Точка.

Автоматика произвела сопряжение систем управления, и

обе лазерные установки одновременно ударили по парусу с дальней дистанции. В этот же момент врубилась на полную мощность все двигатели «Грифона» – и маршевые, и маневровые, – и истребитель рванул с места с немислимым ускорением!

Ускорение и траектория «Грифона» находились далеко за пределами тактических сценариев, заложенных в память систем управления обороной «Громовержца». Автоматика попросту растерялась. А человек и вовсе не успел среагировать. За секунду находившийся на безопасном отдалении чёрный истребитель рванул с места, стремительно описал дугу и, пробив обшивку станции, разрушая рсв-покрытием материал внешних переборок на атомарном уровне, ввалился внутрь центра управления установкой орбитальной бомбардировки. Сработала система самоуничтожения истребителя, за мгновение израсходовав оставшееся топливо импульсных двигателей, и ядерный взрыв малой мощности уничтожил приводы запуска, полностью обездвижив систему.

– Цель поражена, – безучастно сообщил Закат. – Выходим из атаки.

Таранным ударом управляла автоматика по введённой Дельфином программе. Сам Дельфин потерял сознание от перегрузки в момент лазерного импульса сразу двух ускорителей. Он не видел молниеносного сближения с обшивкой станции, не видел момента контакта, когда носовой обтека-

тель вошёл в обшивку, как нож в масло, не почувствовал последовавшего удара и не осознал момент смерти. Он не успел попрощаться. За мгновение он лишь вспомнил изящный взмах...

А у офицеров «Дельты» появилась фраза, которую они потом традиционно произносили, когда в очередной раз складывалось как складывалось, и когда шансов на победу почти не оставалось. Но особенно часто её вспоминали, возвращаясь из бара подшофе. Последние слова Дельфина. «Доработаем маневровыми».

* * *

Вопреки обыкновению, «Грифон» не рухнул с неба, гася скорость до нулевой в точке касания. Сейчас, раскинув крылья в атмосферной небоевой конфигурации, он плавно скользил над ледяной гладью Истринского водохранилища, поднимая в воздух снежную пыль. И приземлился истребитель мягко – не замер, как обычно, в точке касания, а, замедляясь, прокатился по снегу два десятка метров.

Хозяин дачи вышел встречать гостей, за ним, прихрамывая, ковылял повар. Выбежал пёс. Уже взрослый, заматеревший.

Коля выбрался из истребителя и остановился, медлил в нерешительности. Сколько ж воды утекло... А здесь всё, как было. Коля обвёл взглядом пейзаж и чуть поодаль, слева от

дома, увидел то, чего раньше не было. Небольшой чёрный крест над скромным холмиком.

Дедушка Кеша уловил Колин взгляд.

– Бриз, – пояснил он коротко. А потом добавил: – Петька Шереметьев.

Он сделал шаг навстречу Коле, тот тоже сделал шаг навстречу, и они молча обнялись. Пекиныч тихо заплакал и тоже пошёл обниматься, сразу с обоими.

Кельт легко выпрыгнул из истребителя, но стоял поодаль, не мешал старым друзьям насладиться встречей. Ник осторожно, с опаской, подошёл и нерешительно ткнулся носом Коле в бедро, как бы размышляя, признавать ли, тот ли самый, что был тогда.

– Ну здравствуй, дедушка Кеша, – сдавленно прошептал Коля. – Сто лет не виделись.

– Да как будто и впрямь сто, – согласился профессор. – Пойдёмте в дом полдничать.

– Добрый день, Иннокентий Аристархович, – подал голос Кельт. – Фёдор Пекинович, – вежливый короткий поклон повару. – Прошу покорно меня извинить, однако вынужден откланяться. Дела-с.

– Давай, Серёжа, – мягко улыбнулся дедушка Кеша, – раз надо, так надо. Хотя, жаль, конечно, давненько мы просто так за чаем не сиживали.

– И мне жаль, – согласился офицер. – Как-нибудь в другой раз обязательно. Честь имею!

Он запрыгнул в «Грифон», и тот с рёвом взмыл в воздух и скрылся в облаках.

Зашли в дом. Фёдор Пекинович суетился, подавая угощение, старался молчать, однако же без умолку болтал о том – о сём: и как Коля возмужал, и сколько воды утекло, и как к блинам непременно маслица надо... А Коля тихо улыбался, и уже становилось невозможно сдерживать слёзы.

– Василиса умерла, – вдруг ни с того ни с сего произнес Коля. О чём думал, о том и сказал, оно же внутри так и сидело.

– Да, знаю, – тихо проговорил дедушка Кеша. Тихо, но сухо, по-мужски. – Очень жаль, Коля. Хорошо хоть свиделись. Я слышал, правнук у тебя остался? Привози его сюда в следующий раз.

– Вместо Бриза никого к вам не прислали охранять? – неожиданно спросил Коля невпопад. Да просто столько всего нужно узнать. Уже не различаешь, что важно, а что не очень, что наперёд, а что потом.

– Да разве ж дадут спокойно уединению предаться... – профессор вздохнул. – Прислали. Скоро прибудет из увольнительного. Василий Юлианыч, фамилия Чалдон, она же и позывной. Старый вояка. Да и вообще хороший мужик... – Он оборвал фразу и опять вздохнул.

А блины были вкусные! Коля с самого утра ничего не ел, как-то не до того было, тяжкий выдался день – сначала просто волновался, потом убивать готовился, эвакуация, база

«Дельты», разговоры всякие, про Василису сообщили, Алешу привезли. В общем, пообедать не успел. А тут блинчики только с плиты, икорка, курочка поджаренная.

– Пекиныч, – крикнул Коля вслед скрывшемуся в очередной раз на кухне повару, – а сосисок нет?

Пекиныч тут же возник в дверях, угрожающе помахивая сковородкой, и отрицательно покачал головой.

– Эх, – Коля откинулся на спинку стула, – знали бы вы, какие на Уране сосиски!

– Ну так расскажи, – спокойно проговорил профессор. – Времени-то у нас довольно. Хоть до утра.

Они говорили, перебивая друг друга, обо всём, потом вдруг замолкали, потом опять говорили. Коля разок выбежал покурить, а Пекиныч вышел с ним просто постоять. И опять разговоры, разговоры...

К десяти вечера плавно перешли к ужину.

– Над чем сейчас работаешь? – поинтересовался Коля, чтобы сменить темы, неизбежно вызывавшие неловкое молчание, иногда вздохи, а то и слёзы.

– Да, – профессор махнул рукой, – так, прикладными штучками всякими. Пора и отдохнуть от высокой науки. Вот Ли Сы искусственным интеллектом увлёкся. Куда прёшь, говорю, дурень! Ни черта ж не выйдет! А он ни в какую. Мол, выйдет, вот увидите.

– Искусственный интеллект... – Коля задумался. – Это... это ж... это типа... а зачем это?

Иннокентий Аристархович поднялся, прошёлся взад-вперёд.

– Юношей движет научный интерес, что, безусловно, похвально. Ни о прикладной, ни об этической стороне вопроса он не задумывается.

– Ну так, дедушка Кеша, это же опасно! Сколько фильмов было про, ну, там, восстание машин, терминаторы всякие и всё такое...

– Не бери в голову, Коля, – профессор опять уселся на стул и улыбнулся. – Ни черта у него не выйдет. Искусственный интеллект не-воз-мо-жен. Клонировать человека получается, но клонирование запрещено... пока. А чтобы вот так личность с нуля – нереально. Даже теоретически.

Коля немного напрягся, выпрямился.

– А почему клонирование запрещено?

– Как раз по этическим соображениям. Человек уникален. Каждый. Богом или природой, тут уж решай, что тебе ближе, человек создаётся в единственном экземпляре. Каждый индивидуален, неповторим. И общность наша состоит из таких уникамов. Оттого и в мире баланс. То одна сила побеждает, то другая, и лодка покачивается, но воду бортами не черпает. А разреши клонирование, и такая качка начнётся, что как бы вверх килем не оказаться! – Было видно, что рассуждает об одной теме профессор не впервые и с удовольствием. – Давай вот отметём клонирование лучшего в мире воина на стороне одной армии, этот пример и так очевидно свидетельствует об

опасности нарушения баланса. Давай по-другому. Что была бы за жизнь, если бы состояла только из радости, без трудностей и переживаний? Если б душа не работала, а только умилялась?

Коля задумался.

– Ну, неправильно это было бы... – пробормотал он. Интуитивно он резон в рассуждениях профессора чувствовал, но вот так сходу сформулировать не мог.

– Да на поверхности ответ, Коля, – профессор вздохнул. – Общество эволюционирует, в этом природа человеческого общежития. Так заложено. Общество, как организм, растёт, развивается, только, в отличие от организма, ещё и самовоспроизводится, потому и существовать может теоретически вечно. А застой приведёт к деградации, в итоге – к исчезновению. Общество живо, когда в нём и хорошее, и плохое, и радость, и горе, и день, и ночь, и сумерки. Так вот представь, что двое мужчин любят одну женщину.

Коля представил. Легко.

– А теперь, – продолжал дедушка Кеша, – вообрази, что эту девушку клонировали, и каждому осталось по одной, и ещё одну можно в запас, ещё кому-нибудь, потому что женщина, судя по всему, хорошая.

Коля вообразил на секунду и ужаснулся.

– Ну что, всем счастье? – ехидно прищурился профессор. – Они там каждый порадуются друг за друга или ревновать будут? Или кто-то один? Представь, что вот таким об-

разом мы всех осчастливили, весь мир...

– Да бред какой-то... – Коля встряхнулся, пытаясь привести мысли в порядок. Вот денёк-то!

– А ты бы, кстати, какую хотел в такой истории – настоящую или клон? Давай уж по-живому – какую тебе, а какую Дельфину?

Коля зажмурился, как будто от боли. Это действительно было по-живому. И боль была настоящая.

– Чего задумался, Коля, они же одинаковые! И это только одна маленькая бытовая картинка. Представь другую. Наштамповали мы с тобой Пекинычей несколько сотен, чтоб в каждый дом, где желают, себе такого заимели. И нет уникального Пекиныча! Есть несколько сотен неуникальных. А вот тебе пример пожестче. Давай поговорим об инстинкте самосохранения. Вообще, как думаешь, зачем он? Вспомни, как герои шли на смерть, а трусы предавали, как родители оберегали детей, а любимые друг друга... Продолжить? Представь, что этого нет. Погиб ребёнок, унесло его, когда он на опасной лодке к водопаду сплавался (ну вот захотелось чаду покуражиться). Не беда, к вечеру изготовим идентичного трёхдневной давности, когда сканировали крайний раз. Продолжать, Коля? – дедушка Кеша перевёл дыхание и заговорил уже спокойно. – Изменится мораль общества. Мир станет другим, *совсем* другим. Можно сколько угодно приводить аргументов «за», но какой мир мы получим в итоге, никто предсказать не в силах. И у нас, у общества, сра-

батывает инстинкт самосохранения, потому что мы боимся неизвестного.

Коля задумался, и они минут пять молчали.

– Понятно, – наконец, нарушил тишину Коля. – То есть, не всё понятно, но подумать точно имеется о чём...

– А потом возьмут, да и разрешат клонирование, – вдруг сказал профессор. Прозвучало невпопад.

– Как это?

– Да вот так. Если что-то, на что есть устойчивый запрос общества, многих людей, запрещать, оно уходит в тень. Как в своё время наркотики. Слава богу, удалось потребность в них одолеть. Так и клоны сейчас. Почему, как думаешь, любой известный клон сразу уничтожают? Порой вместе с создателем, а то и сообщниками. Вот то-то. Но через какое-то время, – профессор грустно улыбнулся и склонил голову, – правительства поймут, что, если с этим нельзя бороться, значит, следует это возглавить. Вот и посмотрим, что будет.

– И что, прямо вот так и согласятся?

– А ты просто пропустил немного. Сколько в своё время копий было сломано, когда обсуждали, разрешить ли умственные стимуляторы! Говорили то же, что и я тебе сейчас: что это аморально, что мозг должен работать естественным образом... Только какой же вред, если человек с перемножением пятизначных чисел в уме начнёт справляться без счётных машин? Кстати, как раз то, чем я сейчас занимаюсь, только у меня помасштабнее задачка.

– Так это же не сам человек... – робко начал возражение Коля, но не закончил, не нашлось, чем заканчивать.

– Это просто технический прогресс. Он обществу по жизни сопутствует. Человек изготовил себе каменный топор, чем увеличил возможности руки. Уже получилось не как природой заложено. Потом возможности ног возросликратно с изобретением колеса. Потом Homo sapiens и вовсе в воздух поднялся, чего природой никак не предусмотрено! А вот скажи, общение с человеком через тысячи километров – это естественно? Ну вот. Настало время мозга.

– Ну дедушка Кеша, ну как же так! Ну вот это же общество и изменит!

– Изменит, – охотно согласился дедушка Кеша. – Только это эволюцией называется. Общества, если угодно. А человек всегда останется человеком. Когда-то изобрели огнестрельное оружие, увеличивающее возможность самообороны, но далеко не все пожелали таковое при себе иметь. Да чего там! Создали же всякие транспортные средства, а мы пешком ходить не разучились. Давай немножко по-другому. Современная техника позволяет специальным службам постоянно следить за каждым человеком на Земле. И на Уране заодно. И что, следят? Да вовсе нет, что бы там сторонники теорий заговора ни воображали. Общество, иногда гласно, а в основном молча, но очевидно против этого, вот и не возникла система тотальной слежки. Возвращаясь к мозговым стимуляторам: представь инженера, который разрабатывает

что-то полезное. В обычной ситуации он месяц будет трудиться, а со стимулятором три дня. А потом или за что-то другое стоящее примется, или семье время посвятит да увлечениям своим.

– Что-то запутал ты меня, – Коля опять потряс головой. – То естественно, то неестественно. Правильно-то как? Человек с техническими возможностями – это хорошо, а клоны плохо?

Сам понял, что глупость сказал. Не о том же беседа. Хотя, надо сказать, и непоследовательной она выходила. Но дедушка Кеша часто таким выглядит, если не вникать.

– Сам подумай, Коля. Только обязательно подумай. Тебе сейчас много о чём подумать нужно. Очень о многом. Тебе же как-то дальше жить надо.

Было уже за полночь, когда Коля, вконец уставший от событий такого длинного дня, окончившегося приятной для души, однако напряжённой для ума беседой, отправился спать. На пороге он замер и нерешительно обернулся.

– Дедушка Кеша... – осторожно проговорил он то, что и так витало в воздухе, – а ты Милену... ты ведь её сканировал...

– Раз в неделю, – быстро и спокойно ответил профессор. – Хочешь клона попросить?

– Хочу.

– Так она же ненастоящая будет!

– А я какой?

– Коля, – профессор встал, подошёл и посмотрел ему прямо в глаза. – Коля. Она полюбила тебя таким, каким ты был тогда. До того, как прошёл через всё это. И *всё это* ты прошёл один. Без неё. Не вы вместе, а ты. Ты уже другой. И ты полюбил её, когда был другим. Ты уверен, что сейчас возникло бы то же самое? Вот то-то и оно...

Коля ничего не ответил. Он развернулся и вышел из гостиной.

– И главное, – услышал он жёстко брошенные вдогонку слова, – ты видел её смерть. И ты её уже похоронил.

* * *

Вся эта история закончилась для большинства людей совершенно неожиданно третьего декабря две тысячи сто первого года. К этому большинству относились и Ходырев со товарищи. И сам Ходырев, и Фролов, и Пекарский, и Стенька и многие-многие вовлечённые узнали о произошедшем из новостей, из прямой трансляции из Георгиевского зала Большого Кремлёвского дворца.

А за день до того руководитель Администрации Президента Тихон Святославович Цветков попросил у главы государства полчаса времени в конце рабочего дня по очень важному делу.

Президент согласился, встречу согласовали на десять вечера. Было видно, что Президент нервничал в последнее вре-

мя всё больше и больше, и, хотя тратить время в пятницу вечером ему совсем не хотелось, он чувствовал, что Цветков намерен обсудить что-то значимое, поэтому не возражал и отложить встречу на другой день не предлагал. И даже не спрашивал заранее, о чём руководитель его Администрации хочет с ним поговорить.

Ровно в десять вечера Цветков, постучавшись для приличия, вошёл в президентский рабочий кабинет.

Шацкий стоял у окна, сунув руки в карманы брюк. Когда Цветков возник на пороге, он лишь коротко обернулся, чтобы убедиться, кто вошёл. Виделись несколько раз сегодня, однако Цветков всё же поздоровался:

– Добрый вечер, господин Президент.

– Добрый вечер, Тихон, – Шацкий продолжал вглядываться в небо. – Тучи сгущаются, да?

– Да не то слово, Анатолий Вольфович. Дальше почти некуда.

– Да, – Шацкий вздохнул и грустно покачал головой. – Всё зашло слишком далеко. Неожиданно...

– Ожидаемо, Анатолий Вольфович. При всём уважении.

Так и стояли – Президент, ссутулившись, у окна, руководитель Администрации у двери. И «всё», что неожиданно или ожидаемо зашло далеко, было понятно обоим. Будет восстание. Так или иначе, Шацкому придётся уйти в отставку, и это всё, чего от него добывается Ходырев. Сам предприниматель, кстати, уже давно перестал общаться с Президен-

том – встреч не искал, а от возможных уклонялся. Федоренко, который займёт пост Президента после отставки Шацко-го, – марионетка Ходырева. Шах и мат.

– Есть предложения, Тихон? – проговорил Шацкий едва слышно.

– Конечно, есть. Имеется два варианта. Первый: позволить Ходыреву воплотить его план в жизнь. Смею вас заверить, этот вариант уже не состоится.

Шацкий вдруг резко развернулся на каблуках и посмотрел в глаза Цветкову.

– Тихон, ты о чём?

– Позвольте закончить, Анатолий Вольфович. В первом варианте нельзя предсказать, что будет происходить в стране и как это скажется на вас. Мы знаем, что Игнат Рафаэлевич человек не агрессивный, и против вас лично он после отставки ничего иметь не будет. Однако вы знаете, кто с ним вместе. И догадываетесь, кто за его спиной. Вы можете предугадать их действия, в том числе в отношении вас лично? Думается, вопрос риторический.

– Тихон, а что ты думаешь по поводу недавних разоблачающих роликов?

– Вы всё ещё тешитесь мыслью, что можно удержаться на посту Президента? Разоблачающие ролики Ходырева не остановят. Уже готовится мощная кампания, которая через пару недель дезавуирует все разоблачения. Поэтому и времени ждать у вас нет.

– То есть, отставка неизбежна, – тихо проговорил Шацкий, обречённо склонив голову.

– Мы можем сделать её бессмысленной. Если снять Федоренко с поста вице-президента и на его место поставить правильного человека. И сразу же принять жёсткие меры против бандформирований. И начать разрушать экстремистскую идеологию. Как, по-вашему, Ходырев контролирует правоохранительные органы?

– Да я знаю, через Федоренко. Только сделать уже ничего не могу, слишком поздно. Если я сниму с поста Федоренко...

– Его нельзя просто так уволить. Там сложная процедура.

– Но ведь Калинкина же сняли.

– Сняли, – Тихон едва заметно улыбнулся. – Потому что я подтвердил, что процедура соблюдена. А она не была соблюдена. Дело о восстановлении Калинкина на посту будет рассматриваться Верховным судом сегодня ночью. Простите, не могу вам сообщить точное время и место, но зато могу достоверно предположить, какое будет решение. Если хотите, можете поприсутствовать, но только если дадите слово, что на заседании поддержите требования Калинкина и согласитесь с его восстановлением на работе.

Президент, наконец, вытащил кулаки из карманов брюк, развёл руки в стороны и ошалело уставился на руководителя Администрации.

– Что ты сказал?.. – произнесено это было не с вызовом, скорее, неуверенно.

– Сказал, что ночью Верховный суд восстановит в должности вице-президента Калинин Матвея Юрьевича. Это полностью нарушит планы Ходырева. У Калинин есть сценарий, как быстро навести порядок в стране и не позволить силам противника перегруппироваться для нового удара.

– И у Калинин есть ко мне предложение?

– Есть, Анатолий Вольфович. Первое: поддержать его на ночном заседании Верховного суда. И завтра утром выступить с обращением к народу, поддерживающим это судебное решение. Это придаст вердикту большую реальную легитимность. Второе: вы сохраняете пост Президента, но передаёте Калинин фактические полномочия для наведения порядка. Можете в отпуск пойти. Лучше бы вас вообще в стране не было, тогда народное восстание некуда будет вести. Хотя, если завтра утром передадите реальную власть Калинин, никакого восстания уже не случится. Зато последуют аресты высокопоставленных генералов.

– Но ведь эти Стенькины отряды, они же просто так не...

– Сил полиции вполне достаточно для того, чтобы полностью уничтожить бандформирования, если они будут сопротивляться. План Ходырева и заключался в том, чтобы полиция не вмешивалась, по крайней мере, на первом этапе. Мы надеемся, что спонсоры всей этой истории поймут, что вложения не окупаются, и прекратят финансирование. А если нет, придётся просто зачистить отряды экстремистов. Позвольте повторить, сил полиции на это хватит. Здесь бы очень

помогло ваше одобрение этих действий. Тем более, арестов высокопоставленных персон.

– Так вы что же, хотите за ночь арестовать...

– Двенадцать человек... Ой, только что понял, число-то символическое... надо подумать... В любом случае, мы понимаем, что исход уголовных дел не гарантирован, хотя, на взгляд квалифицированных юристов, доказательств достаточно. Но даже если некоторые обвиняемые быстро выйдут на свободу, у нас будет время, чтобы нейтрализовать их действия, чтобы вернуть контроль над страной.

– Ну хорошо... Пусть арестуете и вернёте контроль, пусть начнёте уничтожать вооруженных экстремистов, Стеньку к ногтю прижмёте... А новый Стенька и новые формирования не появятся?

Тихон улыбнулся и уверенно произнёс:

– А всякое может случиться. И то, и другое, и сопротивление врагов, и новые угрозы. А мы просто будем бороться за страну. Всегда же так делаем. Веками. Так и живём.

Утром в экстренном выпуске новостей президент Шацкий объявил о восстановлении в должности вице-президента Калинин. Также он лично сообщил, что бывший вице-президент Федоренко взят под стражу в связи с обвинениями в коррупции, как и ещё несколько генералов и высокопоставленных чиновников.

А потом он передал слово Калинин. Тот предстал пе-

ред камерами в обычном тёмно-синем костюме, как будто и не отсутствовал в Кремле все эти месяцы. Он уверенно занял место на трибуне с российским гербом, которую освободил для него Шацкий. Вице-президент смотрел в камеры открыто, искренне и решительно, даже пронзительно, как будто пытался заглянуть в глаза каждому, кто сейчас находился у видеоконсоли. И казалось, да не казалось, было взаправду, что ему совершенно безразлична реакция тех, кто собрался сейчас в Георгиевском зале послушать его выступление.

– Дорогие сограждане, – начал он спокойно. Сделал небольшую паузу. – Друзья. Наша страна чуть было не погрузилась в очередной раз в смутные времена. Всё закончилось. Всё уже закончилось. Отдельные бандформирования будут сопротивляться, но государственные силы правопорядка их уничтожат, это вопрос небольшого времени.

Но знаете, чтобы уничтожить бандитов, не требуется выступать с трибуны. А я хочу обратиться к вам. Нам с вами *нужно* поговорить.

О недавних событиях в стране обязательно сообщат в средствах массовой информации, и я обещаю, что государство будет максимально открытым. Мы хотим, чтобы все люди узнали и поняли, что назревало. Что могло произойти.

Но это потом. А сейчас вот что.

Бог создал нас по своему образу и подобию. Простите, сделаю оговорку, я сейчас говорю о христианском вероисповедании, но ведь именно его враги государства использова-

ли, чтобы склонить народ на свою сторону. Так поступали в своё время и другие узурпаторы власти: недостаточно захватить ресурсы, нужен механизм принуждения всей нации. Он может быть полностью силовой. Или это может быть идеология и наказание за инакомыслие.

Что они пытались сделать? Всё просто: вот христианская религия, вот ценности и правила жизни, а если кто желает жить не по Библии, то мы их принудим силой, потому что библейское учение единственно верное. Бог предписал людям жить по Священному Писанию, и эти заветы должны исполняться. Если люди не хотят сами, придётся заставить.

Почитайте Библию. Вспомните Заветы, полученные Моисеем. Вспомните то, чему Библия учит. Кто из вас может представить себе Иисуса Христа, принуждающего людей силой? А разве не Он должен быть для нас примером? Приведите хотя бы одно слово из Библии, которое позволяло бы человеку судить ближнего, живет ли он по вере? Я сейчас не говорю о государственном правосудии, я сейчас о самосуде. Да неужели хоть раз Бог оправдал такое?

Помню пример о Содоме и Гоморре. Но вот только уничтожал-то города Бог. Сам. Это *его* мир, он сам его создал и сам установил правила, и он карал грешников. И если бы там и были кто безвинные, я уверен, Господь позаботился об их душах. А вы, убивающие инакомыслящих, можете вы позаботиться о душах невинных? Разве вы боги, чтобы решать, что будет с душами тех, кого вы убили или собирались

убить? Обречь ближних на мучения, чтобы их души очистились? Так ведь это только право Господа. Не припомню такого в Библии, чтобы Бог дал человеку право судить, разве что быть орудием в Господних руках. Только никому из вас Бог не являлся. Вы сами все решили. Вот и подумайте, что вам Бог скажет на ваши деяния, когда пред ним предстанете. Не страшно? Может быть, пора покаяться и начать искупать грехи, пока новых не натворили?

А насчёт выискивания в миру признаков Апокалипсиса, так мы-то на своём веку много их повидали. И про зверя с рогами не в первый раз слышали. В каждом веке, да даже в десятилетия, находится оратор, провозглашающий: «Вот оно! То, что в Книге Апокалипсиса написано». Поищите в сети, много интересного найдёте. И зверя с рогами в каждом веке много в ком или даже в чём пытаются признать. Только вот те, кто в этот раз пытался вас за собой повести под флагом борьбы со Зверем, захватили очень конкретную установку орбитальной бомбардировки и были готовы её использовать. Вот был бы «огонь с небес»! И кто же Зверь?

Только нет на наши вопросы прямого ответа. И что остаётся? Да просто жить. И жить правильно. Жить своим умом.

Как поступить тем, кому близка вера? На что ориентироваться? Так откройте Библию. Не слушайте пересказы, почитайте сами сначала. И подумайте. Знаю, что многое в Библии не так просто осмыслить, и толкователей много. Для того и существует тысячелетиями наша с вами Православная

церковь. Не решать за вас, как вам жить, а просто помочь.

Бог создал нас по образу и подобию своему. И дал нам свободную волю, дал возможность самим решать, как жить. Так давайте жить правильно. Заботиться о себе, о своей душе и о своём теле, потому что это тоже дар Божий, печься о своих семьях, о своих близких, о своей стране и о нашем мире. Мы нужны этому миру, давайте сделаем его лучше. Не разрушением, а добром. Не огнём, а теплом.

* * *

Эпилог

Патриция обхватила Ричарда за руку и прижалась щекой к его плечу. Они медленно брели вдоль берега босиком, и солёные волны накатывали, оставляя песок на ступнях. Ричард закатал брюки, а юбка Патриции и так была недлинной, по колено.

– Думаешь, это всё могло бы быть раньше? – тихо спросил Фоли. – Лет двадцать назад?

– Нет, – ответила Патриция в тон ему тихо. – Раньше мы были другими. А сейчас вот так, – и она ещё сильнее прижалась к Ричарду.

– Хорошо, что ещё ночь дали. А завтра утром...

– И куда ты отправляешься завтра утром?

– Пэт, это секретная миссия.

– Секрет от премьер-министра? – она удивлённо вскинула

голову и лукаво посмотрела в глаза Фоли.

А он нежно обнял её и коснулся губами ее волос.

– А русские всё-таки показали, как работает фотонный парус... – задумчиво проговорил он.

– Ах, эти русские... – так же задумчиво проговорила Пэт. – Писали бы картины и музыку. Это у них хорошо получается. Танцы ещё. Нет, им бы всё повоевать.

– Война в природе всех европейских наций. Мы же всегда воюем. Вся наша история состоит из войн.

– Как думаешь, Дик, это когда-нибудь закончится?

– Точно не на нашем веку, Пэт, – он вдруг подхватил её на руки и закружился, шлёпая по воде. – Зато на нашем веку случится столько всего захватывающего! Хорошего! Например, ты же помнишь, до окончания твоего премьерского срока осталось четыре месяца.

Патриция заулыбалась и немного покраснела.

– И ты станешь миссис Патриция Фоли, – продолжил Ричард с улыбкой от уха до уха. – И... мы договорились о тихой свадьбе, но всё-таки какая-нибудь всё равно будет. Вот я и подумал... может быть, в Москве? У меня там есть знакомый адвокат.

– А у меня президент!

И она рассмеялась и обхватила его за шею.

* * *

Молодая аспирантка вошла в большую лабораторию на двадцать первом этаже НИИ Мозга. Раньше выше десятого этажа её вообще не пускали, и вдруг – сразу в лабораторию Л-35! Хорошо, не вдруг. Университетские дипломы по медицине и математике с отличием, прекрасные рекомендации от профессоров, блестящие отзывы из лабораторий и клиник, где она проходила практику, несколько десятков статей в мировых изданиях и ещё шесть собеседований в самом НИИ. И вот она здесь. Святая святых. Л-35.

Вдоль стен в полном беспорядке были расставлены неизвестные ей приборы, в кресле сидел манекен, а в центре лаборатории были высвечены графики, среди которых бродил высокий молодой мужчина в белом халате. Она его видела много раз издали, а он, наверное, до сего дня не знал о её существовании. Казалось, и сейчас он совсем не заметил её появления.

– Вы верите в возможность искусственного интеллекта? – вдруг спросил он, не оборачиваясь.

– Верю, – ответила аспирантка. Она так и стояла в нерешительности у входа, и это единственное слово она произнесла быстро и как-то робко.

– А вот профессор Филатов не верит.

– А Эйнштейн не верил в квантовую физику, – уже спокойнее проговорила девушка.

– И что же такое интеллект? – всё не оборачиваясь, спросил мужчина.

Девушка растерялась, задумалась и ничего не ответила. А мужчина пассами рук перевернул два графика вверх ногами, влил три других, растянул в эллипс и закрутил в спираль. Потом резко развернулся к аспирантке, подошёл и протянул руку.

– Вместе и будем разбираться, что же это такое. Главное, что вы верите. Теперь нас двое. Меня зовут Ли Сы Свидригайлов. Называйте меня просто Ли Сы.

* * *

«Джувлетта» спешно покидала область надвигающегося шторма. Болтало больше обычного, но ещё терпимо, и в кают-компании было оживлённо. Билл и Минж привычно ре-зались в го, причём игра им не наскучивала. У Билла даже стало кое-что получаться в том смысле, что Минжу уже требовалось прикладывать усилия. Энрике стоял, облокотившись о спинку стула, наблюдал за игрой.

– Ну вот что это такое опять! – в кают-компанию вбежала Энджела с флексом в руках. – Слышали, что Забушек?! Придумал!

Энрике обернулся и со спокойной усмешкой посмотрел на Энджелу.

– А какая разница. Всё равно не приживётся, если плохая идея. А если хорошая...

– Когда у него хорошие были! Всегда плохие! Элли, вот

скажи...

Элли, тихонько сидевшая у иллюминатора, обернулась.

– Прости, Энджела, прослушала. Что ты хотела...

– Ты вообще о чём думаешь, Элли? Считаешь, если ты пилот...

– О чём я думаю? – Элли опять повернулась и посмотрела в черноту метанового неба. – Мне Ник как-то стихотворение русское перевёл. Про парусную лодку. Короткое такое. Там всё хорошо, парус белый, штиль, солнце, но парусник грустит. Там ещё заканчивается так: а он, бунтарь, ищет шторм, как будто в шторме будет спокойно.

* * *

– Балуете вы меня, Матвей Юрьевич, право же! – проговорила Маргарита Нарциссовна своим низким грудным голосом, почти без модуляций.

– Да полноте, Маргарита Нарциссовна! Какое ж тут баловство! Шоколад положительно необходим для деятельности мозга.

– Ах, всё бы вам, мужчинам, шутить!

– Ну уж увольте, Маргарита Нарциссовна! Вот и Иннокентий Аристархович при случае обязательно подтвердит о пользе шоколада для процессов мышления. Он, знаете ли, большой в этом деле специалист!

– Очевидно, авторитет Иннокентия Аристарховича в ка-

сающихся мозга вопросах...

– Да я ж о шоколаде! Знаете, второго дня скормил я ему идентичную шоколадку, негоже ж было бы сразу вам предлагать, не проверив. Так он, представьте себе, три штуки откушал, пока я отвернулся!

– Вы чрезвычайно убедительны, Матвей Юрьевич. С такой убедительностью у других соискателей президентского поста на выборах точно не будет ни одной возможности составить вам соперничество.

Калинкин замолчал и опустил глаза.

– Вряд ли я на выборах свою кандидатуру выставлю. Хотел бы продолжить служить стране, но вряд ли смогу быть хорошим президентом. Наверняка, выдвинутся более достойные кандидаты. А вашему покорному слуге, смею надеяться, найдётся достойное и подходящее место.

Дворянская, если и удивилась или оказалась озадачена, то виду не подала. Она лишь ещё больше выпрямилась и заглянула прямо в глаза Калинкину.

– Возможно ли предостеречь вас от этой ошибки, мой друг? Предвижу ваши аргументы о достойных людях и, спору нет, в том неприятном времени, которое мы пережили, многие представители молодого поколения повели себя похвально. Однако их время ещё впереди. А кроме вас, кто, по вашему мнению, поспособствует им на высоты пробиться? И уж как бы вы ни привыкли «человеком за спиной» оставаться, так уж сложилось, что нет сейчас спины такой. Ну, а

если по-своему решите, так и бог вам судья. Мы-то с вами всё равно вместе останемся.

* * *

Достойные же представители молодого поколения тем временем пытались напоить ёжика молоком. Ёж фыркал, пытался свернуться в клубочек, но мужчины были настойчивы.

Собственно, началось с того, что Данила по привычке хотел заказать «ёжика с грибами на иголках», однако Тихон усомнился в натуральности ингредиентов, и Дмитрий разделил это сомнение. Управляющий ресторана в ответ на сомнение принёс ежа, и уж тогда какая готовка, если он вот такой смешной по столу бегают. Ежа неполиткорректно окрестили Митей и заказали ему блюдо молока.

– Может, с молоком что-то? – вдруг спросил Данила и осторожно поднёс блюдо к лицу. Понюхал, а потом осторожно коснулся языком. – Нет, отличное молочко! Пожалуй, себе тоже блюдо такого закажу.

– Так что Дворянская? – напомнил Дмитрий о теме беседы, прерванной приключением с ежом.

– Дворянская возвращается в ЦБ, но советником. Пост председателя вакантен, исполняющим обязанности пока будет Магоматов.

– А тебе, насколько я знаю, предложили должность зампреда по денежной политике? – осведомился Тихон.

– Ну, – Данила пожал плечами, – есть такие слухи. Но поскольку знаю об этом из уст самого руководителя Администрации президента, переводим слухи в разряд достоверных. Сам-то в АП остаёшься?

– Остаюсь.

– А диалово вы эту историю с Верховным судом разыграли! Просто безупречно!

Дмитрий опустил глаза. Он ведь тогда, во время их предыдущей встречи, уже всё знал. И не рассказал. А Данила это понял. Наверное, ещё тогда. Догадался, что ему раскрыли всего восемьдесят процентов правды. И, наверное, простил. Дмитрий когда-нибудь обязательно его об этом спросит. Им ещё жить и работать вместе, и очень хочется надеяться, что дружить.

– А ты очень профессионально эмиссию тогда сорвал, – осторожно проговорил адвокат. – Понимаем, как ты рисковал...

– Да они глупые все. Никто этих ошибок не заметил бы, пока бы до дела не дошло. И хорошо, что не дошло. А рисковали мы все. Но знаешь, что я тебе, адвокат, скажу? Хватит отсиживаться в стороне и делать всё чужими руками. Пришло твоё время действовать, даже если через боль. Ну-ка давай пои Митю!

* * *

– Есть идеи, Богдан Петрович? – Ходырев развалился в шезлонге, закинув ногу на ногу, и с издевательской улыбкой уставился на бывшего руководителя службы охраны.

– Есть, Игнат Рафаэлевич. Пусть Фролов ещё чаю принесёт.

– Трудно с вами спорить, Богдан Петрович. Фролов, а не организуешь ли нам чайку? С печеньем.

– Сей момент, Игнат Рафаэлевич. Только баланс проверю на счетах. А то, знаете ли, с барскими привычками мало ли...

– Там миллиардов пятьдесят осталось... Ладно, можно без печенья, а то и вправду мало ли. Так что делать-то будем дальше? А то скучно же так.

– Скучно, – согласился Пекарский. – А вам, Игнат Рафаэлевич, наверняка ведь и костюмчик надеть хочется, а то вот так уже три дня в шортах. Кстати, не успел вам сказать, Стенька объявился. На Кубе. Организует движение за объединение Америк в одно государство. Фролов, ты ещё здесь?

– Так точно, господин Пекарский. Не хотелось бы пропустить обсуждение вопроса «Что делать дальше».

– Да понятно, что, – Ходырев посмотрел вдаль, на горизонт. – Пока ничего. Разве что от «Дельты» прятаться, если охоту объявят. А дальше посмотрим, что там Калинин предпримет. Может быть, и ему наша помощь когда сгодится. Хотя, скорее, его оппонентам. У него таковых сейчас объявится предостаточно.

Митрополит Василий вышел в отставку. «И вправду закоснела наша Церковь, надобно новую жизнь в неё вдохнуть, молодую. Мир-то меняется, и Церкви нашей надлежит следовать этим изменениям. В миру живём, куда тут деваться. Но и мир вести за собой мы должны, а то, не ровен час, скажется куда не следует».

И подался он священником в Тимофеевку. Туда, где Стенька произнёс свою первую, принёсшую ему славу, проповедь.

Народ в храме собирался угрюмо, безрадостно, однако пришли все, кто мог. То ли осознали, к чему привело слепое принятие Стенькиных увещаний и призывов, то ли просто на бывшего Митрополита хотелось посмотреть.

Священник Василий провёл службу как следует, без отступлений от канонов. А потом, когда настало время проповеди, он развёл руки в стороны, как бы обнимая свою паству, и улыбнулся в седую бороду.

– Сделать мир лучше – дело благое, – начал он своим глубоким баритоном. Говорил достаточно громко, чтобы могли слышать все, благо голос был мощный, позволял не переходить на крик. – Благое, конечно. И мы, православные христиане, конечно, должны ради этого трудиться. Только, прежде чем в большой мир выходить, давайте у себя дома разберёмся. Вот, например, наш храм имеет голубые стены.

А знаете, что это означает? Не просто так же, какая краска была, такую и использовали. Голубые стены имеют храмы в честь Пресвятой Богородицы...

Он говорил простые вещи – о христианских обрядах, традициях и обычаях, о правильном, по Писанию, поведении. Он говорил долго, и все слушали.

* * *

На истринскую дачу дедушки Кеши они добрались на такси уже за полночь. Коля заранее предупредил Пекиныча, и тот не ложился спать, ждал дорогих гостей. Попытался накормить, но гости отказались, только чаю попили некрепкого, да по несколько ложек облепихового варенья съели.

Алёшу расположили в спальне на первом этаже рядом с комнатой Чалдона.

А Коля поднялся на второй этаж. В ту комнату, которую он на короткое, но очень яркое время считал своей. Потом своей и Милены. Все так же скрипела в коридоре памятная половица. В комнате было всё как раньше, но казалось нежилым. Коля дал команду мыслеобразом, и кресла, расставленные вокруг столика, засуетились, задвигались и за несколько секунд превратились в кровать. Коля вздохнул, прошёлся к окну, сел на краешек упругого матраса.

Он посмотрел на входную дверь и вспомнил, как он плакал здесь, когда прочитал письмо от себя «второго», как за-

заснул в забытьи, и как скрипнула половица и в комнату вошла Милена. «Уже, конечно, за полночь немного, – почти шёпотом проговорила девушка, – но я подумала... Может, согласишься чаю со мной попить? Мы тут с Фёдором Пекиновичем плюшек тебе напекли... Быстренько, как смогли... Хотя, на ночь вредно, конечно... Можно войти?»

Как тогда, Коля сел на кровати и заплакал. Только вот сейчас было тяжело.

Он встал, утирая слёзы, подошёл к холодильнику, открыл. Ну конечно! Бокал пива! Какая неожиданность! Он улыбнулся сквозь слёзы и сделал глоток. На столике он, конечно, обнаружил сигарету и зажигалку. Ну, раз вы так настаиваете... Он накинул куртку, вышел на балкон и закурил.

Он не помнил, когда и как заснул. А когда проснулся, на улице сияло зимнее солнце, его лучи пробивались сквозь затемнённые стёкла комнаты. Было одиннадцать утра.

День пролетел быстро, и он был наполнен грустью. Светлой, но яркой, ослепляющей. Коля с Алешей рассматривали поблекшие фотографии, которые привезли из квартиры Василисы. Старые семейные альбомы. И в какой-то момент, наверное, когда Коля увидел себя маленького на коленях у папы, ему стало совсем невыносимо. Он вспомнил, как тогда ездили на шашлыки... Закрыв альбом, собрал остальные, затолкал все на дальнюю полку. Алеша примолк, только вздыхал.

Втроём, вместе с Василием Юлиановичем, пошли гулять

по лесу. И ноги сами привели Колю на ту поляну, откуда когда-то он принёс Милене цветы. Вспомнил, как бежал тогда под дождём, подгоняемый Петром Аристарховичем. Счастливый! Как прижимал к груди промокшие бутончики. И как Милена стояла под зонтиком у входа в дом.

Да за что же всё это! Почему память так устроена? Да, свойство памяти – хранить хорошее. Плохое и вправду забывается быстрее. Но почему хорошие воспоминания так ранят? Почему грусть называют светлой? И как с этим жить дальше? А боль потом притупится? И главное – хочет ли Коля, чтобы эта боль исчезла?

Но надо жить. А как по-другому?..

Когда вернулись, ещё было светло, Пекиныч суетился с полдником.

– Пекиныч, – крикнул Коля с порога, – ты шашлыки готовить мастер?

– А то ж! – охотно подал голос Пекиныч в ответ из кухни. – А хошь, и тебя научу!

– А вот и хошь! – Коля улыбнулся. – За мясом на базар поедем?

С шашлыками они провозились до ночи, с перерывом на ужин. Съездили на рынок, накупили свинины, телятины, баранины, лука, специй и помидоров для соуса. Потом мясо резали, и Пекиныч показывал, как правильно, потом мариновали. Собственно, делали всё в основном Коля и Алёша,

а Пекиныч командовал (дорвался в кои-то веки), размахивая огромным кухонным ножом. Намариновали килограммов десять, никак не меньше.

– Иннокентий Аристархович с гостями могут заявиться, – сообщил повар. – Так-то у меня всё есть, но нехорошо было бы уважаемых людей без особого угощения оставить.

Коля представил дюжину учёных-очкариков, поедающих мясо, на которое он вместе с Алёшей потратил почти полдня и полночи, и ему стало жалко шашлыков. Ну, будем надеяться, люди стоящие. Или малоедящие. А лучше вегитарианцы.

Спасть легли опять поздно, но проснулся Коля в половине седьмого. По-быстрому в душ, и на первый этаж. Растолкал спящего правнука.

– Подъём, курсант, – проговорил он ласково. – Через двадцать минут – на зарядку. Пойду разузнаю, как у них тут теперь со спортивным помещением.

Помещение он обнаружил по вполне характерным звукам – Чалдон колотил по груше. Он заметил вошедшего Колю, но не остановился, продолжил наносить по висящему кожаному мешку мощные и точные удары, перемежая их с защитными действиями и постоянно меняя дистанцию.

Коля встал у двери и коротко произнёс:

– Чалдон Бризу.

– На связи, – отозвался старый вояка и тут же провёл серию из четырёх молниеносных ударов по снаряду.

– Василий Юлианович, потренируете нас?

Чалдон едва заметно улыбнулся и молча, кивком головы, указал, мол, заходите.

Мангал вытащили на улицу к двум пополудни. А здоровенный мангал-то! Чугунный, что ли? Где только Пекиныч его прятал! Интересно, что у него ещё в запасе есть?

– Гости придут к четырём, – сообщил повар, – а потому, молодые люди, нарубите-ка дров, да давайте уже огонь разводить. Дров-то много понадобится, небось, в три аль четыре приёма жарить будем.

Дров нарубили за полчаса, разожгли огонь в огромном мангале. На улице щипал морозец, но у мангала было даже жарко, и они стояли рядом, сняв перчатки и поднося руки к огню, иногда одёргивая, когда жгло. Молчали.

Тишину нарушил вой рассекаемого воздуха – надо льдом Истринского водохранилища, раскинув огромные чёрные крылья, плавно скользил «Грифон». Истребитель мягко приземлился и, прокатившись несколько десятков метров по снегу, замер. Раскрылись створки люка, и на снег легко спрыгнул Кельт, а за ним Сканер. Потом в проёме люка появилась седая шевелюра и такая же седая бородёнка дедушки Кеши, и офицеры помогли ему спуститься. Следом появился, и все присутствующие, даже Алёша, вытянулись в струнку, исполняющий обязанности Президента Российской Федерации Матвей Юрьевич Калинин. Вот оно что... Ну, для этих-то шашлыков не жалко, так бы сразу и сказали.

А потом Кельт поднял руку, помогая выйти следующему гостю, и навстречу ему протянулась маленькая ладошка, зажатая в чёрную кожаную перчатку. А потом... потом был изящный взмах каре, и у Коли помутнело в глазах.

Милена спрыгнула на снег и поёжилась, кутаясь в длинную белую шубку. Чихнула.

– Простите, резкая смена климата, – и она улыбнулась, радуясь собственной шутке.

Все стояли и переводили взгляды с Милены на Колю и обратно. А они замерли и смотрели только друг на друга. А потом бросились друг к другу! Коля обнял Милену, поцеловал в губы, в шею, и прижал к себе так, как будто хотел сказать: «Я тебя больше никогда не отпущу!»

– Коля... – тихонько простонала девушка, – ты же меня так задушишь!

– Ничего, – Коля улыбнулся, – мне дедушка Кеша ещё делает.

Милена отстранилась и посмотрела на Колю строго и внимательно.

– Коля, – сказала она серьёзно, осторожно проведя пальцем по его щеке, – ты что? Два дня не брился?

И, наконец, напряжение отпустило, и рассмеялись все. А Коля стоял, сияющий, и уже не мог вымолвить ни слова. И опять обнял Милену и прижал к себе.

– Я тебя люблю, – прошептал он ей на ухо, – и всегда буду любить. Как же я по тебе скучал!

– Даже не знаю, как реагировать. Я-то с тобой виделась полдня назад, – она усмехнулась, а потом тихо добавила: – И я тебя люблю.

Наконец, он выпустил её из объятий, но руку её крепко держал в своей.

– Коля, а это кто? – она ласково посмотрела на Алёшу. – Твой?

– Мой, – гордо ответил Коля.

– И когда успел... Мне-то сказали, и трёх лет не прошло...

– Так это правнук, – растерянно ответил Коля. – Так-то я ни-ни! И вообще я на Уране был, а там невесомость, а в невесомости ничего такого...

– Ой, да уж мне-то не надо заливать, что в невесомости такого и не такого, ладно? Знаю я вас, мужчин!

А потом они все вместе жарили шашлыки, мешая друг другу и путаясь, кто что должен делать. Что-то немного пережарили, что-то приходилось второй раз отправлять на мангал. А потом все вместе с первой партией шашлыков отправились в гостиную, у мангала остались только Коля и дедушка Кеша.

Коля аккуратно установил на мангале шампуры с заранее насаженными на них кусками мяса.

– Ну и запах! В животе аж бурлит! Эти-то пошли в дом лопать, а мы тут с тобой, дедушка Кеша, как самые ответственные.

На пороге появилась Милена с кастрюлькой в руках, осто-

рожно приблизилась к мужчинам.

– Мы же всё забрали, – виновато проговорила она, – а я вот вам вынесла по паре кусочков. Вы ведь тоже проголодались? Я вам тут оставлю и пойду, а то холодно, – она ещё раз виновато улыбнулась, чмокнула Колю в щёку и убежала.

Дедушка Кеша достал вилок из кастрюльки кусок шашлыка, протянул Коле, себе другой вилок достал такой же.

– Ну, за вечные ценности! – произнёс Коля тост, и они, как будто бокалами, чокнулись кусками мяса.

Потом молча жевали, потом съели ещё по куску.

– Ну что, дедушка Кеша, – Коля говорил с набитым ртом, так-то он уже отвык, а вот здесь по-другому не хотелось, – переосмысливается мировоззрение?

– Должен тебе кое-что рассказать, – вдруг серьёзно проговорил дедушка Кеша и повернулся к мангалу, умело поправляя шампуры. – Изначально я эту выходку даже в мыслях не допускал. Всё-таки, клон в чистом виде. Поэтому я попросил Митю вынести вопрос на обсуждение Этического комитета Лиги Наций.

Коля присвистнул.

– Вот это вы, мужики, масштабно вопросы решаете!

– Этический комитет Лиги Наций не дал согласие на клонирование.

У Коли внутри мгновенно всё похолодело. Он вспомнил разговор с дедушкой Кешей несколько недель назад о том, что такое незаконный клон, и ужаснулся. И что...

– Да не ссы ты! – дедушка Кеша зловеще усмехнулся. – Вопрос пока подвесили. Неизвестно на сколько. Пока разрешили изготовить один клон, но находиться он должен здесь, на этой даче, или в НИИ. И ни шагу за периметр.

Клон. Изготовить. Коля поёжился и с опаской прислушался к себе. И отлегло. Да какой к чёрту клон! Он посмотрел в окно ярко освещённой гостиной, где Милена нагнулась и привстала на цыпочки, стараясь до чего-то дотянуться на обильно накрытом столе. Вот же она! Его любимая девушка. Настоящая! С телом и душой. С той же лучистой улыбкой и тем же чувством юмора. И их любовь тоже самая настоящая.

– Она знает? – тихо спросил Коля.

– Да, – дедушка Кеша кивнул. – Сразу тебе не стала говорить, не хотела портить праздник.

Они помолчали, покручивая шампуры на мангале.

– Очень сложно жизнь устроена, – наконец, сформулировал мысль Коля.

– А, по-моему, – послышался сзади нежный голосок, и они оба вздрогнули от неожиданности, – это обостряет ощущения. Проверим сегодня, – и Милена озорно подмигнула Коле.

Она взяла его под руку и прижалась щекой к Колиному плечу.

– Всё будет хорошо, – произнёс он спокойно и уверенно. – Прорвёмся. Доработаем маневровыми.

Как невозможное становится простым

Как жизнь то набирает, а то сбрасывает скорость,
И как осуществляются мечты
И как печалью душу сковывает холод.

Как лучше ошибиться, чем стоять
И наблюдать, как жизнь проходит мимо
И как на волю судеб не роптать,
Как крест нести. Как пережить лавину.

Как жизнь прожить, чтоб не было потом
Сомнений, недосказанности, боли,
Что выбрал не тот путь, мимо ль прошёл
И то невспаханым оставил поле

Об этом ты узнаешь в тот же миг
Когда поверишь, что мир бесконечен
В нём место для тебя, и он открыт
Так сделай шаг к нему. Он ждёт. До встречи!

Москва
2017